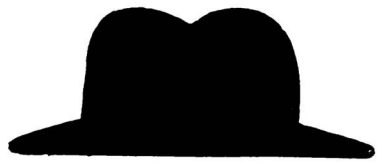

Скотт Андерсон
и
Ион Ли Андерсон

ТАЙНЫ «ЧЕРНОЙ ЛИГИ»

ПОЛИТИЗДАТ

**УБИЙСТВО
НА УЛИЦЕ АТОКА**

**ОНИ СОТРУДНИЧАЛИ
С НАЦИСТАМИ**

ТЕНИ ПРОШЛОГО

ДИКТАТОРЫ ЗА РАБОТОЙ

**ЯПОНСКИЕ ГАНГСТЕРЫ
С АМПУТИРОВАННЫМИ
МИЗИНЦАМИ**

МЕКСИКАНСКИЕ „ТЕКОС“

В БОЛОТЕ ФАНАТИЗМА

**ЛИДЕР АМЕРИКАНСКОГО
ОТДЕЛЕНИЯ ЛИГИ**

С ГЛОБАЛЬНЫМ РАЗМАХОМ

**ЗА КУЛИСАМИ
„ЦЕРКВИ ЕДИНЕНИЯ“**

**„НЕТРАДИЦИОННЫЙ МЕТОД
ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ“**

ЛЮБЫМИ СРЕДСТВАМИ

УЛЬТРАПРАВЫЕ

**ГВАТЕМАЛЬСКИЙ
„КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ“**

„ЭСКАДРОНЫ СМЕРТИ“

„КОНТРАС“

ТЕМНАЯ ИСТОРИЯ

В НОВОЙ РОЛИ

ХАМЕЛЕОН

ТАЙНЫ

Скотт Андерсон
Йон Ли Андерсон

«ЧЕРНОЙ ЛИГИ»

838

Москва
Издательство
политической
литературы
1990

ББК 66.4 (08)

A65

*Anderson Scott
Anderson Yon Lee*

Inside the League
Dodd, Mead and Company, New York, 1986

Андерсон С., Андерсон Й. Л.

A65 Тайны „черной лиги“: Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1990. — 272 с.: ил.

ISBN 5—250—01068—7

Американские авторы братья Андерсон в своей книге „Тайны „черной лиги““ рассказывают о преступной деятельности одной из наиболее реакционных организаций наших дней — Всемирной антикоммунистической лиги (ВАКЛ).

Авторы прослеживают историю создания лиги, деятельность ее отделений, которые находятся в различных регионах мира. На документальном материале раскрывается характер этой организации, объединяющей бывших нацистов, неонацистов, сомовцев, представителей латиноамериканских „эскадронов смерти“, преступные действия которых унесли жизни многих тысяч людей.

Книга рассчитана на широкие круги читателей.

A 0805000000—091 КБ—32—11—89
079 (02)—90

ББК 66.4 (08)

- © Anderson Scott,
Anderson Yon Lee, 1986
© Перевод на русский язык
и предисловие
В. Звонова, 1990

ISBN 5—250—01068—7

ПРЕДИСЛОВИЕ

В марте 1958 года в Мехико заседал подготовительный комитет по созданию одной из наиболее реакционных организаций наших дней — Всемирной антикоммунистической лиги (ВАКЛ). Среди делегатов из 12 стран фигурировали и представители Антибольшевистского блока народов, этого детища „холодной войны“, что красноречиво говорит о его характере. Создание ВАКЛ, однако, было официально провозглашено восемь лет спустя в Сеуле. Ее основу составила Антикоммунистическая лига азиатских народов, образованная при непосредственном участии Чан Кайши в 1954 году.

Во главе ВАКЛ поставили Ку Ченкана, одного из руководителей партии Гоминьдан, правившей на Тайване. Год спустя здесь состоялась первая конференция ВАКЛ. В ней участвовали делегаты от 12 международных организаций и национальных объединений 64 стран. Под флагом „борьбы за полное устранение всех форм коммунизма“ они провозгласили своей целью объединение всех крайне правых, фашистских элементов против всех прогрессивных, демократических сил, и в первую очередь против национально-освободительного движения. В состав руководства вошли представители террористических организаций, профашистских тоталитарных режимов, прихвостни Гитлера. К клике примкнули хорватские усташа, румынские легионеры, украинские националисты, итальянские неофашисты, японские фанатики. Позднее в лигу вошли ультраправые элементы латиноамериканских государств (представители „контрас“, „эскадронов смерти“ и др.), бывшие и нынешние диктаторы — Пиночет, Сомоса, Стресснер, а также реакционные элементы из Юго-Восточной Азии, члены организаций, воюющих против прогрессивных режимов в Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Афганистане. Здесь же представлены крайне консервативные круги американской буржуазии. Участвуют в лиге и заправилы торговли наркотиками. ВАКЛ имеет свои отделения почти в ста странах мира. В США, например, это Американский совет за всемирную свободу со штаб-квартирой в г. Фениксе. Возглавляет совет отставной генерал, бывший сотрудник ЦРУ Джон Синглауб, получивший одиозную популярность во время агрессии США во Вьетнаме своим соучастием в преступлениях и карательных операциях

против мирного населения*. Из печатных органов ВАКЛ наиболее известны журнал „Эйшн аутлук“ и бюллетень „Виктория“. С молодежью ВАКЛ работает через свой филиал — Всемирную молодежную антикоммунистическую лигу.

ВАКЛ выступает как „частная и независимая“ организация. Но фактически она тесно связана с ЦРУ США и другими спецслужбами западных государств. В 80-е годы, к примеру, по заданию директора ЦРУ Кейси активисты ВАКЛ Синглауб, Андерхолт, Мун обеспечивали никарагуанских „контрас“ деньгами, вооружением, всеми видами материально-технического снабжения.

Ежегодные конференции ВАКЛ подтверждают стабильность ее крайне реакционной ориентации. В 1974 году на конференции ВАКЛ присутствовали лидеры французской организации ОАС, выступавшей против отделения Алжира от Франции, неоднократно пытавшейся совершить убийство президента Франции Шарля де Голля. В 1975 году президентом ВАКЛ на годичный срок был избран руководитель южноамериканского отделения ВАКЛ бразилец Карлос Барбьери Фильо, поддерживавший непосредственную связь с бразильскими и аргентинскими „эскадронами смерти“. ВАКЛ резко выступала против прекращения бомбардировок Северного Вьетнама Соединенными Штатами, против переговоров с Ханоем, требовала ликвидации ООН, ополчилась против КНР. В число руководителей лиги входили создатели гватемальских и сальвадорских „эскадронов смерти“ — Марио Сандоваль Аларкон, Роберто Д'Обюссон. В 70-х годах лига ратовала за достижение военного превосходства над СССР, укрепление западных военных блоков.

ВАКЛ концентрировала усилия на установлении связей между правыми группировками в Европе и других регионах. В 1979 году в г. Асунсьоне на сессии исполнительного совета ВАКЛ была разработана схема связей с крайне правыми террористическими организациями Западной Европы. Террор занимает важное место в деятельности лиги.

„Всемирная антикоммунистическая лига, — свидетельствует бывший руководитель отделения ВАКЛ в Англии Стюарт Смит, — это расистская организация“.

В книге „Тайны „черной лиги““ показано, что ВАКЛ не просто заимствовала у нацистов тактику и концепции. Многие из тех, кто создавал и укреплял лигу, лично служили у гитлеровцев, их руки запятнаны кровью невинных жертв. В исполнительном совете ВАКЛ, например, долгое время заседал нацистский приспешник, главарь ОУН и руководитель Анти-

* Синглауб стал президентом ВАКЛ в 1984 году. В своих выступлениях он неизменно подчеркивал, что „контрас“ и подобные им террористы всегда будут получать поддержку со стороны лиги.

большевистского блока народов Ярослав Стецько, ответственный за гибель во время второй мировой войны многих тысяч советских граждан. Здесь же подвизался матерый фашистский преступник Эберхард Тауберг, возглавлявший в годы войны в нацистском рейхе „отдел оккупированных восточных территорий“. Начиная с 1966 года до конца 70-х годов на конференциях ВАКЛ присутствовал Дмитрий Космович — как глава делегации „Движения за освобождение Белоруссии“. Во время Великой Отечественной войны Космович был начальником полиции в оккупированном нацистами Смоленске, участвовал в карательных операциях, расстрелах мирного населения и партизан.

ВАКЛ — богатая организация, ее щедро финансируют „толстые кошельки“. Так, деньги на проведение конференции лиги в 1970 году в Токио предоставил японский промышленный магнат Рёити Сасакава, осужденный после второй мировой войны как военный преступник. Бывший парагвайский диктатор Стресснер, один из крупнейших финансовых „доноров“ ВАКЛ, был избран ее почетным пожизненным президентом. В казну лиги текут наркодоллары. Лидер парагвайской оппозиции Доминго Лаино заявлял: „Еще в 50-х годах режим Стресснера установил связи с американской мафией и наладил доставку наркотиков в США“. По словам Лаино, многие деятели парагвайского наркобизнеса путешествуют по свету с официальными документами ВАКЛ под видом ее эмиссаров. В западной печати публиковались сообщения, что аналогичные операции проводила лига и в Пакистане, оттуда героин переправляли в Западную Европу и в США.

ВАКЛ особенно активна в странах Латинской Америки. Центром ее деятельности в этом регионе еще в 70-е годы был избран Парагвай. Используя Парагвай в качестве своей базы, хорватские националисты предприняли в 70-х годах серию покушений на югославских дипломатов в Западной Европе и в США. Два хорватских террориста — Миро Барезич и Иван Вуйцевич, прикрываясь парагвайскими паспортами, выступали в качестве телохранителей посла Парагвая в США. В 1971 году Барезич совместно с другими хорватскими террористами убил посла СФРЮ в Швеции. Их пригрел в то время диктатор Стресснер, они получили убежище в Парагвае. По сообщениям latinoамериканской прессы, хорватские усташы получили от ВАКЛ около 3,5 миллиона долларов.

Пристанище в ВАКЛ нашли многие террористические организации. В их числе — антикубинская „Альфа-66“ со штаб-квартирой в Майами. В 1977 году она стала „официальным представителем Кубы“ в ВАКЛ. В числе преступлений „Альфа-66“ — попытки убийства Ф. Кастро, взрыв кубинского самолета у берегов Барбадоса (погибло 73 человека). „Альфа-66“

тесно связана с чилийской хунтой Пиночета, получает от нее финансовую помощь.

Террористы из организаций, входящих в ВАКЛ, орудуют и на территории Соединенных Штатов. Они рассылают письма с угрозами проживающим в штате Калифорния политическим беженцам из центральноамериканских стран, членам Организации солидарности с народами Центральной Америки, ведут телефонный террор. Угрозы убийств распространяются от имени организации „Белая рука“. Известный американский публицист Боб Вудвард в своей книге „Пелена“ описал посещение Синглаубом директора ЦРУ Кейси и их беседу относительно изыскания денег для никарагуанских контрреволюционеров*. После того как над территорией Никарагуа был сбит американский самолет с партией оружия для „контрас“ на борту, оставшийся в живых член экипажа американец Юджин Хазенфус показал, что выполнялось задание ЦРУ. Самолет принадлежал организации, во главе которой стоял все тот же Синглауб.

На состоявшейся в Сан-Диего (Калифорния) конференции ВАКЛ Никарагуа была, по существу, объявлена война. Показательно, что специальный семинар по Никарагуа вел на этой конференции бывший руководящий сотрудник ЦРУ Рей Клайн. Активисты ВАКЛ, особенно из среды бывших американских военных, посредничали между организаторами „никарагуанской операции“ (директор ЦРУ Кейси, сотрудник Совета национальной безопасности подполковник Оливер Норт, помощник госсекретаря по межамериканским делам Эллиот Абрамс) и ее непосредственными исполнителями. Деньги на приобретение оружия для „контрас“ американские организаторы этой операции получали от продажи вооружений Ирану. Когда указанные сверхсекретные махинации всплыли наружу, разразился скандал, получивший название Ирангейт.

Немалое значение для активизации подрывной деятельности ВАКЛ имела ее 17-я конференция, проходившая в 1984 году в Сан-Диего под руководством Синглауба. Треть присутствовавших составляли члены парламентов, конгрессмены, сенаторы, крупные военные чины.

На 19-й конференции лиги говорилось ни больше ни меньше как о „светлом будущем“ кровавого режима Пиночета.

После конференции 1985 года в Далласе (США) заправила ВАКЛ решили попытаться счастья в Западной Европе и провести свой очередной слет в Люксембурге. Шестнадцать общественных организаций Люксембурга, среди которых были коммунисты, социалисты, „зеленые“, представители движения сторонников мира, провели демонстрации протеста против этого фашистского сборища. С трибуны люксембургского

* Для „контрас“ ВАКЛ передала более 10 миллионов долларов.

слета черносотенной лиги раздавались призывы вести борьбу не только против коммунистов, но и против участников антивоенных движений, пацифистов, „зеленых“. На конференции с поджигательской речью выступил бывший генеральный секретарь НАТО Лунс.

В 1987 году Всемирная антикоммунистическая лига решила перенести свою латиноамериканскую штаб-квартиру из Парагвая в Коста-Рику, чтобы быть по соседству с Никарагуа. Костариканец стал и новым региональным лидером ВАКЛ. Это главарь местной ультрареакционной военизированной группировки Бернал Урбина Пинто.

В 1988 году 21-я конференция ВАКЛ была проведена в Швейцарии. На повестке дня стояло расширение помощи контрреволюционным силам в Афганистане, Анголе, Кампучии и Никарагуа. Лига оказывает им финансовую поддержку, содействует осуществлению дезинформационных и пропагандистских акций, оснащает типографским и радиовещательным оборудованием, организует поставки оружия.

Председательствовавшая на конференции и избранная новым президентом ВАКЛ Женевьева Орби (Швейцария) сообщила о разработке более совершенной, более коварной стратегии борьбы с прогрессивными силами.

Среди почетных гостей конференции были Синглауб, бывший французский министр П. Мало, американские конгрессмены Р. Арми и Дж. Уортли, бельгийский генерал Р. Клоз, руководитель неонацистской группировки Т. Торели, бывший глава сайгонского режима Тхиеу. Были приглашены Ле Пен, Пиночет, Стресснер.

С требованием запретить позорящее репутацию Женевы сборище выступили 30 швейцарских политических, профсоюзных и общественных организаций. Состоялись массовые демонстрации и митинги протеста. Их участники клеймили позором участников конференции ВАКЛ, ее руководство, представителей никарагуанских „контрас“ и ангольских контрреволюционеров. Сборище квалифицировали как „позор демократии“. Здание гостиницы „Пента“, где разместились делегаты ВАКЛ, забросали камнями. Семь швейцарских организаций возбудили судебные иски против участвовавших в конференции Синглауба и главаря „контрас“ А. Калеро — в связи с убийством в 1968 году швейцарских граждан в Никарагуа.

После неудач с конференциями в Люксембурге и Швейцарии Всемирная антикоммунистическая лига собирается внести изменения в тактику действий и в организационную структуру. Стратегически же цели лиги не изменятся. Может быть, будет изменено даже название лиги. В последнее время в западной прессе проскальзывали сообщения о том, что ВАКЛ намеревается переименовать себя в Международную лигу свободы.

Как и ранее, лига, очевидно, останется важным внешнеполитическим инструментом диктаторских режимов Латинской Америки и других по подавлению прогрессивных движений в мире. Она, видимо, продолжит финансирование вооруженных правых формирований, будет по-прежнему практиковать использование „нетрадиционных методов ведения войны“, оставляя повсюду кровавый след.

Как считает известный американский публицист Чарльз Аллен, ВАКЛ остается исключительно опасной фашистской организацией, широко практикующей террор и торговлю наркотиками.

„Всемирная антикоммунистическая лига — это шайка закоренелых фашистов, неонацистов, милитаристов, жестоких террористов, закладывающих бомбы в гражданские самолеты, убийц из „эскадронов смерти“, преступников всех мастей, которые в равной степени ненавидят как демократию, так и коммунизм. Разоблачив это, вы подвергли себя большой опасности“ — это строки письма братьям Андерсон от одного из участников лиги, порвавшего с ней.

Отдавая должное личному мужеству авторов, нужно отметить, что появление их книги на свет обусловлено и объективными факторами. В их числе свежие перемены в политической мысли современной Америки. Книга не следует традиционному для некоторых авторов негативному отношению к коммунизму и Советской стране. Она игнорирует антисоветские стереотипы и „образ врага“, которые десятилетиями создавала антикоммунистическая пропаганда. В объективном и смелом повествовании средоточием и рассадником зла предстает отнюдь не Советская страна, а ВАКЛ, поддерживающие ее силы реакции. И в этом разрыве с обветшалыми политическими догмами, в отказе от предрассудков и недоверия, в трезвых оценках последствий оголтелой „тотальной войны с коммунизмом“ для демократии и прогресса с очевидностью проявляется понимание и принятие молодыми американскими авторами новых политических подходов, которые предлагает сегодня Москва для Америки и всего мира. Вместе с тем следует учитывать и то обстоятельство, что книга была издана в США несколько лет назад и за это время в позиции некоторых примыкавших к ВАКЛ деятелей под влиянием проводимой СССР политики нового мышления произошли подвижки в понимании необходимости диалога по проблемам, от которых зависит будущее человечества, о необходимости предотвращения ядерной угрозы, спасения окружающей среды.

Эта книга, написанная американскими авторами и посвященная разоблачению зловещей деятельности ВАКЛ, впервые появляется на советском книжном рынке и будет, думается, с интересом встречена читателями.

В. Звонов

ВВЕДЕНИЕ

Через два дня после того, как один из авторов этой книги взял интервью у Лобо, ночью постучали в дверь его номера 604 в гостинице „Истмания“. Услышав стук в дверь, он сунул под стопку газет свою записную книжку, в которой было записано содержание интервью. Открыв дверь, хозяин номера увидел стоящих перед ним трех молодых людей в кожаных куртках. Прикрытые полой курток пистолеты были нацелены в его живот.

— Добрый вечер, — сказал один из пришедших, показывая на мгновение полицейский жетон и проходя в номер, — я из Интерпола. У меня приказ проверить статус иностранцев, находящихся в Гондурасе.

Два полицейских остались охранять дверь.

— Как поживает ваша жена? — спросил вошедший.

— Хорошо.

— Она не больна?

— Нет.

Офицер гондурасской полиции выпрямился и, ухмыльнувшись, спросил:

— Вы уверены?

Затем пересек комнату, подошел к столу и, покопавшись в бумагах, вытащил записную книжку. По непонятным причинам он не раскрыл ее.

— Вы собираетесь уехать из Гондураса завтра? — спросил он небрежно. — Вы писали до глубокой ночи, не так ли? Возможно, это не лучшее занятие...

Когда полицейские ушли, автор достал запись интервью с Лобо. Заказав по телефону разговор с Вашингтоном, он продиктовал его на магнитофон, затем разорвал заметки на мелкие части и спустил в унитаз. Наутро в гондурасской столице не было никаких следов интервью с Лобо, как будто оно вообще не проводилось.

Через несколько дней начальник отдела, занимающегося расследованием уголовных преступлений Национального следственного департамента, лейтенант Янес признал, что он направлял своих агентов в номер 604. „Я увидел свет и услышал шум. Если бы я знал, что это вы, я бы не беспокоился“, — заявил он.

Через неделю автор узнал, что из отеля „Истмания“ исчез один из его жильцов. На следующий день тело профессора Диаса дель Валле, с изрешеченной пулями головой, было найдено в багажнике его же автомашины.

Поездка одного из авторов в Тегусигальпу, столицу центральноамериканского государства Гондурас, состоялась в марте 1983 года. В это время администрация Рейгана начала предоставлять Гондурасу широкую военную и экономическую помощь. Гондурас преподносился как бастион демократии и стабильности в противоположность „кровавому хаосу“, якобы царившему в других странах региона. В качестве предложения для ассигнования денег и поставок материалов, совместных военных учений на территории Гондураса, наличия многочисленных военных советников, наводнивших Тегусигальпу и занявших все лучшие номера в гостиницах, говорилось о необходимости создания в Гондурасе „мирной и спокойной обстановки“. При этом администрация США ссылалась на положение в трех соседних государствах: на действия левого, сандинистского правительства в Никарагуа, опустошительную гражданскую войну в Сальвадоре, активное партизанское движение в Гватемале.

А в Гондурасе происходили события несколько другого характера. Так же как в Гватемале и Сальвадоре, там исчезали люди. Ходили слухи, что с санкции правительства в Гондурасе созданы „эскадроны смерти“. Сообщений на эту тему было очень мало, и все они опровергались правительствами как Гондураса, так и США.

„Так называемые „исчезнувшие“, — заявил однажды генерал Густаво Альварес Мартинес, начальник штаба гондурасской армии, — возможно, находятся на Кубе или в Никарагуа, где обучаются тому, как с помощью террора можно было бы погубить наше отечество“.

Автор книги поехал в Тегусигальпу, чтобы выяснить действительное положение вещей. Агент политического отдела Национального следственного департамента Хорхе признал существование в Гондурасе „эскадронов смерти“ и обещал организовать встречу с одним из их руководителей.

— На это потребуется время, — предупредил Хорхе. — Я должен заверить его, что с вами можно откровенно говорить. Кроме того, мы должны подобрать безопасное место встречи.

В течение последующих недель казалось, что организация встречи зашла в тупик. Хорхе не удавалось установить местонахождение руководителя „эскадрона смерти“. А затем сам руководитель отнесся к этой идее с большим подозрением. Далее возникли вопросы конфиденциальности, а также выбора времени и места встречи. Все это породило поток таинст-

венных записок, оставляемых у дежурного администратора гостиницы, где проживал автор, и обещаний в скором времени добиться положительных результатов.

В один из вечеров автор книги договорился о встрече с Хорхе в кафе гостиницы „Истмания“. Хорхе пришел в сопровождении блондина — худощавого гондурасского врача лет тридцати, одетого в белый больничный костюм. Врач сел напротив автора и нервно, натянуто улыбнулся. Это был Лобо — днем врач Национального госпиталя в Тегусигальпе, а ночью — член антикоммунистической боевой армии.

Он начал разговор с упоминания о том, что впервые „эскадроны смерти“ были сформированы в Гондурасе в 1979 году. „Нас тогда было 85 человек. В основном это были аспиранты и студенты старших курсов национального университета, изучавшие право, фармакологию, психологию, машиностроение и медицину. Мы хотели осуществлять такие акции, проводить которые полицией было официально запрещено“.

С момента своего создания антикоммунистическая боевая армия выросла до 300—400 человек. Ее члены срывали собрания левых студенческих организаций, посылали анонимные предупреждения оппозиционным политическим противникам, прибегали к убийствам.

„Прежде всего мы проводили расследование, осуществляли наблюдение за подозреваемым лицом. Затем мы или похищали его, или посылали ему анонимное предупреждение. Если подозреваемый прислушивался к нашему предупреждению, — продолжал Лобо, — мы оставляли его в покое. Если он не исправлялся, мы прошивали его из автомата. На сегодняшний день мы уже ликвидировали 16 человек, в основном профсоюзных деятелей и университетских профессоров: все они были убежденные марксисты“.

Это было впервые, когда член подобной организации признал существование в Гондурасе „эскадронов смерти“.

Забыв несколько об осторожности, Лобо стал хвастаться международными связями антикоммунистической боевой армии. Он начал с общих рассуждений о „талантах“ и „делах“ „эскадронов смерти“ других центральноамериканских государств.

„Гватемальские очень эффективны, — заявил Лобо. — Это секретная антикоммунистическая армия. В Сальвадоре — бригады Максимилиано Эрнандеса Мартинеса (названные в честь сальвадорского диктатора 30-х годов), который знал, что делать, — убивал каждого пойманного коммуниста“.

„Что вы скажете о „Мано бланко“ („Белая рука“), — спросил автор, имея в виду подпись „Мано бланко“, знак причастности к преступлению „эскадронов смерти“, который постоянно появлялся на стенах зданий в странах Центральной Америки.

Лобо улыбнулся. „Мы все — „Мано бланко“. Мы работаем вместе. Мы поддерживаем контакты с родственными группами в других странах — Гватемале, Сальвадоре. Я присутствовал на представительной конференции в Аргентине. Там были все“.

„Что вы имеете в виду, говоря „все“?“

„Руководители всех групп из Центральной, Южной Америки, Мексики. Все“.

Затем Лобо обещал организовать посещение тайного кладбища антикоммунистической боевой армии. „Мы организуем такое посещение, только я должен оговорить это с другими членами“.

Было трудно поверить в правдивость того, что рассказал Лобо. Оказалось, что антикоммунистическая боевая армия Гондураса поддерживает связь не только с армией страны и силами безопасности (об этом свидетельствовала та посредническая роль — визит к автору в гостиницу, которую выполняли агенты полиции), не только с определенной группой политических деятелей, используя это для своей защиты и прикрытия, но и с „эскадронами смерти“ других стран континента. Во время разговора неоднократно упоминалось название вышестоящей организации. „Наше движение координируется из Мексики. Именно там находится КАЛ“.

Как оказалось, КАЛ является сокращением от названия „Латиноамериканская антикоммунистическая конфедерация“. Сотрудник разведывательной службы Мексики подтвердил существование этой организации. Он охарактеризовал ее как неонацистскую группу, образовавшуюся после второй мировой войны.

„Эта антикоммунистическая конфедерация называется также „белая рука“, „белая сила“, „белая бригада“, — объяснил сотрудник разведывательной службы. — Из названия следует, что конфедерацию поддерживают влиятельные люди, которые уничтожают все следы, связанные с совершенным убийством“. Латиноамериканская антикоммунистическая конфедерация объединяет антикоммунистические движения в странах Центральной и Южной Америки. Мексиканская группа всегда сохраняла за собой контроль над ее деятельностью.

Затем мы рассмотрели состав мексиканского отделения конфедерации и ее внешние связи.

Оказалось, что мексиканское отделение конфедерации носит название Мексиканская антикоммунистическая федерация. Базой и местом жительства ее лидеров является город Гвадалахара, а точнее „самоуправляющийся университет“ Гвадалахары. Университет контролируется тайным обществом „текос“ („совы“), в которое входят антикоммунисты и убежденные антисемиты. Они подчинили себе значительную

часть студентов и преподавательского состава, которых вынуждают давать клятву на верность. В университете они имеют свою собственную шпионскую сеть. Преподавателем университета был профессор Раймондо Герреро, который являлся также главой Мексиканской антикоммунистической федерации и председателем Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации.

Теперь мы имели определенные доказательства того, что деятельность некоторых „эскадронов смерти“ стран Латинской Америки координируется центральным органом — Латиноамериканской антикоммунистической конфедерацией. Но это оказалось только началом. Конфедерация, в свою очередь, входит в состав более крупной международной организации — Всемирной антикоммунистической лиги (ВАКЛ).

Всемирная антикоммунистическая лига была создана в 1966 году в Южной Корее. Свою первую конференцию она провела в 1967 году. Ее цели довольно амбициозны.

Чего стремится добиться ВАКЛ?

„Во-первых, используя все средства массовой информации и личные контакты, доводить до всех мысль о необходимости сокрушить подрывную деятельность коммунистов.

Во-вторых, оказывать помощь освободительным движениям поработенных народов, оказавшихся под коммунистическим господством.

В-третьих, развивать и совершенствовать методы ведения политической и психологической войны для разоблачения коммунизма и противодействовать ему.

В-четвертых, содействовать обмену между свобододолюбивыми народами достижениями в области культуры и информационными материалами, с тем чтобы нейтрализовать коммунистическую стратегию и тактику.

В-пятых, показать антикоммунистическим лидерам методы построения более лучшего свободного мира и преодоления коммунистической угрозы“.

В числе главных организаторов лиги были правительства Тайваня и Южной Кореи, и тогда она называлась Антибольшевистским блоком народов (АБН). С тех пор организация выросла, в ее состав входят отделения, находящиеся более чем в 90 странах пяти континентов. Даже беглого взгляда на состав организации достаточно, чтобы выявить вызывающие тревогу факторы. Наряду с американскими конгрессменами и сенаторами, католическими архиепископами, членами британского парламента в лигу входят также нацистские пособники, разыскиваемые полицией европейские террористы, известные руководители „эскадронов смерти“ из стран Центральной Америки.

Для сбора необходимых материалов и с целью раскрытия международных связей этой организации один из авторов

книги посетил страны Центральной и Южной Америки. Другой пытался разыскать в США и Европе тех, кто оказывает ВАКЛ финансовую и другую помощь. В ходе своей работы авторы взяли интервью у фашистских лидеров, у охваченных страхом эмигрантов, у правительственных чиновников и бывших президентов. В результате двухлетних расследований родилась книга „Тайны „черной лиги““.

Авторы встречались с людьми, которые в процессе сотрудничества с нацистами во время второй мировой войны убивали своих сограждан и затем, избежав наказания, продолжали свою деятельность в Соединенных Штатах. Им удалось выяснить, как делятся между собой информацией, оружием и средствами, необходимыми для совершения убийств, террористы из стран Европы и Латинской Америки, как, скажем, аргентинские „эскадроны смерти“ инструктируют подобные же группы в Сальвадоре относительно наиболее эффективных методов ликвидации своих противников. И что наиболее важно, они раскрыли международное братство старых и новых приверженцев использования „нетрадиционных методов ведения войны“.

Как указал один из членов лиги, активно выступающий за использование этих методов в дополнение к террору, подрывным акциям и повстанческим действиям, они включают в себя такие тайные операции и невоенные виды деятельности, как саботаж, экономические диверсии, поддержка групп сопротивления, „черные“ и „серые“ психологические операции, дезинформацию и политические акции.

Не вызывает никаких сомнений, что нацисты времен второй мировой войны, „эскадроны смерти“ Сальвадора и Гватемалы на сегодняшний день являются одними из наиболее изощренных и опытных профессионалов в деле использования этих методов в XX веке. Даже далекий от лиги человек не может не заметить сходства идеологии, тактики и политики, например, хорватских усташей 40-х годов и гватемальской партии Движение национального освобождения (МЛН) или сальвадорской партии Националистический республиканский союз (АРЕНА) 80-х годов.

Такие параллели уже проводили многие историки, ученые в области политических наук и военные теоретики. Однако почти никем не освещался тот факт, что член правой сальвадорской группировки, занимающийся сегодня убийством прогрессивных крестьян, позаимствовал используемые им методы у нацистов и их европейских пособников и что он приобрел эти знания не из чтения книг, а в процессе основательной практической подготовки.

Передача „искусства“ ведения войны „нетрадиционными методами“ осуществляется в международном масштабе через организацию, в состав которой входят все использующие эти

методы группы, а именно через Всемирную антикоммунистическую лигу.

В процессе сбора материалов о деятельности Всемирной антикоммунистической лиги с нами делились информацией сотни граждан примерно из тридцати стран всех континентов. Многие подвергали себя при этом значительному риску. Если бы стали известны имена этих лиц, с полным основанием можно было бы ожидать, что они столкнулись бы с притеснениями, оскорблениями, потеряли свою работу, были высланы из безопасных для себя мест проживания или были бы даже убиты. Искреннюю, сердечную благодарность следует высказать в адрес этих смелых мужчин и женщин, доверивших нам в буквальном смысле свою жизнь.

Мы считаем себя также в большом долгу перед многими лицами, придерживающимися консервативных убеждений, включая бывших членов лиги, за их согласие дать нам интервью. Эти мужчины и женщины раскрыли нам „внутреннюю кухню“ лиги, руководствуясь при этом не личными или партийными выгодами. Ими двигало чувство глубокого отвращения к тем, кто, пользуясь знаменами лиги, фальшиво называют себя „товарищами по борьбе с коммунизмом“.

В то же время мы столкнулись с организациями, которые, казалось, имели возможность и были заинтересованы в оказании нам помощи в сборе информации, однако отказались сделать это. Антидиффамационная лига еврейской организации Бнай-Брит, которая вначале осуждала антисемитские проявления Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации, категорически отказалась передать нам имевшуюся у нее информацию. Ирония состояла в том, что мы получили информацию от раскаявшихся нацистских пособников о деятельности нацистских военных преступников, но мы не смогли наладить такое же сотрудничество с самой влиятельной еврейской организацией Соединенных Штатов. И таких примеров в нашей работе было немало.

Однако наибольшее разочарование вызвали у нас действия правительства Соединенных Штатов. Много статей написано о том, насколько администрация Рейгана выхолостила закон о свободе информации, и мы, кроме одного примера, не собираемся что-либо добавлять к ним. Согласно полученному авторами сообщению, Федеральное бюро расследований США располагает досье объемом в 107 страниц на Всемирную антикоммунистическую лигу. По запросу, направленному на основании закона о свободе информации, мы получили 43 страницы, из которых остались невымаранными лишь три страницы оригинала. Возникает вопрос, из каких соображений оберегает правительство США организацию, действия которой настолько далеки от идеалов Америки.

Глава 1

УБИЙСТВО НА УЛИЦЕ АТОКА

Мы заявляем, что для достижения победы над враждебными силами коммунизма свободолюбивые народы должны действовать в тесном контакте, должны укреплять свое единство для расширения свободы.

Из преамбулы к уставу ВАКЛ

К половине десятого вечера 23 января 1977 года улица Атока в Мадриде почти совсем опустела. Туристы, вообще редко посещавшие эту довольно дорогую торговую улицу, заполнили кафе на Плаза Майор или прогуливались по нарядной Гран Виа. К десяти часам вечера на улице Атока прохожих совсем не стало. В десять часов пятнадцать минут никто не обратил внимания на двух молодых людей в длинных пальто, стоявших на углу улицы.

Хосе Фернандес Серра иногда бросал взгляд вдоль улицы, по которой транспорт обычно двигался в четыре ряда. Сеанс в кинотеатре Консуладо еще не закончился, но он с удовлетворением отметил, что все магазины (маленький магазинчик в доме номер 42, который торговал часами, магазин по торговле канцелярскими принадлежностями Икартуа и фотокиоск) были уже закрыты. Только свет в баре Эль Глобо говорил о какой-то активности, но и там уже официанты мыли швабрами полы. За баром находилась лестница, ведущая вниз к станции метро. Большие светящиеся часы, расположенные на площади Сан-Мартин в треугольнике между лужайкой, тротуаром и садовыми скамейками, показывали десять часов двадцать минут вечера. Хосе взглянул на здание перед собой: дом 55 на улице Атока.

Это было мрачное пятиэтажное здание. Нижний этаж занимало отделение банка „Банко испано-американо“, закрытое и неосвещенное в этот час. Второй этаж был также сделан из бетона серого цвета, большие окна обрамлены внизу маленькими ограждениями из сварных железных решеток. Красные и белые кирпичи, из которых были построены три верхних этажа, создавали впечатление решетки. Большинство квартир было не освещено, их окна плотно закрыты ставнями. Однако из квартиры на третьем этаже, за которой следил Хосе, через щели ставен проникал свет и доносились

голоса. Хосе вошел в подъезд, Карлос Гарсия Хулиа последовал за ним.

Входная дверь, покрашенная в зеленый цвет, была открыта, и поэтому им не пришлось возиться с системой охраны. По их же расчетам, дверь должна была быть закрыта (1977 год был очень беспокойным в Испании). Удача не покидала их и тогда, когда они пересекли фойе и начали подниматься по лестнице мимо маленького окна комнатки, в которой спал привратник. Они осторожно поднимались по скрипящим деревянным ступеням, прижимаясь к стене. Лестница вилась вокруг открытого лифта, его канаты и блок выглядели очень старыми, но не по причинам собственной безопасности Хосе и Карлос предпочли идти пешком.

Они поднялись до второго этажа, миновали закрытую дверь пансиона и продолжали движение в темноте. Остановившись перед дубовой дверью квартиры на третьем этаже, немного подождали, чтобы глаза привыкли к слабому свету — единственное освещение исходило от грязной лампочки верхнего света четвертого этажа. Карлос сунул руки в карманы пальто, когда Хосе нажал кнопку звонка.

При звуке звонка восемь мужчин и одна женщина прекратили разговоры. Юристы, адвокаты — некоторые из них были коммунистами, другие — либералами, все они активно работали в области трудового законодательства и сегодня собрались на своего рода совещание. Все были в сборе, и собравшиеся не могли предполагать, кто мог прийти в такой поздний час. Мария Гонсалес Руис встала с кресла и вышла из наполненной дымом комнаты, чтобы открыть дверь.

Как только был повернут ключ в замке, Хосе и Карлос вломилась в квартиру. При виде пистолета, нацеленного ей в голову, Мария оцепенела. Повинуясь приглушенным приказам, она провела незваных гостей в комнату, где проходило совещание.

— К стене! — заорал Хосе ошеломленным мужчинам.

— Что происходит? — воскликнул один из юристов. — Что вам нужно?

Ни Карлос, ни Хосе ничего не ответили.

Восемь мужчин и Мария Гонсалес стояли лицом к стене. Карлос вытащил пистолет. Хосе повернулся к нему и кивнул. Карлос начал слева, Хосе справа, сходясь к центру. Они аккуратно всаживали пули в головы и спины девяти человек, находившихся в квартире номер три. Затем преступники перезарядили пистолеты и начали стрелять в кучу тел. Комната наполнилась пороховым дымом. Крики ужаса перешли в стоны и хрипы умирающих. Карлос и Хосе не торопясь спрятали пистолеты, вышли на лестничную площадку, где металась от ужаса разбуженные выстрелами полураздетые жильцы, спустились по лестнице на улицу и исчезли.

Джозо Дамьяновича преследовала необоримая страсть — находить и убивать официальных представителей югославского правительства. Она не оставила его и тогда, когда он переехал из Европы в Латинскую Америку.

Будучи фанатичным хорватским националистом, Дамьянович посвятил свою жизнь беспощадной борьбе с правительством Тито, которое „включило“ его родину в состав Социалистической Федеративной Республики Югославии. Дамьянович входил в группу террористов, которые в 1971 году штурмом взяли югославское посольство в Стокгольме, убив несколько дипломатов. После недолгого пребывания в шведской тюрьме хорватские террористы обрели свободу и угнали самолет. Дамьянович и его приспешники укрылись в Испании, в течение трех месяцев ускользая от Интерпола и полицейских служб европейских стран. В июле 1973 года они нашли своего спасителя в лице генерала Альфредо Стресснера, диктатора южноамериканского государства Парагвай.

Стресснер приехал в Западную Германию посетить свой родной город Хоф, и хорватские отщепенцы установили с ним контакт. Диктатору было сказано, что полиция ищет их и поэтому они нуждаются в безопасном убежище. Стресснер, давнишний опекун нацистов и правых террористов, с готовностью согласился. Дамьяновичу и восьми другим преступникам был организован безопасный проезд в Парагвай, где они взялись за подготовку сотрудников секретной полиции Стресснера и его личной охраны.

Три года хорваты страдали от безделья, находясь далеко от передовых позиций их войны с Югославией. Поскольку они были объявлены Интерполом в розыск, их возвращение в Европу было связано с большим риском. В 1976 году они решили нанести удар единственно доступным для них образом — на месте своего пребывания в городе Асунсьоне. Посол Югославии в Парагвае казался им подходящей фигурой, и его убийство, как они считали, напомнило бы ненавистным сторонникам Тито, что хорватские националисты не дремлют.

Вот почему 15 июня 1976 года Джозо Дамьянович ожидал кого-то на углу улицы в Асунсьоне. Увидев черный лимузин, пробиравшийся в потоке уличного движения, он вытащил пистолет из кобуры, спрятал его в рукав и стал ждать.

Карлос Абдала, только что назначенный послом Уругвая в Асунсьоне, выглядывал из окна своего лимузина, проезжавшего по главной торговой улице столицы. Он начинал привыкать к Парагваю, хотя Асунсьон не поражал так воображения и не имел того многонационального колорита, как столица его родины Монтевидео. Действительно, Асунсьон больше

походил на разросшийся город пастухов: его несколько многоэтажных зданий и нарядных магазинов сменялись трущобами и нагромождениями жалких лачуг, за которыми шли ровные просторы пампы, характерные для большей части территории Парагвая.

Однако это было безопасное место. В Парагвае фактически не совершалось преступлений, если не считать тех, которые были санкционированы правительством Альфредо Стресснера. Парагвай был центром контрабандной торговли и операций черного рынка Южной Америки, но там не было убийств, изнасилований или антиправительственной деятельности. Когда лимузин подъехал к тротуару и шофер выскочил, чтобы открыть дверь, послу действительно нечего было опасаться с точки зрения своей личной безопасности.

Поэтому Карлос Абдала, выходя из машины, был, вероятно, больше удивлен, чем напуган, когда плотный молодой человек с поднятым пистолетом приблизился к нему. „Да здравствует Хорватия!“ — выкрикнул Джозо Дамьянович, перед тем как выпустить пулю, оборвавшую жизнь посла Абдалы.

Бернардо Лейтон и его жена Ана, выйдя из такси на Виа Аурелия в Риме и взяв пакеты с покупками, направились к подъезду дома, в котором они жили. Они не заметили молодого человека, который ожидал их возвращения. Он пошел за ними, следуя в такт их шагов.

Было 6 октября 1975 года. Шестидесятилетний Бернардо Лейтон являлся чилийским эмигрантом. Один из основателей Христианско-демократической партии Чили и лидер ее наиболее либерального крыла два года назад был вынужден бежать из своей родины, когда в результате кровавого переворота было свергнуто законно избранное левое правительство Сальвадора Альенде. Во время своего пребывания в Риме он активно выступал против правого военного правительства генерала Аугусто Пиночета. Поскольку Лейтон был связан с политическими силами либерального направления внутри Чили и пользовался уважением в международных кругах христианских демократов, он вызывал беспокойство у правительства Пиночета, которое приняло решение организовать на него покушение.

Устранение политического деятеля всегда создает немало проблем с точки зрения его организации и материального обеспечения. Хотя после кровавой бойни 1973 года правительство Пиночета было осуждено международным сообществом, оно все же старалось добиться если не уважения, то по крайней мере признания в некоторых столицах и не хотело, чтобы стало известно о ликвидации им своих противников, находящихся в других странах. Поэтому для убийства Лейтона был найден платный наемник.

Молодой человек с усами, напоминавшими по форме руль велосипеда, следовавший в трех футах позади Лейтона, вытащил 9-миллиметровый пистолет Беретта, прицелился в его голову и нажал спусковой крючок. Бернардо Лейтон упал на тротуар лицом вниз. Ана в ужасе смотрела на своего мужа. Пуля убийцы прошла ее спину. Убийца поколебался немного, очевидно решая, следует ли ему нанести окончательный удар, сделав пару выстрелов с близкого расстояния в головы лежащих. Посчитав, что они уже умерли или умирают, он повернулся и бросился бежать.

Бернардо остался в живых после тяжелой раны в голову и поправился, Ана оказалась частично парализованной и передвигалась в кресле на колесах. Стрелявший в них человек не сразу был опознан и арестован. Спустя четыре дня правая группировка кубинских эмигрантов в штате Нью-Джерси (США) — Кубинское национальное движение — взяла на себя ответственность за покушение. Были сообщены такие подробности случившегося, которые, по мнению итальянской полиции, могли быть известны только покушавшимся. Почему группа антикоммунистически настроенных кубинцев, находившаяся в Соединенных Штатах, могла посчитать необходимым убить либерального чилийца в Италии? Вот вопрос, на который некоторое время не было ответа.

В марте 1979 года лидер партии гватемальский Единый фронт революции (ФУР) Мануэль Колом Аргета дал интервью, в котором откровенно обрисовал политическую обстановку в Гватемале. Эта партия считалась левой, однако, несмотря на свое название, ФУР вряд ли была революционной. Мануэль Колом Аргета происходил из семьи зажиточных землевладельцев, считался либеральным демократом. Целью своей политики он считал проведение земельной реформы, ограничение власти олигархии, предотвращение нарушений прав человека с помощью участия в каких-то хотя бы отдаленно напоминающих демократические мероприятиях в Гватемале. За несколько дней до интервью лидеру партии ФУР было разрешено правительством участвовать в предстоящих выборах. Вскоре после этого ему позвонил друг из ультраправой партии Национальное либеральное движение (МЛН). „Брось все, Мануэль, — сказал он. — Если ты не сделаешь этого, они покончат с тобой“. Но Мануэль слишком долго боролся с такими явлениями в Гватемале, как фальсифицированные выборы, „эскадроны смерти“, политические убийства, чтобы отступить. Даже угроза со стороны МЛН, на которую возлагалась вина за создание в стране „эскадронов смерти“ и за проведение двадцатилетней кампании террора, не разубедила его.

„Марио Сандоваль Аларкон, — заявил Колом во время интервью, говоря о лидере МЛН, — фигляр, характерный для средних веков. Армейские круги часто его используют, но и он знает, как использовать армию. Ему известно, как шантажировать ее. Он намерен поляризовать политическую борьбу, сделать себя и свое движение „бастионом против коммунизма“.

В восемь часов 22 марта 1979 года Мануэль Колом вышел из своего дома в пятнадцатой зоне Гватемала сити и направился на работу в центр города. Из соображений безопасности он выбирал разные маршруты от дома до своего офиса, но в то утро, очевидно, не заметил, что его сопровождает вертолет.

До десяти часов пятнадцати минут он работал в своем офисе и, взглянув в окно, заметил, что обычно оживленная улица номер пять была практически пустой. Это была непривычная картина в Гватемала сити, как бы прелюдия к убийству, и Мануэль быстро на это среагировал. Он позвонил по телефону своим знакомым из различных политических партий Гватемалы.

„За кем это?“ — спрашивал он каждого из них. Никто не знал или не хотел говорить. Наконец ему удалось связаться со своим знакомым из МЛН, который сказал: „Это за тобой, Мануэль“. Колом быстро спустился на улицу, сел за руль машины. Его телохранители вскочили в другую. Они рванулись через задние ворота, проскочив только один светофор, когда машина с телохранителями, прошитая автоматной очередью, накренилась и врезалась в ограждение дороги.

Мануэлю одному удалось на полном газу прорваться через город на дорогу, ведущую в аэропорт. На прямом отрезке дороги он заметил, что его догоняют мотоциклы. Один из них обогнал его машину и пошел впереди. Человек, сидевший на месте пассажира, вытащил автомат, прицелился в голову лидера ФУР и нажал спусковой крючок. Мануэль Колом был убит. Это был еще один из нескольких тысяч гватемальцев, ставших в 1979 году жертвой „эскадронов смерти“.

Когда американский посол в Парагвае Роберт Уайт 24 апреля 1979 года вошел в зал, где проходила 13-я ежегодная конференция Всемирной антикоммунистической лиги, он не нашел там восторженного приема. Посол, который спустя несколько лет приобрел известность как убежденный противник американской политики в Сальвадоре, был неожиданным гостем конференции, и, когда собравшиеся увидели Уайта, заседание практически прервалось.

Роберт Уайт незванно вторгся в помещение, где проходило совещание лидеров консервативных организаций всего мира. Присутствовали министры правительств, религиозные

лидеры из разных стран, видные консерваторы из Соединенных Штатов. Это было, судя по внешним признакам, собрание благовоспитанных людей с антикоммунистическими убеждениями, посвятивших себя борьбе с тоталитаризмом и коммунистической экспансией в мире. Но с другой стороны, это была конференция такой организации, которая объединяет и направляет действия наиболее жестоких и смертельно опасных экстремистов всего мира.

Среди присутствовавших был Блас Пиньяр, лидер испанской политической партии „Фуэrsa нуэва“. В 1977 году два члена этой организации убили девять адвокатов на улице Атока в Мадриде. Там был стареющий усатый Джорджио Альмиранте, лидер итальянской неофашистской партии МСИ, и Пьер-Луиджи Конкутелли, член молодежного крыла МСИ. Именно он, а не кубинский эмигрант стрелял в Бернардо Лейтона и его жену на улице Рима четыре года назад. Одним из почетных основных докладчиков был Марио Сандоваль Аларкон, лидер гватемальской партии МЛН, которая руководила „эскадронами смерти“, осуществившими убийство Мануэля Колома. И где-то невдалеке от зала заседаний, обеспечивая безопасность председателя конференции Альфредо Стресснера, находился Джозо Дамьянович, убийца Карлоса Абдалы.

Глава 2

ОНИ СОТРУДНИЧАЛИ С НАЦИСТАМИ

Настоящие усташи — это те, кто могут ножом вырезать дитя из утробы матери.

*Анте Павелич,
руководитель хорватских усташей*

В обжигающе холодный декабрьский день один из авторов этой книги свернул на дорогу, ведущую к ничем не примечательному дому в пригороде Филадельфии Честере. На ступеньках его ждал невысокий, пожилой человек в пальто, который притоптывал, чтобы согреться. Это был Янош. После месяца телефонных звонков и писем, он наконец дал согласие на интервью. Восьмидесятилетний эмигрант провел автора в гостиную своего скромного дома. „Очевидно, нам следовало бы отложить нашу встречу, — сказал Янош, опускаясь на неудобную кушетку, — такой сильный ветер, я волновался за вас”.

Стена за Яношем была увешана дюжиной фотографий в рамках, медальонами, лентами, различными выдержками, начиная с высказываний свергнутого короля его родины и кончая благодарственными письмами республиканской партии США. Там даже было письмо от Чан Кайши, покойного диктатора Тайваня. Однако яркие ленты и сверкающий металл не могли изменить тоскливую обстановку комнаты.

Интервью длилось пять часов, в течение которых жена Яноша в изобилии снабжала нас бутербродами, кофе и печеньем. Каждый раз, когда эта преданная, простая женщина лет шестидесяти входила в комнату, Янош прекращал разговор, улыбаясь, оборачиваясь к ней, глаза его светились любовью.

Автор спросил Яноша о других эмигрантах. Чирила Чиунту? „Очень сильный человек, огромные могучие руки, но маленького роста. Не очень хорошо говорит по-английски”. Ярослав Стецько? Янош сел поглубже в кресло, вскинул голову, лицо его приобрело надменное выражение. „Он чуждается нас. Не высокомерен, но чуждается. Он всегда так выглядит. Он всегда выглядит... сердитым”.

А Стефан Хефер?

„Ах! Хефер!” — воскликнул Янош, вскакивая с места.

Янош вскинул голову, выпятил грудь и, подбоченясь, прошелся по маленькой комнате. „Вот так ходил Хефер. При

разговоре он всегда кричал и размахивал руками. Очень нервный, эмоциональный человек”.

Когда автор уезжал, Янош проводил его до крыльца, долго махал вслед, пока машина не скрылась из виду.

Вроде бы не было причин для антипатий по отношению к Яношу. Его забота и теплота, юношеское обожание жены — все это привлекало в старике. Однако невозможно было забыть, что Янош — нацистский военный преступник. Его друзья, которых он пародировал в Честере, тоже военные преступники.

В отношении Яноша пока еще не было доказательств, что он когда-то непосредственно участвовал в уничтожении людей, однако трое его друзей были несомненно замешаны в этом. Каждый сыграл решающую роль в реализации трех различных программ геноцида: в Румынии, на Украине и в Сербии, которые унесли жизни по крайней мере двух миллионов человек.

Объединяло эту четверку членство во Всемирной антикоммунистической лиге.

Лига была образована в 1966 году с помощью правительств Тайваня и Южной Кореи. С тех пор она переросла в нечто более важное: в инструмент „нетрадиционного ведения войны” — для осуществления убийств, создания „эскадронов смерти”, проведения саботажа по всему земному шару.

Во Всемирной антикоммунистической лиге в принципе нет ничего нового. Ее целью является создание объединенного фронта против коммунизма, а эта цель впервые была сформулирована в антикоминтерновской политике Гитлера. Средства, которые используются для борьбы с коммунизмом, — „нетрадиционные методы ведения войны”, террор, политическая война. Все это впервые было опробовано нацистами.

Всемирная антикоммунистическая лига не просто позаимствовала у нацистов тактику и концепции, но и включила самих нацистов в свой состав. Многие из тех, кто создавал и укреплял лигу, были людьми, которые впервые опробовали эти „нетрадиционные методы ведения войны” на улицах, в еврейских гетто и в концлагерях во время второй мировой войны.

Газовые камеры, печи, массовые захоронения в Трешлинке и Освенциме — это не единственные преступные следы, которые нацисты и их пособники оставили после себя. Их следы можно найти во всех уголках земного шара. Еще не успела осесть пыль на поверженном гитлеровском „третьем рейхе”, как многие его бывшие приверженцы бежали прочь, чтобы работать во имя его воссоздания. В убежищах они продолжали свое дело, вербовали молодых людей, создавали организации для обеспечения своей безопасности и сохранения своих рядов. Установленные ими связи действуют и поныне.

Когда говорят о нацистах, обычно возникают два образа: один — престарелого военного преступника: Йозефа Менгеле или Клауса Барбье, другой — голубоглазых молодчиков в коричневых рубашках и сапогах, оскверняющих синагоги и марширующих по центральным улицам. Но существует и третий тип нацистов, который куда более опасен, чем два предыдущих. Это люди из числа хорватов, словаков, украинцев, латышей, непосредственно участвовавших в резне, санкционированной фашистами. Их не посадили на скамью подсудимых в Нюрнберге, они спокойно вошли в состав Всемирной антикоммунистической лиги.

Участие этих людей в зверствах остается одной из наименее исследованных страниц современной истории. Причина этого очень проста: многие из них были завербованы американской и британской разведками, переехали на жительство в Канаду и в США, им дали возможность достичь определенного положения в эмигрантской среде, в их биографию были внесены соответствующие коррективы.

Сейчас эти люди ведут себя по-другому: они перестали кричать о коммунистическом, еврейском, масонском заговоре, потому что их попечители требуют благоразумия и осторожности. В 1986 году, как и в 1936-м, для достижения своих целей они прячутся за лозунгами антибольшевизма и антикоммунизма, укрепляют связи с другими организациями.

Украинские националисты, помогавшие нацистам во время их вторжения в СССР, хорватские усташы, которые уничтожили около миллиона сербов, румынские легионеры, зверски истребившие за один день 1941 года четыреста евреев, — все они имеют, благодаря Всемирной антикоммунистической лиге, контакты со своими более молодыми единомышленниками в Европе, Азии, Латинской Америке. Будучи членами различных эмигрантских организаций и участвуя в политической жизни, нацистские пособники растворились в массе людей и некоторые даже заслужили в определенных кругах почет и уважение.

Чирила Чиунту, Ярослав Стецько, Стефан Хефер. На первый взгляд эти три человека из трех разных стран не имеют между собой ничего общего.

Чирила Чиунту, румынский эмигрант, который проработал более тридцати лет на сталелитейных заводах в Канаде. Постоянный прихожанин румынской православной церкви, Чиунту, уйдя от дел, проводит остаток своих дней в высотном жилом доме в городе Виндзоре (Канада).

Избежав наказания в СССР, украинец Ярослав Стецько, сутулый человек в очках, создал организацию эмигрантов из Восточной Европы, так называемый Антибольшевистский блок народов. Осев в Мюнхене (ФРГ), Стецько активно

призывал правительства США и стран Западной Европы придерживаться более жесткой линии по отношению к СССР. В 1983 году он встречался с президентом Рональдом Рейганом в Белом доме.

Стефан Хефер, бывший хорватский адвокат, бежал из страны в 1945 году и до своей смерти в 1973 году жил в Аргентине. Во время своих выступлений он рьяно ратовал за независимость Хорватии. Его приземистая фигура, сердитые жесты и слегка косящие глаза — все это забавляло слушателей. Будучи президентом организации Хорватское освободительное движение, он установил контакты со многими американскими консерваторами, часто совершал поездки в США.

И тем не менее эти три человека из трех разных стран схожи между собой. Все они сотрудничали с нацистами до и во время второй мировой войны. Все они военные преступники, избежавшие суда истории. Они отдали все свои силы делу распространения влияния международного фашизма, использовали для этого свои организации, разведывательные службы, даже некоторые церковные круги. Все вошли в состав Всемирной антикоммунистической лиги.

В США, Канаде, Южной Америке и Западной Европе сегодня действует тайная сеть групп легиона Михаила архангела. В легион, также называемый Железной гвардией, входят румынские эмигранты и их потомки. Называя себя легионерами или гвардейцами, они регулярно устраивают сборища, поддерживая связь между собой через расположенные в этих регионах румынские приходы православной церкви. Но легион — это не общество и не религиозная организация. Это, прежде всего, легион смерти.

Из Мадрида, из усиленно охраняемого здания, легионом управляет старый человек с унылыми глазами, которого зовут Хория Сима. Чиунту являлся его главным помощником в Северной Америке.

Будучи представителем легионеров Виндзора, где больше всего сконцентрировано румынских эмигрантов, Чиунту является очень влиятельной фигурой в Железной гвардии, что также объясняет и его сильные позиции во Всемирной антикоммунистической лиге. В 1981 году он входил в состав румынской делегации на 14-ю ежегодную конференцию лиги, которая состоялась на Тайване. Чиунту также присутствовал на конференциях лиги в Вашингтоне и Люксембурге и только из-за болезни не приехал на конференцию в Сан-Диего в 1984 году.

Другие, очевидно, постарались бы скрыть свое членство в печально известной организации, но только не Чиунту. Детройтский репортер, встречавшийся с ним в 1980 году, так описывает его дом:

„Стены маленькой квартиры увешаны флагами и тканями полотнищами. Национальный флаг старой Румынии, соче-

тающий красный, желтый и голубой цвета, висит над телевизором. В центре флага вышиты три горизонтальные и три вертикальные пересекающиеся линии — символ Железной гвардии. Тем же символом украшены обои и маленькие вышитые салфетки. Повсюду книги, на многих переплетах которых крест Железной гвардии. Зеленая военная рубашка свисает со спинки стула”.

Чиунту очень гордится своим положением в легионе и болезненно воспринимает критику в его адрес. „Большинство рассказов о легионе, с некоторыми исключениями, это полное искажение правды и событий, — писал он одному из авторов в 1985 году. — Те, кто писали о движении, не смогли набраться храбрости и объективно восстановить истину. Они постоянно обманывали английский и американский народы”.

Деятельность легиона по-прежнему строится на поклонении Корнелию Кодряну, который в 1927 году буквально вырвался из неизвестности на белом коне, сжимая револьвер в одной руке и крест в другой. Он был „капитанулом” (главой) легиона Михаила архангела и посвятил себя „очищению Румынии от евреев, иностранцев и масонов”. „Прежде чем встать у руля государства, мы должны создать новую Румынию, без пороков и недостатков” — так говорил Кодряну.

Кодряну, красивый мужчина и красноречивый оратор, призывал представителей авторитарного национализма осуществить духовное возрождение и очищение, и его последователи, а среди них и Чирила Чиунту, впадали в жуткий мистицизм от его фашистского католицизма. Одетые в зеленые рубашки с серебряными крестами, легионеры давали кровавые обеты своим товарищам и своему „капитанулу”. Каждый клялся отомстить за смерть члена легиона любыми средствами, включая и убийство.

„С улыбкой на устах мы смерти смотрели в лицо, поскольку мы — команда смерти, которая победит или умрет”.

Одним из тех, кто подвергся гневу „команды смерти”, был лидер легиона Михаил Стелеску. Он разочаровался в Кодряну и отошел от него. Избранным по жребию десяти легионерам была оказана честь „усмирить” Стелеску. В июле 1936 года он был схвачен, когда находился на излечении в Бухарестском госпитале. В него всадили 120 пуль, потом тело разрубили топором. Согласно официальным данным, убийцы танцевали вокруг того, что было когда-то Стелеску, молились, целовали друг друга и кричали от радости.

Когда в 1938 году Кодряну был убит по приказу короля Кароля за свои темные дела, руководить легионом стали его помощники, спасшиеся бегством в нацистскую Германию. Среди них были Хория Сима и Виорел Трифа (руководитель молодежного крыла легиона). Позже, будучи архиепископом

в Соединенных Штатах, Трифа много сделал для возрождения легиона в Латинской Америке.

Те, кто остался в Румынии, включая и молодого Чирилу Чиунту, ушли в подполье и затаились. Они организовали секретные ячейки, или „гнезда“. В состав каждой ячейки входило тринадцать человек, которые платили денежные взносы, необходимые для распространения „веры“. По словам одного из легионеров, ныне проживающего в США, полученные от ячеек деньги расходовались исключительно в целях борьбы.

В подполье все помнили кровавую клятву — отомстить за Кодряну, и спустя десять месяцев это было сделано. Когда лимузин премьер-министра Румынии выехал на центральную площадь Бухареста, он был изрешечен из автоматов боевой группой легиона.

Немцы использовали легионеров в качестве козырной карты для контроля над Румынией. В мае 1940 года нацисты навязали перемирие между королем Каролом и находившимися в эмиграции легионерами.

В сентябре 1940 года Кароль отрекся от престола и, преследуемый легионерами, стремительно кинулся к границе, помня о намерении Железной гвардии убить его. Ему удалось ускользнуть, но большинство из его свиты были схвачены и брошены в тюрьму.

Правительство Румынии находилось теперь в руках двух человек: лидера Железной гвардии Хории Симы (который вернулся из Германии вместе с Трифой) и генерала Иона Антонеску. Этот альянс был не из простых, поскольку оба лидера боролись за покровительство нацистов. Представители Железной гвардии получили ключевые государственные должности, комиссары гвардии должны были следить за „румынизацией“ страны — освобождением от евреев промышленности и торговли. Двадцатишестилетний Виорел Трифа, обвинявший евреев во всех бедах, был назначен президентом Национального союза румынских студентов-христиан. По мере того как легион Михаила архангела завоевывал позиции в государственном аппарате, начал вырисовываться его план полного захвата власти. Этот план был претворен в жизнь Железной гвардией с большими человеческими жертвами.

В двадцать три часа сорок пять минут 26 ноября 1940 года группа легионеров ворвалась в тюрьму, где были заключены министры правительства короля Кароля. Они выволокли этих людей (всего 64 человека) из камер и с криком: „За Железную гвардию!“ — изрубили их топорами, кирками и лопатами. Эта бойня послужила сигналом: последователи легиона Михаила архангела ответили на этот призыв. В течение трех последующих дней были зверски замучены многочисленные жертвы по всей Румынии. Типичным был случай с Николае Йоргой, выдающимся румынским историком и бывшим

премьер-министром. В ночь на 27 ноября группа легионеров совершила налет на его дом. Они вырвали длинную седую бороду Йорги, кастрировали его, прежде чем забить до смерти.

Ноябрьская резня не привела к восстанию, как этого многие ожидали, а явилась прелюдией к нему. Решающее событие произошло спустя семь недель, когда во время борьбы за власть между Антонеску и Симой легионеры призвали к действию. Вечером 20 января Трифа, лидер союза студентов, провозгласил, „что национал-социализм, проповедуемый старыми закаленными солдатами Германии, нашел место в сердцах румынского народа и восторжествовал благодаря усилиям немецкой молодежи. Адольф Гитлер вел грандиозную войну за национал-социализм, что привело к разоблачению иудаизма и борьбе с ним. И даже если бы он, помимо этого, больше ничего не совершил, все равно его имя навсегда вошло бы в историю“.

21 января 1941 года Железная гвардия вышла на улицы, охотясь за монархически настроенными военнослужащими, единомышленниками Антонеску и особенно евреями. Вскоре после трех часов пополудни триста легионеров, одетых в зеленые рубашки с серебряными крестами, с криком „Смерть масонам и евреям!“ двинулись по бухарестской улице Виктория к префектуре, главному полицейскому управлению города. С ними был и Чирила Чиунту.

Небольшая вооруженная группа ворвалась в префектуру и овладела всем зданием. В течение нескольких минут они разоружили полицейских, ликвидировав тех, кто отказался участвовать в погроме. Они установили пулеметы на балконах четвертого этажа, что позволило держать под прицелом прилегающие районы. Обезопасив себя таким образом, легионеры начали расправляться со своими жертвами в подвалах префектуры.

Константин Антонович, прихожанин румынской христианской церкви, уцелел, будучи заключенным в префектуре (сейчас проживает в уединении в США). Противник насилия и антисемитизма, он 21 января призывал народ на улицах Бухареста игнорировать призыв легионеров к убийствам. Его выследили, избили и приволокли в префектуру. Антонович находился в подвале, когда туда вошел Трифа.

„Когда они (Трифа и его помощники) подошли к первой камере, я услышал приказ открыть двери. Тотчас раздались несколько pistolетных выстрелов и крики людей. Я еще не дошел до конца коридора, когда услышал мольбы и pistolетные выстрелы из следующей камеры. Мой охранник сказал: „Они убьют всех евреев в этих камерах“.

Чиунту также был в префектуре в это время, но сейчас он отрицает участие в событиях. „Я никого не убивал, я никого не видел — только несколько человек, бегущих по улицам.

Я не знаю, что произошло в подвалах. Это было большое здание. Я ничего не знаю”.

В следующие тридцать шесть часов члены легиона разрушили восемь синагог, уничтожили еврейское гетто в Бухаресте и лопатами, топорами, ножами, крючками для подвески мяса убили около четырехсот румын. Часть людей была облита керосином и сожжена.

Американский корреспондент Лейг Уайт сообщал в то время: „Толпа из нескольких сот человек атаковала еврейский храм. Они выбивали камнями окна, вышибали двери. Все ритуальные предметы: молитвенники, платки, талмуды, торы, алтарные скамейки и гобелены были вынесены наружу, собраны в кучу, облиты бензином и подожжены. Согнали нескольких прохожих-евреев и заставили их танцевать вокруг костра. Когда они упали в изнеможении, их облили бензином и заживо сожгли”.

Заключенных евреев легионеры отвели на муниципальную бойню. Уайт писал: „Здесь были жестоко спародированы кошерные методы разделки животных. Многих евреев подвесили на крюки для разделки мяса и перерезали горло. Других заставляли класть головы на разделочные плиты, после чего легионеры обезглавливали их большими ножами”.

Свидетелем происходившего был посланник США в Румынии Франклин Мотт Гюнтер. В своем докладе в Вашингтон он писал о „шестидесяти трупах евреев на мясных крюках для туш, со всех содрана кожа. Количество крови под ними свидетельствует о том, что кожу снимали с живых людей”.

К 23 января выступление легионеров, не получившее поддержки у немецких нацистов, начало затухать. На улицах столицы и других румынских городов, на бухарестской бойне еще оставались изувеченные тела жертв легиона. В моргах трупы были до такой степени изрезаны, что напоминали крошево из человеческого мяса. На муниципальной бойне свидетель видел девочку лет пяти, подвешенную как теленок за ноги, все тело которой было покрыто запекшейся кровью.

Но резня не привела к концу существования легиона. Командир войск СС в Румынии Отто фон Болшвинг* укрывал руководителей легиона, тайно переправил их в Германию, одев в эсэсовскую форму. Среди бежавших были Хория Сима и Виорел Трифа. Вскоре к ним присоединились и другие. Их поместили, если можно так выразиться, „под охрану”, где они пользовались одинаковыми с немецкими офицерами привилегиями.

* Отто фон Болшвинг не понес никакого наказания за укрывательство членов Железной гвардии и другие военные преступления. После войны он работал на американскую военную контрразведку, в 1961 году эмигрировал в США и оставался на свободе до своей смерти в 1982 году. — *Прим. авт.*

В письме к одному из авторов книги Чирила Чиунту признал несправедливыми утверждения легионеров о том, что они были помещены в так называемые концлагеря. На самом деле им было предоставлено политическое убежище и они работали на промышленность Германии. „По мнению Гитлера, присутствие легионеров в Германии создавало постоянную угрозу для правления Антонеску. Таким образом фюрер держал его под постоянным контролем”.

Чиунту, один из нескольких тысяч легионеров, сдавшихся властям после неудавшегося мятежа, вначале не разделил счастливой судьбы своих начальников. Хотя легионеры за свои зверства должны были понести наказание, румынское правительство понимало, что немецкие власти не допустят уничтожения или расформирования легиона, что подтвердилось, когда СС помогли лидерам легионеров исчезнуть из Бухареста.

Будучи ограниченным в своих действиях, правительство Антонеску приняло решение наказать лишь наиболее опасных преступников из числа легионеров, но даже и против них были выдвинуты лишь символические обвинения.

Среди более сотни лиц, привлеченных к ответственности за попытку организовать мятеж, был и Чирила Чиунту. Его признали виновным и осудили на пять лет тюрьмы со ссылкой на три года (с потерей гражданских прав). Это был один из самых суровых приговоров, вынесенных военным трибуналом Бухареста, но Чиунту не отбывал наказания. Вот что он рассказал репортеру Линде Паулесс из газеты „Виндзор стар”. „Нацисты взяли легионеров под свою защиту. Я уехал из Румынии в немецком джипе вместе с двумя офицерами СС, которые доставили меня сначала в Болгарию, а затем в Германию, где румынских фашистов разместили в доме СС”. На фотографиях того периода они запечатлены загорающими на солнце. Виорел Трифа, будущий архиепископ США, выезжал на воды в Баварию и настойчиво просил лечащего врача, офицера СС, прописать ему диету для лечения язвы. Во время этой так называемой ссылки Железная гвардия рьяно добивалась благосклонности со стороны нацистов. Лидер Железной гвардии Сима писал Гитлеру в 1944 году:

„Вы, несомненно, слышали, что министр иностранных дел фон Риббентроп санкционировал создание особых румынских подразделений в составе румынских национальных сил. Наряду с этими подразделениями румынская армия будет реорганизована под моим наблюдением. Я мечтаю, чтобы лучшие из лучших легионеров присоединились к войскам СС, где, я уверен, они получили бы не только отличную военную подготовку, но, самое главное, им привили бы правильное политическое восприятие мира”.

Чиунту был в числе „лучших из лучших”. В 1944 году он в составе других легионеров воевал против СССР на восточ-

ном фронте. Сима оставался в Германии, ожидая разрешения немецкого командования на возвращение в Румынию, чтобы закончить „дела“, начатые легионом в 1941 году.

Но этому не суждено было случиться. В августе 1944 года румынское правительство заключило перемирие с союзниками и объявило войну Германии. Немцы ответили массированным воздушным налетом на Бухарест. Лидеры Железной гвардии были отправлены из Германии в Вену для подготовки и последующей заброски в Румынию. Однако через неделю советские войска вступили на территорию Румынии, и остаткам легионеров пришлось спешно удирать в безопасное место. Хория Сима в Вене сформировал правительство в изгнании, так называемое теневое правительство, которое было расформировано только через девять дней после самоубийства Гитлера в своем бункере.

Ярослав Стецько являлся председателем Антибольшевистского блока народов (АБН) и одним из основных лидеров Всемирной антикоммунистической лиги. Он был связан с будущими деятелями лиги еще до ее официального создания в 1966 году. Во время визитов на Тайвань в 1956, 1957, 1961 и 1964 годах, а также на многих конференциях ВАКЛ Стецько добивался реализации своих долгосрочных интересов. В жесткой антикоммунистической позиции правительства Тайваня, в его готовности бороться с коммунизмом всеми доступными средствами Стецько нашел совпадение со своими собственными взглядами. В 1958 году он принял участие в подготовительной конференции Всемирной антикоммунистической лиги в Мексике и был одним из тех, усилиями которых лига затем была создана. В 1970 году его избрали в совет, являвшийся руководящим органом лиги. Стецько пользовался известностью в антикоммунистических кругах всего мира. На приемах и различных форумах его представляли как патриота, борца за свободу и пленника нацистских концлагерей. Он встречался со многими известными консерваторами, среди которых были главы государств, конгрессмены и сенаторы.

Стецько удалось хорошо замести свои следы. Судя по официальной биографии, Стецько во время второй мировой боролся как против СССР, так и против Германии за независимую Украину. Далее в биографии говорится, что он был брошен в концентрационный лагерь Заксенхаузен, где подвергся длительным и бесчеловечным пыткам, которые якобы не прошли бесследно для его здоровья. Самое интересное то, что это говорится об одном из наиболее убежденных нацистских пособников.

В 1938 году внешность Стецько вводила в заблуждение многих. Вряд ли кто мог предположить, что сын священника

в круглых очках, с лысеющей головой, жидкой козлиной бородкой способен на преступления, не говоря уже об убийствах. Разгадка таилась в чертах его лица: тонкие губы постоянно кривились в горькой усмешке, а злые и холодные глаза с праведным гневом выглядывали из-под стекол очков. Даже в тюрьме его ненависть не уменьшилась, не утихло стремление бороться до конца: может быть, поэтому нацисты выказывали особую благожелательность по отношению к Стецько. К тому времени, когда немцы обратили на него внимание, Стецько уже провел почти два года в польской тюрьме за участие в убийствах руководящих лиц из состава правительства Польши. Как руководитель отделения организации украинских националистов в Галиции (ОУН), Стецько с отвращением относился к парламентским формам правления, и его не раз проявленная готовность уничтожить ее сторонников была как раз тем качеством, которое фашисты искали в людях.

Нацисты рассматривали украинских националистов как потенциально важных союзников. Идеология оуновцев — фанатичный расизм по отношению к коренным полякам и русским, злобная ненависть к евреям — находила у них широкий отклик. В конце 30-х годов нацисты разработали обширные планы использования украинских националистов, и, готовясь к вторжению в Польшу, они придавали большое значение их организационному укреплению. Немцы носились даже с идеей создания номинально независимого правительства в Галиции под контролем ОУН. Возможность осуществления этого плана зависела от того, „могли ли украинские националисты организовать восстание, целью которого было бы уничтожение евреев и поляков”.

К 1938 году у нацистов появилась настоятельная необходимость освободить Стецько из тюремного заключения, так как в 1937 году подброшенной бомбой был убит пронемецки настроенный лидер украинских националистов. После этого в ОУН начался разброд. Образовались два соперничающих лагеря: осторожная старая гвардия и молодые, вроде Стецько, авантюристы, готовые к военным действиям. Освобожденный из тюрьмы Стецько стал движущей силой в деле создания новой организации украинских националистов ОУН/Б, руководимой Бандерой. Бандера выбрал Стецько в качестве своего заместителя, и этот союз продолжался девятнадцать лет. В 1959 году Бандеру убили на улице Мюнхена, а Стецько продолжил свой путь, который привел его к встрече с президентом США.

Немцы хотели с помощью Стецько объединить ОУН, хотя сами поддерживали оба соперничающих украинских лагеря. Но „грязная работа” осуществлялась в основном членами ОУН/Б.

В ходе подготовки к нападению на Советский Союз нацисты сформировали из украинских пособников несколько батальонов. В один из них, „Нахтигаль“, вошли в основном сторонники Бандеры и Стецько. Его солдаты, одетые в форму вермахта, в составе головного отряда фашистов должны были вторгнуться на территорию Украины. Задачей „Нахтигалья“ было осуществление актов саботажа в тылу советских войск, ведение „партизанской“ войны, нападение из засад на воинские подразделения. ОУН/Б организовала также свою секретную полицию, или службу безопасности, которая по заданию нацистов истребляла коренных русских, евреев и коммунистов, причем выполняла это задание со зверской жестокостью. Начальником службы безопасности был Микола Лебедь, который, даже по словам сочувствующего ОУН писателя Джона Армстронга, своей жестокостью снискал себе незавидную репутацию. Лебедь был третьим по значимости человеком в ОУН/Б после Бандеры и Стецько. Он несет ответственность за уничтожение тысяч противников Германии на Украине и еще большего числа людей в послевоенный период в лагерях для перемещенных лиц. Сейчас Лебедь живет в Нью-Йорке.

30 июня 1941 года передовые отряды вермахта вошли во Львов. С ними были и головорезы из „Нахтигалья“, которыми командовали немецкий офицер Теодор Оберлендер и Ярослав Стецько.

Во Львове в небольшом зальчике Стецько созвал „конгресс“, с трибуны которого провозгласил создание украинского государства, а себя объявил его премьер-министром. Неизвестно, на что рассчитывал Стецько: ожидал ли он молчаливого одобрения своих действий со стороны немцев или же хотел поставить их перед свершившимся фактом. Несомненно одно: новости, переданные из Львова по радио, не возымели должного эффекта: немцы пришли в ярость, но, не желая отталкивать от себя украинских пособников, они до поры до времени ничего не предпринимали. В замешательстве Стецько покорно обратился к немцам за одобрением своих действий, заверяя нацистов в своей полной лояльности. „Украинское государство будет тесно сотрудничать с великой национал-социалистской Германией, которая под руководством Гитлера создаст новый порядок в Европе и во всем мире. Украинская армия вместе с союзнической Германией будет бороться за установление „нового порядка“ в мире“.

Через несколько часов после прибытия Стецько во Львов начались погромы, которым было дано кодовое название „Операция Петлюра“. Были арестованы евреи, местная интеллигенция, известные русские деятели, партийные функционеры, те, кого подозревали в оказании сопротивления „новому порядку“. Все они были уничтожены нацистами и украинскими националистами. „Столица Галиции – Львов, – писал

историк Рауль Хильберг, — стала ареной массовых арестов местного населения. Более тысячи еврейских интеллектуалов было передано в руки полиции безопасности". Облавы начались 2 июля 1941 года — спустя два дня после того, как Стецько прибыл во Львов и провозгласил себя премьер-министром Украины. За время, пока Стецько находился во Львове и, по его словам, управлял городом, было истреблено около семи тысяч человек, в основном евреев. Десятки тысяч других были уничтожены в сельской местности мародерствующими отрядами ОУН/Б.

За последующие четыре года нацистами и их пособниками из вспомогательной украинской полиции было истреблено все еврейское население Львова (около ста тысяч человек) и более миллиона евреев в других областях Украины.

„Эйнзацгруппы“ (немецкие мобильные отряды убийц) создавали на местах подразделения местной полиции, которые были поставлены в условия частичного самофинансирования за счет денег и ценностей, изымаемых у евреев. Украинские националисты использовались для выполнения наиболее „грязных“ заданий. Так, „особая команда 4а“ специализировалась в основном на расстрелах взрослых, а помогающие ей украинские пособники уничтожали детей.

Стецько не был свидетелем такой „работы“ своих приспешников, так как 9 июля он, Бандера и их ближайшие помощники за самовольное провозглашение независимости Украины оказались под „почетным арестом“ и были отправлены в Берлин. Поскольку они не пожелали отказаться от этого акта, немцы поместили их в Заксенхаузен. Теперь Бандера и Стецько оказались в изоляции, но это не означало, что фашисты потеряли доверие к украинским националистам, или наоборот. ОУН/Б продолжала выполнять приказы нацистов. Наряду с нападениями на военнослужащих Красной Армии, оуновцы расправлялись с партизанскими отрядами и коммунистами. В оставшийся период войны организацию оуновцев возглавил Микола Лебедь, который в свою очередь подчинялся Бандере и Стецько. По крайней мере, один раз в 1943 году Стецько приезжал в Польшу для встречи с Лебедем, хотя, по его словам, в то время он „томился“ в нацистском концентрационном лагере. Заслужив доверие нацистов, многие последователи Стецько—Бандеры были завербованы для оказания фашистам помощи в перевозке евреев из гетто в концлагеря и для их охраны там. Украинские националисты приняли преступное участие в решении судьбы польских евреев. Подразделения СС и полиции использовали отряды украинских националистов в карательных операциях против евреев не только в Галиции, но и в гетто Варшавы и Люблины. Когда ход войны начал складываться не в пользу Германии, фашисты стали больше опираться на своих союзников — украинских национа-

листов. В 1944 году нацисты создали украинскую повстанческую армию и во главе ее наряду с другими встали Стецько и Бандера. В самом конце войны, когда можно было уже говорить о крахе „тысячелетнего рейха“, некоторые отряды украинских националистов стали стрелять по отступающим немецким войскам, что дало Стецько повод утверждать, что украинские националисты боролись как против фашистов, так и против Советов. Это сослужило ему хорошую службу.

Невысокого роста, в очках, Стефан Хефер на конференциях Всемирной антикоммунистической лиги не привлекал особого внимания, пока не брал слова. Его неистовое поведение, быстрая, скороговоркой речь, резкие жесты, сильный, срывающийся голос — все это служило тому, чтобы назлектризовать и в то же время позабавить публику.

До своей смерти в 1973 году Хефер часто по важным делам посещал США. Будучи лидером Хорватского освободительного движения (ХОП), он руководил работой его отделений. В штаб-квартире своей организации в Буэнос-Айресе он создал правление хорватских обществ, призванное координировать деятельность отделений ХОП в Европе, Австралии и США, которая была направлена против югославского правительства. Деятельность эта состояла в объединении различных хорватских эмигрантских групп, завоевании поддержки со стороны их общин и церкви, проведении антиюгославских сборищ и вступлении в такие организации, как Всемирная антикоммунистическая лига. В этой работе применялись и другие менее привлекательные методы: угон и повреждения самолетов гражданской авиации, убийства, взрывы. Хорватские националисты широко использовали террор.

Хефер не всегда обладал такой большой властью, которой он пользовался в ХОП или во Всемирной антикоммунистической лиге. Весной 1941 года он играл подсобную роль при другом хорватском националисте Анте Павеличе.

Эти два человека имели много общего: по образованию оба были юристами, католиками, средних лет, являлись членами парламента, играли ведущую роль в террористической организации, называемой усташами, что в переводе с хорватского означает „пробудившиеся“ или „поднявшиеся“. Оба принимали участие в геноциде против своих соотечественников, в садистских убийствах, которые ужасали даже их союзников-нацистов. Анте Павелич — поглавник (фюрер) Хорватии и Стефан Хефер — генерал-губернатор вошли в историю, пройдя по трупам миллионов своих истерзанных жертв. (Даже после войны у них была общая судьба: оба бежали в Аргентину, чтобы попытаться воскресить там деятельность своей организации.)

В 1920 году Югославия представляла собой федерацию из шести республик с четырьмя основными языками, тремя религиями и полдюжиной этнических групп. В сложном комплексе балканской политики этого периода указанные обстоятельства делали Югославию необычайно легкой добычей: ее соседи всегда могли найти ту или иную группировку, которая выступила бы за ликвидацию федерации. Наиболее подходящими для этого были хорваты, стоявшие на крайних националистических позициях.

В Хорватии, большой области на севере Югославии, проживает много наций. Перед второй мировой войной в Хорватии насчитывалось около трех миллионов хорватов-католиков, почти два миллиона сербов (в основном православной веры), миллион мусульман и около пятидесяти тысяч евреев. Играя на суеверии и предубеждениях, фанатичные хорватские националисты выдвигали различные расистские и фальсифицирующие истории теории, надеясь таким образом получить поддержку населения. У экстремистов было свое решение проблемы смешанного населения Хорватии: не католики или люди нехорватского происхождения должны были быть депортированы или уничтожены. Анте Павелич и возглавляемое им движение усташей были их рупором.

Чтобы очистить Хорватию от нежелательных национальных и религиозных элементов, в первую очередь необходимо было ликвидировать правительство Югославии, и Анте Павелич мог рассчитывать в этом деле на помощь со стороны. В 1929 году правительство короля Александра начало „зажимать“ хорватских националистов, но к этому времени у Павелича были широкие международные контакты. Он переправил своих усташей в учебные центры Италии и Венгрии и оттуда постоянно проводил широкую кампанию террора против правительства Югославии, кульминацией которой явилось убийство короля Александра в Марселе в 1934 году. Это преступление было совершено под непосредственным руководством Павелича.

Усташа подражали Адольфу Гитлеру и Бенито Муссолини. Они одевались в фашистскую форму, носили нацистские награды, приветствовали друг друга поднятой рукой, подражали строевому шагу нацистов. Находясь под присмотром итальянских властей, в черной униформе итальянской фашистской полиции, хорваты готовились к проведению повстанческих операций и „освобождению“ своей родины.

Эта возможность представилась в марте 1941 года, когда народ Югославии восстал, протестуя против подписания правительством соглашения с Гитлером. Гитлер требовал от своих солдат, готовившихся к нападению на Югославию, решительных и безжалостных действий.

10 апреля отряд усташей вместе с германской армией вошел в Загреб. Хорватия была провозглашена независимым государством во главе с Анте Павеличем. Снявшись со своих мест в лагерях фашистской Италии, Павелич и его приспешники, вооруженные итальянскими автоматами, прибыли в Загреб. Убийца и садист, Павелич хотел зарекомендовать себя надежным союзником нацистов и сразу же приступил к „чистке“ страны. Новый генерал-губернатор Великого Зупана (провинции) Баранья Стефан Хефер всеми силами доказывал, что является идеальным фашистским бюрократом, так старался понравиться „поглавнику“, что их дружба продолжалась до 1959 года. Взгляды усташей Хефер ревностно претворял в жизнь.

Принципы движения усташей были официально объявлены „настоятельными потребностями“ хорватского народа. В теории это означало следовать „принципам героизма и храбрости, изначально присущим хорватам“.

На практике это значило, что резня сербов и депортация евреев в нацистские лагеря являлись официальной государственной политикой. Банды хорватских террористов рыскали по долинам и горам в поисках жертв. В отличие от своих фашистских наставников, хладнокровно и „чисто“ расправлявшихся с людьми, усташа получали удовольствие от человеческих мучений. Большинство их жертв не были расстреляны. Их душили, вешали, топили, жгли или забивали до смерти. Усташа загоняли сербов в православные храмы, запирали двери и поджигали их. На одной из фотографий усташа, улыбаясь, позирует перед столом, на котором распростерто тело сербского бизнесмена, кастрированного, распиленного, изрезанного ножами, подпаленного огнем. Фитцрой Маклин, британский военный офицер связи при партизанских отрядах, боровшихся с усташами, писал: „Резня началась в конце июня 1941 года, продолжалась все лето и достигла своего апогея в августе. Вся Босния была залита кровью. Банды усташей рыскали по стране с ножами, автоматами и дубинками, убивая сербских мужчин, женщин, малолетних детей, оскверняя сербские церкви, уничтожая сербских священников, опустошая сербские деревни, мучая, насилуя, сжигая. Убийство стало культом, наваждением“.

Усташа устраивали между собой соревнования: кто сможет убить больше „врагов“. Чтобы произвести впечатление на „поглавника“ Павелича и оказаться отмеченным за проявленный „героизм“, бандиты позировали со своими жертвами перед камерой. На захваченных фотографиях, которые слишком ужасны, чтобы их воспроизводить, усташа обезглавливают серба топором, отпиливают голову пилой, проносят головы жертв по улицам Загреба. На всех снимках улыбающиеся усташа позируют группами. Некоторые усташа собирали гла-

за убитых ими сербов и, когда их набиралось в достаточном количестве, отправляли их „поглавнику“ или же гордо демонстрировали их и другие органы своих жертв в кафе Загреба. В конце концов действия усташей оказались слишком жестокими даже для немцев и католического духовенства, первоначально их поддерживавших. Немцы пошли на столь решительный шаг, как расформирование одного из полков усташей в 1942 году за содеянные им зверства. Итальянские войска, размещенные в прибрежных, аннексированных Муссолини районах, прятали евреев и сербов, отказывались помогать бандам усташей, считая это несовместимым с честью офицера итальянской армии.

Будучи генерал-губернатором провинции Баранья, Хефер смог выполнить свои обязанности. Он отдал приказ о массовой депортации сербского и еврейского населения. Эти люди были перемещены усташами в различные концлагеря, вывезены в Сербию. Большинство узников концлагерей погибло. Только в районе Слатина было истреблено тридцать пять сербских семей. Кроме того, все еврейские семьи этого района были отправлены в концентрационные лагеря, их следы обрываются в Освенциме.

Можно сказать, что Хеферу было легче, чем другим генерал-губернаторам усташей, выполнить поставленные Павеличем задачи: провинция Баранья — это сельскохозяйственный район с равнинным ландшафтом, где сербам и евреям было трудно укрыться. В 1944 году Хефер за свои „заслуги“ был назначен министром продовольствия и переведен в Загреб. Он оставался там до 1945 года, когда правительство усташей рухнуло под напором наступавших советских войск. Хефер вместе с Павеличем и его приспешниками бежал в Австрию. Отсюда они смогли ускользнуть за океан, с тем чтобы в эмиграции вновь зажечь факел усташей.

Глава 3

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Наша организация никогда не была и не будет какой-то замкнутой группой. Антибольшевистский блок народов (АБН) — это прежде всего организация бойцов. В нее должны входить только люди, наделенные большой смелостью, преданные делу освобождения своих стран, готовые на пожертвования.

*Доктор К. Дж. Унтару, представитель АБН.
Лондон, 1968 год*

Железная гвардия, ОУН, организация усташей не исчезли в пепле „третьего рейха“. Созданные реакционными католическими кругами службы по оказанию помощи этим отщепенцам снабдили членов упомянутых организаций фальшивыми удостоверениями личности, обеспечили им защиту, помогли тайно выбраться из Рима. Американские и английские разведывательные службы вербовали сотни членов этих организаций для работы в своих пропагандистских аппаратах и для выполнения шпионских заданий против восточноевропейских стран.

В отличие от многих бежавших немецких нацистов румынские, украинские и хорватские фашисты не успокоились и не доживали спокойно свои дни. Находясь в изгнании в Южной Америке, Западной Европе, Канаде, Соединенных Штатах, они восстановили свои организации, сохранили верность своей идеологии, ненависть к евреям, продолжали кричать о необходимости создания „нового порядка“. Они сформировали свои боевые организации под невинно звучащими названиями, принимали участие в работе международных форумов, где ратовали за необходимость борьбы с коммунизмом. Они достигли важных постов в эмигрантских и политических организациях в странах своего пребывания. В Соединенных Штатах они стали деятелями республиканской или демократической партий, присутствовали на приемах в Белом доме, встречались с президентами, вице-президентами, конгрессменами и сенаторами. Объединенные под знаменем Антибольшевистского блока народов, они помогли создать Всемирную антикоммунистическую лигу.

После войны легионеры Михаила архангела исчезли из поля зрения, сумели скрыться в хаосе послевоенной Европы. Большинство из тех, кого наступавшие советские войска за-

хватили в Румынии или кого после войны выслали на родину, были казнены новым послевоенным правительством. Некоторым удалось бежать в Южную Америку. Часть легионеров осталась в лагерях для перемещенных лиц в Западной Европе. После поверхностной проверки и установления „непричастности“ (недоказанной) к военным преступлениям и фашистским организациям им разрешили эмигрировать в страны, где у них были родственники или покровители. Большое число легионеров выехало в Канаду или Соединенные Штаты, нередко при содействии румынской православной церкви.

В мае 1945 года Хория Сима, который несет главную ответственность за резню 1940 и 1941 годов в Румынии, через австрийскую границу удалось улизнуть в западную часть Германии.

„В октябре 1945 года мы вышли из убежищ, полагая, что другие легионеры были захвачены союзниками и переданы Советам, как это случилось с некоторыми эмигрантами. Но мы обнаружили, что легионеры не только оказались на свободе, но и перегруппировали свои силы, организовали комитеты для оказания помощи эмигрантам во всех оккупированных зонах.

Железная гвардия со стороны союзников гонениям не подвергалась, потому что немцы бросали нас в концентрационные лагеря. Но верно и то, что мы до конца сражались на стороне немцев и сформировали свое правительство в Вене. Однако союзники приняли во внимание тот факт, что мы не располагали властью над какой-либо территорией, что мы не участвовали в объявлении войны и не совершили каких-либо преступлений против человечества”.

Из интервью с Хорией Симой

Лидер Железной гвардии Хория Сима оказался в конце концов в лагере для перемещенных лиц в Италии, где избежал разоблачения, приняв другую фамилию (Криват). Он бежал из лагеря во Францию. Затем ему удалось уехать в Испанию, где он и остался на жительство.

По словам Симы, побег Чирилы Чиунту был не столь драматичен. В конце войны Чиунту работал на ферме в Германии, затем до отплытия в Аргентину печатником во Франции. В Аргентине он нашел двух покровителей: доктора, „имевшего хорошего друга в канадском посольстве”, и священника румынской православной церкви в Канаде. При их покровительстве Чиунту эмигрировал в Канаду. Все еще разыскиваемый Румынией за военные преступления, он поступил на работу на сталелитейный завод и незаметно вошел в эмигрантскую общину

в Виндзоре. На этом закончились странствования Чиунты, но не его миссия, поскольку в Северной Америке он воссоединился с Виорелом Трифой.

Чирила Чиунту, не раз представлявший румынских эмигрантов на конференциях Всемирной антикоммунистической лиги, и сейчас остается активным членом Железной гвардии. В своей книге „Разыскивается“ Говард Блюм отмечает: „Чиунту сыграл наиболее важную роль в воскрешении Железной гвардии в Америке. В качестве казначея американских легионеров он собирает взносы с отделений Железной гвардии в Америке и лично доставляет эти деньги в Испанию Симе.

„Что я делаю в Испании? — заявил Чиунту одному из авторов. — Покупаю книги, антикоммунистические книги. Мы обнаружили, что евреи являются коммунистами, и пришли к выводу, что повсюду евреи приносят неприятности“.

Трифа, призывавший легионеров на войну с евреями во имя национал-социализма, бежал в Италию. До эмиграции в Соединенные Штаты в течение пяти лет он преподавал в миссионерском колледже. В 1952 году был назначен на должность епископа румынского православного епископата в Америке. Спустя три года по приглашению вице-президента Ричарда Никсона он служил в сенате США. Трифа использовал румынскую православную церковь для того, чтобы не дать заглухнуть движению Железной гвардии в США и Канаде. Согласно официальной церковной публикации от 1972 года, „епископат провозгласил в США программу теологической подготовки и набора приходских священников из числа церковнослужителей румынской православной церкви, которые покинули Румынию после второй мировой войны в связи с приходом там к власти коммунистов. Большинство священников, эмигрировавших в Европу или на американский континент, была предоставлена возможность совершать церковную службу под юрисдикцией епископата“.

Набранные на эти курсы лица нередко были не священниками, а легионерами — убийцами из рядов Железной гвардии. По меньшей мере шестнадцать из сорока шести священников, перечисленных в публикации, были связаны с Железной гвардией. В 70-х годах тех, кто в 1941 году сдирал кожу с живых людей, можно было найти за церковными кафедрами в США и Канаде, одетыми в этот раз не в зеленые рубашки железногвардейцев, а в рясы священнослужителей. Церкви регулярно проводили службы в память погибших легионеров, алтари украшались флагами легиона, практиковался обмен фашистскими приветствиями.

Являясь духовным лидером, Трифа контролировал свою разветвленную фашистскую сеть в Соединенных Штатах. Свой вклад в воскрешение Железной гвардии внесла не только цер-

ковь, но и различные правые организации, газеты, периодические издания.

После многих лет судебного разбирательства, проведенного по настоянию доктора Чарльза Кремера, румынского еврея, вся семья которого была уничтожена Железной гвардией, Трифа был лишен американского гражданства и в 1984 году выслан в Португалию. Но даже и тогда его „духовные дети“ не оставили его.

„Ваше Высокопреосвященство!

Когда Вы встали во главе нас,

Нас было всего несколько человек, но с Вашей помощью нас теперь много.

Мы были разделены, Вы оставляете нас сплоченными.

Мы были слабы в нашей вере, Вы вдохнули в нас силу.

Мы не представляли своей генеалогии, теперь мы гордимся своим происхождением“.

Политическая деятельность Железной гвардии направлялась Хориа Симой из Мадрида. Он опубликовал несколько книг, в которых совсем не упоминается о зверствах легионеров и на них не возлагается вина за акты организованного насилия. Не желая замыкаться в своем прошлом, Железная гвардия под руководством Симы присоединилась к глобальному антикоммунистическому походу, добилась признания законности своего существования и вступила в члены ряда международных организаций, в том числе во Всемирную антикоммунистическую лигу.

В конце войны, когда рухнула нацистская Германия, сотни тысяч украинцев оказались в лагерях для перемещенных лиц. Среди них были и тысячи нацистских пособников, в том числе Стецько и его сторонники. Хотя в этих лагерях союзниками проводились мероприятия по розыску военных преступников, украинским националистам не о чем было беспокоиться. Одним из последних заданий, которое было дано в связи с наступлением советских войск, был сбор различных печатей, штампов, бланков документов, которые могли бы пригодиться в эмиграции. На конспиративных квартирах они изготавливали фиктивные паспорта, личные дела и даже списки украинцев, которых нацисты якобы собирались уничтожить за антифашистскую деятельность. Естественно, в эти списки включались те украинцы, которые на самом деле активно сотрудничали со своими хозяевами-немцами. Имея такие документы, нацистские пособники направлялись на Запад, в лагеря перемещенных лиц в английской и американской зонах оккупации.

В этих лагерях бандеровцы, сохранившие свою секретную полицию, уничтожили всех своих соперников и даже тех сторонников, которые располагали доказательствами совершенного националистами на Украине геноцида и на молчание которых нельзя было рассчитывать. В результате таких „чисток“ бандеровцы приобрели решающее влияние в украинской эмиграции.

Важно то, что выжить сторонникам Бандеры—Стецько помогли представители секретных служб США и Великобритании. Сотнями они вербовали украинских националистов для проведения шпионской деятельности против Советского Союза. Американский репортер, посетивший лагеря перемещенных лиц в 1948 году, обнаружил, что контрразведывательная служба США „вместо розыска нацистских преступников в основном занималась проведением разведывательной работы против Советского Союза. Она установила тесные контакты с действовавшим в лагерях нацистским подпольем и не стремилась к обезвреживанию бывших сторонников „третьего рейха“.

Гарри Розитцке, бывший высокопоставленный сотрудник американской разведки, в своей книге „Секретные операции ЦРУ“ также косвенно касается этой проблемы:

„Кандидаты в агенты вербовались в лагерях для перемещенных лиц в Германии из числа бывших советских военнослужащих, а также из различных эмигрантских групп. Эти лица подвергались тщательному допросу. Их возможности оценивались оперативными сотрудниками. Наши наводчики в лагерях для перемещенных лиц помогали организовывать собеседования с эмигрантами, обращали наше внимание на подходящих кандидатов“.

Однако Розитцке не знал или не хотел признавать, что среди подобных кандидатов было большое число нацистских пособников и лиц, разыскиваемых за военные преступления. В эмигрантских группах основную роль играли украинские националисты. Сотрудники американской разведки, занимавшиеся вербовкой агентуры из числа оуновцев, искажали историю этой националистической группировки, заявляя, что они „яростно сражались с немцами“. Это утверждение сегодня настойчиво повторяется последователями Стецько, но оспаривается большинством экспертов. В числе их и Джон Лофтус, автор книги „Белорусские секреты“, который в течение двух лет работал следователем Отдела специальных расследований министерства юстиции, занимающегося розыском нацистов.

„Такое представление роли ОУН — стопроцентная фальшивка. Секретные архивы ОУН недвусмысленно свидетельствуют о том, что большинство членов этой организации работало на гестапо в качестве полицейских, палачей, старост или оказывало оккупантам помощь в борьбе с партизанами. По-

мощь ОУН немцам в их военных действиях была значительной. Оуновцы помогли немцам сформировать из добровольцев несколько дивизий СС", — писал Томас О'Тул в газете „Вашингтон пост“ в ноябре 1982 года.

Имея таких влиятельных защитников, многие нацистские пособники из стран Восточной Европы не только уверовали в то, что не будут наказаны за военные преступления, но и смогли реорганизовать свои ряды. При финансовой поддержке американских покровителей ОУН создала региональную антикоммунистическую организацию — Антибольшевистский блок народов (АБН), который, по словам его бывшего высокопоставленного функционера, получал средства также из Великобритании и „значительную“ помощь из ФРГ.

Многое уже написано о различных нацистских подпольных группировках — „Одесса“, „Камераден-верк“ и т. д., которые были созданы после войны, чтобы помочь избежать наказания военным преступникам и дать им возможность работать в интересах создания „четвертого рейха“. Однако ни одна организация не могла сравниться по масштабам работы, ее глубине и влиянию с Антибольшевистским блоком народов. После своего создания эта организация превратилась в своего рода самый большой и наиболее надежный „зонтик“ для нацистских пособников. Организатором и председателем этого „интернационала бывших нацистов“ являлся не кто иной, как Ярослав Стецько.

Хотя АБН в основном контролируется украинскими националистами во главе со Стецько, в нем имеются отделения, представляющие эмигрантов из других союзных республик СССР, а также из всех восточноевропейских стран. Основным критерием для членства в АБН является преданность делу национал-социализма. Функционеры АБН фактически являются лицами, ответственными за убийства миллионов гражданских лиц во время самой кровавой войны в истории человечества.

Следующим по важности руководителем АБН после Стецько в 40-х годах был председатель совета наций блока Альфред Берзинс, которого Стецько обычно представлял в качестве „еще одного бывшего заключенного нацистских концентрационных лагерей“. Берзинс был латышом, который добровольно пошел служить в созданный по инициативе нацистов полицейский батальон, ответственный за аресты и уничтожение своих сограждан, евреев и членов Коммунистической партии. В феврале 1942 года он вступил в латвийское подразделение эсэсовцев и вскоре был награжден Гитлером Железным крестом I степени. В эмиграции он стал секретарем центрального комитета организации Данагаус Ванаги (Ястребы), в которую входили латвийские офицеры СС и бывшие министры правительства, осуществлявшие „окончательное решение“ еврейского вопроса в своей стране. До самой

смерти Берзинс жил под своей фамилией в Хэмптон Роудс (США).

Являясь председателем центрального комитета АБН, Стецько сумел погасить в 50-х годах межнациональные разногласия среди членов блока и привлечь в его ряды фашистов со всего света. Сегодня белорусские, венгерские, румынские, хорватские нацистские пособники, и это только некоторые из них, представлены в АБН. В состав хорватской секции АБН входят усташи из „хорватского освободительного движения“ Павелича и Хефера, болгарское отделение составляют члены болгарского национального фронта, который является боевой группой фашистского болгарского легиона времен второй мировой войны. Румынская часть АБН состоит из членов Железной гвардии.

Блок принимает определенные меры для привлечения в свои руководящие органы молодых людей с чистой репутацией. Ведь по крайней мере семь из одиннадцати членов центрального комитета АБН, который осуществляет общее руководство деятельностью блока, в 1980 году обвинялись в военных преступлениях.

Через свою штаб-квартиру в Мюнхене и главное отделение в Нью-Йорке АБН в течение длительного времени выдвигал о себе такую версию, которая не имеет ничего общего с фактическим положением дел. Все упоминания о пребывании его членов на службе у нацистов были заменены хвалебными пассажами о непомерных жертвах, понесенных АБН в борьбе за свободу и независимость людей планеты.

Несмотря на свою скандальную историю и пользующийся дурной репутацией состав, АБН не проводит своих заседаний скрытно, в каких-то горных пещерах. Эта международная организация действует у всех на виду: выпускает журналы, проводит демонстрации, занимается лоббистской деятельностью в Соединенных Штатах и Западной Европе. АБН имеет свои отделения в Англии, Нидерландах, Бельгии, Канаде, Испании, Италии и Аргентине. АБН создал Европейский совет за свободу, в состав западноевропейского крыла которого входят известные консерваторы и разыскиваемые нацистские пособники. Во многих городах США учреждены отделения организации Американские друзья АБН. Сюда входят Детройт, Чикаго, Лос-Анджелес, Кливленд и Майами. Функционеры этой организации встречаются с конгрессменами и сенаторами для получения поддержки. В качестве почетных гостей на ее мероприятиях присутствуют как демократы, так и республиканцы. В состав специальных комитетов АБН входят бывшие высокопоставленные военные, в том числе генерал Даниэль О. Грэм (бывший директор разведывательного управления министерства обороны США), генерал Брюс Холлоуэй (бывший командующий стратегическими во-

енно-воздушными силами США), английский генерал Уолтер Уолкер (бывший командующий северным районом войск НАТО).

Если мы рассмотрим деятельность одного отделения АБН в течение года, то увидим, что его члены имеют широкий доступ к выборным должностным лицам США. В сентябре 1981 года чикагское отделение Американских друзей АБН выбирало новых руководителей. В число избранных попали Джон Косяк, нацистский пособник из белорусов; Александр Ромнетт, член румынской Железной гвардии; Антон Бонифасич, бывший сотрудник внешнеполитического ведомства хорватских усташей; Джордж Паприкофф, участвовавший в пронацистском движении болгарских легионеров. В октябре того же года указанные лица сопровождали прибывшего в США Стецько, когда он выступил с речью на совместном заседании конгресса штата Иллинойс и имел частную аудиенцию у губернатора штата Джима Томпсона. В июне 1982 года несколько членов АБН прибыли в Вашингтон, „где они были проинструктированы сотрудниками ЦРУ и ФБР, приняты министром внутренних дел Джеймсом Уоттом, председателем совета управляющих федеральной резервной системы, министром торговли Малкольмом Болдриджем, а также имели возможность в частном порядке побеседовать с сенаторами Чарльзом Х. Перси, Аланом Дж. Диксоном и конгрессменом Генри Дж. Хайдом“.

В лице Рональда Рейгана АБН нашел самого близкого союзника, которого он когда-либо имел в Белом доме. 13 июля 1983 года Ярослав Стецько, который был когда-то посажен в тюрьму за участие в убийстве должностного лица польского правительства, который заявлял о своей приверженности нацизму, сторонники которого участвовали в уничтожении евреев на Украине, сидел в середине первого ряда зала приемов и слушал Рейгана. „Ваша борьба — это наша борьба, ваша мечта — это наша мечта“, — заявил президент США. Потом Стецько жал руку Рейгану и позировал фотографам.

„Что бы мы ни думали о Рейгане, — заявил в 1984 году репортеру функционер АБН Роман Цвариц, — организованная его администрацией церемония по случаю „недели поработенных стран“ по меньшей мере является показателем фундаментальных сдвигов в американской внешней политике, которая привела к выгодным для нас тактическим изменениям. Впервые за двадцать — двадцать пять лет с нами консультируются по поводу содержания передач „Радио Свобода“ на Украину. До Рейгана ни один из руководителей внешней политики США даже не считал необходимым встречаться с нами“.

Результаты этих консультаций можно было видеть в 1985 году: расследование деятельности „Радио Свобода“ и радиостанции „Свободная Европа“, проведенное конгрессом США

в начале второго срока пребывания Рейгана у власти, показало, что „они передают неприемлемый материал... характеризующийся как антисемитский, антикатолический и даже антизападный“. В числе оскорбительных передач отмечалось „положительное изображение нацистского подразделения „Галиция“, которое было ответственно за уничтожение тысяч евреев во Львове“, — писал Джек Андерсон в апреле 1985 года.

„От лесов Житомира до столицы США Вашингтона, от журнала „Наш фронт“ 1940 года до Белого дома, от манифеста ОУН 1940 года, ставшего базой АБН, до грандиозного празднования в этом году сороковой годовщины АБН, до подъема эмблемы АБН в священном зале конгресса, в этой цитадели свободы, — пройденный путь был тяжел и труден. Мы смогли пройти этот утомительный и полный горестей путь от житомирских лесов до Белого дома только благодаря вашей постоянной поддержке“.

Из обращения
центрального комитета АБН
к конгрессу США, 1983 г.

Возможно, ни одной европейской фашистской группировке не удалось ускользнуть от наступающих советских войск так, как это удалось хорватским усташам. Тысячи менее важных функционеров и солдат были захвачены советскими войсками или партизанами Тито, но почти всему руководству усташей удалось бежать.

Хотя усташа уничтожили около миллиона своих соотечественников, они смогли уйти от наказания благодаря некомпетентности союзников, помощи со стороны Вашингтона, хаоса в послевоенной Европе, взаимной подозрительности США и СССР, щедрой помощи правительств Аргентины и Испании, а также международной солидарности хорватских эмигрантов.

В мае 1945 года тысячи усташей отступали вместе с немецкими войсками, пытаясь сдать англичанам на австрийской границе. Когда Великобритания не разрешила им пройти на территорию Австрии, усташа стали предпринимать меры для изменения своей внешности и приобретения нужных документов. Анте Павелич выщипал свои знаменитые густые брови, приклеил бороду и с аргентинским паспортом на имя Рамирес „проскользнул“ в Австрию. Он спрятался в монастыре святого Джилгина и находился там, пока не был взят под стражу английскими оккупационными войсками. Через два года после освобождения в одежде священника Павелич появился в Италии, откуда был секретно переправлен в другой монастырь. Полагают, что в 1948 году с новым арген-

тинским паспортом, на имя Пабло Арониоса, он отплыл в Буэнос-Айрес.

Стефан Хефер также бежал в Австрию. 19 августа 1946 года, когда правительство Югославии официально потребовало его выдачи для предания суду за совершенные во время войны преступления, американские и английские власти не смогли „обнаружить“ бывшего генерал-губернатора в лагерях для перемещенных лиц. Между тем он уже через год появился в Италии. Оттуда он отплыл на пароходе, чтобы соединиться со своим патроном в Аргентине.

Хеферу организовали побег из Европы по маршруту, который наиболее часто использовался хорватскими усташами. Путь был намечен институтом Святого Джерома, который расположен в доме 132 на улице Томаселли в Риме. Это католическая организация, во главе которой стояли святые отцы Драганович и Левасич, переправила в Южную Америку тысячи усташей.

„Эта организация (институт Св. Джерома), — сообщал в 1947 году сотрудник госдепартамента США Винсент Ла Виста, — бесплатно обеспечивает своих клиентов питанием, жильем и одеждой. Представляется, что необходимые средства она получает от ватиканских кругов, которые в 1923—1941 годах активно ее поддерживали. Католическое вероисповедание и принадлежность к организации усташей являются предпосылками для получения помощи от этой организации при выезде из Италии“.

Институт обеспечивал усташей паспортами благодаря помощи двух симпатизировавших им чиновников из римского полицейского отделения, обслуживавшего иностранцев. После того как паспорта подписывались итальянскими чиновниками, отец Левачич доставлял их в аргентинское консульство, где быстро оформлялись иммиграционные визы. На очередном пароходе, направлявшемся в Аргентину, бронировались необходимые места. Группа монахов из числа бежавших хорватских католиков предоставляла эмигрантам в Буэнос-Айресе необходимую помощь. Вот таким путем ежемесячно не менее пятисот усташей могли покинуть Европу.

Наряду с различной помощью, которую усташаи получали от симпатизировавших им священников и фашистских организаций, их побегу значительно способствовало то обстоятельство, что в действительности их никто не разыскивал. В 1948 году заместитель министра иностранных дел Великобритании заявил, что, несмотря на требования Югославии выдать одну тысячу восемьсот усташей для предания суду за совершенные ими военные преступления, британское правительство окажет содействие только в отношении девятнадцати человек, „которые оказали врагу такую большую помощь, что нам было бы трудно, если не невозможно, отказать в решении вопроса об их выдаче“.

В числе этих девятнадцати был Павелич, которого англичане захватили ранее, но затем освободили. Что касается других лиц, разыскиваемых в качестве военных преступников, среди которых был и Стефан Хефер, „мы не намереваемся принимать каких-либо действий и не будем принимать новых требований к их выдаче. Мы считаем, что пришло время этому делу положить конец“ — так заявили английские власти.

Изображая себя в качестве жертв коммунистических преследований, единственная „вина которых якобы заключалась в их хорватском патриотизме“, усташи в эмиграции быстро создали в своих коммунах различные боевые группы. В 1956 году Павелич сформировал организацию Движение за освобождение Хорватии (ХОП) со штаб-квартирой и верховным советом в Буэнос-Айресе. Стефан Хефер, его верный подручный, был введен в состав верховного совета.

Находясь в изгнании, Хефер не пытался скрыть своей верности делу усташей или своего разочарования в отношении Соединенных Штатов и Великобритании за их отказ рассматривать хорватов в качестве своих союзников. „Великие западные державы предпочли бороться с идеями национализма из-за своих эгоистических соображений. Западные державы согласились с пропагандистскими идеями Тито и югославских коммунистов и приравнивали хорватский национализм и хорватское революционное движение за свободу под руководством партии хорватских усташей к нацизму“.

После того как в 1957 году соперничающие группировки хорватов пытались совершить покушение на Павелича, он скрылся в Испании. В Мадриде Павелич до своей смерти в декабре 1959 года вел спокойную и замкнутую жизнь. Похоронили его тайно на каком-то кладбище под Мадридом.

После смерти Павелича руководство Движением за освобождение Хорватии перешло к Стефану Хеферу. Появились другие группировки, каждая из которых претендовала на роль истинного продолжателя дела усташей. Некоторые из них террористическими актами доказывали свою верность учению Павелича. Одна из таких группировок — революционное братство хорватов, образовавшаяся в 1981 году в Австрии, состояла в основном из хорватов второго поколения, которые поддерживали тесные связи со старыми организациями усташей.

Это „братство“ несет ответственность за большую часть актов „тайной войны“, которую оно ведет против югославского правительства. В их число входит нападение в 1972 году на югославский пассажирский самолет, приведшее к гибели двадцати шести пассажиров, и попытка угона в Нью-Йорке самолета компании „Транс уорлд эйрлайн“, стоившая жизни нью-йоркскому полицейскому. Подобно своим старшим со-

братьям, новое поколение усташей в своих действиях полагается на помощь симпатизирующих им кругов.

В апреле 1971 года семь хорватских террористов ворвались в здание югославского посольства в Стокгольме. Объектом их нападения стал Владимир Ролович, посол Югославии, который за два года до этого передал правительству Австралии доклад относительно террористических актов, совершенных проживающими в этой стране хорватскими террористами. В качестве наказания за разоблачение их действий усташа приговорили его к смерти. Связав Роловича и нанеся ему телесные увечья, хорватские террористы затем убили его. После этого террористического акта они стали известными личностями в среде хорватских эмигрантских кругов всего мира.

Террористы были приговорены к пожизненному тюремному заключению. В ответ на это три других хорвата захватили в сентябре 1972 года шведский авиалайнер, требуя освобождения своих семерых товарищей. Шведские власти удовлетворили это требование, оставив под стражей только одного заключенного, который сам отказался покинуть шведскую тюрьму. Остальные получили убежище в Испании. В 1973 году они вступили в контакт с отдохавшим в ФРГ президентом Парагвая. Тронутый их „несчастьем“, Стресснер согласился предоставить им возможность перебраться в Парагвай. Ему было трудно пройти мимо таких закаленных „борцов за свободу против коммунизма“, не оказав им помощи. Президент Парагвая сразу же включил их в работу по организации подготовки армейских и полицейских кадров. Один член этой группы террористов — Джозо Дамьянович позднее убил посла Уругвая в Парагвае (по ошибке приняв его за нового югославского полномочного представителя), в то время как другой, Миро Баресич, был опознан, когда выполнял функцию телохранителя в уругвайском посольстве в Вашингтоне, и депортирован в Швецию.

Руководителем хорватских убийц является Динко Сакич, член организации усташей. Сакич разыскивается как за военные преступления, совершенные им в период второй мировой войны, когда он был комендантом концентрационного лагеря, а также и за ту преступную роль, которую он сыграл ранее, будучи главой кабинета Павелича. Он обвиняется югославским правительством в координации антиюгославских террористических действий, разгул которых падает на 1970 год. В 1970 году Сакич принимал участие в работе конференции Всемирной антикоммунистической лиги в Парагвае.

Усташа и их последователи стараются держать себя в боевой форме, готовясь к „освобождению“ Хорватии. В 1959 году хорваты вербовались в качестве наемников диктатором Доминиканской Республики Рафаэлем Л. Трухильо для подавления восстания, вспыхнувшего против его жестокого

правления. В 1960 году хорватские наемники сражались в Конго, хорватские эмигранты в Австралии неоднократно предлагали правительству этой страны сформировать отряд в тысячу человек для участия во вьетнамской войне. В 1972 году в ходе операции, имевшей кодовое название „Феникс“, группа в составе двадцати хорватских националистов с боевым заданием проникла в Югославию, однако была обнаружена и уничтожена югославской армией.

Усташи продолжают пользоваться громадным влиянием в среде хорватских эмигрантов во всем мире, включая США. Сейчас они выставляют себя в качестве „демократов“, действующих „в соответствии с американскими традициями свободы и независимости“. Однако такие хорватские газеты, как „Даника“ и „Наса нада“ (последняя является официальной газетой хорватского католического союза в Соединенных Штатах), продолжают с большой почтительностью отзываться о своем умершем „поглавнике“ (имеется в виду Павелич) и о его усташах.

Устахам удалось заставить других услышать их голос и ознакомиться с выдвигаемыми ими требованиями не только в результате совершения террористических актов, но и непосредственным участием в работе международных организаций, таких, как Всемирная антикоммунистическая лига. После смерти Хефера в 1973 году его место в качестве руководителя хорватского отделения лиги занял Антон Бонифасич, один из руководителей усташей, проживающий в Чикаго. Как президент организации Движение за освобождение Хорватии, основанной Павеличем, Бонифасич представляет ее на конференциях ВАКЛ, выступает с речами, принимает резолюции, призывающие к продолжению борьбы за создание „независимого государства“ Хорватии, пытаясь этим переписать историю. Вопреки фактам он утверждал:

„...В отношении хорватского народа осуществлялись акты беспрецедентного геноцида, около миллиона хорватов были уничтожены коммунистами-сербями, которые выступают против самоопределения и национальной независимости Хорватии.

Поэтому одиннадцатая конференция ВАКЛ твердо заявляет, что Социалистическая Федеративная Республика Югославия — это искусственное создание версальской (!) Ялты — должна быть заменена свободными, независимыми и демократическими государствами“.

Интересно отметить, что крестный отец ВАКЛ — Тайвань — признал Движение за освобождение Хорватии в качестве законного правительства в изгнании.

Влияние, которое усташи сумели оказать на мировое общественное мнение, и их способность представлять сообщения о военных преступлениях в качестве образцов коммунистиче-

ской пропаганды хорошо видны на примере махинаций, связанных с днем 10 апреля 1941 года.

Немецкие войска, вторгшиеся в Югославию, установили режим во главе с усташами. Ныне как старое, так и новое поколение усташей отмечают 10 апреля как день независимости Хорватии. Для югославов, особенно сербов и евреев, этот день запомнился как начало массовой резни в отношении их. Во время пребывания Рональда Рейгана на посту губернатора Калифорнии была принята резолюция, в которой для привлечения на свою сторону избирателей-хорватов 10 апреля было признано днем независимости Хорватии. Позднее Рейган отменил эту резолюцию и принес извинения югославскому правительству.

В брошюре, изданной одной из организаций республиканской партии США и озаглавленной „Памятные национальные даты на 1984 год“, относительно 10 апреля сказано: „День независимости государства Хорватии был провозглашен в 1941 году в единогласно принятой декларации. Таким образом, был положен конец вынужденному союзу с королевской Югославией, в котором независимость хорватов подвергалась постоянным угрозам или вообще нарушалась.“

Отсутствие поддержки со стороны Запада и оккупация территории войсками „оси“, к сожалению, заставили молодое государство вступить в союз с Германией“.

Фальсификаторы истории из числа усташей вряд ли бы смогли выразить это лучше.

Мы проследили историю трех нацистских пособников — членов Всемирной антикоммунистической лиги. Указанные лица взяты только в качестве примера. Они не являются тремя „паршивыми овцами в стаде“ лиги, фактически они ничем не отличаются от других военных преступников — членов лиги, некоторые из которых совершили даже более тяжкие преступления.

Постоянным участником конференции ВАКЛ является человек по имени Дмитрий Касмович. В 1941 году вместе с вторгнувшимися в СССР немецкими войсками Касмович вернулся из эмиграции в свою, как он считал, родную Белоруссию. Назначенный затем начальником полиции города Смоленска он помогал „очищать“ район от евреев, партизан, коммунистов, уничтожая целые поселки и деревни. Когда ход войны стал меняться не в пользу Германии, Касмович был направлен на подготовку в школу СС. По возвращении его поставили во главе отряда белорусских нацистов, входившего в состав специального разведывательного подразделения абвера, действовавшего в тылу Красной Армии.

Бежав в Швейцарию, Касмович впоследствии оказался в лагере Агентства Организации Объединенных Наций по оказанию помощи беженцам, где работал сотрудником по продовольственному снабжению. В этом лагере для перемещенных лиц Касмович был завербован английской разведкой и нелегально переправлен в Англию, где жил под фамилией Заречный. Возвратившись в 50-х годах в Германию, он, работая в качестве бухгалтера одного из подразделений американской армии, создал из белорусских нацистских пособников организацию, входившую в состав управления по координации политики государственного департамента США. Этой организации — Движение за освобождение Белоруссии — было поручено собирать информацию и выполнять различные шпионские задания американцев. Касмович с 1966 до конца 70-х годов возглавлял делегацию Движения за освобождение Белоруссии на конференциях Всемирной антикоммунистической лиги.

На сегодняшний день Движение за освобождение Белоруссии все еще является членом белорусского отделения ВАКЛ. Руководство перешло в руки Джона Косяка, который также соответствует стандарту военного преступника. Назначенный нацистами на должность инженера, Косяк использовал местных белорусских рабочих в качестве рабов для восстановления разрушенных в ходе военных действий заводов, он создал еврейское гетто в Минске. В настоящее время проживает в Чикаго, является активным членом республиканской партии США.

Теодор Оберлендер, командир особых подразделений „Нахтигаль“, сформированных из числа украинских нацистских пособников, продолжал связь с Ярославом Стецько через Всемирную антикоммунистическую лигу.

Будучи убежденным нацистом, Оберлендер вступил в нацистскую партию в 1933 году и в 1936 году стал сотрудником гестапо. Украинские националисты, которых обвиняют во многих преступлениях, совершенных в июне 1941 года в районе Львова, находились под его командованием. После войны Оберлендер стал депутатом бундестага (вызывала большие споры его привычка появляться на заседаниях бундестага с заряженным пистолетом). До 1960 года он был министром ФРГ по делам перемещенных лиц. Когда стали известны подробности его роли во время войны, Оберлендеру пришлось уйти в отставку. В 1961 году западногерманская прокуратура сняла с Оберлендера обвинения по причинам „отсутствия доказательств“, указав, что были заслушаны показания по меньшей мере ста пятидесяти бывших советских граждан, свидетельствовавших в его пользу. Однако не было сказано, что большинство этих свидетелей являлись украинскими нацистскими пособниками и членами ОУН/Б, находившимися в эмиграции.

Другими словами, Оберлендер был оправдан главным образом на основании показаний людей, служивших в войну под его командованием. Тесная дружба связывает Оберлендера со Стецько — ведь каждый из них располагает подробными данными о преступлениях другого. Оберлендер является одним из руководителей Европейского совета за свободу Антибольшевистского блока народов и возглавляет западногерманские делегации на конференциях Всемирной антикоммунистической лиги.

Количество нацистских пособников, состоявших в лиге в качестве индивидуальных или коллективных членов, поистине вызывает удивление.

Сэнт К. де Бекларар, стоящий во главе нидерландской организации Синт Мартинсфондс, принимал участие в работе конференции лиги, состоявшейся в 1978 году в г. Вашингтоне. Синт Мартинсфондс является братством трех или четырех сотен бывших нидерландских офицеров СС.

Эйк Линдстен, председатель Шведской национальной лиги, возглавлял делегацию Швеции на конференции ВАКЛ в 1979 году. Во время второй мировой войны Линдстен являлся членом шведской нацистской молодежной группы, которая была запрещена правительством за расистские выступления.

Словацкий молодежный конгресс, являющийся отделением ВАКЛ, состоит из нацистских пособников и их сторонников. В лиге их представляет Йозеф Микус, который во время второй мировой войны был послом словацкого марионеточного нацистского правительства.

Латвийское отделение ВАКЛ контролируется организацией Данагаус Ванаги (Ястребы). Действует из Мюнстера (ФРГ), издает газету в Канаде. Данагаус Ванаги являются сборищем латышских националистов, которые помогали нацистам уничтожать евреев и своих сограждан.

Если кто-то пожелает обнаружить нацистских пособников, ему следует изучить состав европейских отделений Всемирной антикоммунистической лиги.

С созданием ВАКЛ появилась международная сеть фашистских организаций. Проводимые лигой конференции* являются удобным форумом, на котором военные преступники „старой гвардии“ могут встречаться, инструктировать, оказывать поддержку фашистам „новой гвардии“. Поэтому человек, подобный Чириле Чиунту, который сорок пять лет назад помогал убивать евреев и коммунистов, сегодня может сидеть бок о бок с итальянским фашистом, уничтожившим „красных“ десять лет назад, или сальвадорцем, который ликвидирует „подрывные элементы“ сегодня.

* Последняя, 21-я конференция ВАКЛ состоялась в августе 1988 года в Женеве. — *Прим. пер.*

Глава 4

ДИКТАТОРЫ ЗА РАБОТОЙ

Тайваньцы упорно настаивают на продолжении „нетрадиционной войны“: действительно, если пехотный батальон не справляется с задачей борьбы с партизанами, давайте создадим соответствующую организацию, которая отвечала бы этим целям.

Роберто Д'Обюссон

В 60-х годах пять представителей азиатского региона внесли наибольший вклад в организацию антидемократического движения, охватившего многие страны мира. Одним из них был безжалостный диктатор, который стал свидетелем сокращения своих громадных владений до небольшого острова. Другим был бывший коммунист, пославший на смерть ради спасения своей жизни сотни товарищей по партии. Двое других были настоящими гангстерами. Пятый являлся праведником, который собирался завоевать мир посредством использования своей доктрины „святой лжи“. О них нельзя сказать, что это были люди с прекрасной репутацией — четверо сидели в тюрьме: двое за военные преступления, один за антигосударственную деятельность, один за преступления морального характера. И тем не менее, если бы не коллективные усилия Чан Кайши, Пак Чжон Хи, Рёити Сасакавы, Есио Кодамы и преподающего Сан Мен Муна — сегодня, может, не было бы Всемирной антикоммунистической лиги.

Организация, с которой в 1966 году объединил свои силы Антибольшевистский блок народов Стецько, ставила задачу задержать распространение коммунизма в Азии. Она называлась Антикоммунистическая лига азиатских народов (АЛАН). Была основана в 1954 году с целью объединения всех консервативных сил континента для борьбы с „красными ордами“. Когда в 1966 году АБН, АЛАН и другие организации объединили свои силы, образовав Всемирную антикоммунистическую лигу, это не означало, что Антикоммунистическая лига азиатских народов прекратила свое существование. Ее статус был просто понижен до регионального филиала этой более крупной организации.

Хотя в 1954 году было провозглашено создание АЛАН как организации, объединявшей в своем составе антикоммунистически настроенных частных лиц, парламентариев и духо-

венство, фактически это было детище южнокорейской разведки и китайского правительства в изгнании, во главе которого стоял Чан Кайши. Оказалось, что во многих отношениях Южная Корея и Тайвань были естественными союзниками. Националисты Чан Кайши оказались изолированными на небольшом острове Тайвань, а Южная Корея после корейской войны была разрушена и находилась на грани голода. Тайвань и Южная Корея пытались найти союзников для ведения антикоммунистической борьбы. Оказалось, что для этой цели как нельзя лучше подходит организация, на конференциях которой могли встречаться консервативные лидеры из США и Европы со своими азиатскими единомышленниками.

В течение двадцати лет Чан Кайши вел в Китае жестокую и кровавую войну с маньчжурскими военачальниками, японскими оккупантами и коммунистами Мао Цзэдуна. Его правительство было продажным, недееспособным и бессильным, что, вероятно, лучше всего видно из того, насколько быстро после второй мировой войны уступил Чан Кайши материковый Китай Мао Цзэдуну. Даже американские военные советники, которые помогали Чан Кайши во время второй мировой войны, не имели веры ни в него, ни в его политическую партию Гоминьдан. Еще в 1943 году американский генерал Джозеф Стилуэлл презрительно отозвался о правлении Чан Кайши как „об однопартийном правительстве, поддерживаемом гестапо“.

Хотя до 1949 года Мао Цзэдуну не удавалось захватить весь материковый Китай, еще в 1945 году Чан Кайши разместил своих приближенных на острове Тайвань. Местные жители острова попали в ярмо к Гоминьдану, который быстро прибрал к рукам управление и экономику острова. В 1947 году население Тайваня восстало против оккупантов, борясь за более широкую автономию.

Местные жители, надеявшиеся на более благосклонное отношение к себе со стороны Гоминьдана и на американскую помощь, жестоко просчитались. Генералиссимус Чан Кайши был не в состоянии победить коммунистов, но справиться с невооруженным населением острова — совсем другое дело. В темное время суток на Тайвань было переброшено около двадцати тысяч солдат армии Чан Кайши. В последовавшей затем резне не щадили никого.

Джордж Керр, сотрудник государственного департамента США, находившийся тогда на Тайване, так описывает разыгравшиеся там события: „Из верхнего окна дома мы наблюдали за действиями солдат Чан Кайши в аллеях через дорогу. Мы видели, как местных жителей без каких-либо причин кололи штыками. Одного из них ограбили перед нашими окнами, затем разрубили пополам. Другой местный житель бежал за солдатами, которые из его дома волокли девушку. Мы

видели, как его тоже убили. Эти ужасные сцены были лишь частичным отображением той резни, которая шла по всему городу”.

Доктор Ира Хиршай, главный медицинский представитель Агентства ООН по оказанию помощи беженцам на Тайване, будучи свидетелем убийств, пишет: „В городе Пиндун, где церемония провозглашения недолговременного народного правления сопровождалась исполнением на граммофоне местного национального гимна, все сорок пять человек из числа местной администрации были увезены на близлежащий аэродром, оттуда позднее послышались выстрелы. Один из местных жителей, представлявший семьи арестованных, решил пойти к военному коменданту, чтобы попросить за их жизнь. Этот человек был доставлен на городскую площадь и в присутствии жены и детей обезглавлен в назидание всем, кто вмешивается в дела, их не касающиеся”.

После волны первоначальных убийств, которая стоила жизни подавляющему большинству бизнесменов, интеллигенции и политических лидеров Тайваня, гоминьдановцы взялись за молодежь. „Мы видели, — сообщает Керр, — как связанных вместе студентов волокли к местам свершения казни, обычно проводившейся на берегах реки и вдоль канав, специально выкопанных вокруг Тайбэя, столицы Тайваня. Один из иностранцев насчитал более тридцати тел в студенческой форме, лежавших вдоль дороги на восточной окраине Тайбэя. У них были отрезаны или вырваны носы и уши, многие были кастрированы. Двум студентам отрубили головы прямо у ворот моего дома”.

Организованная в марте 1947 года резня унесла примерно двадцать тысяч жизней. Начавшееся движение за независимость Тайваня было разгромлено, освобожден путь для Чан Кайши и его отступавших из материкового Китая солдат, путь для формирования правительства в изгнании. Жестокость чанкайшистов подтвердила также эффективность тотального применения „нетрадиционных методов ведения войны”. Указанному методу борьбы с противниками позднее они обучали других антикоммунистов, нередко используя для этого Всемирную антикоммунистическую лигу.

К 1949 году примерно миллион чанкайшистов наводнил Тайвань. Они образовали так называемую „Китайскую Республику”, навязали жестокую диктатуру местному населению, численность которого превосходила их примерно в пятнадцать раз. Жители Тайваня были полностью исключены из процесса управления государством, которое стало прерогативой Гоминьдана. Местное население было вытеснено из сферы бизнеса, у него отняли предприятия, которые были отданы приспешникам Чан Кайши. Тайваньцы, подозреваемые в симпатиях к коммунистам или в оказании сопротивления правле-

нию Чан Кайши, посылались на казнь, при малейших подозрениях заключались в тюрьму на острове Гринайленд. Таким образом, была окончательно сломлена оставшаяся оппозиция.

Вопреки всеобщему убеждению и заявлениям Гоминьдана, Соединенные Штаты не сразу стали поддерживать новое правительство на Тайване. Во всех эшелонах американской администрации, включая военных, наблюдалось широко распространенное презрение к Чан Кайши. Все были потрясены жестокостью его солдат. Генерал-лейтенант Альберт К. Ведемейер, считавшийся правым и конечно же не являвшийся другом коммунистов, писал в 1949 году: „Центральное правительство (Гоминьдан) не воспользовалось предоставившейся возможностью показать китайскому народу и мировой общественности свою способность обеспечить честное и эффективное правление. Проявляя жадность и коррупцию, чанкайшисты безжалостно навязали свой режим этому счастливому и послушному народу. Армия вела себя как завоеватель. Секретная полиция для запугивания местного населения могла использовать любые методы. Она содействовала его эксплуатации со стороны центрального правительства“.

Человеком, который мог способствовать созданию приемлемого для американцев режима на Тайване, был генерал Дуглас Макартур. Однажды в июле 1950 года, будучи командующим войсками ООН в Корее, Макартур посетил Тайбэй, где встретился с Чан Кайши и, вопреки политике президента Трумэна, пообещал тому в ближайшее время направить на остров американских специалистов и вооружение. Выступая перед сенатским комитетом по иностранным делам конгресса США, генерал превозносил достоинства гоминьдановского правления.

„Я немного познакомился с Формозой (Тайвань. — Ред.). Был удивлен увиденным там достатком. Люди имеют такой уровень жизни, который вполне сравним с довоенным. Я нашел, что там действует представительное правительство. Я посетил их суды. У них имеется юридическая система, которая, по моему мнению, лучше большинства других азиатских стран. Я побывал в их школах. Я увидел, что их начальное образование примерно такого же уровня, что и в других странах Дальнего Востока. Я нашел там также многое, что можно критиковать, но я искренне считаю, что стандарты правления, которые он (Чан Кайши) вводит на Формозе, вполне сравнимы со многими демократическими правлениями мира“.

Каким образом способность Макартура в течение одного дня так хорошо разобраться в обстановке на Тайване не ставилась под сомнение американскими законодателями? Действительно, его обещания предоставить американскую помощь оказались пророческими. Когда корейская война обернулась против Соединенных Штатов, Чан Кайши с его мечтами воз-

вернуться на материк и нанести поражение коммунистам стал рассматриваться в качестве потенциального рычага давления на Мао. По мере роста влияния сенатора Джозефа Маккарти и расширения им „разоблачений“ „сторонников коммунистов“ американские должностные лица приглушили или совсем прекратили критиковать режим Чан Кайши. Внезапно Гоминьдан заимел респектабельность, на Тайвань хлынула американская помощь. Группа советников США по оказанию военной помощи Тайваню выросла в течение пяти лет до 2300 человек. Экономическая помощь и военное снаряжение поступили на остров в таких размерах, что он едва успевал поглощать их. К 1961 году военные расходы, почти целиком оплачивавшиеся американским правительством, составляли три четверти национального бюджета.

В течение всего периода своего правления Чан Кайши исполнял выбранную для себя роль. Каждый год 10 октября он появлялся на балконе здания, расположенного на главной площади Тайбэя, перед сотнями тысяч стоящих по стойке смирно солдат, студентов и рабочих и заявлял, что его возвращение на материк близко.

В конце второй мировой войны Корея представляла из себя разделенное на две части, опустошенное государство. В ее северной, индустриальной, части было образовано правительство, стоявшее на коммунистических позициях. Оккупировавшие южную часть американцы поставили во главе правительства „сильного“ человека с правыми взглядами — Ли Сын Мана, который не жил в Корее в течение тридцати пяти лет. Ли не располагал в стране какими-либо позициями. Военные и государственные должности были в основном заполнены правыми, которые в войну сражались на стороне японцев и которым, таким образом, можно было доверять как антикоммунистам. Одним из таких людей был Пак Чжон Хи. Хотя Антикоммунистическая лига азиатских народов была создана во время правления Ли, но именно Пак сделал ее важным инструментом внешней политики Южной Кореи.

Во времена создания Антикоммунистической лиги азиатских народов в 1954 году между Тайванем и Южной Кореей было много общего. Южная Корея занимала примерно половину территории страны, наиболее экономически развитая часть Кореи отошла к коммунистам. А националисты Чан Кайши были свидетелями утраты 99 процентов своих владений. Тайвань и Южная Корея находились на переднем крае „холодной войны“. Южнокорейская столица находилась в двадцати милях от армий Северной Кореи, а Тайвань — в девяноста милях через Китайское море от колосса — коммунистического Китая. И Тайвань и Южная Корея мечтали о воссоединении посредством нанесения поражения коммунистам, оба управлялись военными диктатурами и поддерживали порядок за счет

сохранения постоянного военного положения. Своим выживанием и процветанием оба обязаны Соединенным Штатам.

Антикоммунистическая лига азиатских народов возникла из желания Тайбэя и Сеула крепить узы с потенциальными друзьями в других частях света, а также оправдать существование своих диктатур. Хотя с течением времени в состав лиги вошли некоторые другие страны региона, находившиеся в зоне американского влияния, главные роли в ней всегда играли Тайвань и Южная Корея: в состав руководства входили в основном представители из Тайбэя, секретариат располагался в Сеуле. В 70-х годах, когда ряд других стран критиковали Южную Корею за проведение внутри страны политики „железного кулака“, разорвали дипломатические связи с Тайванем в пользу материкового Китая, Азиатская лига, а также Всемирная антикоммунистическая лига действительно стали инструментами внешней политики Тайбэя и Сеула, всеми силами стремившихся завязать или по крайней мере сохранить отношения где бы то ни было и с кем бы то ни было.

С самого начала задача по созданию и укреплению Антикоммунистической лиги азиатских народов была возложена на южнокорейские и тайваньские разведывательные службы. Члены делегаций, направляемых на конференции лиги, в основном намечались из числа военных и разведывательных ведомств. Например, Ку Ченкан, глава тайваньского отделения ВАКЛ и ее „почетный пожизненный президент“, во время второй мировой войны был членом созданного Чан Кайши Верховного национального комитета по вопросам обороны, политическим советником, старшим советником президента и членом постоянного центрального комитета правящей партии Гоминьдан. Занимавший различные важные посты и будучи удостоенным многочисленных наград, Ку, по крайней мере формально, являлся четвертым человеком в правительстве Тайваня. С другой стороны, южнокорейские делегации состоялись в основном из действующих и отставных армейских офицеров, а после 1960 года — из сотрудников южнокорейского ЦРУ.

Китайские националисты учредили отделения Азиатской лиги во многих этнических китайских общинах, находящихся в Соединенных Штатах. Агенты южнокорейского ЦРУ разъезжали по странам Азии и городам Соединенных Штатов, где завязывали контакты и подбирали людей, обычно направляемых на конференции ВАКЛ на средства лиги. Именно Пак Чжон Хи, южнокорейский преемник Ли Сын Мана, предпринимал большие усилия по организации кампании за расширение числа членов лиги и оказание на них влияния.

Пак, даже по корейским стандартам тщедушный человек, был большим мастером политической интриги. Он проворно менял правые убеждения на „либеральные“, мог метаться

в любых направлениях, лишь бы это наилучшим образом способствовало достижению им власти. Во время войны он не просто сочувствовал японцам, он был обучен ими. Он закончил военную академию, находившуюся в оккупированной японцами Маньчжурии, и сражался на их стороне в Китае. Это не помешало ему секретно стать высокопоставленным функционером Коммунистической партии Кореи. В это время (1946 год) он преподавал в военной академии. Когда в 1948 году Пак был арестован южнокорейскими властями, приговорен к смерти и его будущее выглядело мрачно, для него пришло время вновь перевернуться вправо. Он заключил сделку с правительством Яи: „Сохраните мне жизнь, и я расскажу вам все“. Действия Пака привели к увольнению сотен армейских офицеров и смерти многих его бывших друзей.

Предательство Пака спасло ему жизнь. А через тринадцать лет он смог совершить переворот, который поставил его во главе правой антикоммунистической военной диктатуры. В три часа ночи 16 мая 1961 года подразделения южнокорейской армии вышли на улицы Сеула. К концу дня офицеры сформировали военный комитет, распустили национальную ассамблею, ввели комендантский час, объявили военное положение. К концу года они создали Центральное разведывательное управление Южной Кореи.

Будучи полновластным правителем Южной Кореи, Пак решил реорганизовать лигу. Он сменил руководителей южнокорейского отделения. Высокопоставленные генералы, адмиралы и личные советники президента стали принимать участие в работе конференций лиги. Используя возможности лиги, новые руководители Южной Кореи могли неофициально встречаться, обсуждать различные вопросы и вести переговоры с влиятельными военными деятелями и парламентариями большинства стран Азии. С течением времени Антикоммунистическая лига азиатских народов и Всемирная антикоммунистическая лига стали инструментами проведения правительством Пака кампании по приобретению в других странах влияния за счет выделения денежных сумм, предоставления дорогих подарков и оказания других „любезностей“. Последовавшее в конечном счете разоблачение этой кампании привело к возникновению в Соединенных Штатах в 1976—1978 годах скандала „Корейгейт“.

О том, какое значение имело для Пака корейское отделение лиги, как внешнеполитический инструмент, особенно в отношениях с США, можно видеть из того факта, что именно американский профессор Дэвид Роув осуществил его реорганизацию. „На деньги американского фонда, — писал он в 1970 году, — и по приглашению одного гражданина Южной Кореи, который еще и сегодня является вторым по важности человеком (явный намек на бывшего директора южнокорейского

ЦРУ Ким Ен Пила), лето 1965 года я провел в корейском отделении Антикоммунистической лиги азиатских народов. Моей целью было создание организации для подготовки кадров и разработка процедур, необходимых для ведения антикоммунистической борьбы в Корее... Без какой-либо посторонней помощи я добился следующего: уволил главу отделения и на его место поставил молодого способного человека, хотя и на короткое время. Организация была очищена от проникших в нее левых элементов. Наконец я пришел к президенту Южной Кореи, изложил ему удручающее состояние дел в отделении и сделал соответствующие рекомендации. Сейчас я могу заявить, что в течение шести месяцев все мои специальные рекомендации были претворены в жизнь”.

Действовавший в соответствии с советами Роува президент Южной Кореи Пак Чжон Хи железной рукой правил страной до 1979 года. В один из вечеров октября 1979 года он обедал в правительственном ресторане Кунйонге с директором южнокорейского ЦРУ Ким Йё Ку. Сидя на полу, по принятой в Корее манере, они заспорили по поводу репрессивных методов, недавно примененных для подавления оппозиции. В разгар спора Ким вытащил револьвер, направил его на голову сидевшего в пяти футах президента и нажал курок. Ким вогнал в президента две пули, а затем убил еще пять человек, находившихся в ресторане. (Каким образом директор южнокорейского ЦРУ сумел выпустить семь пуль из шестизарядного револьвера, остается загадкой, которую южнокорейские власти так и не смогли разгадать.)

Пак Чжон Хи погиб, но к этому времени лига уже могла существовать и без него.

Хотя американское правительство отказало авторам книги в доступе к соответствующим архивам, однако и без документов совершенно ясно, что США стояли за созданием Азиатской и Всемирной антикоммунистических лиг. Поскольку Соединенные Штаты поддерживали режимы Ли Сын Мана и Чан Кайши, естественно, что эти правители выдвигали такие программы и проводили такую политику, которые удовлетворяли бы их американских советников. С другой стороны, им довольно трудно было осуществлять мероприятия, которые шли бы вразрез с пожеланиями Соединенных Штатов. Учитывая политические реалии того времени, невозможно представить, что лиги создавались без помощи Соединенных Штатов. Во всяком случае поставленные лигами цели — активная борьба с коммунизмом — совпадали с внешнеполитическими задачами реакционных правящих кругов США.

В равной степени сомнительно, что тайваньское и южнокорейское правительства оплачивали счета лиг. В 1950 году Тайвань все еще был очень беден, а в некоторых опустошенных войной провинциях Южной Кореи свирепствовал голод.

Не имея средств для того, чтобы прокормить собственные народы, откуда эти правительства могли взять деньги на создание международных организаций? Ответ напрашивается сам собой — от Соединенных Штатов.

А если это так, то, значит, помощь предоставлялась по закрытым каналам: в конгрессе США ни разу не рассматривался законопроект о финансировании лиг. По мнению бывших офицеров разведки, наиболее вероятно, что эти финансовые средства поступали из фонда экономической или военной помощи, секретных фондов ЦРУ или резервных фондов посольства, и базой таких финансовых операций была не Южная Корея, а Тайвань.

Поскольку в 50-х годах китайские националисты были не в состоянии возместить предоставленную им помощь, была достигнута договоренность, согласно которой США предоставляли Тайваню для погашения долгов кредиты в местной валюте. По указанию США тайваньцы выдвинули несколько различных программ, призванных уменьшить задолженность. Так, широко разрекламированное направление тайваньских миссий в Африку для обучения крестьян передовым методам ведения сельского хозяйства было в действительности американской программой, финансировавшейся из резервного фонда посольства США.

Эти фонды не являлись лишь цифрами в бухгалтерских книгах. Фактически это были мешки с деньгами, хранившимися в сейфах американского посольства в Тайбэе. Очевидно, именно со счетов почти не контролировавшегося резервного фонда посольства США в 1954 году осуществлялось финансирование Антикоммунистической лиги азиатских народов, а в 1958 году — проведение подготовительного совещания Всемирной антикоммунистической лиги.

Наиболее вероятным американским посредником в деле проведения этого совещания был выпускник Гарвардского университета жизнелюбивый Рей Кляйн. Имея опыт службы в военно-морской разведке США и в Управлении стратегических служб в период второй мировой войны, с 1958 по 1962 год Кляйн выполнял обязанности резидента ЦРУ на Тайване. Как резидент ЦРУ, он, очевидно, имел доступ к резервному фонду посольства во время проведения подготовительных совещаний, приведших к учреждению Всемирной антикоммунистической лиги. Вне зависимости от того, соответствует действительности это предположение или нет, Кляйн поддерживает тесные контакты с лигой. Он не только участвовал в работе нескольких конференций лиги, в том числе в 1980, 1983 и 1984 годах, но и является близким другом генерал-майора в отставке Джона Синглауба. Их отношения начались еще в 40-х годах, когда оба служили в Управлении стратегических служб и находились в Китае.

В местных тайваньских кругах Кляйн прославился тем, что построил на острове самое безвкусное здание (прозванное Розовым дворцом). На Тайване он поддерживал прочные дружеские отношения с человеком по имени Чан Чинку, который в то время занимал пост председателя малозаметной организации бывших военнослужащих.

Другом и партнером Кляйна по охоте был не рядовой функционер Гоминьдана, а сын Чан Кайши и вероятный претендент на пост тайваньского диктатора. У него, как и у Кляйна, был опыт разведывательной работы.

Ко времени общения с Кляйном, примерно в течение уже десяти лет, в руках Чан Чинку на деле находилась секретная полиция Гоминьдана (или гестапо, по словам генерала Стилулла) и он лично осуществлял контроль над репрессивными мероприятиями, в ходе которых были уничтожены десятки сотрудников Гоминьдана. В течение всего последующего его восхождения на вершину власти — от поста министра обороны до премьера и, наконец, до президента Тайваня — Чан Чинку всегда находил в лице Кляйна надежного союзника.

В конце 50-х годов совместными усилиями Кляйна и Чан Чинку была создана академия по подготовке кадров для ведения политической войны, которая до сих пор оказывает влияние на международные события. И сейчас большая часть набора слушателей в эту академию из различных стран мира координируется Всемирной антикоммунистической лигой.

Хотя тайваньский режим определяет политическую войну как систему мероприятий, призванных „устранять препятствия для национального единства внутри страны и отражать агрессию извне“, политическая война фактически является идеологической базой, при помощи которой чанкайшисты сохраняют на Тайване полицейское государство, проникает, выявляет и ликвидирует любые оппозиционные проявления в любых слоях общества. Используя политическую войну и приняв указ о введении постоянного военного положения, гоминьдановцы создали самую всеохватывающую в мире систему внутренней безопасности и слежки. Можно считать, что в эту войну втянуто не менее одной пятой части населения. Мероприятия колеблются от привития солдатам и рабочим политической „зрелости“ до слежки людей за своими собственными детьми, родителями и соседями. Инструментом, который призван способствовать увековечению этой системы, и является Академия по подготовке кадров для ведения политической войны, которая расположена недалеко от столицы Тайбэя на холмах Пейтоу. Академия готовит кадры для генерального департамента политической войны, являющегося частью министерства обороны. Основная функция этого департамента состоит в том, чтобы обеспечить контроль партии (то есть Гоминьдана) за военными.

Генеральный департамент политической войны осуществляет большое число различных операций. Ему подчиняются радиостанции, издательства и даже киностудии. В его состав входят контрразведывательные подразделения для выявления подрывных элементов и подразделения по ведению психологической войны, задачей которых является организация и наблюдение за ходом политических и пропагандистских кампаний. Имеются также группы по гражданским делам, которые должны проникать на вражескую территорию за линию фронта для склонения населения на сторону Гоминьдана. Личный состав этих различных по назначению подразделений проходит обучение в академии.

Хотя академия была создана еще в 50-х годах, она приобрела особое значение, когда начальником генерального департамента политической войны стал Чан Чинку. В 1959 году с помощью американцев он реорганизовал ее. Преподавателями академии стали американцы из числа их военного персонала на Тайване, главным образом из группы советников по оказанию военной помощи.

Один из тайваньцев, бывший член партии Гоминьдана, проживающий сейчас за границей, был выбран из числа студентов университета для прохождения двухмесячного курса в академии. „Нам внушали, что для победы над коммунистами следуют быть жестокими. Нам говорили, что необходимо следить за командирами и, если в бою они проявят слабость или нерешительность, их необходимо убить. Руководители также хотели, чтобы мы следили за своими товарищами по учебе, а они, конечно, следили за нами“.

Слушателей академии обучают также методам выявления потенциальных коммунистов и лиц, выступающих за независимость Тайваня, тайному квалифицированному вскрытию писем. Если слушатели добиваются успехов и завоевывают доверие своих наставников, их переводят в группы, изучающие методы ведения психологической войны и технику ведения допросов. В соответствии с доктриной департамента — „оказывать сопротивление внешней агрессии“ — выпускники академии также активно работают и в других странах мира.

„Принятая на вооружение „система политической войны“ использовалась в различных международных операциях. Среди них обеспечение безопасности отдельных лиц, проведение расследований, цензорский надзор, внедрение агентуры, создание подставных организаций, подавление групп, борющихся за независимость Тайваня, использование в своих целях китайских общин за рубежом. Эта деятельность осуществлялась большим числом различных агентов, однако разработка операций и контроль за их проведением находились в руках

„разведывательной службы главной военной организации страны“ — департамента политической войны“.

Джозеф Хайнлаин.
Политическая война

Наиболее удобным прикрытием для проведения этой кампании во всемирном масштабе был, естественно, антикоммунизм. Борьба с коммунизмом больше всего способствовала международному признанию Гоминьдана. К числу самых подходящих инструментов для осуществления этой программы следует отнести сначала Антикоммунистическую лигу азиатских народов, а затем Всемирную антикоммунистическую лигу.

В конце концов националисты перенесли свою кампанию ведения политической борьбы и в другой регион мира. По мере того как в начале 70-х годов все большее число стран порывало свои связи с Тайванем и устанавливало дипломатические отношения с Китаем, Гоминьдан стал полагаться на нескольких оставшихся друзей как на последние нити, связывающие остров с остальным миром. Правым диктаторским режимам Южной и Центральной Америки, которые оказались наиболее преданными из оставшихся союзников, тайваньцы могли предложить нечто более важное, чем торговлю: они могли также предоставить возможность для прохождения подготовки по курсу политической борьбы в своей академии в Пейтоу. Результаты полученной в академии подготовки сегодня можно видеть в „нетрадиционных методах ведения войны“, практикуемых в странах Латинской Америки. Передача „опыта“ в большей части осуществляется через Всемирную антикоммунистическую лигу.

В 50—60-х годах действия Антикоммунистической лиги азиатских народов не выходили за пределы национальных границ. В ее рядах преобладали тайваньские и южнокорейские офицеры разведки и вооруженных сил. Вряд ли лига тогда была столь хорошо финансируемой и представительной организацией крайне правых, какой она является сегодня. Хотя лиге удавалось привлечь к участию в своих заседаниях американских конгрессменов и сенаторов, она тем не менее оставалась довольно незаметным региональным „бумажным тигром“.

Другие азиатские страны по-разному оценивали значение лиги. Делегации на заседании лиги от капиталистических стран Азии — Гонконга, Макао, Сингапура — состояли в основном из консервативных бизнесменов и банкиров. Военные Таиланда были представлены в лиге генералом Прафомом Кулапихтиром. Филиппинское отделение было заполнено приспешниками диктатора Фердинанда Маркоса и депутатами по-

слушной ему Национальной ассамблеи. Австралия была представлена в основном консервативными членами парламента (в 1978 году один из тамошних правых даже назвал „международное экологическое движение“ коммунистической уловкой). В лигу входили также неонацисты, расисты, эмигранты из стран Восточной Европы, которые во времена второй мировой войны действовали в составе фашистских подразделений. Во главе отделений лиги в странах Юго-Восточной Азии стояли или выходцы из правящей элиты, такие, как принц Сопасаино из лаосской королевской семьи, или военные, как До Дан Кон, помощник южновьетнамского президента Нгуен Ван Тхиеу.

Хотя во время правления Пак Чжон Хи лига начала постепенно приходить в упадок, в конце 60-х годов произошел все же резкий подъем в ее деятельности. Лиге удалось привлечь на свою сторону трех лиц, располагавших важными политическими связями и большими деньгами. Этими благодетелями были два бывших японских военных преступника, контролировавших японскую мафию, и один корейский евангелист, который считал себя „посланцем бога“.

Глава 5

ЯПОНСКИЕ ГАНГСТЕРЫ С АМПУТИРОВАННЫМИ МИЗИНЦАМИ

Я самый богатый в мире фашист.

Рёити Сасакава

В августе 1945 года тринадцать японских фашистов взошли на вершину холма около Токио. Оттуда они видели мерцающую токийскую бухту, покрытые снегом окружающие горы, изумрудную зелень рисовых полей, небольшие деревушки, отапливаемые каменным углем, дым от которых шел темными нитеобразными спиралями в голубое небо. Но не любоваться прекрасными видами пришли сюда эти люди. Империя, на создание которой они потратили свои жизни, лежала в руинах. Хиросима и Нагасаки были стерты с лица земли атомными вихрями. Американские войска были готовы к вторжению. В Токио шли разговоры о капитуляции. Для людей, стоявших на Атагойямском холме, это было бы несмываемым позором. Лучше умереть, чем быть свидетелем небывалого оскорбления.

Тысячи их соотечественников в самой Японии и на бесчисленных островах в Тихом океане уже покончили с собой. Двенадцать членов ультраправой организации „Соньо До Сикай“ (Ассоциация оказания почтения императору и очищения страны от варваров) пришли на холм, чтобы совершить ритуал самоубийства. Тринадцатый, очевидно, пытался разубедить их в этом. Безрезультатно. Мужчины на Атагойямском холме держали на животах руки, в которых были зажаты гранаты. Выдернуты чеки гранат. Только один человек, Есио Кодама, спустился с холма.

У Кодамы было то, во имя чего следовало жить. Благодаря войне и покровительству такого политического лидера, как Рёити Сасакава, Кодама располагал богатством в двести миллионов долларов. В последующие годы он поможет создать доминирующую в Японии политическую партию, будет приводить к власти и свергать премьер-министров страны, финансировать Всемирную антикоммунистическую лигу, окажется в центре самого громкого за всю историю страны скан-

дала. Бок о бок с ним будет работать его старый наставник Сасакава.

Жизненные пути Кодамы и Сасакавы, главных фашистских лидеров в послевоенной Японии, тесно переплетаются. Родившийся в 1899 году в семье мелкого производителя японской водки „сакэ“, Рёити Сасакава к тридцати годам стал миллионером (за счет спекуляций заблаговременно закупленным рисом). В 1931 году он организовал милитаристское политическое движение Кокусуй Тайсүто. В докладе американской контрразведки, составленном в послевоенный период, его называют „одним из наиболее активных фашистов в предвоенные годы“.

Жизнь Есио Кодамы начиналась в более трудных условиях. Сирота, получавший средства к существованию за счет работы в магазинах по продаже кондитерских изделий, он нашел свое призвание в участии в различных правых движениях, процветавших в Японии в 30-х годах. Зачастую группы „якудза“ действовали скорее как банды преступников, чем как представители какого-то идеологического направления. Личию своего поведения они заимствовали из легенд японских самураев: преданность лидеру, татуирование частей тела, раскаяние в своих ошибках посредством отсечения последней фаланги мизинца. Финансируемые и контролируемые консервативными бизнесменами и политиками, группы „якудза“ громили профсоюзы, „защищали“ промышленные предприятия и конторы от „актов вандализма“, совершали убийства лидеров оппозиции. Молодой Кодама преуспел в этой деятельности и к пятнадцати годам стал одним из лидеров террористов. В 1931 году он послал кинжал бывшему министру финансов Японии. „Позвольте преподнести Вам в подарок этот инструмент, — писал он в сопроводительной записке, — который так необходим в наше беспокойное время. Оставляю на Ваше усмотрение вопрос о том, как им воспользоваться — для собственной защиты или для совершения ритуального самоубийства“. За это двадцатилетний Кодама попал в тюрьму. Но его угроза не была напрасной: в день освобождения Кодамы другой „якудза“ ликвидировал бывшего министра.

В 30-х годах действия обоих будущих благодетелей Всемирной антикоммунистической лиги вошли в противоречие с законом. Сасакава и Кодама были арестованы: первый — за подготовку убийства бывшего премьера, второй — за планирование еще одного убийства, на этот раз действующего премьер-министра.

В условиях, когда фашизм укрепил свои позиции в Японии, а военные действия в Маньчжурии расширялись, возникла потребность в людях с талантами Сасакавы и Кодамы. Оба были освобождены из тюрем, чтобы работать во имя империи. Кодаму направили с разведывательной миссией в Китай, а

Сасакаве было поручено оживить деятельность организации Кокусуй Тайсудо, члены которой носили черные рубашки, что являлось символом международного фашизма, и должны были содействовать осуществлению планов правительства по завоеванию Азии. Сасакава даже летал в Рим для личной встречи с Муссолини, которого он позднее назвал „истинным фашистом“. В 1942 году Сасакава был избран в японский парламент, в ходе предвыборной кампании он ратовал за расширение войны в Азии.

Между тем Кодама создавал себе имя в Китае. При выполнении задания по обеспечению японского военно-морского флота сырьем он заработал по меньшей мере двести миллионов долларов за счет насильственного захвата материалов, нередко с применением оружия, и их перепродажи по вздутым ценам своему правительству.

В конце войны командование американских оккупационных войск посадило Сасакаву и Кодаму в тюрьму как военных преступников категории „А“. „Сасакава, — указывалось в докладе американской военной контрразведки за 1946 год, — представляется исключительно опасным человеком для политического будущего Японии. Более двадцати лет он неизменно поддерживал военную агрессию Японии, выступал против присутствия в стране иностранцев. Обладает большим богатством и не особенно щепетилен в его использовании. Он готов вырядиться в любые новые одежды, которых потребуют обстоятельства“.

Есио Кодама в глазах американцев был не менее опасным человеком. „Его длительное и фанатичное участие в ультранационалистической деятельности, включая акты насилия, и его способность привлекать на свою сторону молодежь свидетельствуют о том, что в случае своего освобождения Кодама, несомненно, будет представлять большую угрозу для безопасности. Постоянно циркулирующие слухи о его прибылях, заработанных на черном рынке Шанхая, в сочетании с известным оппортунизмом Кодамы являются убедительными аргументами, что и в торговле Кодама будет таким же неразборчивым в средствах, каким был в вопросах крайнего национализма“.

Американские оккупационные власти изменили свое отношение к японским военным преступникам, так же как они это сделали в отношении нацистов в Европе. С началом „холодной войны“ врагами стали не фашисты, а коммунисты. В Японии, как и в Италии, после войны коммунисты стали главной фракцией в блоке левых партий и имели потенциальную возможность стать доминирующей политической силой и даже, как этого боялись американцы, повести страну по пути социализма. В 1948 году Сасакава, Кодама и другие японские военные преступники без лишнего шума были освобождены из тюрем и стали одними из главных инициаторов,

организаторов и кредиторов Либерально-демократической партии, которая с тех пор контролирует политическую жизнь в Японии. С их помощью удалось воскресить и вновь привести к власти в Японии прежние правящие круги, которые в 30-е годы вступили в союз с нацистской Германией и ввергли страну в империалистическую войну в азиатском регионе.

Многие представители средств массовой информации считают, что при этом была совершена сделка: Соединенные Штаты освободили из тюрем военных преступников, с тем чтобы использовать их связи и деньги для подрыва позиций крепнущих левых сил. В рассекреченных американских документах того периода можно найти некоторые доказательства вышесказанного. Фрэнк О'Нейл, лейтенант американской армии, входивший в состав Международного военного трибунала, отмечал в 1946 году, что „Кодама совершил в Китае многочисленные акты насилия, используя для получения товаров и различных благ от китайцев грязные методы“. Тот же О'Нейл предсказывал в 1948 году, что „через десять лет Кодама станет ведущим лидером Японии“.

В дополнение к тому, что Сасакава и Кодама способствовали созданию Либерально-демократической партии Японии, они оказывали свое влияние и в других областях. Сасакава воссоздал свое богатство посредством организации японской ассоциации гоночных моторных лодок* и поддержания контактов с преступным миром через национальный совет патристических организаций. Наряду с ним в совет этой организации вошли несколько боссов „якудза“ и по меньшей мере три правых террориста, обвиненных в убийствах японских премьер-министров в 30-е годы.

А Кодама тем временем увеличивал свое состояние, став одним из главных боссов японского преступного мира, выступая в качестве посредника в спорах соперничающих „якудза“ и получая деньги от японских промышленников за защиту их от мафиози. Он тоже создал свою собственную организацию Сайсикай (клуб Кодамы), почти целиком состоявшую из представителей преступного мира.

Если происхождение Сасакавы и Кодамы не привлекает к себе особого внимания, то начало жизненного пути преподающего Сан Муна более чем необычно. Родился Мун в семье среднего достатка в деревне, вошедшей позднее в состав Корейской Народно-Демократической Республики. Жизнь Муна изменилась самым драматическим образом, когда однажды во время прогулки по холмам вокруг своей деревни ему явил-

* В 1959 году Сасакава добился принятия парламентом закона о создании этой монополии. Во главе ее стоял он сам. В это время премьер-министром Японии был Киси, еще один военный преступник категории „А“ и сокамерник Сасакавы по тюрьме Сугамо. — *Прим. авт.*

ся Иисус Христос. „Ты как раз тот человек, которого я ищу, — заявил Христос удивленному шестнадцатилетнему юноше, — именно в тебе может воплотиться моя вечность“.

Мун всем сердцем „внял“ этому небесному знаку. Его „унификационная церковь“ („церковь единения“), действующая через множество противоречивых религиозных, культурных, политических и экономических групп, распространяет взгляды и влияние „небесного отца“ на пяти континентах.

Теология унификации (единения) является союзом христианства, конфуцианства, мистицизма, патриотизма, антикоммунизма и собственной мегаломании Муна. По его мнению, Христос фактически относится к категории неудачников: хотя он сумел создать духовное царство, образования физического или политического царства ему не удалось добиться. Муну якобы предначертано исправить это упущение, и он помазан в качестве человека, который призван завершить миссию Христа.

Поскольку Иисус отвергается Израилем, то Израиль больше не является обетованной землей (евреи за свои грехи принесли во время второй мировой войны в жертву шесть миллионов человек). Богу необходимо найти нового мессию и новую страну для Адама. Мун и Южная Корея наилучшим образом подходят для этой цели, поскольку одним из наиболее существенных аспектов „единения“ является наделение различных стран одухотворенностью и полон на основе внешних очертаний их территории. „Корея является полуостровом, по форме напоминающим мужское начало, Япония находится в позиции Евы. Будучи островным государством, она не может быть Адамом. Она жаждет Корею. Америка — страна архангела. Ее матерью является Великобритания, еще одно островное государство, находящееся также в позиции Евы“.

Последователи церкви Муна, или мунисты, по словам ее бывших членов, одержимы любовью, соблюдают диету с большим содержанием углеводов, бодрствуют в течение длительных периодов времени. Это входит в число основных форм „промывания мозгов“, призванных уменьшить сопротивляемость человека насилию или побуждению. Люди, вновь принятые в члены этой церкви, находятся под постоянным наблюдением, должны докладывать руководителям о каждом своем шаге, даже о сновидениях, и, когда заслуживают полного доверия, им в качестве „искупления“ могут предложить заняться сбором денег на нужды церкви. Этим людей, называемых также „членами мобильных групп“, лучше всего можно узнать в настырных продавцах цветов, американских флагов и журналов в аэропортах. Десять процентов выручки они посылают в штаб-квартиру на „поддержание семьи“.

Фактически каждое действие муниста находится под наблюдением, анализируется и направляется. Мунистам постоян-

но советуют экономить деньги, затягивать пояса, жить при минимальном количестве пищи и продолжительности сна. „Это грех говорить по телефону с другими городами, — провозгласил Мун в 1983 году в конфиденциальном документе, озаглавленном „Инструкции Отца“. — Когда вы собираетесь позвонить, прежде всего запишите по пунктам все, что намереваетесь сказать. Затем зафиксируйте ответ. После окончания разговора быстро вешайте трубку. Если вы неправильно используете телефонную связь, этим вы совершаете преступление — злоупотребляете кровью своего брата”.

Во время своих „проповедей“ „небесный Отец“ представляет себя в качестве достойного подражания образцу. „Разработайте программу сдерживания себя во всем, — говорится в упоминавшейся выше инструкции, — не злоупотребляйте едой, ешьте немного и со вкусом. Я никогда не ем закусок. Мы также никогда не едим на ходу. Это вредно для здоровья. Не смешивайте еду с прогулкой и отдыхом. Я питаю отвращение к еде во время движения. Я никогда не кладу еду в карман и не покупаю жевательной резинки. Я не полный. Я обладаю способностью выступать с длинными речами”.

Мун никогда не развил бы этой „опоспособности“, если бы не помощь со стороны южнокорейского ЦРУ и не финансовая поддержка боссов японского преступного мира Сасакавы и Кодамы.

После изучения электротехники в Японии во время второй мировой войны Мун вернулся в Пхеньян, где создал свою первую церковь. „От многих других неортодоксальных христианских сект она отличалась только ритуалом „разделения крови“, в котором участвовали женщины — члены церкви. Они должны были вступать в интимные отношения с Муном, чтобы очистить себя от сатаны”.

Власти Северной Кореи дважды арестовывали Муна. В 1947 году он был приговорен к пяти годам лишения свободы. Заключение отбывал в тюрьме Хуннам. Хотя Мун утверждает, что его арест является еще одним примером преследования за религиозные убеждения, другие источники, включая бывших корейских правительственных чиновников, считают, что Муна наказали за доказанную практику сожительства в церкви.

Освобожденный войсками, наступавшими на север во время корейской войны, Мун бежал в южнокорейский город Пусан. Там он основал „Ассоциацию святого духа за объединение христианства“, или „унификационную церковь”.

Среди бездомных, голодных беженцев, наводнивших Пусан, Мун нашел лишь небольшое число последователей. С подозрением и враждебностью встретили его странные догматы правители Южной Кореи и католическое духовенство. Однако в числе последователей Муна были располагавшие важными

связями молодые армейские офицеры. Когда в 1955 году его снова арестовали, на этот раз по обвинению в нахождении в публичном доме со своим последователем, влиятельные покровители Муна из числа военных добились того, что его обвинили не в прелюбодеянии, а в нарушении закона о воинской повинности. Позднее и эти обвинения были сняты.

Бум в церковных делах Муна пришелся на 1962 год, когда директор вновь образованного южнокорейского разведывательного управления Ким Енг Пил побывал в США с официальным визитом. Переводчиком у него был один из помощников Муна — Ким Сан Ин. Координировал визит из посольства Южной Кореи в Вашингтоне полковник Бо Хи Пак, который ныне является главным помощником Муна.

Ким Енг Пил провел в отеле „Сэнт Френсиз“ в Сан-Франциско секретное совещание с лидерами церкви Муна в США. По словам Роберта Бетчера, бывшего директора персонала подкомитета по внешним сношениям палаты представителей конгресса США, который расследовал связи Муна с ЦРУ Южной Кореи, Ким Енг Пил принял решение о том, что „унификационная церковь“ должна быть соответствующим образом организована, чтобы южнокорейская разведка могла при необходимости использовать ее в качестве политического инструмента. Создалась благоприятная обстановка для осуществления как планов Муна (за счет благосклонного отношения к ним правительства), так и планов Ким Енг Пила (за счет создания собственной политической опоры).

„Чтобы оказывать влияние на мир, Муну пришлось начать с Кореи. Для этого ему было необходимо иметь в составе южнокорейских правительственных органов своих последователей. Они должны были занимать хорошие посты, чтобы привлекать на свою сторону обладающих властью людей и самим стать влиятельными лицами. Им необходимо было уметь изображать „унификационную церковь“ в качестве полезного для правительства политического инструмента, не раскрывая в то же время планов Муна. Мун служит южнокорейскому правительству, а правительство будет служить ему. Правительство будет нуждаться в нем настолько, что он сможет поставить его под свой контроль“.

Из интервью с бывшим чиновником
Гоминьдана, январь, 1985 год

Для приобретения влияния и оказания большей помощи южнокорейскому правительству было необходимо перенести деятельность мунистов и на территорию США. Эта задача была возложена на полковника Бо Хи Пака, агента южнокорейского ЦРУ, члена „унификационной церкви“ с 1957 года,

помощника военного атташе посольства Южной Кореи в Вашингтоне.

По возвращении в Южную Корею в 1963 году Бо Хи Пак вышел в отставку. Хотя он уже стал частным гражданином, на которого распространялись строгие паспортные законы Южной Кореи, он все же по дипломатической визе и с соответствующим письмом министерства обороны сумел возвратиться в Вашингтон.

Пак создал в США Корейский фонд поощрения культуры и свободы, целью которого якобы было содействие развитию культурных связей между США и Южной Кореей. Паку удалось „украсить“ официальный бланк фонда внушительным списком фамилий, включая бывших президентов Трумэна и Эйзенхауэра в качестве его почетных председателей и Никсона в качестве советника. Эти и многие другие известные американцы, может быть, даже не подозревали, что за фондом фактически скрывается „унификационная церковь“ и что к американским политическим деятелям получило, таким образом, доступ южнокорейское ЦРУ.

В качестве „неофициальных послов доброй воли“ фонд организовал заграничное турне хоровой группы „Литтл анджэлс“, составленной из южнокорейских подростков. Эта идея пришла Паку после концерта венского хора мальчиков. Хотя это турне имело целью способствовать увеличению престижа Южной Кореи за границей (группа „Литтл анджэлс“ дала частный концерт в Геттесбурге для бывшего президента Эйзенхауэра, выступала в здании секретариата Организации Объединенных Наций), у Бо Хи Пака были и другие цели.

По его мнению, турне „Литтл анджэлс“ могло быть использовано для доставки денег на нужды южнокорейского ЦРУ в США. Перед прохождением таможенного досмотра большие суммы денег можно было распределить между членами группы. В 1972 году совершавшая турне группа „Литтл анджэлс“ доставила в США восемнадцать миллионов йен (пятьдесят восемь тысяч долларов).

Пак был также большим мастером в деле использования влиятельных американцев для якобы законного решения некоторых вопросов, например для получения денег на нужды „унификационной церкви“. Особенно смелым в этом отношении был проект создания „Радио свободной Азии“ в 1966 году. Установив контакт со многими влиятельными американцами, стоявшими на антикоммунистических позициях, которые поддерживали идею создания „Радио свободной Азии“, Пак ввел этих людей в состав правления радиостанции, поместил их фамилии на титульном листе бланка радиостанции, который разослал по США с просьбой о пожертвованиях. (Радиостанция должна была вести пропагандистские передачи из Южной Кореи на Северную, на материковый Китай и Север-

ный Вьетнам.) Пак сосредоточил в своих руках фактический контроль за этим проектом и не проинформировал американцев, что правительство Южной Кореи уже дало согласие на бесплатное использование передатчиков и что во главе операций радиостанции в Южной Корее стоял агент ЦРУ. Таким образом, в течение девяти лет американцы направляли свои пожертвования в адрес „Радио свободной Азии“, являвшейся вотчиной южнокорейского ЦРУ. Большая часть этих денег попадала в руки „унификационной церкви“, которая использовала их для финансирования деятельности по увеличению числа своих сторонников в США.

Наряду с неистовым антикоммунизмом и национализмом преподобный Мун разделял с Сасакавой и Кодамой, своими будущими покровителями из преступного мира, такую черту, как отсутствие стремления вести свои дела на основе закона.

Одной из задач Муна было сплочение в Азии сил антикоммунизма, стоявших на стороне Южной Кореи. При поддержке южнокорейского правительства и частично на средства, поступавшие на долю Муна из контролируемых государством отраслей промышленности, в том числе от компании по производству вооружений „Тонг-ил“, он учредил „международную федерацию за искоренение коммунизма“. Хотя это драматическое название, очевидно, было навеяно любовью Муна к южнокорейским военным, другим странам оно показалось слишком экстравагантным — отделение федерации в США называлось „Фонд за свободу лидерства“.

Самые благоприятные условия Мун нашел в Японии. Японское отделение „унификационной церкви“ по количеству членов быстро превзошло южнокорейское. Даже ныне, когда число членов церкви Муна в США резко падает, а южнокорейское отделение фактически бездействует, „унификационная церковь“ продолжает оставаться в Японии значительной силой.

Рёити Сасакава был первым политическим деятелем Японии, увидевшим выгоды, которые может дать „унификационная церковь“. В 1958 году человек по имени Нисикава Масару учредил в Японии эту церковь, действовавшую под названием „Генри Ундо“. Но Масару был не японец, а кореец — Чой Сан Ик, который проник в Японию нелегально. Во время суда по поводу незаконного въезда Чоя в Японию Сасакава выступил в качестве его юридического гаранта. С этого времени Сасакава играл важную роль в качестве советника церкви „Генри Ундо“.

Однако ни Мун, ни Сасакава не имели в виду ограничиться только содействием утверждению „унификационной церкви“. Поскольку Сасакава всю жизнь занимался крайне правой националистической деятельностью, а Мун в соответствии с

„видением“ стремился гарантировать „физическое присутствие“ бога на земле, им было необходимо создать какой-либо политический инструмент или даже лучше воспользоваться существующим, например Всемирной антикоммунистической лигой.

В июле 1967 года в своем загородном доме, находившемся на берегу озера в префектуре Яманаси, Сасакава созвал секретное совещание. В числе присутствующих были преподобный Мун, Сираи Тамео и Осами Кубоки. Тамео являлся помощником Есио Кодамы по подпольному миру и секретарем созданной Кодамой организации, якобы занимавшейся чтением лекций для молодежи из группы „якудза“. Кубоки был генеральным секретарем японского отделения церкви Муна. Он также исполнял обязанности советника и лектора вышеназванной организации Кодамы.

Целью этого секретного совещания было создание по южнокорейскому образцу антикоммунистического движения, которое могло бы действовать под прикрытием Всемирной антикоммунистической лиги и способствовать глобальной реализации замыслов Муна. Таким образом, родилась новая организация „Сокое ренго“, или „Победа над коммунизмом“. Рёити Сасакава стал председателем „Сокое ренго“, а Есио Кодама — главным советником.

В апреле 1968 года „Сокое ренго“ была официально провозглашена в качестве японского отделения Всемирной антикоммунистической лиги. Хотя теоретически это отделение не связано с церковью Муна, практически все его члены являлись приверженцами Муна или последователями Сасакавы и Кодамы.

Только перед конференцией ВАКЛ 1970 года общественность Японии впервые на деле почувствовала существование „Сокое ренго“, когда деятельность лиги вылилась в национальную кампанию по рекламированию этой конференции, распространению листовок на улицах, сбору пожертвований и т. д.

На конференции Всемирной антикоммунистической лиги 1970 года, проходившей в Киото и Токио, Осами Кубоки был избран руководителем финансового комитета, а Сасакава ее председателем. „Сокое ренго“ выступила в качестве организатора конференции, и ее щедрая финансовая помощь помогла собрать на конференцию наибольшее число участников.

После конференции ВАКЛ 1970 года, в работе которой самое активное участие приняли Сасакава и Кодама, они оказались в центре внимания. Хотя Сасакава не играл в работе лиги большой роли, он оставался убежденным сторонником и щедрым финансистом как „унификационной церкви“, так и „Сокое ренго“ в Японии. В 1974 году он учредил Всемирную

федерацию каратэ во главе с Йхуном Ри, еще одним помощником Муна.

Есио Кодама являлся одним из наиболее могущественных боссов „якудза“ в Японии. В 70-х годах он действовал в Японии и Южной Корее в качестве представителя американской корпорации „Локхид“. Усилия Кодамы, направленные на подкуп японских правительственных чиновников для обеспечения сбыта самолетов этой фирмы, сделали его центральной фигурой скандала 1978 года. Скандал привел к падению правительства Танаки, но сделал Кодаму по меньшей мере на семь миллионов долларов богаче. Эти деньги он использовал для расширения своего влияния. Умер Танака в 1985 году.

В 1985 году федеральные иммиграционные инспекторы в международном аэропорту Гонолулу, специально сориентированные на японских гангстеров, заметили одну удивительную черту, общую для сотен туристов, прибывавших каждую неделю из Японии: мизинец на руке у них был частично ампутирован.

Глава 6

МЕКСИКАНСКИЕ „ТЕКОС“

Я подозреваю, что тут замешаны „текос“. Если они борются с коммунистами, значит, должны поддерживать связи с „эскадронами смерти“. Во избежание провалов они строят свою организацию по принципу ячеек.

Бывший член ВАКЛ

В начале апреля 1970 года вооруженная до зубов полиция расположенного на севере Мексики города Эрмосильо обложила квартал на улице 14 апреля. Полицейские штурмом взяли одно из зданий. В его заваленных разным хламом помещениях они обнаружили нацистские журналы и листовки, кучи „Майн кампф“ Гитлера и шифровальные блокноты. Наиболее интригующими из всех вещей были полдюжины нелепых масок из папье-маше.

Оказалось, что эти маски использовались при принятии новых членов в одно из наиболее зловещих секретных обществ Мексики. В ходе описанного выше рейда был нанесен удар по „текос“ — организации, состоявшей из трех-четырёх сотен неонацистов, которые разбивались на ячейки и давали клятву слепо повиноваться своим лидерам. Но „текос“ — это не только молодые люди, носящие украшенные свастикой одежды, которые вывешивают в своих комнатах портреты Гитлера. В их число входят некоторые влиятельные в Мексике люди: промышленники, банкиры, профессора колледжей и университетов, которые ранее обвинялись в организации многочисленных актов насилия, включая значительное число убийств по политическим мотивам.

Рейд в Эрмосильо не привел к возбуждению властями большого числа дел или к роспуску „текос“. В Мексике, где процветает коррупция и где имеет место терпимое отношение и даже заигрывание с экстремистскими движениями правого и „левого“ толка, „текос“ удалось восполнить ущерб, нанесенный рейдом 1970 года, и продолжить свою деятельность. Их положение не изменилось и в 1972 году, когда Всемирная антикоммунистическая лига начала изыскивать возможность создания в Латинской Америке своего филиала.

„Текос“ не только получили разрешение на учреждение мексиканского отделения лиги, им было поручено создать

такую региональную организацию лиги, которая охватила бы Южную и Центральную Америку. Естественно, „текос“ обуяли „родственные чувства“, и они быстро учредили Латиноамериканскую антикоммунистическую конфедерацию (КАЛ), одну из наиболее влиятельных крайне правых организаций региона. Как рассказал в 1983 году одному из авторов книги Лобо (гондурасский врач-убийца), эта конфедерация выполняла роль координирующего органа в отношении действий „эскадронов смерти“ в регионе. В последние годы во всех странах континента претворялся в жизнь некогда забытый лозунг „текос“ — „против красного террора — белый террор“.

Очевидно, это влияние они никогда не завоевали бы, это „чудо“ (цитируя „текос“) никогда не случилось бы, если бы не финансовая помощь со стороны правительства США и некоторых наиболее крупных американских филантропических обществ.

Исторические корни „текос“ уходят во времена мексиканской революции 1910 года. Мексика была охвачена гражданской войной, которая в значительной степени обострилась из-за антиклерикальных кампаний правительства. Католическая церковь, владевшая в стране значительными земельными угодьями, принимала на себя главный удар в результате революционных взрывов, порожденных различными группами, от беднейших и безземельных крестьян до левых интеллектуалов. Священников убивали, церкви подвергались ограблению, в них совершались взрывы.

Для защиты церквей и организации отпора был образован легион Христа, или Лос Кристерос. Контрреволюционная организация „Кристерос“ представляла из себя секретную армию и, подобно „святым крестоносцам“, которым она подражала, шла в бой с благословения священников. Для „Кристерос“ это была священная война, и ее члены были готовы умереть за бога и непорочную деву в борьбе с „помощниками сатаны“. В последующих схватках, унесших жизни десятков мексиканцев, „Кристерос“ сыграла свою роль.

После победы мексиканской революции организация „Кристерос“ была официально распущена. В 30-х годах французский иезуит Бернардо Бергёнд сделал попытку объединить католическую оппозицию в Мексике, чтобы бороться с пришедшим к власти антикатолическим правительством.

Бергёнд выдвинул план создания своеобразной „двойной“ организации. Одна ее часть должна заниматься массовыми политическими мероприятиями, другая часть — социальной сферой. Действия массовых организаций должны направляться секретным избранным руководством. „Текос“ являлась руководящим звеном всего этого комплекса. Предполагалось, что его члены, особенно из числа молодого поколения,

должны были бороться за интересы церкви и страны там и тогда, где и когда им это прикажут.

Первоначально „текос“ не была фашистской организацией. В ее состав входили в основном убежденные католики и так называемые традиционалисты, готовые защищать старый, установленный порядок. После второй мировой войны положение изменилось. Усилиями двух человек — мексиканского нациста, который во время второй мировой войны находился в Германии, и аргентинского иезуита, последователя Гитлера, „текос“ превратилась в духовного наставника для многих неонацистских движений континента и координатора действий „эскадронов смерти“ в латиноамериканском регионе.

Не удалось выяснить, какую роль Карлос Куэста Галлардо исполнял в Германии или какие у него были функции. Одни говорят, что он был секретарем у Гитлера, другие — помощником Альфреда Розенберга, нацистского идеолога, разработавшего основы антиеврейской политики Германии, который был казнен в Нюрнберге. Какова бы ни была его роль, несомненно одно — немцы намеревались использовать Галлардо для формирования на южных границах Соединенных Штатов пронацистских подразделений из числа мексиканцев. Когда планы Германии по завоеванию мира потерпели крах, Галлардо вернулся в Мексику, оставшись убежденным фашистом и антисемитом.

Галлардо осел в Гвадалахаре, втором по величине городе Мексики, ее финансовом центре. Гвадалахара была также родиной „Кристерос“. Согласно сообщению члена американской секции лиги, „сейчас Галлардо ведет уединенную жизнь в Гвадалахаре, никогда не появляется на публике. Его дом является замаскированной крепостью, охраняется круглосуточно“.

Галлардо не бездельничает в своем гвадалахарском убежище. Он замышляет возрождение организации „текос“, которая посвятит себя не только борьбе с антиклерикальными силами в Мексике, но и со всеми врагами, где бы они ни находились. К числу врагов относятся коммунисты, евреи, масоны, большая часть иерархов Ватикана, поскольку все они, по словам Галлардо, являются участниками заговора евреев, масонов и коммунистов, стремящихся завоевать мир.

Когда в конце 40-х годов Галлардо приступил к реализации своей „миссии“ среди лиц, сочувствовавших ему, он мог рассчитывать на помощь нацистских священнослужителей, с которыми поддерживал контакт во время пребывания в Германии. Эти католические священники сотрудничали во время войны с властями Германии и ее союзников. В рясу священников рядились многие гитлеровские военные преступники, с тем чтобы избежать наказания. Они оказались разбросанными по странам Западной Европы и Латинской Америки.

Несомненно, что нынешние связи „текос“ с религиозными лидерами хорватских усташей и румынской Железной гвардии уходят своими корнями во времена пребывания их лидеров в Берлине.

Галлардо завербовал в ряды своей организации молодого мексиканского интеллектуала Раймундо Герреро, который в свою очередь привлек в „текос“ крайне правых студентов и профессоров и начал тайно осуществлять руководство их деятельностью. Однако реальная власть всегда была в руках находящегося в тени Галлардо.

С точки зрения старых мексиканских нацистов, Герреро хорошо подходил для прикрытия деятельности „текос“. В 1952 году он был направлен в Буэнос-Айрес, чтобы представлять Мексику на конференции Всемирной организации университетов. Там он установил контакты с другими неонацистскими студенческими группами, встречался с иезуитским священником Хулио Мейнвейлом.

Мейнвейл относился к крайне правым аргентинским идеологам. В своих литературных произведениях он неистово нападал на основные, по его мнению, „болезни“ сегодняшнего мира: коммунистов, евреев, масонов и либеральные элементы католической церкви. В 1952 году Мейнвейл уже был духовным лидером „такуарас“, аргентинского секретного общества неонацистов. Теперь он стал духовным лидером и для „текос“. Его полные ненависти и злобы книги, такие, как „Евреи“, „Интриги прогрессистов“, „В лоне церкви и рейха“, стали библией для „текос“. На конференциях Всемирной антикоммунистической лиги ее мексиканские участники регулярно распространяли книги Мейнвейла. В 1972 году престарелого священника даже приглашали быть главным оратором на первой конференции Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации в Мехико.

Стефан Поссоли, профессор консервативного Гуверовского института Стэнфордского университета США, в течение длительного времени состоявший членом американского отделения Всемирной антикоммунистической лиги, в начале 70-х годов занимался изучением деятельности „текос“. Говоря о том значении, которое придавали мексиканские неонацисты деятельности Мейнвейла, он в положительных тонах описывает этого аргентинца: „Он теолог, обладает знаниями в социальных науках. С гораздо большим основанием, чем других, его можно назвать ученым, стоящим на умеренных позициях. Он очень хорошо осведомлен о многих аспектах коммунизма, о котором пишет с глубоким проникновением и мудростью. Он дал исчерпывающую интерпретацию исторического процесса, на которой базируются постулаты „текос“. В то же время Мейнвейл — это жертва навязчивых идей, особенно антисемитского характера,

при реализации которых он прибегает к сомнительным методам”.

Несмотря на то что Поссоли характеризует Мейнвейла как ученого, стоявшего на умеренных позициях, в действительности взятая на вооружение „текос” его „интерпретация истории” является проповедью насилия, ненависти и шизофренических мотиваций. Для „текос” практически все общепризнанные лидеры, будь то в религиозной, экономической или политической области, являются предателями и орудием в руках международного сионизма. Франклина Д. Рузвельта, Гарри Трумэна и Нельсона Рокфеллера они относят к евреям. К евреям они причисляют некоторых лидеров испанских „карлистов”, а также консервативных и католических политических деятелей в странах Центральной и Южной Америки. „Текос” считали и продолжают считать, что все их враги выполняют отведенную им роль в деле претворения в жизнь секретных планов сионистов по завоеванию мирового господства.

Сила врагов „текос” значительно возросла, когда к их числу был причислен Ватикан во главе с папой Иоанном XXIII. Хотя многие католики были разочарованы определенными либеральными тенденциями в действиях папы и документами II Ватиканского собора 1962 года, ни один из них не реагировал так резко и богохульно, как это делали „текос” в своем воззвании „Заговор против церкви”.

Этот документ до сих пор остается одним из наиболее злых антисемитских и неприкрыто пронацистских из всех когда-либо написанных трактатов. Он был подписан анонимным лицом — неким Морисом Пино, переведен на многие иностранные языки. Его итальянский вариант распространялся во время II Ватиканского собора и вызвал небывалый шум.

„Мы должны объединить свои силы в борьбе с сионистским империализмом и освободить наши народы из-под его ига, с тем чтобы все страны могли образовать всемирную организацию”.

Несомненно, Организация Объединенных Наций не подразумевалась под „всемирной организацией”, поскольку, по словам „текос”, „она тайно контролируется евреями и масонами и используется для обеспечения триумфа империалистических планов, выношенных в синагогах”.

Авторы „Заговора” пошли дальше других апологетов в деле выражения сожаления по поводу поражения нацистской Германии. „Если бы нацисты ограничились делом спасения народов Европы от нависшей над ними смертельной угрозы (сионизма), то их за это не следовало бы порицать; и возможно, такое их похвальное дело закончилось бы успехом”.

Многие журналисты и обескураженные церковные авторитеты пытались установить действительного автора „Заговора”. В результате они пришли к заключению, что „Заговор” —

это коллективное творение европейских неонацистов и латиноамериканских фашистов. Однако фактическим автором являются „текос“, а именно Куэсто Галлардо и Гариби Веласко — еще один их лидер.

Дирижером враждебных нападок „текос“ на II Ватиканский собор был их теолог, иезуитский священник Саенц Арриага. По завершении работы собора он выпустил пресс-релиз, „подписанный“ двадцатью авторитетными консервативными церковнослужителями, в котором содержались нападки на собор за то, что „он поддавался давлению или подкупу сионистов“. Большинство подписей оказались поддельными, связаться же с самим Арриагой авторам книги не удалось.

Некоторые из умеренных членов „текос“, не согласные с действиями указанной группировки, в 1964 году отошли от организации и создали самостоятельную группу „пуэбла“. В настоящее время „текос“ рассматривают „пуэбла“ как часть сионистского заговора. По словам одного южноамериканского автора, который следил за разрывом между „текос“ и „пуэбла“, „с тех пор они убивают друг друга. Ни одна из этих групп не состоит из святых“.

Вражда между „текос“ и „пуэбла“ способствовала появлению на свет некоторых сведений об этих тайных организациях. Руководители церкви в Мексике, даже некоторые из ее крайне консервативных членов, подвергли критике „текос“. В 1964 году кардинал Гвадалахары Гариби Ривера распространил письмо, „призывающее студентов не поддаваться на призывы тех, кто под предлогом борьбы с коммунизмом создают тайные организации, в которых заставляют клятвенно соблюдать строгую секретность и подчиняться неизвестным лидерам. При этом открыто высказываются угрозы в адрес тех, кто не подчиняется приказам“.

Такие разоблачения не нанесли ущерба этой тайной организации. Скорее наоборот. „Текос“ организовали кампанию по ознакомлению общественности со своей деятельностью, создали боевые группы, установили связи с другими неонацистскими организациями в Латинской Америке, США и Европе. Одна из наиболее результативных операций „текос“, которая, возможно, была подсказана успешной работой Раймундо Герреро в начале 1950 годов во Всемирной организации университетов, заключалась в приобретении влияния и получении финансовых средств от академического мира.

В странах Латинской Америки традиционно создаются „самоуправляющиеся университеты“. В таких учебных заведениях, хотя бы теоретически, допускается полная академическая свобода, включая безнаказанное преподавание таких предметов, как марксизм, о котором нельзя безбоязненно говорить за пределами университетских городков. Армии и полиции доступ в такие городки воспрещен, вопросы безопасно-

сти решаются специально набранным университетским персоналом. Такое положение привело к созданию полных иронии драматических ситуаций: профессора, разделяющие либеральные или даже марксистские убеждения, преподают свои предметы под защитой университетской автономии в странах, где либералы и марксисты часто подвергаются арестам, пыткам. Нередко их просто убивают.

В системе „самоуправляющихся университетов“, в которых традиционно тон задают левые, „текос“ увидели такой инструмент, через который они могли бы пропагандировать свои идеи о международном заговоре коммунистов и сионистов. Эта система могла также стать источником финансирования их секретных операций. Трамплином для завоевания влияния на континенте должен был стать контролируемый „текос“ „самоуправляющийся университет“ Гвадалахары.

Созданный в 1935 году Карлосом Куэста Галлардо Гвадалахарский университет всегда был плохо укомплектован штатами, постоянно нуждался в средствах. В 1960 году его бюджет состоял всего из пятидесяти тысяч долларов. У университета было несколько полуразвалившихся зданий, расположенных на неухоженной, пыльной территории. Затем все изменилось: „текос“ обратили внимание на имеющееся в их распоряжении скрытое оружие — хорошее отношение к ним со стороны американских властей, на поддержку которых они могли рассчитывать.

После многих лет финансового голода Гвадалахарский университет получил деньги от фондов Рокфеллера, Форда и Карнеги, а также от Агентства международного развития. Эта благоприятная перемена произошла благодаря усилиям ректора университета Луиса Гарибэя, близкого соратника Герреро.

Из конфиденциального доклада, подготовленного бразильской крайне правой организацией „Традиция, семья и собственность“, которая в течение длительного времени не ладилась с „текос“, следует, что благодаря усилиям американского консула в Гвадалахаре Оскара Уигэнда „самоуправляющийся университет“ приобрел известность. „Консул был настолько заинтересован в развитии этого маленького учебного заведения, что переехал в Гвадалахару, чтобы самому контролировать этот процесс. Доктор Уигэнд вместе с ректором Гарибэем посетил двенадцать американских университетов, чтобы познакомить их руководителей с Гарибэем и его планами, а также получить денежные пожертвования“.

В 1975 году „самоуправляющийся университет“ Гвадалахары имел бюджет уже в десять миллионов долларов, что заместитель ректора Антонио Леаньо, высокоранжированный член „текос“, назвал „чудом“ американской и мексиканской филантропии. Это „чудо“ было совершено на деньги американского правительства, выделявшиеся через Агентство меж-

дународного развития и американские филантропические фонды. В период с 1964 по 1974 год они предоставили университету, в котором главенствовали „текос“, около двадцати миллионов долларов.

Но может быть, некоторые фонды и правительственные чиновники, занимавшиеся изысканием средств на нужды университета, не знали о том, что он контролируется „текос“? Однако это предположение не выдерживает критики. Ведь на различных постах в университете можно было найти главарей „текос“, людей, которые организовывали грубые нападки на Ватикан, иудаизм и даже на США. Далее, американские деньги способствовали процветанию только „текос“ или связанных с ними групп, уже потративших значительные суммы на подготовку, публикацию, перевод и распространение довольно дорогих книг, особенно упоминавшегося ранее „Заговора“.

За счет американской финансовой помощи „текос“ из Гвадалахарского университета смогли финансировать свои „неакадемические“ программы. По словам мексиканского специалиста по политическим вопросам, который внедрился в „текос“ и присутствовал на их тайных совещаниях, американские субсидии и стипендии через университет переправлялись в кассу „текос“. „Большая часть этих денег расходовалась на поддержку политической деятельности „текос“, — заявил он.

Направлений политической деятельности у „текос“ было много. В дополнение к укреплению связей с неонацистскими организациями Западной Европы и Латинской Америки, а также изданию антиссионистского журнала „Реплика“, у „текос“ появились деньги на создание таких политических групп, как Мексиканская антикоммунистическая федерация и Межамериканская федерация защиты континента. Теперь „текос“ могли действовать в качестве связующего звена между „эскадронами смерти“. В 1972 году они вошли в состав Всемирной антикоммунистической лиги.

Используя в качестве своего прикрытия Мексиканскую антикоммунистическую федерацию, „текос“ приобрели в ВАКЛ очень большое влияние. Раймундо Герреро стал членом исполнительного совета. „Текос“ продолжали привлекать в ряды организации своих „мятежных братьев“ из других стран Латинской Америки, не обращая особого внимания на своих крестных отцов из азиатской лиги. После создания групп во всех странах Латинской Америки „текос“, как и следовало ожидать, заняли руководящие позиции в Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации.

Используя свое членство в ВАКЛ, „текос“ усилили члoвеконенавистнические кампании, проводимые через журнал „Реплика“. Перепечатывая статьи из других связанных с ВАКЛ журналов, таких, как „Канадизн интеллидженс сервис“ и тай-

ваньский „Эйшн аутлук“, „Реплика“ продолжает оставаться таким изданием, которое помогает объединению теоретиков конспиративных действий и неонацистов в их борьбе с „масонско-сионистским заговором“. В 1978 году на конференции ВАКЛ „текос“ распространяли перепечатанные статьи, в которых телевизионная мини-серия „Холокаст“ квалифицировалась как образец „сионистской пропаганды“.

Став членом Всемирной антикоммунистической лиги, „текос“ получили возможность распространять свою философию в международном масштабе, завоевывать поддержку со стороны неонацистских групп других стран. Когда группа немецких нацистов проводила в Мюнхене свои заседания, Герреро направил в ее адрес поздравительную телеграмму. Партия норвежских фашистов „Норск рикт“ с похвалой отозвалась о деятельности мексиканского отделения ВАКЛ. Когда в конце 70-х годов председатель американского отделения лиги способствовал включению в европейские делегации неонацистов и бывших нацистских офицеров, наибольшую поддержку он нашел у „текос“ во главе с Герреро.

Сегодня „самоуправляющийся университет“ Гвадалахары является процветающим высшим учебным заведением. Он присуждает около шестидесяти ученых степеней в год, а его ректор доктор Луис Гарибэй Гутьеррес в 1985 году был избран на пост председателя Международной ассоциации ректоров университетов. Тем не менее многие из его профессоров и студентов являются членами тайного общества „текос“. Раймундо Герреро занял пост декана факультета. „Текос“ настолько доминируют в университете, что даже его футбольная команда названа их именем. В университете проходят митинги, на которых, по словам бывших студентов, носят повязки со свастикой и дают клятву на верность нацизму. „Текос“ руководят в университете своей собственной вооруженной полицией безопасности, студентов воспитывают в духе антикоммунизма и антисемитизма. Для посещения университета необходимо иметь специальный пропуск. Посетителей знакомят с университетским городком специальные сопровождающие.

Гражданин США, бывший профессор Гвадалахарского университета, сторонник „текос“, неумышленно раскрыл внутреннюю кухню этой организации. В телефонном разговоре с Дейл Ван Аттой, помощником журналиста Джека Андерсона, он защищал порядки в университете. Более того, этот человек рассказал о клятве на верность, об оказываемом на профессоров различных национальностей давлении, чтобы склонить их к вступлению в члены тайного общества, о „разделении труда“ в „текос“. Этот профессор заявил:

„В основном университет разделяется на три сферы. Это административные работники и профессора университета, ас-

пиранты и студенты, следящие друг за другом и определяющие политическую ориентацию, и, наконец, „текос“.

— А „текос“ могут участвовать в делах „эскадронов смерти“?

— Я не знаю. Но я не удивлюсь, если это так“.

И повесил трубку.

Когда один из авторов книги в январе—феврале 1984 года в серии статей, написанной совместно с Джеком Андерсоном, раскрыл контроль со стороны „текос“ над „самоуправляющимся университетом“ Гвадалахары и их связи с „эскадронами смерти“ стран Центральной Америки, университет и его союзники отреагировали на это очень бурно. Кроме помещения объявления в газете „Вашингтон пост“, носившего сугубо „оборонительный характер“, подверглись осуждению в прессе Мексики и Гватемалы статьи Андерсона. Один из наиболее забавных контраргументов университета состоял в том, что словом „текос“ (сова) обозначается „студенческая привычка засиживаться за занятиями до поздней ночи“.

Это объяснение рассмешило дочь одного из членов „текос“. „Конечно, это слово означает „сова“. „Текос“ — это совы с красными глазами. Членов этой организации называют „текос“, так как они не спят ночами, обдывая свои делшки“.

Мексиканская антикоммунистическая федерация не является и не может быть плюралистической организацией, заявил эмиссар „текос“ Рафаэль Родригес на конференции Всемирной антикоммунистической лиги в 1980 году. „Ценности нашей веры, нашей культуры, нашей цивилизации, нашего национализма — только они действительно помогают нам жить во имя борьбы с коммунизмом. Коммунисты, марксисты всех мастей могут находиться только по другую сторону баррикад. Наша главная задача — не вести разговоры о коммунизме, а бороться с ним“.

Глава 7

В БОЛОТЕ ФАНАТИЗМА

Коммунисты уже пришли к решению о завоевании в скором времени всего мира.

*Фред Шварц,
член американского отделения
Всемирной антикоммунистической лиги*

Правые силы США, обладающие большими финансовыми ресурсами, всегда играли ведущую роль в делах Всемирной антикоммунистической лиги. В состав американского отделения ВАКЛ входят в основном консервативные представители научного мира, отставные военные офицеры и члены так называемых „новых правых“. Они не только допускают антисемитские и расистские проявления в своем региональном отделении, но своим молчанием и „робостью“ одобряют действия самых реакционных и злобных элементов ВАКЛ.

Отделения ВАКЛ в Южной и Центральной Америке проповедуют тезис о том, что за „глобальным коммунистическим заговором“ стоят сионисты. Южноафриканское отделение открыто говорит о своей поддержке политики апартеида в ЮАР.

Все эти факты известны американцам. Их утверждения об обратном выглядят по меньшей мере несерьезными, поскольку именно американцы — члены ВАКЛ неоднократно вскрывали темные аспекты в деятельности этой организации. Именно американцы не предпринимали по такой информации никаких действий, пока обстоятельства не вынуждали их делать это.

В 1972 году американцы вскрыли нацистскую природу мексиканских „текос“. Но они не только не предали гласности свои сведения, но еще в течение двух лет оставались членами лиги. А многие из вышедших из состава ВАКЛ вновь вступили в эту организацию. Члены американского отделения лиги еще в 1973 году были предупреждены о фанатичном расизме председателей британского и южноафриканского отделений ВАКЛ Дональда Мартина и Ивора Бенсона, числившихся иностранными корреспондентами антисемитского калифорнийского издания „Либерал лобби“. Тем не менее обоих пригласили выступить на региональной североамериканской конференции ВАКЛ в 1984 году.

Американцы хорошо знали и об участии некоторых членов латиноамериканских отделений ВАКЛ в делах „эскадронов смерти“, и тем не менее до 1984 года эти члены оставались в составе лиги. Несмотря на то что их наконец вывели из ВАКЛ, некоторые из этих латиноамериканцев принимали участие в работе конференций лиги в 1984 и 1985 годах, созданных по инициативе американского отделения.

Американцы — члены Всемирной антикоммунистической лиги постоянно говорят о своих попытках оказать сдерживающее влияние на деятельность ВАКЛ и о своей неосведомленности в отношении некоторых непривлекательных дел других отделений лиги. Однако собранные в основном самими же американцами свидетельства говорят о том, что они знали, что наряду с ними в эту организацию входят лидеры „эскадронов смерти“, нацистские военные преступники, неофашисты.

Первое американское отделение лиги было основано в 1970 году в столице США г. Вашингтоне и называлось Американский совет за всемирную свободу. Главным инициатором создания этого отделения и его первым секретарем был Ли Эдвардс, глава фирмы по общественным отношениям и бывший директор организации „Молодые американцы за свободу“, которая являлась молодежным отделением Общества Джона Берча.

Эдвардс был столпом „новых правых“ в американской политике. Он привнес свой сомнительный опыт в деятельность Всемирной антикоммунистической лиги, выступая в качестве профессионального „добытчика денег“. Вместе с немногими другими „специалистами“ подобных дел, такими, как Ричард Вигери и Патрик Горман, Эдвардс занимался сбором пожертвований для благотворительных и подобных им организаций, оставляя себе до девяноста процентов собранных денег на „оперативные расходы“. Избрание Эдвардса в 1970 году на должность председателя американского отделения ВАКЛ не убавило его энергии — совместно с Патриком Горманом он создал Общество друзей ФБР.

К тому времени Горман уже приобрел скандальную известность, выступая в качестве распорядителя фонда „Юнайтед полис фонд“. Фонд оказывал материальную помощь родственникам погибших полицейских. Он воздействовал на сердца и кошельки американцев, направляя в их адрес брошюры с фотографиями членов семей полицейских, скорбящих у могил своих мужей, отцов и братьев. „За два года, — писал Алан Кроуфорд в своей публикации „Гром справа“, — это мероприятие дало чистый доход в размере ста десяти тысяч долларов, почти девяносто процентов которых пошло в карман Гормана“.

Целью Общества друзей ФБР была поддержка деятельности ФБР и его директора Эдгара Гувера. В брошюрах этого

общества разъяснялось, что наилучшим путем проявления такой поддержки было бы направление пожертвований Эдвардсу и Горману. Используя рекомендательное письмо Ефрема Цимбалиста, ведущего телепередачи „ФБР“, за четыре месяца они получили почти четыреста тысяч долларов, шестьдесят четыре процента которых пошло на погашение „оперативных расходов“, а остальное поделили между собой Эдвардс, Горман и их помощники. „Вскоре у Цимбалиста возникли сомнения в добропорядочности его партнеров. Он заявил, что Эдвардс и Горман ввели его в заблуждение, а его адвокаты потребовали прекратить использовать имя их клиента. В письме Цимбалист обвинил Гормана и Эдвардса в „искажениях фактов и в мошенничестве“ — так писал Кроуфорд.

Эдвардсу удалось получить согласие многих консервативных американских политических деятелей на помещение их фамилий на бланке Американского совета за всемирную свободу и склонить их к участию в мероприятиях Всемирной антикоммунистической лиги. В их числе оказались Лев Добрянский, бывший эсэсовский офицер во время второй мировой войны, председатель Национального комитета поработанных стран и посол США на Багамских островах, доктор Уолтер Х. Джадд, бывший конгрессмен от штата Миннесота, Джон Фишер, исполнительный директор Совета американской безопасности, и Рид Ирвинг. Эти люди представляли крайне правых. За год до этого Ирвинг создал группу, выступающую „за точность и беспристрастность в подготовке сообщений“, являвшуюся фактически цензурным органом над прессой. Последним президентом Американского совета за всемирную свободу был отставной генерал-майор Томас Лейн, Элеонора Шафли представляла Фонд кардинала Миндиенти.

Не осталась в стороне и „унификационная церковь“ Муна. В правление Американского совета за всемирную свободу входил Нейл Салонен, президент этой церкви в Соединенных Штатах, генеральный секретарь фонда „За свободу лидерства“ и директор корейской компании по производству вооружений „Тонг-ил“, которой владели мунисты. В 1973 году Салонен достиг известности тем, что вместе с преподобным Муном в течение трех дней постился на ступенях Капитолия и в молитвах просил бога не допустить импичмента Ричарда Никсона.

Используя известных консерваторов из состава Американского совета за всемирную свободу, Всемирной антикоммунистической лиге удалось привлечь к работе своих конференций некоторых американских сенаторов и конгрессменов.

Стром Турмонд, сенатор-республиканец от штата Южная Каролина, и Роберт Дорнан, конгрессмен-республиканец от штата Калифорния, выступали на конференциях лиги в начале 70-х годов.

Но не все члены Американского совета за всемирную свободу стремились вступить в состав лиги. Дэвид Роув, который в 1965 году занимался реорганизацией корейского отделения Антикоммунистической лиги азиатских народов, фактически вышел из состава ВАКЛ из-за своих разногласий с ее председателем Ку Ченканом*.

Несмотря на возражения Роува, Американский совет за всемирную свободу вступил в состав ВАКЛ главным образом благодаря усилиям профессора Гуверовского института Стэнфордского университета Стефана Поссоли. По иронии судьбы, именно Поссоли начал расследование, результаты которого дискредитировали не только американское отделение лиги, но и Американский совет за всемирную свободу.

В 1972 году на совете ВАКЛ в городе Мехико было принято решение провести очередную конференцию в Лондоне. По принятому лигой особому правилу, пост ее международного президента на очередной год отдается организатору предыдущей конференции ВАКЛ, то есть в данном случае мексиканскому отделению лиги или Мексиканской антикоммунистической федерации во главе с членом „текос“ профессором Раймундо Герреро.

Поскольку постоянно ходили слухи об экстремизме этой федерации, американцы поручили Поссоли изучить деятельность мексиканского отделения ВАКЛ. Скоро стало ясно, что Мексиканская антикоммунистическая федерация является лишь прикрытием для тайного общества „текос“.

„Текос“ — это не только антисемитская, но и антиамериканская организация, так как она выступает против провозглашенной Американским советом цели — достижения свободы. Ее задачей является восстановление так называемого христианского порядка. Она считает, что церковь наводнена евреями и масонами. Она выступала за отлучение от церкви папы Павла VI как скрытого еврея и наркомана, как еретика...

„Текос“ поддерживают контакты с оставшимися группами румынской Железной гвардии и, возможно, с хорватскими усташами. С этими организациями их связывает и идеологическое родство. Представляется, что „текос“ связаны со многими неонацистскими движениями. В их деятельности заметны нацистские тенденции. Я не нашел

* Несмотря на свои враждебные отношения с Ку Ченканом, Роув в дальнейшем вновь вступил в ВАКЛ и участвовал в работе конференций 1983 и 1984 годов, хотя Ку еще оставался президентом лиги. — *Прим. авт.*

даже упоминаний о представительном правительстве, демократии или национальном самоопределении", — писал Поссони в докладе.

В заключение этого конфиденциального доклада Американскому совету за всемирную свободу Поссони предупреждает: „Было бы ошибкой забывать, что за антикоммунизмом, антисемитизмом и антимаасонством „текос" скрывается их антиамериканизм и что неприемлема ассоциация Американского совета с врагами США“.

Получив это подробное исследование, выполненное одним из наиболее уважаемых его членов, Американский совет за всемирную свободу собрался в апреле 1973 года в Вашингтоне для обсуждения вопроса о мерах, которые можно было бы предпринять в отношении мексиканцев. Это совещание — образец трусости.

Один из членов совета заявил, что необходимо что-то делать в отношении проявления антисемитизма ВАКЛ, и призвал записать в протоколе, что „антисемитизм несовместим с антикоммунизмом“. Другой член совета не согласился с этим, указав, что „такое заявление было бы политической ошибкой, свидетельствующей о нашей нечистой совести“.

Наконец Рид Ирвинг предложил записать, что „антисемитизм несовместим с просвещенным, цивилизованным поведением, и мы осуждаем коммунистические страны за такие проявления“.

Предложение Ирвинга было принято подавляющим большинством. Таким образом, Американский совет за всемирную свободу получил неопровержимые доказательства наличия неофашистских тенденций в деятельности своего мексиканского „собрата“, но не принял никаких мер. Американский совет за всемирную свободу остался в составе ВАКЛ, и, возможно, такое положение сохранилось бы до сих пор, если бы он не допустил ошибок. В 1973 году, когда Американский совет за всемирную свободу направил копию доклада Поссони Джерри Стюарт-Смиту, руководителю британского отделения лиги и предполагавшемуся организатору очередной конференции ВАКЛ, это явилось шагом к его уничтожению.

Стюарт-Смит был убежденным антикоммунистом, который считал, что государства и частные группы должны объединиться в борьбе „с советской стратегией достижения господства в мире“. По его мнению, Всемирная антикоммунистическая лига создавала для этого хорошие возможности. Однако даже Стюарт-Смит был не готов видеть в числе своих боевых друзей нацистов, антисемитов и гоминьдановских старцев.

Бывший член парламента Великобритании от консервативной партии, Стюарт-Смит был также директором издательства „Форин афферс серкл“, которое считалось „мозговым трестом“, публиковавшим монографии по различным внеш-

неполитическим вопросам, которые рассматривались с консервативных позиций. При Стюарт-Смите „Форин афферс серкл“ вошло в состав Всемирной антикоммунистической лиги и с 1972 по 1974 год существовало в качестве ее британского отделения.

Подготовка к лондонской конференции ВАКЛ в 1973 году столкнулась с определенными трудностями еще до того, как Стюарт-Смит получил доклад Поссоли, поскольку „Форин афферс серкл“ не хотело удовлетворять некоторые пожелания руководства лиги. Стюарт-Смит отказался пригласить на конференцию ВАКЛ европейских нацистов, на чем настаивали азиатские и латиноамериканские отделения, и он посылал их руководителям гневные письма.

Особое раздражение англичанина вызвал Иезус Паласиос, представитель испанского отделения Всемирной антикоммунистической лиги молодежи, входившей в ВАКЛ. Поскольку Паласиос участвовал в работе конференции лиги 1972 года и его организация — Антимарксистская группа интеллектуалов Испании являлась ассоциированным членом ВАКЛ, то, согласно законам лиги, он имел право присутствовать на лондонской конференции. Несмотря на это, Стюарт-Смит возражал.

Паласиос являлся также основателем ультраправой боевой ударной группы „седаде“, которая провозгласила себя „национал-революционной организацией“ и преследовала цель „бороться с тенденцией опорочивания деятельности национал-социализма“. Паласиос был главой мадридского отделения этой группы, носил коричневую рубашку с черным галстуком, постоянно напоминал своим последователям о том, что „марксизм — это инструмент насаждения тирании сионистов“. „Седаде“ опубликовала такие его монографии, как „Миф о принадлежности Христа к евреям“, „Гитлер и церковь“, „Ложь об атеизме Гитлера“. Митинги „седаде“ обычно заканчивались нацистскими приветствиями и одобрительными возгласами в честь их погибших идолов — Гитлера и Муссолини. В мае 1973 года Стюарт-Смит писал Ку Ченкану: „Кажется несомненным тот факт, что Паласиос является неонацистом“.

Когда на это письмо не последовало ответа, Стюарт-Смит написал доктору Бастолме Пиггросу, руководителю испанского отделения лиги. „Если Вам нужны материалы о Паласиосе, — ответил Пиггрос, — Ку Ченкан по линии своего правительства может запросить доклад у тайваньской миссии в Мадриде, которая, несомненно, проинформирует вас о том, что она поддерживает с Паласиосом самые близкие отношения“.

Стало ясно, что Стюарт-Смит информирует о нацистских проявлениях в лиге тех самых людей, которые координируют эту деятельность, и эти „координаторы“ недовольны настойчивостью англичанина. Устав в конце концов от обструкцио-

нистской политики британского отделения ВАКЛ, руководители лиги в последнюю минуту не стали проводить конференцию в Лондоне, прислав „Форин афферс серкл“ счет на семьдесят четыре тысячи долларов. Усилия по возвращению этих денег увязли в международных судах, хотя с тех пор прошло много лет.

„Всемирная антикоммунистическая лига, — говорит сейчас Стюарт-Смит, — это крупное сборище нацистов, фашистов, антисемитов, аферистов, порочных расистов и коррумпированных корыстолюбцев. Она занимается антисемитской деятельностью во всемирном масштабе. Само существование этой организации — позор для свободного мира“.

Стюарт-Смит был первым членом ВАКЛ, который понял истинные цели лиги и пытался преобразовать ее. Когда он получил доклад Поссоны, в котором обрисовывались антисемитский характер лиги и насильственность действий самого влиятельного в Латинской Америке мексиканского отделения, ему стало ясно истинное лицо некоторых „антикоммунистов“, с которыми он общался. Более того, его особенно возмутил тот факт, что американское отделение ВАКЛ, подготовившее упомянутый доклад, не только не приняло мер к его обнародованию и не постаралось выйти из лиги, но продолжало подготовку к проведению конференции лиги 1974 года в США. „Антикоммунизм и политический экстремизм, — писал Стюарт-Смит Ли Эдвардсу в июне 1973 года, — могут уничтожить ВАКЛ. Если от этого не избавиться, организация будет оставаться объединением ультраправых, религиозных сумасбродов, стареющих неонацистов, эмигрантов и людей со всевозможными отклонениями“.

Американцы на письмо не ответили. Стюарт-Смит не был согласен с такой безразличной позицией и провел расследование. В январе 1974 года он вновь написал Эдвардсу, на этот раз уже угрожая разоблачением в прессе, если Американский совет за всемирную свободу не выйдет из ВАКЛ. „Результаты очень внимательного изучения деятельности этой организации показали, что некоторые ее отделения, ассоциации и обозреватели набраны из числа неонацистов, бывших нацистов и фашистов, неофашистов и антисемитов“.

„Вы знаете очень хорошо, — отвечал Томас Лейн, президент Американского совета за всемирную свободу, — что ВАКЛ родилась в борьбе за свободу народов Азии и находится на передовых рубежах конфронтации с коммунистами. Что касается ваших утверждений об антисемитизме некоторых отделений ВАКЛ, то они, кажется, основываются на приписывании им „вины по ассоциации“, и к тому же ложной ассоциации. Мы, конечно, полным ходом продолжим подготовку к проведению конференции ВАКЛ в Вашингтоне“.

Но у Стюарт-Смита была и „тяжелая артиллерия“. Он направил шестьсот экземпляров доклада „ВАКЛ и антисемитизм“ во все отделения лиги и каждому члену Американского совета за всемирную свободу. Включение в этот доклад собственных выводов Стюарт-Смита и результатов проведенного Поссо́ни расследования создавало впечатление, что Американский совет за всемирную свободу объединил свои силы с „Форин афферс серкл“ в борьбе против мексиканских „текос“. Это ставило Томаса Лейна в незавидное положение, поскольку ему приходилось отказываться от выводов своей собственной организации. „Вы, очевидно, совершенно неправильно истолковали предлагаемые материалы, — писал он Стюарт-Смиту. — Главная часть вашего сообщения — доклад Американского совета за всемирную свободу — это доклад не Американского совета, а исследование одного частного лица. В исследовании речь идет не о мексиканском отделении ВАКЛ, а о некоторой секретной организации, которая, по мнению автора, входит в состав этого отделения“.

Но ущерб уже был нанесен, и Американскому совету за всемирную свободу, несмотря на отчаянные попытки остаться в составе ВАКЛ, сделать этого не удалось. По иронии судьбы, включение Стюарт-Смитом данных Поссо́ни в рассылаемые им в массовом порядке материалы помогло разрушить не ВАКЛ, а Американский совет. По мнению отделений латиноамериканских стран, материалы Поссо́ни свидетельствовали о том, что Американский совет за всемирную свободу является не только врагом антикоммунизма, но, что еще хуже, проповедует сионизм. И они сплотились вокруг „оклеветанных „текос“. „Стюарт-Смит и Американский совет, — писал представитель уругвайского отделения ВАКЛ в марте 1974 года, — этими документами и своим отношением сослужили большую службу коммунизму, поскольку пытались вызвать раскол в ВАКЛ, действуя так, как будто являются тайными коммунистами, проникшими в ряды антикоммунистов, чтобы осуществлять там акты саботажа!“

Боливийское отделение ВАКЛ выразило свои мысли более энергично: „Направленный нам Стюарт-Смитом нелепый меморандум Американского совета за всемирную свободу, являясь просионистским по своему характеру, свидетельствует о том, что, как уже было сказано, Американский совет является инструментом сионизма в его попытках поставить под свой контроль ВАКЛ и использовать эту организацию в интересах сионизма. Он пользуется мифом об антисемитизме для запугивания или нейтрализации действий тех, кто отказывается быть марионеткой сионизма“.

Однако Американский совет за всемирную свободу не собирался сдаваться. Приняв на себя главный удар латиноамериканских отделений лиги он продолжал выполнять роль орга-

низатора конференции ВАКЛ 1974 года. На конференции совет сделал слабую попытку придать лиге какую-то респектабельность: он внес проект резолюции о том, что ВАКЛ выступает против антисемитизма и экстремизма. Латиноамериканцы были в бешенстве.

По словам представителей „текос“, „подавляющим числом голосов“ было принято решение „не допускать на какое-то время даже упоминания об этих проблемах, которые совершенно чужды антикоммунистической борьбе. Позднее... совершенно недвусмысленно и вновь подавляющим большинством было решено отклонить проект, даже не выдвигая его на обсуждение Генеральной ассамблеи. Была единогласно одобрена резолюция совершенно другого характера. В ней осуждалась дезинформационная деятельность и нападки на ВАКЛ со стороны Стюарт-Смита“.

Хотя некоторые члены Американского совета заявляют, что в 1975 году они вышли из состава ВАКЛ ввиду ее экстремизма, который они не смогли обуздать, однако главной причиной этого было недоверие к ним со стороны латиноамериканских фашистов.

Американский совет за всемирную свободу прекратил свое существование. Его функционеры вошли в состав других организаций „новых правых“. Возможно, наибольшего успеха среди них добился Ли Эдвардс. Объединившись с Ричардом Вигери, „королем по сбору пожертвований“, он начал работать редактором журнала „Консерватив дайджест“ с момента его основания в 1975 году.

Эдвардс был также главным „добытчиком денег“ для фонда „Андерграунд байбл фонд“. По словам демократ-конгрессмена Лайонелла Ван Диэрлина, фонд „стремился убедить перспективных финансовых доноров, что на переданные ему каждые два доллара будет выпущено пять Библий. Однако мы не смогли установить, направлена ли хоть одна Библия кому-либо, несмотря на то что было собрано свыше двухсот тысяч долларов“.

Истинное лицо Эдвардса проявилось в 1976 году, когда он совместно с Вигери пытался прийти к руководству крайне расистской независимой партии США (этот шаг объясняет, почему Эдвардса не особенно трогал антисемитизм Всемирной антикоммунистической лиги). С помощью Говарда Филлипса и Пола Уэйрича, представителей „новых правых“, они пытались добиться избрания Роберта Морриса на пост председателя независимой партии США, а Вигери — вице-председателя.

Хотя этот план не удался — бессменный председатель независимой партии, фанатичный бывший губернатор Джорджии Лестор Меддокс остался у ее руля, — он служит еще одним примером того, как далеко могут зайти (и что могут допустить) люди, подобные Эдвардсу, в поисках возможных

союзников. Обогащаясь за счет добровольных пожертвований, выделяя из них большие суммы на оперативные расходы в организациях, подобных независимой партии США или Всемирной антикоммунистической лиге, они ищут людей, которые разделяли бы их безумные представления о завоевании мира коммунистами и их последователями. В дальнейшем Эдвардс стал президентом Центра международных отношений, консервативного „мозгового банка“, финансировавшего администрацией Рейгана.

Имеющиеся данные говорят о том, что некоторых американцев — членов Всемирной антикоммунистической лиги, несмотря на все их заявления, не оттолкнул неонацизм лиги. Стефан Поссоли, Лев Добрянский и Джей Паркер, входившие ранее в состав Американского совета за всемирную свободу, вновь вернулись в лигу. Их возвращение произошло в то время, когда мексиканские „текос“, присутствие которых в составе ВАКЛ явилось причиной их ухода раньше, были еще очень активны. Даже Эдвардс, кажется, проявлял „мягкотелость“ по отношению к этой организации: в 1982 году, через семь лет после официального его выхода из лиги, его фирма, занимающаяся общественными отношениями, была зарегистрирована в качестве иностранного агента ВАКЛ.

Какими бы необоснованными ни казались опасения латиноамериканских представителей лиги на счет того, что Американский совет за всемирную свободу является частью „сионистского заговора“, никаких трудностей с новым составом американского отделения ВАКЛ у них не возникает.

С выходом Американского совета за всемирную свободу из состава ВАКЛ в 1975 году энергичные неонацисты получили полную возможность изменить деятельность лиги в США и в Западной Европе, еще больше уведя ее в болото антикоммунизма и фанатизма.

Глава 8

ЛИДЕР АМЕРИКАНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ЛИГИ

Задача журнала „Вестерн Дестини“ — быть вестником западной культуры, культуры белого человека. Наша раса может выжить только в том случае, если мы не позволим евреям и чернокожим овладеть моралью, умами и душами наших детей.

Роджер Пирсон

Письмо президента Рейгана, помещенное на видном месте офиса Роджера Пирсона в центральной части Вашингтона, является предметом его гордости.

„Вы выполняете очень важное дело, знакомя широкую общественность с трудами ведущих ученых, защищающих экономику свободного предпринимательства, с принципами твердой и последовательной внешней политики США и сильной национальной обороны.

Мы высоко оцениваем Ваш вклад в защиту и распространение принципов и идеалов, которых мы придерживаемся у себя на родине и за рубежом“.

Это письмо явилось „даром небесным“ для Пирсона, использовавшего его для получения финансовой поддержки и расширения подписки на свои журналы, а также для подтверждения того факта, что все консерваторы, вплоть до президента, одобряют его разностороннюю деятельность. Действительно, Пирсон вращается в кругах „новых правых“ в течение многих лет, сначала как помощник редактора таких известных организаций, как Фонд наследия и Совет американской безопасности, а впоследствии как председатель Совета по американским делам, редактор „Трехмесячника человечества“ и „Журнала социальных, политических и экономических исследований“. Пирсон проявляет интерес и к международным делам. Его трехлетнее пребывание на посту главы американского отделения ВАКЛ свидетельствует об этом.

Во имя справедливости следует сказать, что президент Рейган, возможно, был не в курсе прошлой деятельности Пирсона. Тем не менее, когда руководящий сотрудник Белого дома был поставлен в известность о ней, письмо президента все же не было дезавуировано. В своем письме президент, по существу, предложил свою помощь одному из наиболее убеж-

денных нацистов в мире — дал в его руки инструмент, исключительно полезный для получения финансовых средств.

Роджер Пирсон — это человек, проявивший себя с разных сторон. Во-первых, это убежденный консерватор, водящий дружбу с лидерами „новых правых“, публикующий в своих журналах статьи, написанные сенаторами и конгрессменами США. С другой стороны, это человек, убежденный в превосходстве белых, предупреждающий об опасности смешения белых с „низшими“ расами, выступающий за измерение параметров черепа для установления интеллекта человека, хваставший своей ролью в деле укрывательства Йозефа Менгеле*, этого страшного „ангела смерти“ концентрационного лагеря Освенцим. Пирсон — это также человек, который, будучи в 1978 году председателем по международным делам Всемирной антикоммунистической лиги, наводнил ее европейские отделения последователями нацистов и бывшими офицерами СС.

Сейчас Пирсон активно работает в американских политических консервативных кругах и проживает в столице США. Но он англичанин, двадцать лет провел в Индии. До получения этой страной независимости в 1947 году Пирсон служил офицером в колониальных войсках, а затем был управляющим чайной плантацией, находившейся на территории нынешней Бангладеш.

Получив в 1951 году в Лондонском университете степень бакалавра по антропологии, а в 1954 году — магистра по экономике, Пирсон с ранних лет проявлял интерес к евгенике, науке, популярной у нацистов, которые считали, что человеческая раса может быть улучшена за счет выборочного генетического смешения. Равным образом белую расу якобы можно ухудшить посредством введения в нее качеств „низших“ рас. По этому вопросу Пирсон издал несколько книг, включая „Евгеника и раса“, „Раса и цивилизация“ (написание последней было „подказано“ нацистским теоретиком по вопросам рас профессором Гансом Ф. К. Гюнтером). Обе книги до сих пор продаются американской нацистской партией.

„Только проследив наследственность в нескольких поколениях, можно быть уверенным в том, что порода здоровая. Должно быть возможным до-

* В 1982 году венский „Центр документации союза евреев, преследовавшихся при нацизме“ распространил сенсационную информацию о том, что Менгеле заболел раком и умер. Однако 19 марта 1985 года известный нью-йоркский юрист Д. Познер заявил, ссылаясь на авторитетные источники, что „Менгеле жив и находится в одной из латиноамериканских стран“. В октябре 1985 года одна из американских газет, „Джуиш ньюз“, поместила сообщение, что Менгеле скончался близ Сан-Паулу (Бразилия). Точных данных о судьбе Менгеле пока нет. — *Прим. авт.*

казать, что человек имел чистую и здоровую природу. Это означает, что он должен быть чист в расовом отношении, т. е. способным производить здоровое потомство. Если, исходя из родословной, можно допустить, что в генах индивидуума есть унаследованные плохие качества, ввиду пересечения его линии с другой нездоровой ветвью, такому индивидууму (ему или ей) нельзя позволять участвовать в воспроизводстве рода. Только тогда мы получим чистую расу”.

*Роджер Пирсон,
„Евгеника и раса”*

Но Пирсон не ограничился рекламой теорий, разработанных им в своих почти никем не читаемых книгах. Он хотел образовать союз с разделяющими его мысли людьми, чтобы воплотить на практике, как это было в нацистской Германии, положения своей теории о чистой расе. К концу 1957 года ему удалось учредить Северную лигу паннордической дружбы, которая объединила фальсификаторов истории, расистов от науки, закоренелых нацистов из бывших фашистских государств. Преподносимая в качестве организации, которая якобы объяснит народам североευропейских стран важность их древней наследственности, а именно дохристианского нордического язычества, Северная лига указывала, что одно из главных положений ее теории состоит в том, что „прогресс человечества может продолжиться только при сохранении чистоты биологической наследственности и что за ее снижением и уменьшением генетических качеств неизбежно последует упадок в культуре”.

Северная лига установила контакты с подобными ей группами в Дании, Швеции и ФРГ, открыла свое отделение в Калифорнии. На ее первой конференции, проходившей в г. Детмольде (ФРГ), присутствовали Колин Джордан, британский неофашист, и Вильгельм Ландиг, бывший офицер СС. Как указывалось в документе для внутреннего пользования Всемирной антикоммунистической лиги, „западногерманские власти назвали программу и манифест этой конференции проявлением возрожденного национал-социализма”. Детмольдская конференция приняла решение о том, что члены Северной лиги должны распространять ее влияние конспиративными методами.

Из-за противодействия правительств различных западноевропейских стран Северная лига не получила того признания, которого добивался Пирсон. Однако в 80-х годах сочинения Пирсона на расовые темы и его деятельность в Европе привлекли к себе внимание американца Уиллиса Карто. Неистовый расист и фальсификатор истории, он стоял во главе калифор-

нийской организации „Либерти лобби“. В 1960 году „Либерти лобби“ высказала похвалу в адрес американской нацистской партии и ее лидера Линкольна Рокуэлла, который позднее был убит в Арлингтоне (штат Виргиния) соперничающим нацистом. Очевидно, Карто увидел в Пирсоне своего красноречивого „сотоварища“, в 1965 году убедил его перебраться в США и стать редактором журнала „Вестерн Дестини“, который издавала „Либерти лобби“.

Недолгое время Пирсон работал в „Вестерн Дестини“, написав для этого журнала несколько публикаций по вопросам расы и евгеники. После любовного расставания с Карто Пирсон появился в академических кругах своей второй родины. Он сначала преподавал антропологию в колледже Квинз в штате Северная Каролина и в университете штата Миссисипи, а затем стал деканом факультета технологического колледжа штата Монтана. К 1975 году он созрел для следующей ступени в своей карьере, на этот раз в столице США Вашингтоне, став основателем и президентом Совета по американским делам.

Этот совет — типичный для многих действующих в столице под разными названиями полузакрытых организаций, пытающихся изыскивать средства и рекламировать подписку на различные публикации. Действуя из своего офиса, расположенного около площади Лозан Серкл (г. Вашингтон), Пирсон не только принимает пожертвования для Совета по американским делам, но и распространяет „Трехмесячник человечества“, „Журнал социальных, политических и экономических исследований“, а также „Журнал индоевропейских исследований“, являющийся специализированным лингвистическим изданием.

Совет по американским делам в 70-х годах не только давал Пирсону средства к существованию, но и позволял поддерживать связи с лидерами „новых правых“, получать поддержку со стороны консервативных сенаторов и конгрессменов. В разное время Пирсон входил в состав редакционных советов Фонда наследия, Института по изучению внешней политики, а также Совета американской безопасности. Сенаторы Д. Гарн (республиканец от штата Юта) и Карл Т. Куртис (республиканец от штата Небраска) писали статьи для изданий Пирсона. Точно так же поступали сенатор Джесси Хелмс (республиканец от Северной Каролины), конгрессмены Джек Кемп (республиканец от Нью-Йорка) и Ф. Крайн (республиканец от Иллинойса).

Пирсон завоевал себе место в политических кругах „новых правых“. К 1976 году он был принят в их среду и обратил на себя внимание Всемирной антикоммунистической лиги, когда она искала преемника для своего американского филиала. Когда Американский совет за всемирную свободу сошел со сцены, лига обратилась к Пирсону и его Совету

по американским делам, чтобы восстановить свои позиции в США.

Это были новые функции, которые очень понравились Пирсону. В последующие три года именно благодаря его усилиям лига превратилась в платформу для норвежских неонацистов, бывших эсэсовских офицеров и разыскиваемых за совершение убийств итальянских террористов.

Латиноамериканские отделения ВАКЛ твердо контролировались мексиканскими „текос“, в состав австралийского и южноафриканского отделений входили различные фальсификаторы истории, антисемиты, восточноевропейские эмигранты – члены румынской Железной гвардии и хорватские усташи. Восточноевропейцы под „зонтиком“ Антибольшевистского блока народов не свернули с нужного лиге пути. В азиатские делегации входили главным образом министры правительств и высшие военные офицеры, которых нельзя было трогать, поскольку их правительства являлись основателями Всемирной антикоммунистической лиги. Слабым звеном, по мнению Пирсона, была Западная Европа.

Во главе западноевропейских отделений ВАКЛ стояли известные консерваторы, и некоторые из них боролись против нацистов во время второй мировой войны. Пирсону они казались случайными людьми, и он намеревался заменить их „настоящими антикоммунистами“. Пирсон считал, что лига дает ему возможность „замкнуть круг“ – объединить неонацистов Европы под знаменами Всемирной антикоммунистической лиги, что ему не удалось сделать пятнадцать лет назад с помощью Северной лиги.

Являясь главой американского отделения лиги, Пирсон стал предпринимать усилия и для обеспечения перестройки ее европейских филиалов. В этой работе он полагался не только на своих старых сотоварищей из Северной лиги, но и на последователей старого шведского фашиста Пера Энгдаля.

Как указывалось в конфиденциальном документе лиги, „Энгдаль является старым грандом шведской и европейской фашистской идеологии“. Сначала он входил в состав Шведской фашистской боевой организации, затем в 30-х и 40-х годах занимал различные посты в фашистских пронацистских организациях. Он был одним из авторов книги „Германия сражается“, на обложке которой изображена свастика, а на одной из страниц – портрет Гитлера.

Более важно, что в 1950 году Энгдаль совместно с лидером неофашистской партии Итальянское социальное движение Джорджио Альмиранте образовал фашистскую федерацию – Европейское социальное движение с отделениями в двенадцати странах Западной Европы. Эта федерация, очевидно, являлась самой большой ультраправой организацией после второй мировой войны. Во главе британского отделения стоял

Освальд Мосли, лидер английского Национального фронта, который во время войны призывал к миру с Гитлером. Его последователи одевались в нацистскую форму. Венгров в изгнании представлял Арпад Хенни, второй человек в правительстве Венгрии 1944 года, ответственный за уничтожение более полумиллиона венгерских евреев. Западногерманское отделение возглавлял Карл Хайнц Пристер, бывший шеф прессы и пропаганды гитлерюгенда. Австрия была представлена Вильгельмом Ландигом, „бывшим эсэсовским офицером, проявлявшим интерес к культуре“. Так отзывался о нем Пер Энгдаль.

Именно к этим людям и их молодым последователям Пирсон обратился за помощью в 1977 году, намереваясь преобразовать европейские отделения Всемирной антикоммунистической лиги. С помощью мексиканцев и нового британского экстремистского отделения ВАКЛ он добился принятия этих людей в состав ВАКЛ.

В 1978 году на конференции лиги в Вашингтоне, которая была организована и проводилась Пирсоном, среди делегатов можно было увидеть новые лица. Среди бельгийской делегации сидел щегольски одетый Сэнт К. де Беркелаар. Норвегию представлял красивый, черноволосый, с усами, похожими на велосипедный руль, Тор Хадлэнд. Рядом сидел седой, старый, с опущенными плечами Эйк Линдстен, возглавлявший шведскую делегацию. Из Австрии был Вильгельм Ландиг, из ФРГ — Хайнрих Хартле, из Италии — Альмиранте. Все они присутствовали на заседаниях по личному приглашению Пирсона.

Сэнт К. де Беркелаар — это бывший офицер нидерландского эсэсовского подразделения. Его организация „Синт Мартинсфондс“ охватила триста—четырееста бывших нацистских пособников. Она выпускает журнал под названием „Беркенкрус“ („Березовый крест“), что отражает принятый в СС обычай класть перекрещенные березовые ветки на могилы своих сослуживцев.

Тор Хадлэнд был главой Норвежского фронта, боевой группы правых, впервые обратившей на себя внимание торжествами по случаю тринадцатой годовщины со дня смерти Квислинга. Имя Квислинга стало синонимом слова „предатель“. В руках нацистов он был марионеткой, правившей Норвегией во время второй мировой войны. В 1945 году казнен за военные преступления.

Председатель Шведской национальной лиги Эйк Линдстен запятнал себя связями с фашистами во время второй мировой войны. Он выступал за союз с Германией. Генеральный секретарь его организации Ола Альбинссон был арестован и направлен на лечение в психиатрическую клинику.

Хайнрих Хартле — это бывший нацистский функционер, поддерживавший связь с фашистским идеологом Альфредом

Розенбергом. Вильгельм Ландиг, „бывший эсэсовский офицер, проявлявший интерес к культуре“, был президентом австрийского отделения профашистской организации Европейское социальное движение.

Джорджио Альмиранте, бывший функционер чернорубашечников Муссолини, являлся главой организации Итальянское социальное движение, на молодежные группы и отделения которой возлагалась вина за многочисленные акты террора в Италии.

Альмиранте был наиболее важным новым лицом, пришедшим в тот год во Всемирную антикоммунистическую лигу. Как глава четвертой по количеству членов политической партии Италии, Альмиранте стал важной фигурой, используя в своих целях поразившую Италию „войну террора“.

„Стратегия Альмиранте следовала ранней тактике Муссолини. В кризисные периоды осуществлялись акты насилия с целью поляризации общественных настроений. Неофашисты убивали на улицах невинных людей, левые отвечали поджогами. Все попытки поставить под контроль Итальянское социальное движение потерпели неудачу, несмотря на официальные сообщения о том, что эта партия „прославляет цели фашизма“ и использует „насилие как политическое оружие“.

Голубая книга,
1980 год

Еще ранее Альмиранте объединил свои силы с Рино Раути, журналистом, автором книги „Основы расистской теории фашизма“, в 1956 году основавшим ультраправую группировку „Ордине нуэво“ („Новый порядок“). „Ордине нуэво“ была одной из наиболее реакционных насильственных организаций, ответственной за многие убийства. В 1972 году Раути был арестован по обвинению в организации в 1969 году серии взрывов, которые привели к гибели по меньшей мере шестнадцати человек. В 1973 году итальянские власти поставили „Ордине нуэво“ вне закона. Выпущенный на свободу Раути присоединился к Альмиранте. Позднее он стал депутатом парламента от партии Итальянское социальное движение. В 1980 году вооруженная революционная ячейка, являвшаяся ответвлением „Ордине нуэво“, обвинялась в организации взрыва на вокзале в Болонье, жертвой которого стали более восьмидесяти невинных людей.

С действиями Пирсона не согласились менее радикальные отделения ВАКЛ в Европе, которые боролись с вторжением европейских фашистов в лигу. „Я хотел бы вам сообщить, — писал доктор Брэкмейер, бывший до 1978 года президентом нидерландского отделения лиги, — что в Нидерландах имеется

организация, состоящая из трехсот—четырёхсот бывших нацистских пособников и поддерживающая тесные связи с родственной ей группой в ФРГ. Полтора года назад я уже предупреждал ВАКЛ об этой организации и особенно о ее президенте докторе де Беркелаар.

ВАКЛ уже допустила ошибку, пригласив де Беркелаара на свою конференцию в Нью-Йорк. Он в это время был в США. Доктор Ку Ченкан высказал пожелание, чтобы де Беркелаар в качестве наблюдателя представлял там Нидерланды. Я провел расследование и установил, что он является лидером бывшей нацистской группы. Доктор Пирсон дал ему рекомендательное письмо”.

Соображения Брёкмейера были проигнорированы Ку Ченканом и руководителями большинства отделений лиги. Вывод ясен: Всемирная антикоммунистическая лига поддерживает активных антикоммунистов. Ей нужны люди действия, пользующиеся поддержкой молодежи и готовые бороться за свои убеждения. Если они являются бывшими эсэсовскими офицерами, которые проводят свои собрания тайно и сторонники которых совершают нападения на левых и евреев, — стоит ли ВАКЛ обращать на это внимание.

Кроме того, у Пирсона были влиятельные друзья в руководстве лиги. В число его верных союзников входил Дональд Мартин, британский корреспондент журнала „Либерти лобби”. Мартин был также председателем расистской правой антиэмигрантской организации Британская лига правых, которая после выхода „Форин афферс серкл” из ВАКЛ взяла на себя функции отделения лиги в Англии. Позицию Пирсона поддерживали также мексиканские „текос” и усташи из Хорватского освободительного движения. При их помощи ему удалось осуществить свою программу по изменению направления работы европейских отделений лиги.

В ноябре 1978 года Пирсон организовал в Вене сборище европейских нацистов и их последователей, на котором заявил о необходимости воспользоваться флагом Всемирной антикоммунистической лиги, чтобы придать их работе международный характер. После этого семнадцать групп подали заявления о приеме в ВАКЛ. Судя по их названиям, эти группы представляли собой самый большой блок фашистских организаций в послевоенной Европе.

Некоторые заявления, поддержанные Пирсоном и Мартином, носили непонятный, противоречивый характер. Например, Сэнт К. де Беркелаар подал заявление как от имени организации „Синт Мартинсфондс”, так и ее газеты „Беркенкрус”. Другие так называемые отделения представляли собой в спешке сформированные „организации”, которые располагали лишь номером почтового ящика. Для всех пожелавших в это время вступить в лигу общим было то,

что они все были в прошлом пособниками германских нацистов.

Среди лиц, участвовавших в работе конференции лиги 1978 года в качестве наблюдателей, были и новые люди. Это Эрно Гомбос, глава организации Венгерское движение, Рёланд Рёс, председатель группы „Датс воорпост“. Об этой организации во внутреннем документе лиги говорится следующее: „Они сторонники действий, очень часто выступают в составе полувоенных отрядов, в касках и ботфортах“.

Но на этот раз Пирсон и его сторонники зашли слишком далеко. Европейские группы сплотились, чтобы бороться с нашествием в ВАКЛ нацистов. Всемирная антикоммунистическая лига оказалась в глубоком кризисе, ее латиноамериканские и азиатские отделения стояли на стороне Пирсона, а европейские (допирсоновские) угрожали выходом из организации. Ку Ченкан срочно созвал заседание исполнительного комитета лиги, на котором был достигнут своеобразный компромисс: „старые“ европейские отделения не выйдут из состава лиги, как этого хотел Пирсон, а вновь желающие вступить в нее будут приглашены участвовать в работе очередной конференции 1979 года (Асунсьон, Парагвай) в качестве наблюдателей.

На одного из европейцев, впервые участвовавших в работе конференции лиги, большое впечатление произвели ее финансовые возможности. Тор Хадлэнд, руководитель фашистской организации Норвежский фронт, поездка которого в Уругвай якобы финансировалась одним из лидеров арабского отделения лиги шейхом Ахмедом Салахом Джемхуном, по возвращении домой высказал такие мысли. „Ранее в адрес Всемирной антикоммунистической лиги высказывались обвинения в том, что она является реакционной и финансируется ЦРУ. Однако правда состоит в том, что сегодня ВАКЛ выступает в качестве объединения могущественных, находящихся во всех частях мира организаций, выступающих единым фронтом в борьбе за свободу народов от всемирного коммунизма“.

В городе Асунсьоне были некоторые новые лица из стран Южной Европы. Блас Пиньяр, руководитель испанской фашистской партии „Фуэrsa нуэва“, находился там в компании своего друга Джорджио Альмиранте. В 1977 году Пиньяр организовал фашистскую мини-лигу Ойродестра, которая входила в состав „Фуэrsa нуэва“, а также альмирантовского Итальянского социального движения и французского „Форсиз нувелл“. Он был духовным лидером большей части испанских правых групп. В 1977 году двое из его сподвижников убили девять юристов на улице Калле Атока в Мадриде, а третий выстрелом в голову оборвал жизнь школьницы, предполагая, что она была левой.

Еще более странным было присутствие в Асунсьоне в составе европейских делегаций Элио Массагранде. Будучи заместителем Рино Раути в „Ордине нуэво“, Массагранде игнорировал решение итальянского правительства от 1973 года о роспуске этой организации и продолжал свою деятельность. Он оставил след и во Франции и в Италии, где совершил ряд ограблений и убийств.

4 августа 1974 года, когда экспресс „Италико“ (Рим — Мюнхен) проходил по длинному тоннелю к югу от Болоньи, взрыв разнес один из его вагонов. Среди искореженного металла было обнаружено двенадцать трупов и сорок восемь покалеченных. Судья Витторио Оккорсио в течение двух лет проводил следствие по этому делу. В результате было предъявлено обвинение помощнику Массагранде, одному из членов „Ордине нуэво“.

Вскоре Оккорсио также обнаружил связи „Ордине нуэво“ с террористическими формированиями Испании и Греции. Поэтому 14 июня 1976 года, когда Оккорсио ехал на своем старом „фиате“ по переполненным улицам Рима, по нему было выпущено тринадцать пуль из автомата М-10 „Инграм“. Так была совершена расправа над судьей.

После этого для Массагранде наступили жаркие времена. Один из убийц Оккорсио оказался доносчиком и дал полиции подробные сведения о кухне „Ордине нуэво“. В одном из банков Испании полиция обнаружила вклад, сделанный Массагранде, который состоял из денежных сумм и золотых слитков, они были похищены в 1976 году из банка города Ниццы (Франция), когда оттуда было украдено двадцать пять миллионов долларов. Массагранде пришлось бежать. Убежище он нашел у генерала Стресснера в Парагвае. В 1979 году Массагранде участвовал в работе конференции ВАКЛ, хотя Интерпол активно разыскивал его.

Эта конференция явилась пиком деятельности Роджера Пирсона в ВАКЛ. Он помог свести вместе европейских и латиноамериканских неонацистов, укрепил связи, оказавшиеся очень полезными в будущем.

После 1979 года латиноамериканские правые могли обращаться к своим европейским собратьям за деньгами, оружием, технической помощью по ведению войны „нетрадиционными методами“, а также за политической поддержкой, которые были необходимы „эскадронам смерти“ для расправы над своими противниками.

Но Роджер Пирсон в это время был в ВАКЛ уже не у дел. Азиатские отделения лиги подняли тревогу по поводу открытого экстремизма Пирсона и его сподвижников, а менее радикальные европейские — угрожали массовым выходом из состава ВАКЛ. После асунсьонской конференции Пирсон начал быстро утрачивать ведущее положение в лиге, а в 1980 году

на заседании исполнительного совета ему было предложено подать в отставку.

Однако Пирсон передал свое наследство — руководящую роль в американском отделении Элмору Д. Гривзу. Его образ мыслей и действий не могли не восхищать Пирсона: будучи организатором в 1960 году сегрегационного Совета граждан Миссисипи, он выступал даже за выход этого штата из состава США. Сейчас Пирсон ведет образ жизни уважаемого консерватора. Такая жизнь стала возможной благодаря помощи со стороны некоторых представителей академических и политических кругов США, которые печатают свои статьи в его журналах. Он все еще руководит Советом по американским делам и является членом недавно созданной организации „Профессора университетов за академический порядок“ с центром в городе Корваллисе, штат Орегон.

Пирсон искажает историю своих отношений с лигой. Так, в беседе с одним из авторов книги он заявил, что ушел из лиги потому, что она становится антисемитской, и что он не хочет иметь что-либо общее с этими людьми. „Проблема обострилась из-за действий южноамериканской группы. Они являются антикоммунистами и считают, что все коммунисты — евреи. Представители Латинской Америки пытались привлечь всех членов лиги на свою сторону. Они издали несколько книг, в которых имеется несколько правдивых положений: каждый знает, что некоторые коммунисты являются евреями, но поистине глупо утверждать, что все евреи — коммунисты“.

Что касается истории о помощи Пирсона в побеге Йозефа Менгеле („ангела смерти“), то, по словам Пирсона, он даже не слышал такой фамилии. Далее он заявил, что во время пребывания в Парагвае слышал, что несколько людей пытались кое-что выяснить о Менгеле и что их трупы были выловлены потом из реки.

В заключение приведем строки из письма Р. Рейгана:

„Я надеюсь, что ваши усилия воспринимаются с интересом и получают широкую поддержку. Я желаю всяческих успехов в вашей последующей деятельности“.

Глава 9

С ГЛОБАЛЬНЫМ РАЗМАХОМ

Прежде всего — победа над коммунизмом. И только потом обеспечение всеобщего мира.

*Хуанита Кастро.
Конференция ВАКЛ, 1970 год*

На конференции Всемирной антикоммунистической лиги, состоявшейся в 1979 году в Асунсьоне, международные ультраправые организации подвели итог своей деятельности. Лига объединила все реакционные элементы из всех уголков мира и направила их деятельность на достижение поставленной цели — противостояние марксизму во всех его формах. Хотя каждое отделение лиги по-своему понимает вставшие перед ним „угрозы“, все они извлекают определенные выгоды из членства в ВАКЛ.

Для многих членов лиги ее конференции — это просто приятное времяпрепровождение, возможность вырваться, например, из манильской жары или уйти от ганских дождей, пожить в первоклассных отелях, а по возвращении увидеть свои фамилии в местных газетах. Для других членство в лиге приносит ощутимые выгоды. Прежде всего следует указать, что в 1979 году лига стала таким инструментом, который позволил правительствам и частным группам поддерживать связи и координировать свои действия, чего по политическим или идеологическим соображениям нельзя было официально делать.

В 1979 году в составе Всемирной антикоммунистической лиги можно было выделить восемь политических групп. В их состав входили как традиционные лидеры, участвовавшие в организации лиги, так и новые группировки, вышедшие на арену в последнее время.

Тайвань

В конце 1970 года, когда одно государство за другим порывали официальные связи с Тайванем и устанавливали дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой, Гоминьдан стал быстро терять своих друзей. Гоминьдановцы не могли больше по своему усмотрению выбирать себе союз-

ников, им пришлось довольствоваться теми, кто выбирал их. Поэтому своих друзей они нашли в лице режимов апартеида Южной Африки и Южной Родезии, кровавых диктатур Латинской Америки, нацистских пособников из Западной Европы и США.

Всемирная антикоммунистическая лига стала главным внешнеполитическим инструментом для Гоминьдана, и он не мог позволить себе утратить его. Главная цель лиги — борьба с коммунизмом — вдруг стала для Гоминьдана второстепенной. Основное для него — сохранить отношения с любыми государствами и группами, которые еще согласны их поддерживать.

Южная Корея

Хотя правившая в стране военная диктатура являлась такой же репрессивной, как и тайваньская, Южная Корея не столкнулась с широкомасштабной утерей дипломатического признания, как Тайвань. Лига давала южнокорейскому режиму прекрасную возможность осуждать порядки в Северной Корее. Из членства в ВАКЛ Южная Корея стала извлекать и коммерческие выгоды.

Используя связи, установленные на конференциях лиги, Южная Корея стала одним из основных поставщиков оружия центральным и южным американским отделениям. Во главе этого бизнеса стоял отставной полковник южнокорейских ВВС Шин Чан. Этот человек, принимавший участие в работе нескольких конференций лиги, являлся также исполнительным директором Южнокорейской ассоциации содействия развитию военной промышленности.

„Унификационная церковь“ („Церковь единения“)

Теоретически „унификационная церковь“ вышла из состава ВАКЛ в 1975 году, когда преподобный Сан Мун заклеил ее как фашистскую организацию. Однако японская „унификационная церковь“ — самое большое и влиятельное отделение организации Муна — продолжала оставаться в составе Всемирной антикоммунистической лиги. Церковь Муна и ВАКЛ осуществили ряд совместных операций в разных регионах мира.

Насколько многочисленны были операции преподобного Муна, настолько велики были и его доходы от сотрудничества с лигой. Его организация выполняла три основных функции: выступала в качестве церкви, осуществляла операции по „легализации“ денежных доходов, действовала в качестве агента южнокорейского правительства. Участие в работе лиги давало ей возможность осуществлять эти функции эффективнее.

Лига поддерживала тесные связи с ультраправыми организациями стран Латинской Америки, и это привело к тому, что политические и пропагандистские акции церкви Муна стали находить отклик в этом регионе. С теологической и политической точек зрения Латинская Америка является для мунистов „землей обетованной“: чем больше правые будут обвинять католиков в симпатиях к коммунизму, тем более привлекательными будут казаться националистические, антикоммунистические догмы „унификационной церкви“. Нет сомнений, что мунисты мечтают об усилении своего влияния и увеличении денежных сборов, которые, как они надеются, будут поступать от миллионов латиноамериканцев, отворачивающихся от католической церкви и переходящих в лоно „унификационной“.

Используя возможности Всемирной антикоммунистической лиги и осуществляя свои собственные операции, церковь Муна смогла подключиться к очень благоприятному для себя движению капитала в Латинской Америке для придания законной силы своим доходам. Чтобы уйти из-под контроля со стороны европейских и американских банков, „унификационная церковь“ стала переводить свои деньги на счета банков Гондураса, Уругвая и Бразилии, где официальный банковский контроль очень слаб или вообще отсутствует.

Церковь Муна достигла определенных успехов в деле выполнения своих функций в качестве агента южнокорейского правительства. В период с 1977 по 1979 год она вложила более ста миллионов долларов в экономику Уругвая, а в 1980 году Южная Корея подписала с уругвайским правительством соглашение о поставках больших партий вооружений. Выполнение части этого контракта было поручено компании „Тонг-ил“, являющейся собственностью „унификационной церкви“.

Южная Африка и Южная Родезия

В 70-е годы в результате осуществления политики апартеида международные связи между Южной Африкой, Южной Родезией и Тайванем несколько ослабли. Одним из средств сохранения оставшихся связей и возможного завязывания новых была Всемирная антикоммунистическая лига. Осуществлялось это различными путями: от поддержания контактов с различными расистскими группами в Соединенных Штатах и Западной Европе до продажи оружия входящим в лигу латиноамериканским правительствам. ВАКЛ помогла Южной Африке и Южной Родезии найти подходы к их потенциальным сторонникам среди „новых правых“ и „унификационной церкви“*.

* Имеются данные о том, что принадлежащая „унификационной церкви“ газета „Вашингтон таймс“ (г. Вашингтон, США) субсидируется правительством Южной Африки в размерах до девятисот тысяч долларов в год. — *Прим. авт.*

Латинская Америка

Возможно, самые ощутимые и кровавые успехи в рамках ВАКЛ были достигнуты ее американскими центральными и южными отделениями. Через лигу ультрарасисты из Аргентины и Парагвая смогли установить связи со своими последователями в Сальвадоре, Гондурасе, Гватемале. Поскольку членами этих отделений зачастую являются правительственные чиновники, то без помех претворяются в жизнь принятые на конференции лиги резолюции (о взаимном сотрудничестве и обмене информацией в отношении „подрывных“ элементов из числа профсоюзных лидеров, академических кругов, либеральных священнослужителей). Участие в лиге дало латиноамериканским правительствам возможность осуществлять подготовку своих специалистов по борьбе с повстанцами, а также готовить офицеров военной разведки в политической академии на Тайване.

Мексика

Используя Всемирную антикоммунистическую лигу, „текос“ не только смогли завязать связи с антисемитскими и антиватиканскими кругами в других странах, но и содействовать повышению своего престижа путем постепенного установления контроля над „самоуправляющимися университетами“ континента. Пользуясь своим статусом в лиге и контролем над Всемирной молодежной антикоммунистической лигой, „текос“ сосредоточили усилия на достижении вышеуказанной цели. Частично ее удалось осуществить к началу второй половины 80-х годов: в 1985 году доктор Луис Гарибэй Гутьеррес, ректор „самоуправляющегося университета“ Гвадалахары, являющегося вотчиной „текос“, был избран президентом Международной ассоциации ректоров университетов.

Нацисты

Нацистским пособникам времен второй мировой войны и их сегодняшним последователям в Европе и Соединенных Штатах ВАКЛ давала возможность поддерживать контакты с родственными организациями в Латинской Америке, Южной Африке и Австралии. Через связи, установленные в ходе работы конференций лиги, британский нацист мог получить приглашение присутствовать на сборище шведских неонацистов, статья австралийского неонациста могла быть перепечатана в соответствующем западногерманском издании, бывший офицер бельгийских СС имел возможность приехать в Соединенные Штаты и выступить на митинге нацистов. Находящаяся в затруднительном финансовом положении фашистская группа

в Норвегии могла обратиться за помощью и получить ее у арабских шейхов.

Для таких „заслуженных в историческом плане“ нацистов, как члены Железной гвардии и хорватские усташы, конференции лиги являлись прикрытием, используя которое их лидеры могли в безопасности поговорить о старых временах и наметить планы совместных операций на будущее. Так, например, военному преступнику Стефану Хеферу, который находился в розыске, было бы трудно въехать в Соединенные Штаты и встретиться там со своими сотоварищами по движению усташей, а под эгидой же Всемирной антикоммунистической лиги было маловероятно, что на него обратит внимание „бдительный“ чиновник таможенной службы США.

К 1979 году Всемирная антикоммунистическая лига стала влиятельной организацией, которая распространила свою деятельность на пять континентов и объединила в своем составе отделения примерно из девяноста стран. Все отделения ВАКЛ вошли в ее состав по различным причинам и можно было предположить, что между ними возникнут очень серьезные политические трения. Например, предполагаемая „коммунистическая угроза“ южноазиатскому государству Малайзия коренным образом отличается от „угрозы“, с которой сталкивается западноафриканская страна Либерия. Для вьетнамских эмигрантов главным врагом является Китайская Народная Республика, а для украинских националистов в эмиграции — русские. В Индонезии „коммунистическая угроза“ персонифицируется в местной китайской общине, ставшей жертвой страшных антикоммунистических погромов 60-х годов; это вряд ли находит понимание у членов Гоминьдана на Тайване, которые являются этническими китайцами. В Южной Африке „коммунистической угрозой“ является антиапартеид в отношении чернокожего населения, в Шри-Ланке — тамилы, в Гватемале — либеральное духовенство. Короче говоря, определяемые отделениями лиги „враги“ значительно отличаются друг от друга. У лиги нет какой-либо объединяющей доктрины. В 1979 году общим для всех членов лиги было убеждение, что при администрации Картера Соединенные Штаты будут создавать для них проблемы. Но и в этом вопросе их мнения вновь значительно расходились: некоторые считали, что Картер безнадежно наивен, что он даже заражен коммунизмом, другие обвиняли его в откровенном предательстве. Тем не менее, какими бы ни были их индивидуальные взгляды, главным, что объединяло всех членов лиги в 1979 году, была откровенная нескрываемая неприязнь к американскому президенту.

Действительно, за годы пребывания в президентском кресле Картер сумел вызвать острое недовольство практически у каждого отделения лиги. Его политика в вопросе прав человека и введение торгового эмбарго в отношении некото-

рых нарушающих их стран не могли не задеть латиноамериканских правых. Признание Картером Китайской Народной Республики рассматривалось чанкайшистами в качестве откровенного предательства. Его планы по выводу американских войск из Южной Кореи вызвали там панику. Призывы Картера к уничтожению системы апартеида в Южной Африке и Южной Родезии сделали его врагом белых правителей этих стран. Его поддержка Израиля вызвала гнев арабов. Учреждение Картером в составе министерства юстиции отдела специальных расследований, призванного разыскивать проживающих в США и наказывать фашистских военных преступников, породило страх у нацистских пособников — выходцев из восточноевропейских стран.

Лига непрерывно вела работу по дискредитации Джимми Картера, его имя стало притчей во языцех. На конференции лиги, состоявшейся в 1978 году в Вашингтоне, Картера обвиняли во всех грехах: от поощрения борьбы сандинистов против никарагуанского диктатора Сомосы до волнений в Южной Корее; он подвергся нападкам за то, что, по их мнению, он отказался встать на сторону „порабощенных стран“.

„Я обвиняю администрацию Картера, — гремел гватемальский вице-президент Марио Сандоваль Аларкон на вашингтонской конференции 1978 года, взявший слово после сенатора от штата Айдахо Джеймса Макклера, — в грубом вмешательстве во внутренние дела многих стран, особенно латиноамериканских. Я обвиняю межамериканскую комиссию по правам человека (используемую Картером в качестве внешнеполитического инструмента) в симпатиях к коммунизму. Комиссия использует вопрос о правах человека для клеветы на страны, отказывающиеся идти на компромисс с марксизмом. Мы, собравшиеся сегодня здесь свободные люди, обвиняем их в предательстве человечества“.

В своих газетах ненавистники Картера могли позволить себе быть даже более откровенными. Комментируя итоги конференции лиги 1978 года и говоря о предстоящей асунсьонской, парагвайская газета „Ой“ предупреждала Картера и американского посла в Парагвае Роберта Уайта: „Если арахисовый фермер из Джорджии может по дипломатической линии оказывать давление, вмешиваться во внутренние дела других стран, направлять закостенелых посланников (Уайта), тогда возникает необходимость в перефразировании следующей поговорки: „Белая лошадь не понимает агрессивного льва“.

Не поддавшись давлению, посол Уайт, которого „Ой“ охарактеризовала как „бостонца с марксистскими взглядами“, „вырвал“ приглашение на конференцию лиги 1979 года у президента Парагвая Альфреда Стресснера. По словам Уайта, один оратор за другим организованно выступали против „коммунизма Картера“.

По различным причинам некоторые отделения Всемирной антикоммунистической лиги были недовольны Соединенными Штатами. В ряде случаев это недовольство возникло еще сорок лет назад. Румынская Железная гвардия и ряд других фашистских организаций, сформированных из восточноевропейских эмигрантов, обвиняли США в связи с тем, что во второй мировой войне они должны были вместе с Германией сражаться против Советского Союза, а не наоборот. Хорватские усташа до сих пор с большой обидой отзываются по поводу отказа США и Великобритании помочь им в 1945 году, когда они боролись с партизанами Тито. „Великие западные державы, — высказал свои обвинения Стефан Хефер в 1970 году, — из-за своих эгоистических соображений встали на сторону тех, кто боролся с национализмом“.

Азиатские отделения лиги нападали на США за проявленную ими „робость“ как в Корее в 50-х годах, так и в Индокитае в 70-х годах. Латиноамериканские и кубинские эмигранты в течение почти двух десятилетий обвиняют администрации США в сосуществовании с Фиделем Кастро, в отказе от предоставления помощи правым правительствам только за то, что они нарушали права человека.

„Несправедливые обвинения, которые под ширмой „нарушений прав человека“ выдвигаются либералами свободного мира, особенно лидерами США, в адрес таких страдающих от угроз коммунистов стран, как Аргентина и Чили, следует разоблачать как действия, служащие целям коммунизма и препятствующие предоставлению этим странам военной помощи“.

Из коммюнике десятого заседания исполнительного совета ВАКЛ, Хьюстон, 10 января 1977 года

К числу недовольных действиями США следовало бы также отнести американских и западноевропейских неонацистов, которые считали, что „США находятся в кармане у сионистов“, как об этом якобы свидетельствуют тесные отношения Соединенных Штатов с Израилем и видное положение многих американских евреев. По мнению неонацистов, латиноамериканских и арабских членов ВАКЛ, евреи, используя свой контроль над международными финансами, распространяют коммунизм под ширмой сионизма. Европейские и американские расисты полагали, что оказываемое по дипломатическим каналам давление на правящее белое меньшинство в Южной Родезии и Южной Африке приведет в конечном счете к правлению „зараженного коммунизмом чернокожего большинства“. Все отделения ВАКЛ испытывали озабоченность по поводу „несомненного внедре-

ния марксистов в католическую церковь латиноамериканских стран”.

Антиамериканские настроения членов Всемирной антикоммунистической лиги являлись лишь симптомами широко распространенного убеждения в том, что традиционные западные институты не могут справиться „с коммунистической угрозой”. Коммунизму, считали они, можно противостоять только при сильном и решительном руководстве, у которого не будет ошибок и колебаний, проявляемых Соединенными Штатами и Западной Европой. „Печальное состояние, в котором пребывает сегодня Запад, — писал Хория Сима членам Железной гвардии в 1977 году, — является результатом отсутствия в США великого человека, политической элиты, способных осознать свою громадную ответственность”.

С тем чтобы добиться победы в этой ведущейся в мировом масштабе борьбе, так высказывались члены ВАКЛ, „антикоммунисты должны быть предельно жестокими” (Тайвань), с „красным террором следует бороться при помощи белого террора” (Италия), „против красных партизан бросать белых партизан” (Мексика). Демократия, по мнению членов ВАКЛ, морально обанкротилась или же заражена коммунизмом и не способна возглавить борьбу. Фактически демократия, утверждают они, стала главным подрывным инструментом коммунизма и его „пятой колонны — сионизма”. „Лично я убежден, что масоны, сионисты и коммунисты действуют вместе для подрыва мира, — заявил в 1979 году Эрнан Лендивар Флорес, член боливийского отделения ВАКЛ. — Эта неопровержимая истина вызывает у меня глубокое недоверие к так называемой демократии, являющейся не чем иным, как преддверием к аморальности и коммунизму”.

Осуждение демократии является одним из наиболее широко проповедуемых принципов во Всемирной антикоммунистической лиге. По мнению ВАКЛ, добровольно или в силу возникающих обстоятельств свободные страны постепенно уступают мир коммунистам. По их мнению, западная демократия скомпрометировала себя, она разлагается и не способна бороться. „Самый печальный факт заключается в том, — заявил Джорджио Альмиранте, лидер итальянских неофашистов, относительно итальянской программы борьбы с терроризмом, — что государство показало свою полную беспомощность как с точки зрения способности, так и желания принять меры для борьбы с терроризмом. Можно с полной определенностью заявить, что сегодня в Италии нет ни служб безопасности, ни разведки, достойных своего названия”.

Учитывая банкротство демократических правлений, по мнению членов ВАКЛ, необходимо иметь сильные националистические режимы, подобные правительству Гоминьдана на Тайване и генерала Пиночета в Чили. В странах с „правильны-

ми" режимами не найдешь мешающих делу парламентов или досадливых активистов в области прав человека. Эти режимы не пасуют перед лицом „коммунистической угрозы", они решительны в деле использования „такой же грубой и жесткой тактики, к которой прибегают их враги".

Поскольку нельзя полагаться на демократии Западной Европы и Соединенных Штатов Америки, ВАКЛ апеллирует к еще оставшимся правительствам крайне правых или призывает к созданию частных групп для продолжения борьбы своими силами. Еще в 1965 году Антикоммунистическая лига азиатских народов приняла решение сформировать „международную бригаду гражданских добровольцев" для оказания помощи Южному Вьетнаму. Эта финансируемая лигой бригада должна была находиться под защитой „соответствующих сил безопасности".

„Как я предлагал два года назад, — писал Стефан Хефер в 1970 году, — в каждом свободном государстве, находящемся под защитой НАТО, следует попытаться сформировать и подготовить вооруженные подразделения из числа лиц, приверженных делу национального освобождения. В случае волнений или восстаний в оккупированных коммунистами странах эти отряды должны в благоприятный момент времени взять на себя инициативу и помочь народам этих стран сбросить коммунистические режимы".

Хотя конференция Всемирной антикоммунистической лиги, состоявшаяся в 1979 году в Асунсьоне, имела большое значение с точки зрения завершения процесса объединения фашистов всего мира, следующий, 1980 год оказался даже более важным. В 1980 году начала формироваться новая, более опасная и больше ориентированная на конкретные действия лига. Этот год оказался поворотным пунктом для правых сил во всем мире, так как в предыдущий период они терпели в основном поражения.

Никарагуанский диктатор Анастасио Сомоса был свергнут левыми сандинистами, а „Соединенные Штаты, как считают правые силы, в это время спокойно бездействовали". Революционные искры перекинулись в Сальвадор, воспламенили тлевшее уже давно партизанское движение в Гватемале. Вместо того чтобы прийти на помощь, сетовали правые, президент США обвинил правительства этих стран в нарушении прав человека. „Белая" Родезия стала „черным" Зимбабве. Проамериканский деспот карибского островного государства Гренада был заменен „прокубинским марксистом". Военная хунта Аргентины столкнулась с волной „левого" терроризма, а Картер ввел против нее санкции.

В 1980 году появились проблески надежды. Главным было поражение Картера и избрание Рональда Рейгана на пост президента Соединенных Штатов. На Рейгана, полагали правые, могли положиться антикоммунисты всех мастей, в том числе и Всемирная антикоммунистическая лига. Он мог поддержать „дружественные правительства” и отказаться от навивной политики своего предшественника, ориентированной на права человека.

С приходом Рейгана обстановка, по мнению правых, быстро изменилась к лучшему. Вскоре были отменены санкции на оказание военной помощи Гватемале, Чили и Аргентине. Увеличилась поддержка афганским моджахедам. Начали получать помощь из тайных фондов ЦРУ никарагуанские „контрас”, которые осуществляли регулярные вылазки против левого правительства.

Скоро ВАКЛ получила нового влиятельного лидера в лице американского генерал-майора в отставке Джона К. Синглауба. Став в 1981 году главой американского отделения лиги, Синглауб энергично выступил за использование „нетрадиционных методов ведения войны”, саботаж, терроризм, убийства, восстания, которые он называл „действиями малой интенсивности”. Все это коренным образом изменило функции лиги.

К 1980 году сменился регион, где ВАКЛ вела наиболее интенсивную борьбу с коммунизмом. В 40-х годах это была Европа, в 60-х — Азия, в 80-х — Латинская Америка. В латиноамериканском регионе некоторые правительства оказались в осаде революционных движений, происходили радикальные изменения в действиях профсоюзов, в сельской местности создавались партизанские отряды. Именно здесь Всемирная антикоммунистическая лига намеревалась показать свою силу. Она „потеряла” сначала Восточную Европу, затем Китай, далее Юго-Восточную Азию и не намеревалась отдавать Западное полушарие.

К 1980 году сложилась модель действий при возникновении этого нового вида конфликтов. В ходе „грязной войны” в Аргентине, унесшей примерно девять тысяч человек, правительство этой страны в конце 70-х годов полностью разгромило левое движение „монтонерос”. Аргентинцы сделали это без какой-либо помощи со стороны „нерешительных” американцев. „В Аргентинской Республике, — говорилось в правительственном докладе 1977 года, — термин „подрывной элемент” используется как синоним слова „террорист”.

Действуя в соответствии с указаниями правительства, аргентинские силы безопасности имели полномочия по своему усмотрению арестовывать любое „подозрительное” лицо. Определение „подрывная деятельность” было чрезвычайно широким. В вышеупомянутом правительственном докладе гово-

рилось, что признаком потенциального терроризма являются, например, выступления студентов университетов за открытие кафетериев для студентов. Жертвы террора почти всегда содержались в одиночном заключении, подвергались пыткам или уничтожались. Их тела сбрасывались с вертолетов в залив Ла-Плата, погребались на секретных кладбищах, выбрасывались на обочины дорог. Все институты: суды, школы, профсоюзы и даже церкви — рассматривались в качестве потенциальных источников подрывной деятельности, в них систематически внедрялась агентура, и любое лицо, заподозренное в „подрывных тенденциях“, быстро исчезало. К 1980 году с „левым терроризмом“ в Аргентине было практически покончено.

Эти преступные формы борьбы с оппозицией можно было теперь экспортировать в другие латиноамериканские страны. Всемирная антикоммунистическая лига явилась основным центром, через который эти методы распространялись. Конференция лиги 1980 года приняла решение направить аргентинских специалистов по контртеррору и пыткам в Сальвадор, чтобы повысить эффективность борьбы „с коммунистическими элементами“.

В латиноамериканских событиях Всемирная антикоммунистическая лига не ограничилась посредническими функциями. Четыре главных составных части лиги — тайваньское и южнокорейское отделения ВАКЛ, „унификационная церковь“, Латиноамериканская антикоммунистическая конфедерация и американские „новые правые“ — уделяли этому региону большое внимание. В борьбе с коммунизмом были использованы все формы „нетрадиционной войны“ — политические, организационные и даже теологические. Реакционные силы, по определению Лобо („Белая рука“), оперировали на всем континенте: они финансировали антикоммунистические движения, снабжали, обучали их членов, обеспечивали их всем необходимым, проводили идеологическую обработку.

Глава 10

ЗА КУЛИСАМИ „ЦЕРКВИ ЕДИНЕНИЯ“

Чем демократичнее общество, тем больше подрывается в нем система традиционных ценностей. Это говорит о том, что демократия не способна разрешать проблемы, стоящие перед нашими обществами и перед всем миром.

Преподобный Сан Мун

Состоявшиеся в 1976—1978 годах в конгрессе США слушания по „Кореягейту“ сфокусировали внимание на проводившейся правительством Южной Кореи кампании, призванной повысить престиж и торговые возможности этой страны за счет прямого подкупа американских сенаторов и конгрессменов, передачи им подарков, организации дорогостоящих бесплатных поездок.

Оказалось, что подобным „бизнесом“ занималась не только Южная Корея. Гоминьдановское правительство Чан Кайши в течение многих лет без лишнего шума проводило более тонкое „наступление“ в области американо-тайваньских отношений. Обе эти страны использовали Всемирную антикоммунистическую лигу в качестве действенного инструмента для установления и поддержания связей с влиятельными американскими антикоммунистами (эта сторона деятельности ВАКЛ конгрессом США вообще не рассматривалась). Влиятельные американцы приглашались на конференции лиги, их расходы оплачивались ВАКЛ, а точнее, правительствами Тайваня и Южной Кореи.

„За последние два года, — отмечал в ноябре 1976 года корреспондент „Нью-Йорк таймс“ Ричард Лайонс, — по меньшей мере шестьдесят четыре сенатора и конгрессмена посетили Сеул. Затраты на эти поездки полностью или частично возмещались такими организациями, как Культурный фонд стран Тихого океана, Всемирная антикоммунистическая лига и Американо-южнокорейский экономический совет“.

Тайваньцы и южнокорейцы не скупилась на расходы, обхаживая американцев, участвовавших в мероприятиях лиги. Американцы были почетными гостями на банкетах, участвовали во встречах с населением, размещались в лучших гостиницах, им вручались награды.

Например, в 1970 году с Ричардом Уолкером, профессором политических наук Южнокаролинского университета, установил контакт молодой южнокорейский полковник Сун Ил Чо, связанный с южнокорейским ЦРУ. Уолкера пригласили приехать в Южную Корею для консультаций по вопросам предстоящей конференции ВАКЛ, обещали оплатить все расходы. Деньги для этого взяли с секретного счета южнокорейского посольства в Вашингтоне. Эта поездка не была связана с какими-либо нарушениями законов, поскольку Уолкер не являлся официальным лицом США. Интересно отметить, что позднее он был назначен послом США в Южной Корее.

Во время расследований аферы „Кореягейт“ в подкомитете палаты представителей конгресса США, во главе которого стоял Дональд Фрейзер, были разоблачены связи „унификационной церкви“ с южнокорейским ЦРУ и сделан вывод о том, что эта церковь часто использовалась южнокорейским правительством для решения внешнеполитических вопросов. Располагая преданными кадрами и достаточными финансовыми ресурсами, Мун мог осуществлять такие операции, на которые никогда не отважилось бы правительство Пака. Одним из таких примеров является операция „Молодые девушки“.

„Если вы выполните свою миссию в Америке, — заявил Мун своим ученикам, — порядок в США будет восстановлен, что поможет улучшить положение и в Южной Корее. Сейчас нам нужно создать „базы“ в пятидесяти штатах. Необходимо „возродить“ сенаторов. К каждому сенатору „прикрепим“ по три молодых девушки. Сенаторы — это архангелы, их „возрождение“ будет осуществляться через наших молодых Ев. Поэтому нам нужно триста молодых девушек. Чтобы „возродить“ сенаторов, нужно сделать своими друзьями их помощников, особенно их секретарей“.

В середине 70-х годов мунисты приступили к осуществлению программы по внедрению своих людей в окружение сенаторов. Ученицам Муна было рекомендовано предлагать свои услуги офисам сенаторов. Когда загрузка у персонала сенаторов будет особенно большой, их могут принять на работу. Наиболее желательными офисами должны быть те, которые занимаются законодательными вопросами (в плане их регулирования или наблюдения за претворением в жизнь). Основные цели этого мероприятия: приобретение позиций в этих органах или организация утечки информации.

Хотя размах операции „Молодые девушки“ не достиг намечавшегося Муном масштаба, его ученицам удалось устроиться на работу в офисы некоторых законодателей, включая спикера палаты представителей Карла Альберта (демократ от штата Арканзас), Лэса Аукоина (демократ от штата Орегон), Джона Хаммершмидта (республиканец от штата Арканзас).

Когда были обнародованы эти данные, а также детали других операций Муна, „унификационная церковь“ перешла в контрнаступление. Бо Хи Пак, главный советник Муна, выступил перед членами подкомитета, пытаясь защитить свою церковь и бросить тень на его председателя Дональда Фрейзера.

„Я твердо уверен, — заявил он Фрейзеру, — что враждебные нашей церкви силы используют Вас в качестве своего инструмента. Да, да, в качестве инструмента“.

В конце концов „унификационная церковь“ отомстила Фрейзеру. Используя ультраправого „журналиста“, она обвинила Фрейзера в том, что он является агентом КГБ. На выборах в сенат США в 1978 году в Миннесоте с небольшим перевесом победил противник Фрейзера. После этого мунисты могли злорадно утверждать: „Поражение Фрейзера — это не просто его политическая судьба. Это божий акт“.

После разоблачения аферы „Кореягейт“ и связей преподобного Сан Муна с японской мафией „якудза“ он не исчез с политической арены. Мун продолжал активно действовать, даже когда в 1984 и 1985 годах находился в нью-йоркской тюрьме за уклонение от уплаты налогов. Его сторонники проходят подготовку в поддерживаемых правительством Южной Кореи антикоммунистических центрах, разбросанных по территории всей страны. Советники Муна, главным среди которых является Бо Хи Пак, бывший сотрудник южнокорейского ЦРУ, способствовали расширению влияния Муна в Европе, Азии и Америке за счет предоставления финансовых средств правым организациям через корпорации и фирмы, которые формально не связаны с „унификационной церковью“.

Одной из организаций, с которой „церковь Муна“ публично „порвала“ все связи, является Всемирная антикоммунистическая лига (в 1975 году Мун заявил, что не хочет иметь ничего общего с этой фашистской организацией).

Пытаясь организовать глобальное антикоммунистическое движение, которое он мог бы использовать в собственных финансовых и политических целях, Мун, очевидно, рассматривал лигу в качестве уже готового инструмента, избавляющего его от необходимости тратить средства и энергию на создание своего собственного. Представляется, что это стремление к власти не получило реального воплощения, поэтому в 1975 году „в гневе Мун вышел из состава ВАКЛ“.

Но фактически „унификационная церковь“ остается важной составной частью Всемирной антикоммунистической лиги. Даже после ухода Муна на конференциях ВАКЛ его представлял Пауль Вернер, глава „унификационной церкви“ в ФРГ. Японское отделение лиги контролируется организацией Сокио Ренго, которая является политическим инструментом „унификационной церкви“ в Японии. Представителем япон-

ских организаций в ВАКЛ и членом ее исполнительного совета стал Осами Кубоки, руководитель „унификационной церкви“ в Японии, один из помощников Есио Кодамы (по японской мафии „якудза“) и один из основателей „Сокио ренго“.

Контролируемое мунистами отделение ВАКЛ в Японии использует методы японской мафии. Когда Йосикацу Соедзима, доверенное лицо „унификационной церкви“ и редактор издававшейся церковью в Японии газеты „Секай ниппо“ („Уорлд дейли ньюс“) в 1983 году открыто воспротивился действиям лиги, на помощь была призвана организация „Сокио ренго“.

„1 октября около ста человек, тридцать из которых были членами специальных групп каратэ, ворвались в редакцию газеты. Они взломали столы, выкрали некоторые документы, избили сотрудников. 2 июня 1984 года на Соедзиму было совершено нападение около его дома в Токио. Согласно сообщению полиции, он получил несколько ножевых ран. Как раз в этот период Соедзима писал статью, в которой критически отзывался о Муне“.

„Унификационная церковь“ продолжает участвовать в деятельности ВАКЛ через свою организацию Конфедерация ассоциаций за единство американских обществ (КАУЗА). Эта конфедерация была основана в 1980 году Бо Хи Паком и бывшим резидентом южнокорейского ЦРУ в Мехико Ким Сан Ином. Исполнительным директором КАУЗА был Уоррен Ричардсон, бывший генеральный советник антисемитской организации „Либерти лобби“. В 1981 году КАУЗА и парагвайское отделение лиги провели в Асунсьоне совместный антикоммунистический семинар.

„Унификационная церковь“ проводит свои антикоммунистические мероприятия в области общественных отношений через такие организации, как Международная конференция за единство науки, Всемирная конференция средств массовой информации и некоторые другие. По сообщению газеты „Вашингтон трибюн“, в 1982 году „унификационная церковь“ действовала более чем через сто таких организаций.

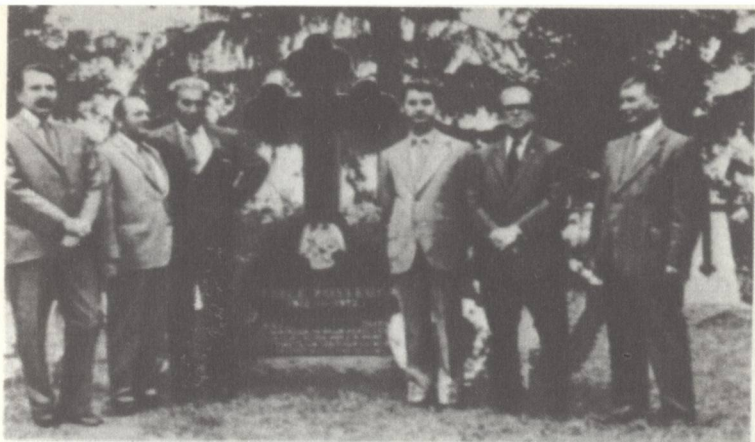
Несомненно, что „унификационная церковь“ преподобного Сан Муна продолжает активно распространять идеи антикоммунизма, теологического патриотизма и верности „святому Отцу“. Со времен „Уотергейта“, когда церковь рьяно защищала Ричарда Никсона, она завоевала прочное положение, используя для этого свои связи с видными американскими политическими деятелями консервативного толка, профессорами, журналистами, бывшими сотрудниками разведки. Наиболее опасными являются тесные и интенсивные контакты церкви с лидерами американских „новых правых“, действующими и отставными высокопоставленными армейскими офицерами, а также чиновниками администрации Рейгана.

Созданный бывшим заместителем директора ЦРУ Р. Кляйном Совет за осуществление американской глобальной стратегии консультировал администрацию Рейгана по внешнеполитическим вопросам. В совет, в частности, вошли Арно де Бочгрейв, работающий вместе с Кляйном в Центре стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета и являющийся редактором принадлежащей Муну газеты „Вашингтон таймс“. Исполнительным директором совета был назначен отставной генерал Дэвид Е. Вёллнер, президент всемирной службы КАУЗА.

Бывший начальник разведывательного управления министерства обороны (РУМО) генерал-майор в отставке Даниэль О. Грэм вошел в состав совета директоров американского отделения КАУЗА. Линн Баучи, президент Совета за межамериканскую безопасность, организовал две конференции КАУЗА. В январе 1985 года на симпозиуме КАУЗА выступал Джозеф Чурба, бывший старший политический советник Агентства по контролю над вооружениями и разоружению и директор Центра международной безопасности. В сентябре 1984 года генерал Джордж Киган, бывший начальник разведки ВВС США, участвовал в работе семинара КАУЗА. Генерал-лейтенант в отставке Гордон Самнер, бывший председатель Межамериканского совета по вопросам обороны, был сопредседателем состоявшейся в Париже в феврале 1985 года конференции Международного совета по вопросам безопасности, созванной по инициативе КАУЗА. Майлз Костик, президент Института по торговле стратегическими товарами, Терри Долан, исполнительный директор консервативного Национального комитета политических действий, и Джей Паркер, президент Линкольнского института и глава организации „Черные за Рейгана 1984 года“, — все они участвовали в работе конференций КАУЗА.

„Унификационная церковь“ осуществляет также широкую кампанию в области общественных отношений, используя для этого газеты и журналы „новых правых“. Дональд Холдгрив, заместитель редактора журнала мунистов „Райзинг тайд“, является одновременно и редактором-распорядителем еженедельника „Вашингтон инквайер“, органа консервативной организации „Совет за оборону свободы“. Директор по вопросам связи организации „За точность в средствах массовой информации“, созданной Ридом Ирвингом, Бернард Йё регулярно печатается в „Райзинг тайд“. Он является ярким защитником Муна и южнокорейского режима.

Кампания в области общественных отношений приобрела значительный размах после того, как „унификационная церковь“ в 1982 году начала выпускать газету „Вашингтон таймс“. При содействии Джерри Фалвелла, главы организации „Моральное большинство“, сенаторов Джона Иста (республиканец от штата Северная Каролина), Пола Лэксолта (респуб-

Чирила Чиунту (второй справа) у надгробия с символом Железной гвардии (рядом с ним другие лидеры этой организации, проживающие в США и Канаде), 1972 г.

Лидер румынской Железной гвардии Хория Сима (на переднем плане слева) вместе с генералом Антонеску на церковной службе в память Кодряну, 1940 г.

Анте Павелич (слева),
лидер хорватских усташей,
с Гитлером,
1942 г.

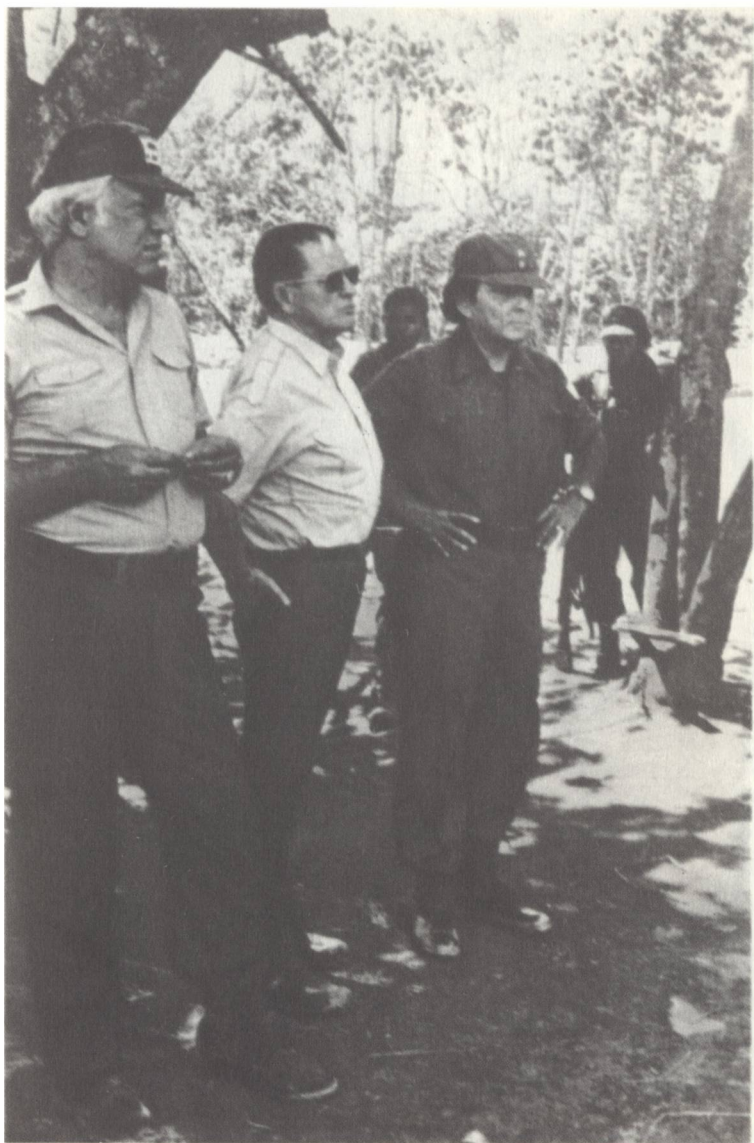

Ку Ченкан (на переднем плане)
с руководителем бразильских
фашистов Карлосом Барбьери
Фильо (в центре)
и генеральным секретарем ВАКЛ
Ву Сунгом.

Ку Ченкан приветствует
диктатора Парагвая
генерала
Альфредо Стресснера.

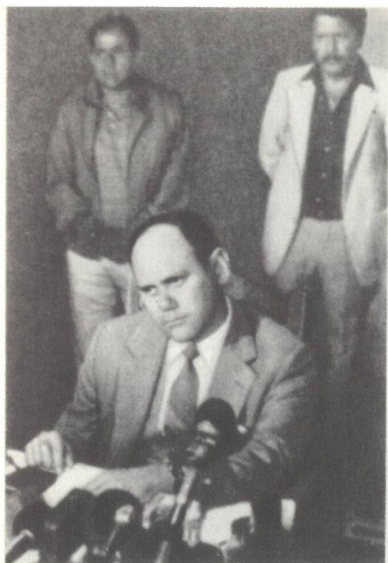
Стефан Поссо́ни
выступает на конференции
ВАКЛ.

Генерал-майор в отставке
Джон К. Синглауб (в центре)
с никарагуанскими „контрас“
в лагере на территории
Гондураса, 1985 г.

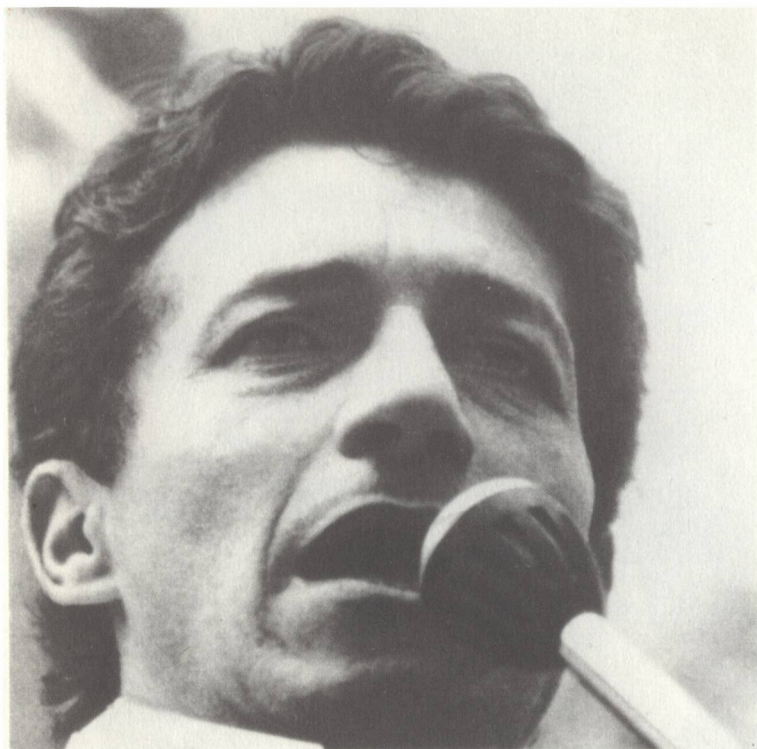
Марио Сандоваль Аларкон,
„отец“ гватемальских
„эскадронов смерти“.

Диктатор Гондураса генерал
Густаво Альварес Мартинес
после отстранения от власти,
1984 г.

Подполковник
Доминго Монтейроса (Сальвадор)
в момент проведения
в сельской местности
„политической войны“, 1984 г.

Бывший майор
национальной гвардии
Сальвадора
Роберто Д'Обюссон,
руководитель ультраправых
сил страны,
кандидат в президенты,
во время избирательной
кампании, 1984 г.

ликанец от штата Невада), Джесси Хелмса (республиканец от штата Северная Каролина), Оррина Хэтча (республиканец от штата Юта) Бо Хи Паку, главному помощнику Муна и издателью „Вашингтон таймс“, удалось привлечь к работе в газете влиятельных консерваторов, бывших сотрудников разведки и лиц из администрации Рейгана. Для установления очень тесных связей мунистов с „новыми правыми“ и администрацией Рейгана достаточно было посмотреть на руководство газеты „Вашингтон таймс“.

Роджер Фонтейн, бывший специалист Совета национальной безопасности по вопросам Латинской Америки, работает в „Вашингтон таймс“, равно как и Джеремиа О’Лири, бывший советник специального помощника по национальной безопасности Уильяма Кларка. В число сотрудников газеты входят также Джон Маклауэри, потерпевший поражение на выборах в сенат США кандидат от штата Вермонт, который входил в состав „переходной команды“ Рейгана, и Корд Мейер, бывший ведущий специалист ЦРУ по тайным операциям.

По всем вопросам газета неизменно поддерживала администрацию Рейгана, высказывая одновременно похвалу в адрес правительства Южной Кореи. Годы издания „Вашингтон таймс“ показали, что она являлась газетой, которой администрация Рейгана оказывала наибольшую поддержку.

Многие журналисты и лица, изучающие деятельность „унификационной церкви“, неизменно задаются вопросом: откуда она берет деньги? Ответить на этот вопрос чрезвычайно трудно. Известно, что у церкви в Соединенных Штатах имеются рыболовные суда, которые приносят ей значительные убытки. В течение двух лет, скажем, она потеряла около ста пятидесяти тысяч долларов на издании газеты „Вашингтон таймс“. Несколько миллионов ущерба принесли ей выходящее в Нью-Йорке издание „Нью уорлд“, „Нотисиас дель мундо“ (на испанском языке) и „Мидл Ист тайм“ (Кипр).

„Унификационная церковь“ постоянно теряет своих членов. Хотя церковь считает, что в число ее последователей входят пятьсот тысяч корейцев, триста тысяч японцев и тридцать тысяч американцев, независимые наблюдатели снижают эти цифры соответственно до пятнадцати, восьми и четырех тысяч. „Вашингтон таймс“ однажды заявила, что ее тираж составляет сто двадцать шесть тысяч, а фактически же он составил лишь семьдесят тысяч. Эта цифра была официально подтверждена в апреле 1985 года. До этого газета не соглашалась на проведение ревизии независимыми лицами, что необходимо для установления размеров рекламных ставок и на что большинство других газет идут регулярно.

И тем не менее церковь вложила свыше ста миллионов долларов в экономику Уругвая, приобретя в свое распоряжение самый большой отель, третью по тиражу газету и положив

на свой счет в один из уругвайских банков пятьдесят миллионов долларов. Через Всемирную конференцию средств массовой информации она израсходовала пятьсот тысяч долларов на оплату поездок американских журналистов в страны азиатского региона (в числе их были Рид Ирвинг, председатель общества „За точность в средствах массовой информации“, и Уильям Рашер — издатель „Нэшнл ревью“). Церковь также оплатила расходы по проведению международных конференций КАУЗА и общества „Единство науки“.

Ежегодно „унификационная церковь“ тратит полтора миллиона долларов на поддержание консервативного вашингтонского „мозгового банка“; пятнадцать миллионов вкладывает в издание убыточной газеты „Вашингтон таймс“; полтора миллиона долларов передала консервативному Национальному комитету политических действий, и у нее еще остались средства на поиски в северной части штата Виргиния места, пригодного для постройки новой радиостанции.

Майк Мерфи, бывший сотрудник этого комитета, который был нанят Бо Хи Паком для консультаций по вопросу постройки радиостанции, рассказывал: „...мы исколесили в лимузинах всю северную часть Виргинии в поисках свободного возвышенного участка. На мой вопрос, когда они собираются начать строительство, один из них засмеялся и открыл чемодан. Он был полон долларов“.

Несомненно, что „унификационная церковь“ применяет при решении своих финансовых вопросов принятую в ней догму о „святом обмане“, суть которой состоит в том, что ложь допустима при выполнении „божьей работы“ и вопрос о том, что является правдой и что нет, определяет только Мун, „сын Бога“.

Если у церкви сокращается число прихожан и ее годовой доход от промышленных предприятий в Южной Корее составляет значительно меньше десяти миллионов долларов, а она теряет сто пятьдесят миллионов долларов на издании газеты в США, эксплуатирует убыточные рыболовные суда в штатах Массачусетс и Луизиана, тратит многие миллионы долларов на проведение различных конференций и одновременно вкладывает сто миллионов долларов в экономику южноамериканской страны, то возникающие финансовые диспропорции вряд ли можно покрыть за счет поступлений от продажи цветов в аэропортах, какими бы энергичными ее заморенные послушники ни были.

По словам бывших высокопоставленных представителей „унификационной церкви“ в Японии, в течение последних лет из Японии в США было переправлено около восьмисот миллионов долларов. Они считают, что эти громадные суммы денег были получены в результате успешной деятельности в Японии компании по изготовлению икон „Хэппи уорлд инк“, являю-

щейся отделением церкви. Однако трудно предположить, что такую сумму можно получить от продажи икон, миниатюрных пагод и мраморных ваз.

Имеются большие и довольно обоснованные подозрения относительно происхождения этих денег. Некоторые исследователи действий „унификационной церкви“ считают, что ее деловые проекты (рыболовство, газета, компании) на самом деле служат лишь прикрытием для наркобизнеса. Другие полагают, что, несмотря на скандал „Кореягейт“, церковь продолжает выполнять международные поручения южнокорейского правительства и получает на эти цели соответствующие средства. Возможно, наиболее реально предположение, которое выдвигают бывшие высокопоставленные чиновники южнокорейского правительства. Оно заключается в том, что большая часть денег церкви является „переливным капиталом“ богатых южнокорейцев и уже упоминавшихся японских мафиози Сасакавы и Кодамы, в союз с которыми мунисты вошли еще в 50-х годах.

Из каких бы источников ни получала деньги церковь предподобного Муна, учитывая ее тесные связи с администрацией Рейгана, американскими „новыми правыми“ и антикоммунистическими организациями всего мира, она продолжает оставаться мощной и зловещей силой на мировой арене. Ее воздействие, возможно, лучше всего можно было бы видеть в операциях организаций КАУЗА в Латинской Америке.

Имея свои отделения во всех странах региона, КАУЗА распространяет среди населения антикоммунистические идеи, оказывает помощь „борцам за свободу“ в виде предметов военного снаряжения, материально-технического обеспечения и финансовых средств. Один из авторов этой книги наблюдал неприятную картину, когда увешанные оружием „повстанцы“ были одеты в красные каузовские безрукавки.

В проведении этой деятельности „унификационная церковь“ нередко объединяет свои усилия с отделениями Всемирной антикоммунистической лиги. В этом находит свое отражение то внимание, которое уделили эти организации оказанию помощи правительствам Сальвадора и Гондураса, а также „контрас“ в их борьбе против левого правительства Никарагуа. В 1984 году КАУЗА и Международный фонд оказания помощи беженцам, являющийся филиалом американского отделения ВАКЛ, занимались заброской вооружений и продовольствия в лагерь „контрас“.

Согласно заявлениям официальных лиц КАУЗА, ее целью является объединение консервативных деятелей Северной и Южной Америки под единым идеологическим знаменем борьбы с коммунизмом. Эту цель КАУЗА достигает, привлекая к участию в работе своих семинаров политических лидеров, бизнесменов, ученых и журналистов, полностью оплачивая их

расходы. КАУЗА организует также ознакомительные поездки в страны Азии и в США и, используя принадлежащие ей радиостанции и газеты в семнадцати странах, ведет идеологическую антикоммунистическую пропаганду в самых отдаленных районах Латинской Америки.

Возникает такое объединение сил мунистов с видными американскими политическими лидерами консервативного толка, с бывшими высокопоставленными офицерами вооруженных сил и разведки, с чиновниками администрации Рейгана, которое позволило им совместно осуществлять в Латинской Америке политический курс, не считаясь с мнением национальных правительств и решениями их законодательных органов. Это смыкание сил на практике приняло такие размеры, по сравнению с которыми разоблачение аферы „Кореягейт“ кажется пустяком. Возможно, именно по этой причине сотрудник Института по анализу вопросов обороны, который является финансируемым Пентагоном мозговым трестом, предупреждал о возможном влиянии на результаты президентских выборов 1984 года разоблачения связей администрации Рейгана с „унификационной церковью“.

„Нынешние тесные связи мунистов с правительственными чиновниками, подрядчиками и благотворителями... могут вызвать крупный скандал. Если о их роли и конкретной деятельности станет известно общественности, это сплотит и левые и правые силы в их нападках на администрацию.

Связи мунистов с правительством США делают его открытым для таких обвинений, которые вызовут замешательство в умах людей. Если не принять усилий для ограничения растущего влияния мунистов, для прекращения их связей с администрацией, президент подвергается опасности быть представленным средствами массовой информации в качестве посредственного, наивного и некомпетентного человека“.

С тем чтобы эта точка зрения не была проигнорирована, автор заключал: „Любое мнение о том, что эта настоящая проблема сама по себе исчезнет, если на нее не обращать внимания, не выдерживает никакой критики. В средствах массовой информации уже появлялись комментарии о деятельности мунистов, и ни в коем случае нельзя упускать из виду возможность того, что какой-то журналист или представитель демократической партии свяжет воедино все факты и нарисует полную картину“.

Глава 11

„НЕТРАДИЦИОННЫЙ МЕТОД ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ“

„15 апреля 1970 года состоялось заседание специальной рабочей группы Международного комитета по связи с общественностью, на котором обсуждался вопрос об ускоренном распространении за границей антикоммунистических материалов и публикаций. Соединенные Штаты должны стать главным районом таких действий. Основная цель состоит в том, чтобы содействовать изменению ошибочных взглядов „миротворцев“, разоблачать истинное лицо и выявлять слабые места у коммунистов, сдерживать распространение коммунистической заразы“.

*Китайское отделение ВАКЛ,
май 1970 года*

В 1978 году вице-президент одной из центральноамериканских стран обедал со своим школьным другом, недавно повышенным в звании до полковника вооруженных сил этой страны. Офицер только что возвратился после двухмесячного пребывания на Тайване. „Это такая красивая страна, — рассказывал он своему другу, — с горными вершинами, ущельями, пляжами. А женщины! Они так прекрасны и любезны!“

В течение всего обеда офицер говорил о тайваньской кухне, о гостеприимстве народа и живописных местах острова. Он ни словом не обмолвился о цели своей поездки на Тайвань. „Тогда я понял, — заявил вице-президент одному из авторов книги, — что мой друг принадлежит к так называемому гомиьндановскому клану“.

После захвата чанкайшистами Тайваня и создания реакционного режима политические изменения медленно входили в жизнь острова. Запугивая проживающих за границей китайцев, внедрив всеобщую цензуру на Тайване, оказывая необычайно щедрое гостеприимство визитерам из США, реакционному режиму удалось предотвратить распространение мнения о том, что, как заявил один представитель американской религиозной группы, борющейся за права человека, режим на Тайване является самым репрессивным по сравнению с режимами всех азиатских государств, в которых он побывал.

Хотя этот небольшой остров переживает экономический бум, принесший его народу относительно высокий уровень жизни в Азии, до сих пор первую скрипку в нем играют пре-

старелые гоминьдановские генералы и промышленники. Местные жители, составляющие девяносто процентов населения острова, почти полностью исключены из политической жизни. Постоянно действует военное положение, диссидентов в любое время могут арестовать, подвергнуть пыткам, посадить в тюрьму на остров Гринайлэнд или казнить. Руководящие позиции в политических и военных органах почти полностью находятся в руках выходцев из материкового Китая или их детей. Кандидатам от оппозиции разрешается бороться только за пятнадцать процентов мест в Национальной ассамблее, остальные, согласно конституции, принадлежат гоминьдановцам.

Эта система более чем устраивает правящий режим. Все меры безопасности, как-то: произвольные аресты, слежка, „исчезновения людей“, несправедливые суды, оправдываются как вынужденные трудности, которые следует терпеть до „возвращения материкового Китая“.

„Чанкайшисты осуществляют репрессивные меры по всему миру. Им „пришлось прибегнуть к использованию определенных организационных принципов, чтобы противостоять коммунистам, осуществляющим свои подрывные акции через подставные группы“. Любая международная организация рассматривается в качестве подходящего объекта для оказания на нее давления изнутри, используя членство в этой организации, для осуществления выгодной лоббистской деятельности. Особое внимание уделяется проникновению в зарубежные китайские общины и в существующие в них протайваньские группы. Международные конференции, дипломатия, неофициальные международные контакты и каналы рассматриваются в качестве действенных средств для распространения антикоммунистического влияния“.

Джозеф Хайнлайн. „Политическая война: модель националистического Китая“, 1974 год

Не только проживающие на Тайване люди вынуждены были принять диктат чанкайшистов, но и обучающиеся в Соединенных Штатах тайваньские студенты пребывают в состоянии постоянного страха из-за присутствия в их среде „профессиональных стукачей“, являющихся агентами Гоминьдана, которые должны следить за китайской общиной и докладывать о любых отклонениях в поведении или действиях китайцев. Гоминьдановские доносчики даже стандартизировали индексные карточки („общее число студентов, настроенных патриотически“, „общее число студентов, настроенных прокоммунистически“, „информация о врагах“), которые они должны заполнить и каждый месяц отсылать на Тайвань.

У находящихся в США тайваньских студентов, отклоняющихся от линии чанкайшистов, могут аннулировать въездную визу, в их адрес высказываются смертельные угрозы, им грозят ужасными последствиями для оставшихся на Тайване родных.

Проживающие в США тайваньские профессора находятся не в лучшем положении. В 1981 году Во Ченчен, профессор Карнегемеллонского университета, критиковавший чанкайшистский режим, приехал на Тайвань для посещения своей семьи. Он был арестован секретной полицией и в течение тринадцати часов подвергался допросу. Затем он якобы совершил самоубийство, находясь в состоянии „глубокого раскаяния“ за свои антиправительственные высказывания.

Дэвид Лью, проживавший в Калифорнии журналист, работавший над книгой, в которой высказывалась критика в адрес Гоминьдана, в 1984 году получил смертельные ранения, нанесенные проезжавшими мимо его дома двумя велосипедистами. Проведенное ФБР расследование показало, что в убийстве были замешаны высокие правительственные чиновники, включая директора и заместителя директора разведывательного бюро министерства обороны Тайваня.

Одним из наиболее ярых противников проводимой Тайванем за границей кампании слежек и угроз явился конгрессмен Джеймс Лич (республиканец от штата Айова), который по поручению подкомитета конгресса США по делам Азии и Тихого океана в 1981 году проводил расследование деятельности Гоминьдана в США. „Задokumentированная нашим подкомитетом деятельность, — писал он 6 августа 1981 года министру юстиции США Уильяму Френчу Смит, — свидетельствует о том, что тайбэйский режим в массовом порядке нарушает закон о регистрации иностранных агентов. Кроме того, имеются определенные данные, что он нарушает законы и договоры о налогообложении, почтовой переписке и иммиграции, а также наш статус о неприкосновенности личности... Ясно, что многих тайваньцев прямо или косвенно лишают права на свободу слова, личности и ассоциаций, гарантированных нашей конституцией“.

Осуществляемая тайбэйским режимом борьба против „диссидентов-китайцев“ в Соединенных Штатах — это только один аспект действий реакционного режима в отношении так называемых „врагов“. Использование политических и „нетрадиционных методов ведения войны“ стало особенно интенсивным и смертельно опасным, после того как в начале 70-х годов материковый Китай открыл свои границы для внешнего мира.

По мере того как все большее число стран стали разрывать связи с Тайванем и устанавливать дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой, организа-

ции, подобные Всемирной антикоммунистической лиге и Антикоммунистической лиге азиатских народов, стали приобретать для гоминьдановского режима все возрастающее значение. В условиях, когда статус тайваньских посольств понижался до уровня миссий или они вообще закрывались, режим всеми силами стремился сохранить свои внешние связи, используя для этого любые оставшиеся каналы, в том числе „независимые“ международные ассоциации, такие, как ВАКЛ.

Изменение дипломатических позиций основных тайваньских союзников в Западной Европе и США было настолько неожиданным и радикальным, что Гоминьдану пришлось проявить всю изворотливость для укрепления своего последнего бастиона — Латинской Америки. Тайвань расширил свои дипломатические представительства в Парагвае и Гватемале до размеров, не пропорциональных уровню экономических и политических связей. Через них тайбэйский режим пытался воздействовать на антикоммунистические настроения ряда латиноамериканских лидеров, чтобы обеспечить с их стороны постоянную поддержку Тайваню.

Для достижения единства антикоммунистических стран „генеральный департамент политической войны“ привлек к участию в этой кампании культурные, образовательные, социальные и экономические организации. Считалось необходимым, чтобы любая индивидуальная или государственная деятельность, проводившаяся внутри страны или за границей, осуществлялась с учетом идеологической перспективы. Для этого националисты распространили действия ВАКЛ на всю Латинскую Америку, создав в 1972 году ее региональный филиал — Латиноамериканскую антикоммунистическую конфедерацию. Тайбэй рассматривал такие организации не только как форумы для поддержания общественных отношений, а в качестве конструктивного аспекта своей глобальной программы проведения политической войны.

В поисках новых союзников и для сохранения имевшихся тайваньские националисты были готовы сделать гораздо больше, чем просто призывать к выработке общей антикоммунистической стратегии на конференциях ВАКЛ. Они использовали установленные по линии ВАКЛ связи для оказания взаимовыгодных услуг своим правым союзникам в Южной и Центральной Америке. Через отделения ВАКЛ они предложили странам этого региона обучать представителей их полицейских органов, армии, служб безопасности применению „нетрадиционных методов ведения войны“, тактике проведения допросов и контртеррора в своей академии политической войны в Пейтоу.

В течение десятилетия до начала второй половины 80-х годов большинство латиноамериканских стран воспользовались предложением Тайваня и направили в академию своих

представителей. В результате создан своеобразный клан из тысяч высококоранжированных офицеров, разделяющих антикоммунистические убеждения и проповедуемое Тайбэем кредо — „для победы необходимо быть таким же жестоким, как и твой враг“. Именно этот клан имел в виду беседовавший с автором книги вице-президент одной из центрально-американских стран.

Во время пребывания в указанной должности вице-президент встречал и других представителей этого клана, выпускников тайваньской академии политической войны. „Все они похожи друг на друга. Говорят о кухне, девушках, но никогда о полученной подготовке в академии. Никогда! У меня создалось жуткое впечатление, как будто существовал заговор молчания. Я был вице-президентом страны, но не имел никакого представления, что там делается“.

Вице-президент, являющийся гражданским человеком, не подозревал, что имелись достаточные причины держать его в неведении относительно получаемой в академии подготовки. Тайбэй стремился создать в Латинской Америке положение, идентичное существующему на Тайване: политизированные военные, лояльные в первую очередь партии, затем армии и в последнюю очередь — народу. „Необходимо создать политическую структуру для поддержки военных, — так в 1983 году объяснил тайваньскую систему эксперт „Рэнд корпорейшн“ в борьбе с партизанами Брайан Дженкинс корреспонденту „Лос-Анджелес таймс“ Лаури Беклунду. — Это обеспечивает поток информации. В известном смысле создается политическая партия, вооруженным компонентом которой являются военные“.

Используя эту „тихую дипломатию“, Тайвань стремится внедрить антикоммунистически и протайваньски настроенных офицеров во все военные круги стран Южной и Центральной Америки.

Хотя многие чиновники латиноамериканских стран прошли обучение в академии Пейтоу, приобретенные ими взгляды не всегда находили одобрение у их руководителей. Одним из таких лидеров оказался панамский генерал Омар Торрихос. „Я не доверяю тайваньцам и не доверяю моим людям, когда они возвращаются из Пейтоу. Тайваньцы „промывают им мозги“. Мне приходится перед поездкой специально инструктировать их“.

Во время таких бесед Торрихос рассказывал отъезжающим, что ожидает их в академии, просил не поддаваться проповеди „безжалостной жестокости как необходимого средства“ и также не воспринимать серьезно враждебные коммунистическому Китаю выпады инструкторов. Панамский руководитель настолько подозрительно относился к тайваньским методам и их влиянию на обучающихся в академии

панамцев, что по возвращении он подвергал их „воздействию географической среды“, направляя служить в расположенные в джунглях гарнизоны, и передавал им в подчинение не более четырех-пяти человек.

План чанкайшистов претворялся в жизнь через Всемирную антикоммунистическую лигу. Применительно к Латинской Америке план состоял из двух стадий, реализация каждой координировалась отделениями ВАКЛ. (Осуществление подобного плана уже завершено в Сальвадоре и Гватемале.)

Через свои связи в лиге тайбэйские лидеры устанавливают, какая политическая партия в латиноамериканском регионе является наиболее воинственной и антикоммунистической. Избранная политическая партия принимается в состав ВАКЛ. Обычно своими действиями она или уже доказала свой антикоммунизм, или проявила способность сделать его в будущем. Следуя гоминьдановской „модели“, эта партия организует сеть своих отделений по всей стране для сбора информации и осуществления акций контртеррора. Ее полувоенные группы постепенно включаются в состав национальных вооруженных сил. Обычно это происходит в период национальных кризисов, когда армия обращается за поддержкой к этим гражданским организациям или когда у нее не хватает сил для обуздания их действий.

Таким образом, полувоенная „партия“ берет под свой контроль и использует армейские подразделения точно так, как это сделал Гоминьдан в предреволюционном Китае.

Осуществление первой фазы гоминьдановской „модели“ хорошо видно на примере Гватемалы и Сальвадора. В каждой из них аппарат „эскадронов смерти“ был сначала создан какой-то псевдополитической партией, а затем включен в состав армии. В Гватемале такой партией было Движение национального освобождения (МЛН) Марио Аларкона; в Сальвадоре сначала — Партия национального примирения, а затем Националистический республиканский союз (АРЕНА) Роберто Д’Обюссона. Не случайно отделения Всемирной антикоммунистической лиги в Гватемале и Сальвадоре в основном заполнены членами этих партий. Не случайно также и то, что сальвадорская АРЕНА, так называемая „партия эскадронов смерти“, в структурном отношении удивительно напоминает Гоминьдан.

„АРЕНА, — заявил в 1984 году посол США в Сальвадоре Роберт Уайт, — имеет такую политико-военную структуру, которая охватывает не только гражданский контингент партии, но и послушный ей военный аппарат“.

От второй фазы экспортируемой тайбэйской „модели“ Гоминьдан получает непосредственную выгоду. Когда латиноамериканская политическая партия завоевывает прочную базу в среде военных, через нее командованию национальных

вооруженных сил передаются приглашения направить отобранных офицеров на подготовку в академию Пейтоу. Нередко это делается через функционеров партии, принимающих участие в работе конференций ВАКЛ. Поскольку эта политическая партия внедрила свои кадры в руководящие органы военных, отобранные для поездки на Тайвань офицеры, естественно, являются ее членами или сторонниками. По возвращении этих офицеров домой они получают повышение по службе и направляются на работу в различные военные ведомства. Таким образом, указанная политическая партия имеет своих сторонников, а Гомиьдан — союзников на ответственных постах всех уровней вооруженных сил.

Получившие подготовку на Тайване латиноамериканские военные по возвращении на родину обучают своих подчиненных „тайваньским методам“. Эти методы тотальной войны включают в себя „нетрадиционные методы ведения войны“ и контртеррор. Хотя тайваньцы, возможно, не призывают к созданию „эскадронов смерти“, но их ученики используют полученную в Пейтоу подготовку именно для этого. Среди тех, кто обучался в этой академии, был и Роберто Д'Обюссон из Сальвадора. Широко распространено мнение, что именно он был инициатором создания сальвадорских „эскадронов смерти“.

Глава 12

ЛЮБИМИ СРЕДСТВАМИ

Эти люди не евреененавистники. Они — убийцы. Их антисемитизм — это лишь оболочка, дымовая завеса, чтобы отвлечь внимание людей от своих дел. В реальной же жизни они убивают людей.

*Из высказывания бывшего чиновника
правительства Сальвадора*

Получив полную свободу действий от руководства Всемирной антикоммунистической лиги, мексиканские „текос“ в начале 70-х годов учредили отделения лиги во всех странах Южной и Центральной Америки. Как и можно было ожидать, они старались привлечь в состав КАЛ наиболее фанатичных людей из числа консерваторов этого региона.

„Текос“ имели хорошо организованную сеть „людей действий“, из которой могли выбрать нужных им кандидатов. В их число входили сотрудники секретной полиции, офицеры вооруженных сил, богатые землевладельцы и промышленники, готовые всеми средствами защищать свои состояния. В 70-х годах о людях из „текос“ было известно, что во имя антикоммунизма они готовы убить любого человека по указанию любого лица, готового хорошо заплатить „за работу“.

„Некоторые наблюдатели считают, что, исходя из своих личных соображений, „текос“ в недавнем прошлом ликвидировали одного человека. В апреле 1984 года известный мексиканский журналист, занимавшийся расследованием щекотливых дел, Мануэль Буэндиа написал серию статей, разоблачающих действия „текос“, их секретный кодекс чести, их контроль над „самоуправляющимся университетом“ Гвадалахары. Через месяц четырьмя выстрелами в спину, произведенными с близкого расстояния, Буэндиа был убит при выходе из своего офиса в г. Мехико. Убийцу не нашли“.

„Мне пришлось столкнуться с этими людьми („текос“), — рассказал одному из авторов книги полковник Роберт Эулалио Сантиванес, бывший шеф контрразведывательной службы Сальвадора. — Они пришли ко мне, когда я был еще в армии, и предложили свои услуги. В подтверждение своих возможностей они хвастались наличием списка смертников из числа граждан США, от ко-

торых они намерены были избавиться. Они пытались обеспечить себя необходимыми финансовыми средствами. Не знаю, удалось ли им где-либо это сделать. Но в Сальвадоре проблем у них не было. Они сказали, что могут по моему желанию „достать“ любого человека. Они предложили все — оружие, людей, но хотели сразу же получить за это наличные деньги. Я их вышвырнул. Тогда они предложили свои услуги гражданским службам, представителям земельной олигархии”.

Отвергнутые сальвадорскими военными, а возможно и другими организациями, „текос“ реализовывали свои программы в соответствии с желаниями различных гражданских групп. Их действительные цели обнаружились при учреждении Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации. Они пытались учредить совсем не „антисемитский интернационал“, как этого боялся член американского отделения ВАКЛ Стефан Поссоли, а „интернационал эскадронов смерти“.

ВАКЛ создавала идеальные возможности для привлечения новых членов в Латиноамериканскую антикоммунистическую конфедерацию, и скоро под ее „зонтиком“ собрались закоренелые убийцы, садисты, террористы и торговцы наркотиками со всего латиноамериканского региона.

Марио Сандоваль Аларкон, основатель гватемальской партии Движение национального освобождения (МЛН), с 1972 года стоял во главе гватемальского отделения ВАКЛ. У него был рак горла, поэтому он говорил хриплым голосом с помощью электронного усилителя.

Сандоваль умер. Но с его смертью не воскреснут десятки тысяч гватемальцев, которые были похищены, замучены, расстреляны, брошены на обочинах дорог „эскадронами смерти“, действия которых этот бывший вице-президент страны контролировал в течение последних двадцати лет своей жизни. Сандоваль участвовал в работе конференции ВАКЛ 1985 года в Далласе, а в 1981 году он же был приглашен Рейганом на прием по случаю своего избрания президентом США.

С приходом Сандовалья в ВАКЛ мексиканские „текос“ приобрели в его лице влиятельного человека, представителя одного из правящих семейств Гватемалы. В 70-х годах Сандоваль приобрел репутацию наставника латиноамериканских правых и стал движущей силой в Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации. Предоставляя материальную помощь и давая советы „эскадронам смерти“ других стран, Сандоваль создал региональную сеть террористов. Его называли „крестным отцом эскадронов смерти“. Хотя „текос“ и аргентинские „такуарас“ Хулио Мейнвилла являлись вдохновителями создания Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации, Сандоваль, „самый выдающийся

ся антикоммунист в мире после смерти Чан Кайши", как выразился один из его сальвадорских последователей, являлся „руководителем действий на местах" и претворял в жизнь планы этих организаций в Латинской Америке.

В 70-х годах Карлоса Барбьери Фильхо мало кто знал в его родной Бразилии. Тридцатилетний ультраправый экстремист, его политика, привычка постоянно носить на бедре пистолет были неприемлемыми для большинства его сограждан. Его призыв к насильственному искоренению коммунизма не находил почти никакого отклика в стране. Не мог Барбьери найти широкой поддержки и среди военных, которые хотя и правили Бразилией, но были слишком миролюбивыми по сравнению с правящими хунтами в соседних Аргентине, Боливии и Уругвае. Даже архиконсервативная организация „Традиции, семья, собственность" (ТФП), провозгласившая своей целью возвращение Бразилии к средневековому католическому феодализму, считала его сумасшедшим.

Однако члены „текос", зондировавшие возможность открытия бразильского отделения Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации, придерживались другой точки зрения. Так Барбьери стал председателем отделения, представлявшего самую большую и могущественную страну Латинской Америки.

В ВАКЛ Барбьери играл важную роль. Он не просто участвовал в работе ее конференций, а был влиятельным участником кампании, которую проводил тайваньский режим, чтобы расширить свое влияние в Южной Америке.

По словам одного официального лица из ТФП, для своих действий Барбьери использует подставную парагвайскую компанию „Финансьера Урундей". В конторе этой компании составляются списки офицеров, которые направляются на подготовку в академию на Тайване. Она же финансирует их поездки. Будучи сам частым визитером на Тайвань, Барбьери осыпан милостями своих гоминьдановских благодетелей.

В одну из ночей 1981 года был убит хозяин одной из квартир в Сан-Сальвадоре. Это был богатый бизнесмен, бывший депутат Национальной ассамблеи, председатель сальвадорского отделения Всемирной антикоммунистической лиги. Он сам был импульсивным убийцей, садистом и пьяницей. Однажды по ошибке он убил мальчика-слугу, когда разрешал возникший во время коктейля спор стрельбой. Бывший офицер сальвадорской армии помнит его как человека, который появлялся в центре по проведению допросов и просил разрешения провести пытки над заключенными.

„Этот человек имел двойную личность, — вспоминает бывший сальвадорский полковник Сантиванес, — трезвый и пьяный. Когда он трезв, это палач и убийца. Когда пьян — еще хуже“.

Пастор Коронел не принадлежал к числу тех, кто мог бы пожаловаться на правление в Парагвае диктатора генерала Альфредо Стресснера. У него не могли найти симпатий бесчисленные обвинения в адрес правительства страны: обвинения в том, что Парагвай является центром контрабандных операций в Латинской Америке, раем для нацистских военных преступников, местом, где индейцев убивают ради спортивного интереса, где восьмилетняя девочка была куплена за один доллар и использована для удовлетворения сексуальных извращений правительственных чиновников.

Коронел принадлежал к числу немногих парагвайцев, которые получали выгоды из того, что в стране царил жестокий режим генерала и его политической партии „Колорадо“. Являясь начальником следственной полиции, секретной полиции страны, Коронел нажил большие богатства. Как следует из секретного документа ЦРУ, в начале 70-х годов он стал партнером короля по торговле наркотиками корсиканца Аугусте Рикорде. С помощью высокоранжированных генералов Парагвая они превратили страну в центр торговли героином, направляя контрабанду в Соединенные Штаты. В 1973 году Рикорде был, наконец, передан в руки правосудия США, Коронел, однако, остался невредимым.

Личное богатство и руководство парагвайской секретной полицией сделали Коронела важным человеком. По введеному в 1954 году декрету об осадном положении начальник следственной полиции в любое время может арестовать и допросить любого человека. Лица, вырвавшиеся из парагвайских тюрем, рассказывали, что Коронел лично участвовал в допросах, избивал свои жертвы, пытая их электрошоком, подвешивая за запястья, окуная головы в шайки с экскрементами.

Однако Коронел действовал не только в Парагвае. Как главе секретной полиции ему было известно, что некоторым парагвайцам — противникам существовавшего режима — иногда удавалось прорваться через границу в другие страны и там, в изгнании, подавать голос протеста. В то же время „подрывные элементы“ из других стран, случалось, прибывали в Парагвай*. Для борьбы с подобного рода угрозами в 70-х годах была разработана региональная секретная про-

* Убийство свергнутого никарагуанского диктатора Анастасио Сомосы в сентябре 1980 года было совершено в Асунсьоне членами аргентинской левой организации, которым удалось пробраться в Парагвай. — *Прим. авт.*

грамма — операция „Кондор“. Ее осуществление в Парагвае проходило под руководством Пастора Коронела. Операция „Кондор“ осуществляла на практике задачи ВАКЛ.

В основе операции „Кондор“ лежат четыре фазы: 1. Все диссиденты и противники существующего строя являются коммунистами. 2. Все коммунисты получают приказы от одного и того же центра и преследуют общую цель — установить коммунистический контроль над миром. 3. В силу этого оппозиция в одной стране всегда аналогична оппозиции в другой. 4. С тем чтобы страны Латинской Америки смогли противостоять объединенному врагу, они тоже должны объединиться. Это означает, что любая страна имеет право и даже обязанность бороться с оппозицией не только в своей стране, но и в любой соседней.

Являясь детищем чилийской секретной полиции (ДИНА), операция „Кондор“ была разработана в 1976 году для координации действий сил безопасности латиноамериканских правых правительств и позволяла им выслеживать и уничтожать своих врагов. Если бежавший, скажем, из Бразилии „враг“ был обнаружен в Аргентине, тогда вступала в действие „фаза три“. Как видно из совершенно секретного доклада сенатского комитета конгресса США по иностранным делам от 1979 года, полученного журналистом Джеком Андерсоном, „фаза три“ включает в себя образование специальных групп из числа граждан стран—членов „Кондора“ для выезда в любую точку мира с целью осуществления „санкций“, включая убийства врагов „Кондора“.

По словам Андерсона, „одной группе, задействованной в операциях по „фазе три“ поручается, например, составить список лиц, подлежащих уничтожению в такой-то стране. Затем туда направляется вторая группа, которая должна установить местонахождение намеченных жертв и организовать за ними наружное наблюдение. И наконец, из полицейских служб стран—членов „Кондора“ формируется третья группа, которой поручается претворить в жизнь намеченные санкции“.

Сейчас представляется вполне вероятным, что убийство в Вашингтоне в 1976 году Орlando Петельера — противника чилийского режима (организованное чилийской секретной полицией через работающего по контракту агента из числа американцев и выполненное антикастровскими кубинскими эмигрантами) и покушение на Бернардо Лейтена (раненного итальянским фашистом по приказу из Чили, причем ответственность за покушение взяли на себя кубинские эмигранты) являются действиями „Кондора“. В странах Латинской Америки были и другие случаи, имевшие характерные черты действий „Кондора“. К ним можно отнести убийство в Аргентине либеральных уругвайских политических деятелей и уничтожение в Боливии представителей чилийской оппозиции.

Операция „Кондор“ якобы была официально прекращена, когда американским властям стало о ней известно, и на соответствующих диктаторов было оказано давление. В действительности же была изменена лишь форма действий. Правительства некоторых стран Латинской Америки продолжали практиковать „транснациональный террор“, однако выполнение конкретных акций стало поручаться частным организациям. Одной из таких организаций была Всемирная антикоммунистическая лига, особенно ее филиал — Латиноамериканская антикоммунистическая конфедерация. В 1977 году на конференции конфедерации Пастор Коронел вместе с другими ультраправыми реакционерами из числа правительственных чиновников многих стран мира предложил новый, более насильственный курс действий ВАКЛ.

Начиная с 60-х годов в странах Южной и Центральной Америки росла оппозиция правым правительствам, и к концу 70-х годов она достигла значительных размеров. Все увеличивающееся число оппозиционных элементов теперь можно было найти повсюду, и с этим движением уже нельзя было покончить с помощью „хирургического вмешательства со стороны „Кондора““. Накопив большой опыт, службы безопасности стран региона без труда могли взять под контроль действия профсоюзных лидеров, либеральных политических деятелей, сторонников аграрных реформ. Но в Латинской Америке разрасталось более широкое движение, которое нельзя было остановить старыми методами. Это движение возглавлялось католической церковью.

В 60-х годах многие католические священники стран Центральной и Южной Америки стали отходить от многолетней ватиканской традиции, состоявшей в том, чтобы оказывать поддержку правящим военным режимам и земельной олигархии. Их теперь стала беспокоить судьба простого народа: бедного, необразованного, голодного. Священники, включая многих европейских и американских служителей церкви, стали выразителями интересов бесправных масс, являлись ли они бастующими рабочими, безземельными крестьянами или представителями семей, разыскивающих своих родственников, арестованных службами безопасности. К началу 70-х годов конфликт распространился на весь регион, и правящие режимы стали реагировать на него с большой жестокостью. Многие католические священники выступали за радикальные реформы, проповедуя „теологию освобождения“. Они стали наиболее опасными противниками правых хунт. В некоторых случаях дело доходило до призывов взяться за оружие.

ВАКЛ рассматривала „теологию освобождения“ не как выражение законных чаяний народа, а как одну из наиболее коварных форм коммунизма.

„Я считаю, — заявлял Сандоваль Аларкон, — что католическая церковь стала объектом интенсивного проникновения марксистов. Марксистская идеология исходит от священников, проповедующих революционные взгляды, что является еще одним трюком коммунистов. Пробравшиеся в католическую церковь марксисты активно действуют на самых высоких эшелонах католической иерархии”.

Протоколы 11-й конференции ВАКЛ,
апрель — май 1978 года

Антиватиканская позиция правых нашла свое отражение в бешеных нападках мексиканских „текос” на папу Иоанна Павла II („жид и наркоман”). Ее активно поддержали другие (не латиноамериканские) члены лиги, например румынская Железная гвардия.

„Когда черные силы угрожают самому существованию христианства, — заявил Хория Сима своим последователям, — нет другого выхода, кроме использования оружия. Мирное существование с коммунизмом, принятое на вооружение сегодня многими христианами, это не что иное, как трусость. Это попытка уйти от ответственности и жертв. Церковь оставлена на попечение дьявола”.

Из интервью Маурицио Сабоны с главой легиона
Михаил архангел Хория Симой

Правящим хунтам в странах Центральной Америки необходимо было иметь новую региональную сеть своих сторонников, чтобы выслеживать, а затем убивать, высылать и заключать в тюрьму этих либеральных священников. Новая форма международного террора, являвшаяся еще одним вариантом „нетрадиционных методов ведения войны”, была разработана в „плане Банцера” 1975 года (названного в честь боливийского диктатора того времени Хуго Банцера Хуареса). Реализовать этот план должны были отделения Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации.

„Эта стратегия основывалась на центральном банке данных, в котором сосредоточиваются досье на всех прогрессивных прихожан, священников, епископов. Эти сведения давали возможность устанавливать и разоблачать проникновение марксистов в церковные круги. Эта кампания должна была обострить внутренние противоречия в церкви, создать трудности в работе прогрессивных церковных лидеров, содействовать аресту и высылке иностранных священников и монахинь”.

Из книги Пенни Лерно
„Вопль народа”, 1980 год

На обсуждение асунсьонской конференции Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации 1977 года этот план был впервые внесен боливийским отделением конфедерации и принят девятью странами этого региона. В 1978 году делегация Парагвая внесла резолюцию об „охоте на священников“ на рассмотрение конференции Всемирной антикоммунистической лиги, дословно повторив основные положения „плана Банцера“.

„В последние годы римская католическая и некоторые христианские церкви работали вместе или параллельно, пытаясь через организации или определенные группы насильственно добиться изменения структуры общества в развивающихся странах.

Марксистская идеология спровоцировала в некоторых развивающихся странах действия, направленные на создание политических беспорядков. В развивающиеся страны стали въезжать иностранные священники и монахини, установить биографические данные и политическую ориентацию которых в тот момент не представлялось возможным.

Исходя из вышеизложенного, одиннадцатая конференция ВАКЛ приняла следующее решение: рекомендовать создать учреждение, специализирующееся на религиозных вопросах, построенное по региональному принципу. В его задачу должно входить: получение текущей информации об идеологической ориентации основных религиозных институтов, а также ведение картотеки, содержащей установочные и характеризующие данные на священнослужителей. Указанные данные подлежат ежегодному пересмотру“.

Протоколы 11-й конференции ВАКЛ

Эта резолюция была принята подавляющим большинством присутствующих на конференции.

Неизвестно, достигла ли эта многосторонняя программа слежки за священнослужителями тех размеров, к которым призывало уругвайское отделение ВАКЛ в 1978 году. Однако установлено, что в течение двух лет после того, как конференция Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации одобрила „план Банцера“, в Латинской Америке было убито по меньшей мере двадцать восемь епископов и священников. Большинство этих убийств приписывают государственным службам безопасности или „эскадронам смерти“.

Хотя латиноамериканские отделения ВАКЛ использовались реакционными правительствами стран этого региона для борьбы с „коммунистической угрозой“ в церковных кругах,

однако действия лиги не ограничивались выполнением только этой задачи. В 80-х годах отделения ВАКЛ занимались „экспортом“ из Южной в Центральную Америку „эскадронов смерти“, новейших методов ведения слежки, техники пыток, способов внедрения в различные организации.

В 1980 году Аргентина только начала оправляться от кровавых последствий гражданской войны, унесшей тысячи жизней, поставившей страну, некогда самую богатую в Латинской Америке, на грань экономического банкротства. Она была вынуждена обращаться за иностранной помощью для погашения своих долгов.

В 70-е годы врагом правящего режима в Аргентине оказались „монтонерос“, небольшая группа „левых“ повстанцев, которая похищала людей, грабила банки, осуществляла убийства своих противников. Гражданское правительство Аргентины оказалось неспособным справиться с „монтонерос“, тогда власть взяла в свои руки военная хунта. Что произошло после этого, известно сейчас под названием „грязная война“.

Аргентинская служба безопасности арестовывала, пытала и убивала журналистов, студентов, лидеров еврейских организаций, либеральных священников и лиц, заподозренных в симпатиях к „монтонерос“ или в антиправительственных акциях. Были убиты проживавшие в Аргентине известные эмигранты (просто в знак любезности правым правительствам Уругвая и Чили). Тысячи людей были похоронены на секретных кладбищах, выброшены в Ла-Плату или сброшены с вертолетов в Атлантический океан. К 1980 году было уничтожено около десяти тысяч человек, и только небольшая их часть имела отношение к „монтонерос“. Ценой многотысячных жертв военная хунта добилась своего. Движение „монтонерос“ практически перестало существовать.

Из-за этой „грязной войны“ весь мир с отвращением отнесся к аргентинской хунте, чего нельзя было сказать о военных режимах соседних стран или ультраправых элементах из Всемирной антикоммунистической лиги.

„Аргентина, — заявил в 1980 году на конференции ВАКЛ член „текос“ профессор Рафаэль Родригес, — наряду с Чили и Уругваем является единственной страной мира, освободившейся от революционных, марксистских повстанцев. Аргентине незачем давать объяснения международным комитетам, которые хотели бы провести расследования по поводу событий, имевших место в период военных действий, и в которых с обеих сторон действовали вооруженные люди, имевшие одинаковые шансы на жизнь и на смерть“.

Уничтожив „монтонерос“ и другие оппозиционные группировки, Аргентина подала пример правым элементам ВАКЛ,

как надо действовать, чтобы справиться с „международной коммунистической угрозой“.

„Нарушения (левыми элементами) прав человека в аргентинском обществе в последнее десятилетие, ставшие особенно интенсивными в период правления подлинно демократического правительства, должны быть доведены до сведения всех латиноамериканских народов. Им следует быть готовыми к принятию совместных мер против угрозы, которая не имеет границ“.

Из документа министерства информации Аргентины, 1980 год

Аргентинские эскулапы, при помощи пыток добывавшиеся получения информации от своих жертв, отправлялись в другие страны Латинской Америки обучать своим методам других садистов*. Агенты аргентинской службы безопасности, под покровом ночи грузовиками свозившие тела замученных к местам массовых „свалок“ должны были показать своим „коллегам“, как можно эффективно освобождаться от коммунистов. Латиноамериканская антикоммунистическая конфедерация вновь выступила в роли главного координатора в деле распространения „этого познавательного процесса“.

В сентябре 1980 года в Буэнос-Айресе состоялась ежегодная конференция Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации. Председательствовал генерал Карлос Гиллермо Суарес Мейсон, командующий первым корпусом аргентинской армии, который отвечал за осуществление большей части операций „грязной войны“. Среди присутствовавших на конференции были известные лица: Джон

* Несмотря на то что правительства Аргентины и Сальвадора отрицали факт присутствия аргентинских советников в Сальвадоре, это ни для кого не было секретом. Когда в феврале 1982 года начальник штаба вооруженных сил Сальвадора полковник Рафаэль Флорес Лима прибыл в Буэнос-Айрес, его тепло встретил генерал Антонио Вакеро, начальник штаба аргентинской армии. На церемонии награждения Лима орденом Вакеро заявил: „Я хотел бы сказать, что углубление и расширение связей между нашими армиями имеет очень большое значение. Аргентинская армия вместе с ВМС и ВВС страны сокрушила терроризм. Она понимает и высоко ценит борьбу народа Сальвадора и его вооруженных сил и будет представлять максимально возможную помощь дружественной стране, находящейся в трудной ситуации, но твердо придерживающейся принципа невмешательства в свои внутренние дела. Это необходимо, поскольку под угрозу поставлены два основных жизненных принципа: образ жизни, который мы хотели бы сохранить для себя, наших детей и детей наших детей, с одной стороны, и, с другой — уважение человеческого достоинства. Этому противостоит терроризм и люди, состоящие на службе могущественного атеистического государства“.

Газета „Нотисиас Аргентинас“ от 24 февраля 1982 года

Карбо, помощник Джесси Хелмса, сенатора от Северной Каролины, и Стефано Делле Кьяйе, итальянский террорист, разыскиваемый за совершение многих убийств и взрывов в странах Европы. Он укрывался в Боливии и являлся якорь партнером по контрабанде кокаина Клауса Барбье, нацистского военного преступника, известного под кличкой „палач Лиона“*.

На конференции присутствовал также Марио Сандоваль Аларкон, гватемальский „крестный отец“ „эскадронов смерти“. Он привез с собой сальвадорского майора Роберта Д'Обюссона, своего друга и протеже, за которого оплатил все путевые расходы. Д'Обюссон был известен тем, что выкрал сотни досье из Агентства национальной безопасности Сальвадора, заместителем директора которого он был до конца 1979 года. В январе 1980 года он появился с досье в руках на экранах национального телевидения. Во время своего выступления Д'Обюссон „разоблачил“ так называемые „подрывные элементы“ в правительственных учреждениях, армии, университетах, церковных и профсоюзных кругах, многие из которых позднее были уничтожены.

В 1980 году в Сальвадоре вспыхнула гражданская война. Целью ее со стороны правящих кругов было не просто уничтожение некоторых противников режима, а организация всеобщей антикоммунистической кампании подобно аргентинской „грязной войне“. Для этого правые силы в Сальвадоре нуждались в помощи. В этот период Д'Обюссон и прибыл в Буэнос-Айрес для установления необходимых контактов.

Сандоваль Аларкон познакомил его с нужными людьми. Через два месяца пятьдесят аргентинских советников, специалистов по „нетрадиционным методам ведения войны“, прибыли в Сальвадор для оказания помощи правящему там режиму. Они настолько квалифицированно помогли своим „ученикам“ усовершенствовать тактику террора, что „грязная война“ в Аргентине по своим масштабам не могла сравниться с операциями в Сальвадоре.

По словам председателя Всемирной антикоммунистической лиги генерал-майора армии США в отставке Джона К. Синглауба, в 1983 году латиноамериканские отделения ВАКЛ исключили из своих рядов значительное число сторонников насильственных действий.

* В 1982 году после прихода к власти в Боливии демократического правительства Клаус Барбье был депортирован во Францию и предан суду за преступления, совершенные во время второй мировой войны. В 1982 году итальянские „коммандос“ совершили рейд в Боливию с целью захвата Кьяйе и его сообщника Пирлуджи Паглайи. Паглайи был смертельно ранен. Кьяйе удалось ускользнуть. Его настоящее местонахождение неизвестно. — *Прим. авт.*

„Мы освободились от всех лиц подобного типа, — утверждал он. — Мы пытались сделать это еще с момента вступления в ВАКЛ (1981 год). Сейчас Латинскую Америку в лиге представляют хорошие, уважаемые антикоммунисты“.

Из телефонного интервью
одного из авторов
с Джоном Синглаубом,
13 февраля 1985 года

Но в январе 1984 года Джек Андерсон опубликовал ряд статей, в которых разоблачил деятельность Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации. Синглауб обратился за помощью к своему видному нью-йоркскому другу Риду Ирвингу, председателю организации „За точность в средствах массовой информации“. 30 января 1984 года в своем письме Синглауб писал: „Мы с благодарностью приняли бы любую помощь с вашей стороны, которая способствовала бы опровержению обвинения Дж. Андерсона о том, что ВАКЛ якобы тесно связана с „эскадронами смерти“. Если сделать это не представляется возможным, я высоко оценил бы вашу помощь в деле нейтрализации неблагоприятного для нас воздействия этих статей“.

Опровергнуть обвинения Дж. Андерсона не удалось, поскольку характер лиги не изменился. В 1984 году (а не в 1983, как утверждал Сандоваль) из лиги были исключены лишь мексиканские „текос“. Другие члены ВАКЛ, например боливийцы, разработавшие „план Банцера“, гватемальцы, создавшие „эскадроны смерти“, бразильцы, координировавшие по поручению Тайваня осуществление программы подготовки кадров по вопросам политической войны, все еще входят в состав ВАКЛ.

Глава 13

УЛЬТРАПРАВЫЕ

„Термин „нетрадиционные методы ведения войны“ кроме терроризма, подрывных акций против партизанских движений охватывает такие тайные и невоенные операции, как саботаж, экономическая война, оказание помощи группам сопротивления, „черные“ и „серые“ психологические операции, дезинформационная деятельность и политическая война.

Мы оказались в состоянии пассивного ожидания, поскольку не нашли в себе способности и желания шире применять эти эффективные методы. Мы плохо использовали уязвимые места своих противников и лишились тем самым значительных преимуществ.

Поэтому имеется настоятельная потребность в срочной разработке такой национальной стратегии, в которой учитывался бы весь спектр потенциальных конфликтов, и особенно текущие, не бросающиеся в глаза конфликтные моменты, для разрешения которых можно использовать „нетрадиционные методы ведения войны“.

*Джон К. Синглауб, генерал-майор
в отставке, 1982 год*

22 ноября 1981 года в ресторане „Маунт Шэдоу Резорт Инн“ в городе Финиксе, штат Аризона, состоялось совещание, на котором присутствовали некоторые наиболее известные лица из числа американских ультраправых. Целью этого созванного Джоном Синглаубом совещания было создание нового американского отделения Всемирной антикоммунистической лиги.

В течение своей тридцатипятилетней военной карьеры Синглауб официально занимался осуществлением акций, подобных „нетрадиционным операциям“, которые Всемирная антикоммунистическая лига проводила теперь неофициально.

Будучи офицером Управления стратегических служб (УСС — предшественник ЦРУ), он в 1944 году на парашюте был заброшен на оккупированную немцами территорию Франции для организации там движения Сопротивления в преддверии высадки союзников в Нормандии. Затем Синглауб был переведен на Тихоокеанский театр военных действий, где командовал отрядом УСС, обучавшим китайцев методам ведения партизанской войны с японскими оккупантами. В 1946 году он был назначен главой американской военной миссии связи в Мукдене (Маньчжурия). С 1949 года работал опера-

тивным сотрудником китайского отдела ЦРУ. Участвовал в организации центра подготовки „рейнджеров“ в форте Беннинг (штат Джорджия), затем работал заместителем резидента ЦРУ в Южной Корее. Во время корейской войны командовал батальоном.

Двухлетнее пребывание во Вьетнаме в середине 60-х годов, вероятно, является наиболее противоречивым периодом его карьеры. Являясь командиром объединенной специальной группы по использованию „нетрадиционных методов ведения войны“, Синглауб был одним из исполнителей операции „Феникс“*.

Естественно, Синглауб не рекламировал себя как специалиста по „нетрадиционным методам ведения войны“ и тайным операциям. В 1978 году, являясь начальником штаба американских войск в Южной Корее, он официально осудил план президента Картера по снижению американского военного присутствия в этой стране. Получив выговор, Синглауб был вынужден уйти в отставку.

Никто не сомневается в личной храбрости Синглауба. Он один из ныне живущих американских офицеров, получивших наибольшее количество знаков отличия. Награжден медалью за безупречную службу, французским орденом, серебряной медалью и дюжиной других военных орденов и медалей. И естественно, ни у кого не возникает вопросов, почему Синглауб участвует в деятельности Всемирной антикоммунистической лиги.

В течение двух лет до совещания в „Маунт Шэдоу“ Синглауб активно участвовал в работе различных международных организаций. В 1980 году он выступил на конференции Антикоммунистической лиги азиатских народов в Тайбэе. В 1981 году там же был наблюдателем на конференции ВАКЛ. В Тайбэе его осаждали руководители лиги с просьбами выступить более активно в поддержку этой организации.

„Они были озабочены тем, — вспоминает Синглауб, — что после неудачных действий Роджера Пирсона американское отделение ВАКЛ практически прекратило свое существование. Они спрашивали меня, не проявлю ли я интерес к созда-

* Операция „Феникс“ привела к гибели десятков тысяч вьетнамцев, в основном гражданских лиц, в том числе женщин и детей. Вопреки письменным свидетельствам некоторых авторов, „Феникс“ осуществлялась не американскими войсками, а подразделениями южновьетнамской полиции, руководимыми американскими офицерами. Тот факт, что американским военным советникам давалась месячная норма „нейтрализации“ вьетконговцев, явился причиной чрезвычайно больших злоупотреблений, допущенных во время операции „Феникс“. — *Прим. авт.*

нию нового отделения. После всестороннего взвешивания этого предложения и консультаций с различными людьми я согласился”.

Из телефонного интервью
одного из авторов с Синглаубом,
4 апреля 1985 года

Созданное Синглаубом новое американское отделение ВАКЛ в отличие от своего предшественника не должно было ограничиваться только консервативными кругами США. „Я организовал группу заинтересованных людей, большинство которых раньше или в данное время имели отношение к национальной безопасности или внешней политике”.

Учреждение нового американского отделения ВАКЛ — Совета США за всемирную свободу было ускорено за счет получения от Тайваня займа в размере двадцати тысяч долларов.

Синглауб сумел привлечь в состав отделения лиги таких влиятельных и уважаемых американских консерваторов, подобных которым раньше никогда не было в ВАКЛ. По мере расширения состава Совета США за всемирную свободу в него вошли многие известные высокопоставленные сотрудники американских военных и разведывательных ведомств. Генерал-лейтенант Даниэль О’Грэм, бывший директор РУМО, стал вице-президентом отделения, подполковник ВВС в отставке Альберт Коэн — казначеем. В консультативном совете отделения заседали генерал Льюис Уолт, бывший командующий подразделениями морской пехоты во Вьетнаме, и Рэй Слипел, полковник ВВС в отставке.

Имея во главе отделения генерала Синглауба — любимца американских консерваторов (они сравнивают его политические взгляды и обстоятельства крушения военной карьеры с генералом Макартуром), Совет США за всемирную свободу мог рассчитывать на привлечение в свой состав лидеров „новых правых” из политических и академических кругов.

В ВАКЛ вернулся Джон Фишер, президент Совета американской безопасности, который был введен в состав консультативного совета нового американского отделения. В работе ВАКЛ вместе с ним участвуют такие известные фигуры, как Говард Филлипс, председатель организации „Консервативный кокэс”, и Энди Мессинг, бывший ее исполнительный директор и нынешний глава Совета национальной обороны. В совет директоров отделения входят Энтони Баускарен, профессор Лемойнского университета, Энтони Кьюбек, профессор Алабамского университета и куратор библиотеки имени генерала Клера Ченнолта, и Фрэд Шафли, адвокат. В составе совета директоров числится также Роберт Морис, бывший главный советник подкомитета сената США по вопросам внутренней безопасности, нынешний председатель Национального комите-

та за восстановление внутренней безопасности и президент университета Плано в штате Нью-Джерси.

Может быть, члены нового американского отделения ВАКЛ в 1981 году не знали о скандальной известности организации, в члены которой они вступили? Нет, это исключено, поскольку за их вступление в отделение лиги ратовали по меньшей мере четыре члена бывшего отделения. Из опубликованных воспоминаний Стефана Поссоны, Льва Добрянского, Джея Паркера и Фрэда Шафли новые члены ВАКЛ могли бы при желании узнать о наличии в лиге антисемитских, фашистских и неонацистских элементов. Если этого недостаточно, то им было известно о том, что профессор Йельского университета Дэвид Роув, как ни странно, тоже вошел в состав нового американского отделения ВАКЛ. В 1970 году, будучи членом исполнительного комитета Американского совета за всемирную свободу, Роув подготовил публикацию, в которой подверг уничтожающей критике председателя Всемирной антикоммунистической лиги Ку Ченкана и вышел из состава совета, когда эта организация вопреки его возражениям стала отделением лиги. Его презрительное отношение к Ку Ченкану не помешало ему, однако, войти в состав нового американского отделения лиги, главой которой продолжал оставаться Ку. Присутствие в новом американском отделении старых членов ВАКЛ, возможно, разоблачает ее больше всего. Как показано выше, в начале 70-х годов члены американского отделения ВАКЛ были хорошо осведомлены о наличии в ВАКЛ преступных элементов. Трудно представить, чтобы эта информация не дошла до руководства нового американского отделения.

Конечно, это не так. Правда, Всемирная антикоммунистическая лига претерпела значительные изменения по сравнению с 70-ми годами. Но в 1981 году восточноевропейские нацисты все еще составляли в лиге мощный блок. „Текос“ оставались доминирующей силой в Мексике. „Унификационная церковь“ продолжала контролировать японское отделение ВАКЛ. С вступлением в ВАКЛ Ближневосточного совета безопасности, в котором доминирующую роль играла Саудовская Аравия, лига стала еще больше антисемитской, антиизраильской. Латиноамериканские отделения лиги с помощью своих „эскадронов смерти“ практически занимались теперь убийством людей, а раньше, в 70-х годах, они об этом в основном только говорили.

Терпимость к таким проявлениям со стороны нового американского отделения не должна никого удивлять, поскольку в его состав наряду с уважаемыми консерваторами и бывшими офицерами армии и разведки входят лица, поддерживающие неонацизм. Например, Энтони Баускарэн работал в 60-х годах в Фонде Уайклиффа Дрейпера, который

стремился доказать генетическое превосходство белых над черными. Баускарен в 1982 году опубликовал свои статьи в издании Роджера Пирсона „Журнал социальных, политических и экономических исследований“ спустя четыре года после того, как в газете „Вашингтон пост“ было разоблачено неприглядное прошлое Пирсона.

Новое американское отделение имело кровных канадских братьев в составе Североамериканской региональной антикоммунистической лиги. Канадское отделение этой лиги — Совет за свободу Канады — контролировалось Ронам Гостиком и Патриком Уолшем, членами антисемитской (неправительственной) организации „Канадиэн интеллидженс сервис“. Кроме того, Уолш подвизался в роли канадского корреспондента американской организации „Либерти лобби“, специализирующейся на ревизии истории. Как бы плохо ни относились руководители Совета США за всемирную свободу, являющегося отделением ВАКЛ в Соединенных Штатах, к деятельности канадского отделения лиги, этого было недостаточно, чтобы предотвратить их встречи на ежегодных конференциях канадцев. Ярый антисемитизм члена „текос“ мексиканского профессора Рафаэля Родригеса не помешал канадцам пригласить его выступить в качестве главного оратора на конференции канадского отделения в 1982 году.

Руководители Совета США за всемирную свободу активно поддерживали деятельность организаций восточноевропейских нацистских пособников (в дополнение к их совместному участию в работе Всемирной антикоммунистической лиги). Генерал Синглауб в 1982 году выступал на конференции Антибольшевистского блока народов в Лондоне и посетил его штаб-квартиру в Мюнхене. Лев Добрянский, назначенный Рейганом послом на Багамских островах, написал хвалебную статью, полностью искажающую историю украинской повстанческой армии, которая была опубликована в октябре 1982 года в „АБН корреспондентс“. В 1983 году Альберт Козн и Джей Паркер выступали на организованном АБН семинаре в Канаде. В 1984 году отставной генерал Даниэль О'Грэм совместно с АБН проводил в Канаде семинар на тему „Звездные войны и новая стратегия Запада“. В 1985 году эти люди оказывали поддержку различным восточноевропейским эмигрантским группам в их нападках на отдел специальных расследований министерства юстиции США за поиск проживающих в США нацистских военных преступников и их судебное преследование. В телефонном интервью с одним из авторов книги генерал Синглауб предупредил, что большая часть информации этого отдела поступает из Советского Союза и „я не думаю, что мы должны широко использовать материалы, предоставляемые КГБ“.

Возможно кто-то придет к выводу, что новое американское отделение лиги не разделяет целей и настроений других скандально известных членов ВАКЛ. Такое заключение было бы, вероятно, неправильным. Наоборот, Совет США за всемирную свободу рассматривает ВАКЛ в качестве инструмента для решения своих собственных международных задач. Даже если в организации имеются антисемиты, военные преступники, „эскадроны смерти“, такими „мелочами“ можно пренебречь во имя достижения более важных целей!

Для Всемирной антикоммунистической лиги создание ее нового американского отделения явилось „даром божьим“, способствующим освобождению этой организации от поразивших ее глубокой зависти и неблагоприятных откликов прессы всего мира. Начиная с 1981 года, считают члены ВАКЛ, она может смотреть в будущее с новыми надеждами. Под руководством генерала Синглауба она перестает быть организацией, которая только „ест, обсуждает и отступает“. Теперь ВАКЛ может претворять свои планы в конкретные действия. На совещании в „Маунт Шэдоу“ Всемирная антикоммунистическая лига добралась до сердца американского консерватизма и привлекла на свою сторону группу влиятельных американских лидеров, жаждущих действий. Если учесть членство этих людей в других организациях „новых правых“, то можно сказать, что с приходом руководителей Совета США за всемирную свободу во Всемирную антикоммунистическую лигу она получила голос во всех основных организациях американского движения „новых правых“. Большинство этих организаций готово оказать американскому отделению, а через него и всей ВАКЛ помощь в проведении совместных операций в Центральной Америке. Они стали действовать как неофициальные посланники администрации Рейгана в деле установления связей с ультраправыми элементами в Гватемале, Сальвадоре и Гондурасе.

„Вестерн Гоулз“

Действуя из странного по архитектуре особняка в Александрии, старинном колониальном городе штата Виргиния, „Вестерн Гоулз“ стремится держать в поле своего зрения „подрывные элементы“ в Соединенных Штатах. „Вестерн Гоулз“ была создана конгрессменом Джоном Макдональдом, покойным председателем Общества Джона Берча, который когда-то назвал Мартина Лютера Кинга человеком, „сочетавшимся браком с насилием“. До своей смерти на борту южнокорейского лайнера „Боинг-007“ в сентябре 1983 года Макдональд был свидетелем необычайного роста влияния „Вестерн Гоулз“. Эта организация продолжает выполнять свои функции, а офис „страдальца“ Макдональда превращен в

своеобразное святое место. В глазах своих друзей — ультраправых Макдональд стал „первой жертвой третьей мировой войны“.

Созданная в 1979 году организация „Вестерн Гоулз“ объединила ультраправых, мечтавших о возрождении времен, когда „подрывные элементы“ находились под жестким контролем. Среди главных попечителей этой организации был Нельсон Банкер Хант — техасский миллиардер, который в 1982 году сделал неудачную попытку прибрать к рукам весь международный рынок серебра. В состав консультативного совета входят генерал Синглауб и еще один член Совета США за всемирную свободу — Энтони Кьюбек. Вместе с ними в состав совета вошли такие консервативные конгрессмены, как Боб Стамп (республиканец от штата Аризона), Филипп Крейн (республиканец от штата Иллинойс), высокопоставленные военные в отставке — адмирал Томас Мурер, генерал Реймонд Дейвис, генерал Льюис Уолт, генерал Джон С. Паттон и такая знаменитость маккартеровских времен, как адвокат Рой Кон.

„Вестерн Гоулз“ не скрывает своих целей: она стремится возродить времена 50-х годов, когда широко практиковалась внутренняя слежка. В одном из ее документальных фильмов — „Факторы подрывной деятельности“ — подробно рассматриваются проблемы внутренней безопасности, которые, по мнению этой организации, досаждают США в последнее время. У „Вестерн Гоулз“ имеется недельная радиопрограмма, передаваемая по всей стране более чем семьюдесятью радиостанциями; она издает журнал новостей и публикует такие монографии, как „Д’Обюссон о вопросах демократии“ и „Война называется миром“. Последняя работа — „вызывающий тревогу рассказ о тех, кто финансирует движение за замораживание ядерного оружия“. Не удовлетворяясь ролью „страдальца“ по прошедшим временам и „плакальщика“ по настоящим, „Вестерн Гоулз“ имеет свою программу и средства для ее осуществления.

„Вестерн Гоулз“ располагает наиболее опытными в США советниками в области марксизма, терроризма и подрывной деятельности. Основываясь на рекомендациях этих известных в стране профессионалов, организация начала компьютеризацию тысяч документов, имеющих отношение к внутренней безопасности нашей страны и защите нашего правительства и институтов от коммунистического проникновения и подрыва“.

Из отчета „Вестерн Гоулз“
за 1981—1982 годы

Такая программа вызвала у „новых правых“ заинтересованность. По сравнению со скромным бюджетом 1980 года на следующий год ее поступления возросли на 500 процентов. Согласно отчету организации, 29 процентов доходов поступили от различных фондов, 14 процентов — от корпораций. В 1983 году бюджет „Вестерн Гоулз“ составлял почти полмиллиона долларов.

Совет за защиту свободы (СДФ)

Называвшийся в период корейской войны Советом против коммунистической агрессии, Совет за защиту свободы является неприбыльной, освобожденной от уплаты налогов организацией со штаб-квартирой в г. Вашингтоне, занимающейся распространением информации о „коммунистической угрозе“. В число ее руководителей входят члены старого и нового американского отделения ВАКЛ (Фред Шварц, Рид Ирвинг, Уолтер Джадд, Маркс Льюис, Лев Добрянский, а также вездесущий Стефан Поссоли). В 1982 году СДФ учредил комитеты по странам, которые „захвачены коммунистами“ или „ведут борьбу с советскими войсками“. Было создано шесть комитетов — по Афганистану, Анголе, Кампучии, Сальвадору, Никарагуа и Вьетнаму. СДФ обратился к лидерам „новых правых“ с призывом войти в состав советов директоров этих комитетов. Для комитета по Анголе они выбрали, например, Стэнтона Ивэнса (главу Национального центра журналистики, радиокomentатора „Вестерн Гоулз“ и автора книг, разоблачающих так называемое проникновение марксистов в католическую церковь), Энди Мессинга (бывшего исполнительного директора „Консервативного кокэса“ и члена консультативного совета американского отделения ВАКЛ) и Хелену Уайт (члена консультативного совета „Вестерн Гоулз“). Предполагалось, что цели этих комитетов будут носить в основном просветительский характер. Однако в скором времени вместо всех этих комитетов была учреждена новая агрессивная организация — Совет США за всемирную свободу.

Совет американской безопасности

Созданный и первоначально финансируемый промышленниками США, выступавшими за проверку законности получения пособий по безработице, Совет американской безопасности со временем стал одной из наиболее влиятельных групп „новых правых“. В состав своего филиала — Коалиция за мир через силу — он сумел привлечь самых известных бывших военных и гражданских лидеров страны. Сопредседателями „коалиции“ являются два бывших высокопоставленных офи-

цера, руководители Совета США за всемирную свободу Синглауб и Грэм, а также бывший председатель Комитета начальников штабов адмирал Томас Мурер из „Вестерн Гоулз“. В состав „коалиции“ входят также такие организации, как „болгарский национальный фронт“ (созданный Иваном Дочевым, болгарским фашистом, заочно приговоренным к смерти за военные преступления), „белорусско-американский комитет“ (возглавляемый Джоном Косяком, работавшим в СС в Минске и разыскиваемым СССР за военные преступления) и „словацкий всемирный конгресс“ (одним из основателей которого является Йозеф Микус, чьей выдачи за военные преступления требует Чехословакия). Все эти организации являются также коллективными членами Всемирной антикоммунистической лиги.

Совет межамериканской безопасности (СИС)

Как Синглауб, так и Энтони Баускарен выступают в качестве консультантов Совета межамериканской безопасности (СИС). Его председателем был избран генерал-лейтенант Гордон Самнер, бывший глава Межамериканского совета по вопросам обороны и бывший специальный советник государственного секретаря по латиноамериканским вопросам. СИС, главная функция которого заключается в опровержении обвинений, касающихся использования „эскадронов смерти“ ультраправыми кругами Сальвадора и Гватемалы, был образован в 1976 году Рональдом Доксаем, еще одним бывшим членом Американского совета за всемирную свободу. Исполнительным вице-президентом СИС стал Линн Баучи, активный деятель „унификационной церкви“ и КАУЗА в Южной и Центральной Америке. В лице СИС Всемирная антикоммунистическая лига, особенно ее латиноамериканские отделения, нашла в Вашингтоне влиятельного помощника: в 1980 году Синглауб и Самнер во время поездки в Гватемалу заверяли ультраправое правительство этой страны, что в связи с предстоящим приходом к власти в США Рональда Рейгана „помощь им уже на подходе“.

„Консервативный кокэс“

Образованный в 1975 году Говардом Филлипсом и Ричардом Вигери „Консервативный кокэс“ является еще одной организацией „новых правых“, имеющей общее руководство с американским отделением Всемирной антикоммунистической лиги. Председатель „кокэса“ Филлипс и его бывший исполнительный директор Энди Мессинг входят в состав консультативного совета американского отделения ВАКЛ. Активное участие в деятельности „кокэса“ принимает Джон

Синглауб. В частности, с апреля 1983 года он участвовал в работе семинара по стратегии обороны. В начале 80-х годов руководители „кокэса“ активно проводили кампанию против разоблачения преступлений „эскадронов смерти“. Совсем недавно Мессинг выступал в качестве посредника в кампании „новых правых“ за предоставление частной помощи „контрас“, развернувших борьбу с левым никарагуанским правительством. Хотя участие одних и тех же лиц в руководящих органах нескольких организаций „новых правых“ кажется странным, но в этом нет ничего предосудительного. Такое нередко случается и в организациях либерального толка. Указание фамилий известных деятелей на бланках официальных писем помогает, например, кампании по сбору средств и создает у их получателей впечатление, что данная организация поддерживает тесные связи с влиятельными людьми. Во многих случаях, когда влиятельное лицо соглашается стать почетным председателем или войти в состав консультативного совета какой-то организации, это говорит лишь об уровне взаимоотношений. Такое лицо может участвовать в ежегодных собраниях этой организации, выступать на семинарах, и на этом его функции заканчиваются. Однако не такие функции у указанных выше лиц.

Бывает и так, что, несмотря на известнейшие имена и оптимизм в отношении достижения объявленных целей, многие ориентированные на решение политических вопросов организации тратят основную часть своего времени на рассмотрение ничего не значащих дел, как-то: выпуск пресс-релизов (которые игнорируются прессой), включение статей во вспомогательные разделы протоколов заседаний конгресса (которые никто не читает) или организацию семинаров (которые никто не посещает). Почти с полной уверенностью можно сказать, что организации, подобные „Вестерн Гоулз“, поставившей задачу „перестроить и укрепить политическую, экономическую и социальную структуру США и западных цивилизаций“, влияют на законодательный процесс в США гораздо меньше, чем, например, такая организация, как Американская ассоциация гальваников.

Но если кто-то будет рассматривать американский законодательный процесс с точки зрения влияния на него этих ультраправых организаций, тот впадет в непростительную ошибку. Правые просто „поставили крест“ на американской системе. Они тяготеют к демократической форме правления: по их мнению, конгресс заполнен обструкционистами, средства массовой информации контролируются либералами. В правительстве, утверждали они, доминируют левые, президент Рейган не является „истинным консерватором“. Для них пришло время действий: если они не могут прибрать к своим рукам функционирующее сейчас правительство,

они сформируют свое собственное, будут проводить свою внешнюю политику, находить в мире своих союзников. Наряду с этим они будут оказывать помощь „борцам за свободу“ за границей и вести досье на внутренние „подрывные элементы“.

Это стремление „новых правых“ реализовать свой собственный политический курс, без каких-либо ограничений со стороны администрации, приводит некоторых к убеждению, что все это делалось с согласия президента. Конечно, администрация Рейгана иногда находила полезным использовать эти группы, но „союз“ был довольно шаток. Очевидно, главным мотивом к „созданию невидимого правительства новых правых“ являлось широко распространенное у ультраправых неудовлетворение действиями Рейгана и понимание того, что, если они не могут полагаться на Рейгана, самого консервативного президента за последние пятьдесят лет, в деле проведения основанной на антикоммунизме внешней политики, тогда им вообще положиться не на кого. Несмотря на данное в избирательной кампании 1980 года обещание „ужесточить“ отношения с Советами, Рейган, говорили они, до сих пор торгует с ними, терпит существование кастровской Кубы и оказывает антикоммунистическим повстанцам Аргентины и Никарагуа совершенно неадекватную помощь.

Ультраправые рассматривали Рейгана как свою последнюю, лучшую надежду, считали, что после него не будет ни одного человека, имеющего какие-то шансы победить на выборах и кто стал бы проводить их политику. Поэтому, если Рейган „выдохся“, пришло время проводить такую политику самим.

И ультраправые стали это делать. Несмотря на то что США понизили уровень своих дипломатических отношений с Тайванем, Совет США за всемирную свободу и его союзники из числа „новых правых“ все делают для того, чтобы Гоминьдан сохранил свое влияние. Несмотря на сокращение американской помощи никарагуанским „контрас“, они продолжают получать значительную поддержку от частных американских консервативных групп. Несмотря на рост осуждающих апартеид настроений у американского народа и деятелей обеих политических партий, журналисты, священнослужители из числа „новых правых“ и их фонды выступают в защиту Южной Африки. И несмотря на запрет для ФБР брать под наблюдение людей только за то, что они относятся к левым, и несмотря на расформирование таких правительственных ведомств, как комитет палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, ультраправые продолжают свои операции против „внутренних подрывных элементов“ через такие частные организации, как „Вестерн Гоулз“.

Во всех этих делах американское отделение Всемирной антикоммунистической лиги играет ключевую роль. Взяв на вооружение ее кредо — широко использовать „нетрадиционные методы ведения войны“, — новое американское отделение ВАКЛ объединило разрозненные правые группы, мобилизовав их на „тотальную войну“ против коммунизма.

„Новые правые“ при осуществлении своей деятельности иногда сталкиваются с трудностями. В 1984 году Американский союз за гражданские свободы подал в суд на отдел гражданских беспорядков лос-анджелесской полиции, который вел досье на таких „возможных врагов“ государства, как первая унитарная церковь и Национальный союз адвокатов. В гараже одного из офицеров полиции, Джея Поля, было обнаружено большое число полицейских отчетов, которые он сводил в необходимые для ввода в ЭВМ формы и направлял „Вестерн Гоулз“ в Александрию. Исполнительный директор „Вестерн Гоулз“ в конце концов возвратил большинство документов калифорнийскому суду, добившись в результате переговоров „освобождения от судебного преследования“*.

Располагая такими влиятельными связями в среде „новых правых“, новое американское отделение ВАКЛ смогло играть важную роль в Центральной Америке. В Гватемале, Сальвадоре, Гондурасе Совет США за всемирную свободу призвал к использованию „нетрадиционных методов ведения войны“ в таких масштабах, на которые не могло или не хотело пойти американское правительство.

* Как выяснилось на процессе Джея Поля, кроме полиции, „Вестерн Гоулз“ получала информацию от таких частных корпораций, как „Экссон“ и „Секьюрити пасифик бэнк“. — *Прим. авт.*

Глава 14

ГВАТЕМАЛЬСКИЙ „КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ“

Я признаю, что партия Движение национального освобождения (МЛН) проповедует организованное насилие. А организованное насилие — это энергия, подобно тому как организованный цвет — это пейзаж, организованный звук — это музыкальная гармония. В организованном насилии нет ничего плохого, это энергия. МЛН — это движение, это энергичная партия, которая смело вступает в конфронтацию со всеми, кто стремится нарушить порядок в нашей стране.

*Леонел Сиснега Отеро,
функционер МЛН, 1980 год*

„Ее зовут Суки, — проворчал старый человек, поглаживая пуделя по голове. — Это другая, молодая Суки. Когда одна умирает, мы берем другую и называем ее тоже Суки“.

Марио Сандоваль Аларкон улыбнулся, глядя на маленькую собачку. Находившиеся в комнате последовали его примеру. Это могла бы быть трогательная сцена, если бы не было известно, что большинство из находившихся в помещении людей никогда не расстаются с автоматами, а старый, ласкающий пуделя человек является создателем гватемальских „эскадронов смерти“, которые за последние два десятилетия уничтожили десятки тысяч своих сограждан.

Окружавшие Аларкона вооруженные люди не были его телохранителями, как не было их ни во дворе, ни на крыше этого дома-крепости. Их скорее можно было назвать политическими советниками МЛН, партии, основанной Аларконом в 50-х годах.

Прозванный своими друзьями и сторонниками Мико (Обезьяна), Сандоваль, все еще крепкий и дородный мужчина, имеет очень большое влияние в гватемальских политических кругах. Он выставлял свою кандидатуру на пост президента страны*. Мико — это будущее Гватемалы, заметил один из его „загипнотизированных сторонников“.

Сандоваль — это не только настоящее, но и прошлое страны. Являясь главой МЛН, он в течение двадцати лет насаждал террор в Гватемале. Руководимые им МЛН и „эскадроны

* В ноябре 1985 года Сандоваль потерпел поражение на выборах. Президентом Гватемалы стал христианский демократ Винисио Сересо Аревало. — *Прим. авт.*

смерти" обвиняются в убийстве тысяч гватемальцев, в том числе сотен политических деятелей из числа христианских демократов, десятков либеральных священников и даже королевы красоты — „мисс Гватемала“.

О Марио Сандовале Аларконе ходят десятки легенд. Другая из Всемирной антикоммунистической лиги величают его „одним из самых известных борцов-антикоммунистов“. Другие называют его фашистом. „Я, возможно, мог бы согласиться со словом „фашист“, — заявил Сандоваль французскому репортеру в 1981 году, — но только в историческом смысле этого слова“ (газета „Монд“, 23—25 января 1982 года).

Недрузья называют Сандовала „отцом смерти“ (рак гортани заставляет его использовать специальное электронное устройство, что делает голос похожим на голос робота). Эта кличка, однако, наилучшим образом раскрывает ту главную роль, которую сыграл этот старый человек в кровавой истории Центральной Америки.

Сандоваль не мог удовлетворить свое тщеславие кровавыми акциями, которые он осуществлял в Гватемале. В начале 80-х годов он помог создать аналогичный аппарат, сеющий смерть, в Сальвадоре и Гондурасе. Оказываемая Сандовалем помощь в развертывании глобальной борьбы с коммунизмом и его конкретные действия снискали ему восхищение со стороны лидеров „эскадронов смерти“ всей Центральной Америки. Для них он стал „крестным отцом“.

Гватемала является наиболее экзотической страной Центральной Америки. Тропические джунгли, красивые горные озера, высоченные вулканы характерны для этих мест. В джунглях сохранились еще остатки сооружений индейцев племени майя. Местные жители сберегли большую часть своей древней культуры. Они до сих пор поклоняются языческим богам.

Гватемала — страна мечты и кошмаров. Ни одно государство Западного полушария даже не приближается к тем масштабам жестокости, которая царит здесь. Ее можно сравнить лишь с Угандой времен Амина или полпотовской Камбоджей. Разница лишь в том, что погромы в Гватемале затянулись на более долгий срок. Там развернулась тотальная война, и политика „выжженной земли“ продолжается так долго, что из всех центральноамериканских измученных войнами республик именно Гватемала вызывает ужас у журналистов и дипломатического корпуса и у самих гватемальцев*.

* Иногда такое положение создает даже грустные шутки. Гватемальцы из разных политических кругов рассказывают историю (и смеются над ней) об одном фермере, который, проснувшись утром, обнаружил на своем участке двадцать шесть тел. Вызванная им полиция обвинила его в том, что он использует частное кладбище, не имея на то официального разрешения. — *Прим. авт.*

Для индейского крестьянина, обрабатывающего свой крохотный участок земли и ютящегося в хижине без электричества и водопровода, время, кажется, остановилось или пошло даже вспять к периоду его древних предков. В Гватемале действует экономическая система, не отличающаяся от средневекового феодализма: рабочий класс находится в эмбрионном состоянии; проживающие в страшной нищете массы создают невообразимые богатства для кучки семей. В политическом отношении это страна, в которой крупные землевладельцы по образу жизни не отличаются от своих предшественников в Европе тринадцатого века: имеют собственные армии, поддерживают тесный союз с военными для сохранения своего контроля над страной. С помощью террора они удерживают крестьян под своей властью, организуют из них охранные банды и мобилизуют их для поддержки своих кандидатов во время выборов.

„Проблема заключается, — по словам бывшего консервативного гватемальского генерала, — во всей структуре государственной власти. Не имеет большого значения, гражданское или военное правительство находится у руля, потому что реальная власть всегда в руках военных, которые поддерживают земельную олигархию. Нет легальных каналов для выражения своих настроений, поэтому нет консенсуса, характерного для демократии. Для фингерос (владельцев больших кофейных плантаций) это означает свободу предпринимательства, продолжение господства олигархии, а не право масс на свободное волеизъявление или создание профсоюзов. Эти люди живут в совершенно другой эпохе, возможно, сто или сто пятьдесят лет назад”.

Отвечая на вопрос одного из авторов книги о возможных путях изменения этой системы, бывший генерал, подумав, заметил: „Единственный путь — это организовать переворот. Затем всех генералов, всю олигархию, эти триста человек, которые фактически управляют страной, необходимо собрать вместе, объявив, например, что собираетесь сформировать действительно антикоммунистическое правительство. Когда все они соберутся в одном помещении, вы открываете по ним огонь. Для введения изменений в Гватемале необходимо убить эти триста человек”.

Гватемалец может попасть под подозрение солдата, полицейского, информатора и, наконец, члена „эскадрона смерти” за вполне невинные действия. Обучение в вечерней школе, рытье колодца, чтобы жители деревни могли пить чистую воду, попытки ликвидировать неграмотность — все это „подрывные акты”, за которые гватемальца могут убить.

„Жертвы, — писал репортер Алан Наирн, пытаясь выделить некоторые причины убийств, — это в основном студенты, священники, профсоюзные вожаки, журналисты, учителя, активисты-крестьяне, члены и лидеры оппозиционных партий”.

„Что вы носите с Гватемалой? — предупредил одного из авторов книги сальвадорский ультра. — Ее жители даже не понимают, что такое права человека. Если вы будете говорить с этими людьми о социальных изменениях, они только посмеются над вами. Если вам необходимо избавиться от кого-то, достаточно пойти в армейское подразделение или группу специальных операций и сообщить свои обвинения в его адрес. И дело будет сделано. Много доказательств не потребуется”.

Как правило, власти действуют грубо. 18 октября 1978 года Секретная антикоммунистическая армия (ЕСА) передала для прессы Гватемалы список так называемых обреченных на смерть лиц. В этом списке был и Оливеро Кастаньеда де Леон, президент ассоциации студентов университета. Через три дня на оживленной улице в центре города Гватемала Кастаньеда был убит выстрелами из проходившей машины с официальными полицейскими номерами. Когда он, умирающий, лежал на обочине дороги, по нему продолжали стрелять из трех проходивших машин и с мотоцикла.

Гватемале в основном удалось избежать всеобщего внимания к себе и осуждения. За пределами страны, в том числе и в США, мало что известно о непрекращающейся там войне. Одной из причин этого, возможно, является „нечистая совесть” американцев, поскольку причина событий в Гватемале кроется в американском вмешательстве в дела страны с 50-х годов. Фактически большая часть лиц, виновных в создавшемся положении, в том числе Марио Сандоваль Аларкон (и его МЛН), были вскормлены и выдвинуты на руководящие посты Центральным разведывательным управлением США.

В начале 50-х годов гватемальский президент Гусман Арбенс, имевший левые взгляды, стал объектом нападков со стороны администрации Эйзенхауэра, которая объявила его правительство прокоммунистическим. Эти обвинения достигли своего пика, когда режим Арбенса национализировал железные дороги и порт на Атлантическом побережье, принадлежавшие могущественной американской „Юнайтед фрут компани”, являвшейся самым большим землевладельцем в Гватемале. Как сегодня американская разведка помогает никарагуанским „контрас”, так и тогда ЦРУ организовало в Гондурасе „гватемальские силы в изгнании”. Финал наступил, когда правительство Гватемалы закупило оружие у Чехословакии, что было использовано как доказательство, что Арбенс присоединился к социалистическому лагерю.

Поддерживаемые ЦРУ полувоенные формирования, называвшиеся „армией освобождения“ вторглись в Гватемалу. Роль „освободителя“ играл платный агент ЦРУ полковник Кастро Кастильо Армас. После вступления в Гватемалу и смещения Арбенса Армас объединил своих сторонников в одну организацию, которая впоследствии стала официальной правительственной партией (Националистическо-демократическое движение — МДН).

Вторжение, организованное американцами в 1954 году в Гватемалу, вывело Марио Сандовалья Аларкона на политическую арену. Активный сторонник Кастильо Армаса, Сандоваль был вознагражден за участие в последовавших за вторжением событиях постом личного секретаря „освободителя“. Это было началом его восхождения к завоеванию позиций „главного антикоммуниста нации“.

12 июля 1954 года, который был объявлен „днем антикоммунизма“, Кастильо Армас говорил своим согражданам:

„Армия нанесла коммунистам сокрушительный удар. Но их идеи все еще не выбиты из сознания некоторых наших сограждан. Началась битва, тяжелая схватка, которая требует, чтобы мы призывали каждого стать солдатом антикоммунизма. Выкорчевывать идеи наших противников — это не значит наказать каждого рабочего и честного крестьянина. Они найдут во мне своего лучшего друга и защитника. Мой непоколебимый дух справедливости будет для них наилучшей гарантией“.

Газета „Импарсиаль“,
13 июля 1954 года

Несмотря на данные Кастильо Армасом гарантии сохранения свободы, 1954 год ознаменовал конец гватемальской демократии и начало длительного периода санкционированного правительством террора.

Когда в 1957 году Армас был убит в своем дворце, правая фракция его сторонников создала партию МЛН. Сандоваль стал новым лидером партии. Леонел Сиснега Отеро, который от имени Кастильо Армаса вел тайные радиопередачи в предшествующий вторжению американцев период и который позднее назвал МЛН „партией организованного насилия“, стал правой рукой Сандовалья. В соответствии со своими политическими воззрениями МЛН приняла средневековую эмблему — скрещение меча и креста.

Используя МЛН, Сандоваль и Сиснега осуществляли антикоммунистические акции, к которым призывал Кастильо Армас.

В 1960 году группа молодых армейских офицеров, недовольная коррупцией правительственных кругов, подняла мятеж, который был подавлен. Оставшиеся в живых ушли в горы восточной провинции Закапа для продолжения борьбы. Партизанская борьба идет и поныне.

В 1966 году полковник Карлос Аранья Осорио был поставлен во главе подразделений, направленных на подавление партизан, насчитывавших всего несколько тысяч человек. Однако выследить их в горах было чрезвычайно трудно. Тогда Аранья обратился к организациям, которые, как он знал, окажут ему необходимую помощь.

Сандоваль начал создавать в Гватемале политические полувоенные формирования по гоминьдановскому образцу, которые как нельзя лучшегодились полковнику Аранья.

При поддержке военных властей члены МЛН и лояльные ей бывшие солдаты стали назначаться в деревни в качестве политических функционеров. Эти лица следили за каждым, у кого проявлялись „подрывные тенденции“: от поддержки партизан до высказывания враждебных МЛН взглядов, споров с политическим лидером деревни. Результат всегда был одним и тем же: кто шел наперекор лидеру, в отношении того „творили справедливый суд“ или полувоенные группы МЛН, или военные, или и те и другие вместе. Их смерть приписывалась мистической „Белой руке“.

Наличие отрядов карателей в составе МЛН признал в 1985 году американский дипломат, находившийся ранее в Гватемале.

„Очевидно, большая часть сторонников МЛН находилась в рядах этих полувоенных формирований. Из них выросли „эскадроны смерти“, о которых вы слышали“.

Из интервью
американского дипломата
одному из авторов.
Гватемала сити, апрель 1985 года

В конце 60-х годов МЛН перенесла свои действия из провинций в города. Объектами ее операций стали студенты, учителя, все, кто ранее был связан с правительством Арбенса и остался в стране. Одной из приписываемых МЛН акций было похищение консервативного гватемальского архиепископа Марио Касарьегоса. Архиепископ в конечном счете был освобожден. В качестве своих похитителей он назвал руководящих деятелей МЛН. Мотивом для его похищения было намерение властей свалить вину за это на партизан и тем самым оправдать участие МЛН в кампании по подавлению недовольных.

Инцидент с архиепископом преподавал МЛН один очень важный урок: никогда не освобождать арестованных. С этого

момента только очень небольшая часть людей, захваченных „Белой рукой“, оставалась в живых.

Сандоваль никак не пострадал. С помощью отрядов карателей и при секретной поддержке специальных подразделений американских ВВС, а также советников подразделений „зеленых беретов“ США полковник Аранья Осорио подавил восстание в Закапе. Было убито от трех до десяти тысяч партизан. Осорио получил кличку „мясник Закапы“. Такая кличка могла отрицательно сказаться на карьере офицера, только не в Гватемале. Аранья был представлен к чину генерала, провозглашен героем страны. Он даже выставил свою кандидатуру на президентских выборах 1970 года и одержал победу.

В благодарность Сандовалю, который помог ему завоевать известность в партии, поддержавшей его на выборах, Аранья назначил его председателем Национального конгресса.

После прихода к власти Араньи и „законного“ вхождения Сандовалья в состав руководства конгресса страны тайваньская „модель“ получила в Гватемале свое полное воплощение. Политическая партия (МЛН) и ее „эскадроны смерти“ помогли военным властям в кризисный период. Для улучшения координации совместных усилий Аранья включил полувоенные формирования МЛН в состав армии. А поскольку военные правили страной, это означало, что „эскадроны смерти“ действуют с санкции правительства, являясь фактически его орудием.

„Люди спрашивают, контролирует ли армия „эскадроны смерти“, — гватемальский политический аналитик невесело улыбнулся. — „Эскадроны смерти“ — это армия. В 1982 году Риос Монтт (тогдашний президент Гватемалы) обещал положить конец убийствам. Он дал приказ армии, и на следующий же день все бесчинства прекратились. Что случилось, по вашему мнению? Вы думаете, „эскадроны смерти“ получили приказ по почте? Нет, они оставались в своих казармах“.

Из интервью одному из авторов,
Гватемала сити, март 1985 года

„Мой личный опыт говорит о том, — заявлял бывший гватемальский генерал, — что, если армия скажет нет, полувоенные формирования прекратят свое существование. Всеми ими руководят одни и те же люди. Я думаю, что регулярная армия, особенно молодые офицеры, настроены против этих групп, но над ними стоят старшие офицеры, и поэтому ничего нельзя сделать“.

Один экономист из Гватемалы согласился на беседу с автором книги только после заверений в том, что она останется анонимной. Гватемала сити в 1985 году все еще был очень

опасным местом для откровенного разговора. В течение недели, когда готовилось это интервью, два университетских профессора были застрелены на улице. Несколько активистов борьбы за права человека были похищены, подвергнуты пыткам и убиты. Экономист, сам чудом избежавший насилия, принесшего в течение последних двух десятков лет смерть десяткам его друзей и коллег, заявил, что именно в 70-х годах, когда Сандоваль являлся председателем Национального конгресса, „эскадроны смерти“ начали действовать открыто, не боясь наказания. Руководители МЛН не только координировали налеты „эскадронов смерти“, но и сами участвовали в них. „Оливьеро Кастаньеда, вице-председатель конгресса при Сандовале, являлся одновременно одним из высших руководителей МЛН, опекал несколько подразделений „эскадронов смерти“ в Гватемала сити“. Экономист лично знал две жертвы Кастаньеда. Он беседовал с их женами, которые опознали Кастаньеда в руководителе банды, похитившей их мужей. Один из похищенных был убит, другого удалось спасти. Спас его родственник, который служил в армии, и, узнав о случившемся, добился его освобождения. Этот человек сейчас живет в Мексике, и он заявил, что Кастаньеда был в числе тех, кто пытал его.

Выборы 1974 года вознесли Мико на более высокие ступени власти. Вперед сначала вышел кандидат от христианских демократов генерал Эфраин Риос Монтт, но Сандоваль мобилизовал свои банды для предотвращения его прихода к власти.

„Мы выиграли, — заявил Луис Мартинес Монтт, еще один руководитель христианских демократов, — но сделали ошибку, выдвинув Риоса Монтта в качестве нашего кандидата. Когда Сандоваль создал из крестьян армию в тридцать пять тысяч человек, грозил организовать марш на город и устроить там беспорядки, Риос Монтт согласился занять дипломатический пост в Испании, вместо того чтобы выступить против военных. Мы должны были знать, что против своих он не пойдет“.

Власть захватил полковник Кьелл Лаухеруд, представитель уходящего с поста президента Араньи. Сандоваль был назначен вице-президентом. „Мико — неистовый человек, — продолжал Луис Мартинес, — который считает, что следует силой заставить замолчать тех, кто не разделяет его взглядов“.

Это было смелое заявление со стороны христианского демократа, так как более трехсот пятидесяти функционеров этой партии были убиты за предшествовавшее десятилетие и в большей части вина за это падает на МЛН.

Во время правления Лаухеруда—Сандовалья (с 1974 по 1978 год) „эскадроны смерти“ получили полную свободу действий. „Появились большие тайные кладбища, масса общих могил, — заявил находившийся в Гватемале политический деятель от оппозиционной партии. — Правительство говорит, что это дело рук повстанцев. Но это не так. Это работа Сандовалья“, — он сплюнул, произнося по слогам фамилию лидера МЛН.

Во время пребывания Сандовалья на посту вице-президента Гватемалы с Тайванем были установлены тесные отношения.

В качестве одного из руководителей Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации и Всемирной антикоммунистической лиги Сандоваль совершал многочисленные поездки на Восток. На Тайване его обхаживали лидеры чанкайшистов. От пятидесяти до семидесяти гватемальских офицеров были направлены в Пейтоу для прохождения курса подготовки по вопросам ведения политической войны. Курсы в тайваньской академии, обучение на которых велось на испанском языке, соответствовали гватемальским требованиям и способствовали продвижению по службе: поехавшие на Тайвань майоры возвращались подполковниками. Хотя обучавшимся шла полная армейская зарплата, Тайвань возмещал основную часть стоимости авиабилетов и квартирные расходы в течение всего периода обучения.

Обучение офицеров в Пейтоу приносило Сандовалю и политические выгоды. Хотя офицеры на курсы в Пейтоу набирались из всех родов войск, окончательное решение об их направлении входило в прерогативы военной разведки, большая часть сотрудников которой являлась членами МЛН, то есть сторонниками Сандовалья. Это означало, что кандидатуры слушателей на курсы академии утверждались „партией организованного насилия“. После их возвращения и повышения по должности или в звании они пополняли число сторонников Сандовалья во всех войсковых подразделениях.

Наиболее влиятельным гватемальским офицером в цепочке Тайвань—Сандоваль был в начале 70-х годов полковник Элиас Рамирес. Отвечая за безопасность столичного района, Рамирес поддерживал контакты с персоналом тайваньского посольства в Гватемале, которое формировало направляемые на Тайвань группы офицеров. Он также являлся одним из командиров столичных „эскадронов смерти“ и, очевидно, поэтому в 1976 году был убит партизанами.

Для тайбэйского режима курсы подготовки имели то положительное значение, что после их окончания гватемальские военные были настроены в его пользу. Франциско Виллагран-Крамер, вице-президент Гватемалы конца 70-х годов, вспоминает, к каким результатам привели его попытки укрепить отношения с Китайской Народной Республикой.

„Мы договорились с КНР о поставке определенных товаров, но неожиданно все сорвалось. Позднее я выяснил, что многие наши генералы высказались против сделки. Они не хотели делать ничего, что могло бы обидеть тайваньцев“.

Из интервью Крамера
одному из авторов,
март 1985 года

В данном случае „гватемальский гоминьдан“ оказал свое „бесшумное“ влияние.

Для правления Лаухеруда—Сандовалья характерен разгул террора в Гватемале. Стало обычным видеть сыщиков с автоматами, разъезжающих по городу в джипах без номерных знаков. „Так, например, торговая палата, — заявил один из гватемальских эмигрантов, — просила своих сотрудников подготовить список лиц, от которых они хотели бы избавиться. Данный список был передан в военную разведку или шефу полиции Чупине Барахону“. У этого эмигранта действия „эскадрона смерти“ вызвали особое негодование, так как он считает, что именно эта банда убила его брата, известного политического деятеля.

„Именно „эскадроны смерти“ приказали это сделать. На совещании, где решался вопрос о брате, присутствовали шеф полиции полковник Чупина и начальник штаба армии генерал Кансинос Барриос. Позднее они прислали свои соболезнования и цветы на могилу. Один из них сказал мне: „Действительно, мы слишком плохо обошлись с вашим братом. Нам было трудно принять такое решение, но он стал заниматься подрывной деятельностью“.

Массовые убийства в Гватемале вызывали резкое осуждение со стороны президента США Джимми Картера. Он стал резко критиковать правительство Лаухеруда за грубейшие нарушения прав человека и предупредил, что в случае их продолжения США введут торговые санкции.

Но гватемальское правительство запугиваниям не поддавалось; в 1977 году оно нанесло Картеру „удар кулаком“, отказавшись от всех американских военных программ. Имея других союзников (Тайвань) и других поставщиков оружия (например, Израиль), Лаухеруд мог обходиться и без США.

Гватемальский вице-президент (Сандоваль) разделял эту самодовольную оценку. „У нас проблем с Картером нет, — вспоминает слова Сандовалья его помощник. — Наша проблема — это убивать две сотни коммунистов в неделю“.

В 1978 году власть Сандовалья несколько пошатнулась. Ему пришлось переключиться с убийств на наведение порядка в своей партии МЛН. „Во время пребывания в конгрессе и на должности вице-президента страны Мико не испытывал

недостатка в деньгах для финансирования своих формирований. Однако выборы 1978 года он проиграл, поскольку поставил не на того кандидата, — заявил один из его приближенных. — Он пошел против армии, кандидатом которой был генерал Р. Лукас Гарсия”.

Следуя гватемальским традициям, результаты выборов были сфальсифицированы так, что Гарсия „победил”. Находясь в оппозиции, Сандоваль прибег для получения денег к тактике мафиози. „Он разрешил вожакам своих банд заниматься грабежами и похищением людей, — заявил богатый гватемальский политик, хорошо знавший шефа МЛН. — Якобы от партизан он посылал угрожающие письма в адрес богатых фингерос (владельцев кофейных плантаций), и на следующий день за деньгами приходил или Леонел Сиснега, или Рауль Пиварал (племянник Сандовалья)”.

„В спортивном клубе, членом которого я был вместе с большинством богатых фермеров, в ходу была такая шутка. Члены клуба обычно спрашивали друг друга: „Ты разрешил свои проблемы с партизанами?” Следовал ответ: „Да, ко мне приходил Сиснега”.

Таковыми действиями, направленными против тех богатых землевладельцев, которые составляли основу МЛН, Сандоваль оттолкнул от себя многих потенциальных сторонников из числа правящей элиты. Его ранее монолитная МЛН распалась на несколько небольших группировок. Частично этот раскол явился результатом разных мнений относительно масштабов применения насильственных методов.

Сандоваль боролся с этим „разложением” своими испытанными методами. Один из бывших сторонников Сандовалья вспоминает следующий разговор с патриархом правых. „Однажды Мико сказал мне, что все проблемы либеральных партий возникают потому, что они не могут контролировать своих сторонников. А я умею это делать. Я или покупаю, или убиваю их. Они это знают и поэтому подчиняются мне”.

И действительно, Сандоваль убивал своих сторонников. Согласно исследованиям нескольких гватемальских аналитиков, его усилия по сохранению позиций лидера ультраправых стоили жизни многим руководителям МЛН. В числе убитых Оливьеро Кастаньеда, бывший заместитель Сандовалья в Национальном конгрессе, и Рауль Лоренсо, один из лидеров партии, он участвовал в похищении архиепископа Касарьегоса.

Сандоваль распространял свое влияние и за пределы страны. Так как было невозможно получить руководящий пост в своей стране после истечения срока вице-президентских полномочий, Сандоваль пытался расширить свою политическую базу посредством интернационализации МЛН, то есть создания сети организаций, которую один гватемальский по-

литический деятель назвал „международным антикоммунистическим союзом“.

„В конце 70-х годов, — вспоминает один консервативный гватемальский журналист, — Сандоваль стремился получить помощь из-за границы. И он получил ее. В основном от Тайваня. Лидеры МЛН часто туда ездили, консультировались относительно методов проведения психологической войны, получали деньги. Правые группы Соединенных Штатов и Европы также оказывали помощь“. В данном случае этот журналист имел в виду организации, входившие в состав Всемирной антикоммунистической лиги.

Являясь главой гватемальского отделения ВАКЛ, Сандоваль включал в состав делегаций на конференции лиги функционеров МЛН, в частности Карлоса Миденса Пиварала, своего родственника, и Хектора Андрейда, своего секретаря. Будучи одним из лидеров Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации, Сандоваль укреплял связи с военными режимами и правыми группировками других стран. Главными из них были военные правительства Тайваня, Парагвая, Аргентины, Чили и группы „новых правых“ Соединенных Штатов.

Они оказывали помощь Сандовалю и его МЛН и после 1978 года. Используя свое членство во Всемирной антикоммунистической лиге, Сандоваль помог создать группировку „эскадронов смерти“ в Сальвадоре, которые по своему строению и действиям являются копией МЛН. Он продолжал оставаться главой латиноамериканского преступного мира. Его союзники, особенно американские „новые правые“, помогли в 1979 году „реабилитировать“ как Гватемалу, так и Сандовалю.

К 1979 году все больше увеличивалось число жертв гватемальских „эскадронов смерти“. Их действия направлялись армией, шефом полиции полковником Германом Чупина Барахоном (по приказу президента страны Лукаса Гарсия), министром внутренних дел полковником Дональдом Альваресом Руисом* и группой высокопоставленных генералов.

В преступлениях участвовали и гватемальские бизнесмены. Они составляли списки лиц, от которых хотели избавиться, и передавали их правительству. За оказанные „услуги“ бизнесмены платили.

Несмотря на осуществляемый „эскадронами смерти“ Гватемалы международный террор, консервативные круги Соединенных Штатов встали на защиту гватемальского правительства. „Политика администрации Картера состояла в том, чтобы дестабилизировать правительство Лукаса, — заявил

* Руис впоследствии перебрался в Майами, где стал руководить таксомоторной компанией. — *Прим. авт.*

отставной генерал Гордон Самнер репортеру Аллану Наирну. — И за это ему нет извинений. Потому что это правительство было избрано народом”.

В декабре 1979 года в Гватемалу прибыла делегация Совета за американскую безопасность. Во главе нее стояли отставные генералы Джон Синглауб и Даниэль Грэм, которые стали руководителями американского отделения Всемирной антикоммунистической лиги. Никакой тайны из этого визита не делалось: в беседе с президентом Лукасом Гарсия Грэм обещал повлиять на Рейгана, если тот будет избран, с тем чтобы возобновить военные связи с Гватемалой.

Визит этой делегации подтвердил самые дурные предчувствия гватемальских ультраправых относительно действий администрации Картера. Редактор ежедневной газеты гватемальской столицы „Импарсиаль” заявил в своей статье, что, „по мнению делегации Синглауба—Грэма, государственный департамент и Белый дом наводнены людьми, сочувствующими левым подрывным элементам не только в этой части мира, но, возможно, и в других”.

В этой статье высказывались и надежды ультраправых. „Одно высокопоставленное гватемальское официальное лицо, встречавшееся с Синглаубом и Грэмом, а позднее обсуждавшее последствия этого визита со своим правительством и военными коллегами, заявило, что „смысл визита ясен. Рейган признает, что придется проделать большой объем „грязной работы”. Рекомендации советников Рейгана и их многообещающие заявления были в течение нескольких дней темой разговора официальной Гватемалы”. После визита Синглауба—Грэма число жертв „эскадронов смерти” в Гватемале резко увеличилось.

В телефонном интервью с Алланом Наирном Синглауб защищал целесообразность своей поездки в Гватемалу.

„Синглауб сказал, что на него произвели „чрезвычайное впечатление” отчаянные попытки режима Лукаса содействовать соблюдению прав человека, и выражал сожаление по поводу того факта, что Соединенные Штаты не поддерживают гватемальское правительство и создают у народа страны впечатление, будто с их правительством что-то не так. Синглауб выразил симпатии к „эскадронам смерти”, заявив, что нежелание администрации Картера поддержать стремление режима Лукаса покончить со своими врагами „вынуждает тех, кто предан идее сохранения системы свободного предпринимательства и прогресса в политическом и экономическом развитии, взять дело в свои руки”.

Из книги Аллана Наирна
„Противоречивая кампания Рейгана”

За поездкой Синглауба—Грэма последовали и другие в 1980 году. Десятки лидеров американских „новых правых“, включая функционеров из организаций Молодые американцы за свободу, Фонд наследия, Моральное большинство, а также таких активистов „новых правых“, как Ховард Филлипс из „Консервативного кокэса“, поехали в Гватемалу для ознакомления с обстановкой на месте. Роджер Фонтейн, руководитель латиноамериканского курса Центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета, в 1980 году совершил в Гватемалу две поездки. „Совершенно ясно, — заявил он корреспонденту газеты „Майами геральд“ в июле 1980 года, — что (после победы Рейгана) гватемальцы получают любую необходимую помощь, с тем чтобы защитить себя от вооруженного меньшинства, которое опекает Куба“.

Мероприятия по оказанию влияния на общественные отношения в Гватемале осуществлялись под руководством Роберта Алехоса Арсу, состоятельного представителя ультраправых, который еще в 1961 году предоставил свои плантации в распоряжение ЦРУ для подготовки вторжения на Кубу. Он был там главным организатором кампании „Рейгана в президенты“.

Средства в фонд избирательной кампании Рейгана предоставлялись также как проживавшими в Гватемале американцами, так и представителями гватемальской олигархии. Хотя руководители рейгановской команды не раскрыли размеров таких пожертвований, в Гватемале это не было ни для кого секретом. „Конечно, — заявил гватемальский эмигрант одному из авторов книги, — все давали деньги Рейгану. И каждый хвалился размером своего взноса“.

Более открытым источником финансирования избирательной кампании республиканцев была организация „Амигос дель паис“ („Друзья страны“). Эта учрежденная богатыми гватемальцами лоббистская группа за одиннадцать тысяч долларов в месяц наняла фирму, занимавшуюся проблемами общественных отношений, с тем чтобы провести кампанию в Соединенных Штатах. Очевидно, не случайно, что во главе этой фирмы стояли Дивер и Ханнафорд, после победы Рейгана занявшие высокие должности в новой администрации.

„Амигос дель паис“ приняла в Гватемале группу сотрудников американского конгресса. Одним из ее членов был Белдэн Белл, координатор созданного Рейганом консультативного комитета по вопросам внешней политики, который после визита заявил: „...предоставление нашей помощи этой „находящейся в осаде“ стране как нельзя лучше соответствовало бы интересам как США, так и Гватемалы“.

Можно было допустить, что в кампании по укреплению связей между Гватемалой и США наступит некоторый спад

после пресс-конференции Элиаса Барахоны, бывшего пресс-секретаря министра внутренних дел Гватемалы, которую он провел в Панаме в сентябре 1980 года. Признав, что он фактически в рядах МЛН был сторонником партизан, Барахона разоблачил непосредственную причастность правительства Лукаса к деятельности „эскадронов смерти“. Он указал, что на четвертом этаже пристройки к национальному дворцу размещается оперативный центр „эскадронов смерти“, дал адреса конспиративных квартир и пунктов проведения допросов, где пытали и убивали арестованных. Барахона утверждал, что Сандоваль работает на ЦРУ, а полковник Альварес Руис, министр внутренних дел, поддерживает контакт с сотрудниками ЦРУ в Гватемале и Мексике.

Разоблачение связей Сандовалья с ЦРУ представляет тем больший интерес, что в это время лидер МЛН разрабатывал секретную программу по привлечению в Гватемалу аргентинских советников и подготовленных в Аргентине для ведения войны с сандинистским правительством никарагуанских „контрас“. Хектор Франчес, один из участвовавших в этой операции аргентинских советников, в 1982 году поддержал обвинения Барахоны.

„Все началось в конце 70-х годов, — разъяснил Франчес, — когда пятьдесят бывших сомосовцев прошли в Аргентине подготовку по вопросам антипартизанской борьбы и начали тренировать других. Из Аргентины эти люди были направлены в Коста-Рику, Панаму, Гватемалу, Гондурас и Майами, где в полувоенных американских лагерях проходили аналогичную подготовку противники сандинистского режима. Одновременно аргентинцы сформировали в Гватемале контрреволюционные и полувоенные группы, имевшие тесные связи с гватемальскими фашистскими бандами Марио Сандовалья Аларкона“.

Из заявления Франчеса,
август 1982 года

Аргентинские советники осуществляли подготовку гватемальцев. „Аргентинцы во многом помогли гватемальским „эскадронам смерти“, — заявил один из сальвадорских ультра репортеру Крейгу Пайэсу. — До этого они сразу же убивали свою жертву. Аргентинцы настоятельно рекомендовали им перед расстрелом проводить тщательный допрос“.

Разоблачения Барахоны были проигнорированы американскими „новыми правыми“.

Прием по случаю вступления Рональда Рейгана в должность президента страны был в 1980 году важным событием. Закутанные в меха и сверкающие бриллиантами женщины,

в смокингах — мужчины. Среди приглашенных на это наиболее престижное из президентских мероприятий были два гватемальца. Один — это бывший президент Аранья Осорио, поклявшийся превратить Гватемалу в кладбище для искоренения коммунистов. Другой — Марио Сандоваль Аларкон. Когда Сандоваль танцевал и беседовал с представителями ближайшего окружения Рейгана, дома его подручные не бездействовали. Секретная антикоммунистическая армия, являющаяся, как полагают, продолжением МЛН Сандовалья, угрожала уничтожить весь состав иезуитского ордена в Гватемале.

Избрание Рейгана совпало с самой кровавой до того оргией „эскадронов смерти“ в Гватемале. Около пятисот смертей в месяц — и все они приписывались правым — регистрировались американским посольством (большинством наблюдателей эта цифра считалась даже заниженной).

По всей стране каждое утро обнаруживали расчлененные трупы. В Гватемала сити осуществлялась скоординированная программа по ликвидации членов центристских партий. С июля 1980 по июнь 1981 года было уничтожено семьдесят шесть функционеров Христианско-демократической партии и десять функционеров Социал-демократического объединенного революционного фронта. Большинство было убито выстрелами из проезжавших мимо машин, что характерно для МЛН.

Несмотря на царившее насилие, администрация Рейгана приступила к выполнению своих предвыборных обещаний по продаже оружия Гватемале. Однако существовала одна заминка: закон запрещал военные поставки „правительствам, грубо нарушающим права человека“, и конгресс США не собирался делать для Гватемалы исключение.

Новая администрация решила эту проблему, исключив запрошенные образцы оружия и снаряжения из списка запрещенных товаров: в июне 1981 года была одобрена продажа Гватемале пятидесяти военных грузовиков и сотни джипов на сумму 3,2 миллиона долларов.

Волна осуществлявшихся правыми в 1980—1981 годах убийств не положила конец действиям партизан. Однако внимание от Гватемалы отвлек Сальвадор, где спорадические стычки переросли в полномасштабную гражданскую войну. Верный своей цели интернационализировать действия МЛН и оправдывая свою репутацию „крестного отца“ в регионе, Сандоваль со всей энергией стал организовывать помощь своим сподвижникам в соседней республике. Он содействовал реорганизации сальвадорских „эскадронов смерти“, обеспечил им финансовую и техническую поддержку, посоветовал, как, исходя из опыта своей МЛН, действовать под флагом политической партии.

Число убитых в Сальвадоре росло, а АРЕНА — эта „партия „эскадронов смерти“, во главе которой стоял протезе Аларкона Роберто Д'Обюссон, — узаконила свое существование. Передача АРЕНЕ опыта и денежных средств стала возможной благодаря положению Сандовалья во Всемирной антикоммунистической лиге и его установленным через ВАКЛ международным контактам.

„Сандоваль использовал в этом деле парагвайское правительство, — заявил правый сальвадорский бизнесмен, некогда поддерживавший Д'Обюссона. — Результатом явилось создание партии АРЕНА. Мико помогал в основном экономически. Он помогает им даже сейчас (апрель 1985 года. — Авт.). Гватемальцы богаты. У них есть твердая валюта“.

Этот бизнесмен, беседовавший с одним из авторов в ресторане Сан-Сальвадора, говорил еще об одном аспекте взаимоотношений ультраправых элементов Гватемалы и Сальвадора: об обмене информацией. „Гватемальские правые имеют списки подлежащих уничтожению лиц, которые они препровождают и в Сальвадор. А сальвадорцы направляют свои списки в Гватемалу“.

Бывший сторонник АРЕНЫ заявил, что у него был друг, фамилия которого оказалась в одном из направленных в Гватемалу списков. „Ему пришлось поехать в Гватемалу и доказывать там, что его имя попало в список случайно — оно идентично имени находившегося в их списках человека, но они разные люди. Ему необходимо было сделать это, иначе здешние правые убили бы его“.

После успехов Сандовалья Аларкона в деле помощи организации правых сил Сальвадора он в 1982 году выдвинул свою кандидатуру на пост президента Гватемалы. Но его амбиции на получение высшего поста вновь потерпели крах. Победителем стал полковник Ханибал Гевара, преемник генерала Лукаса Гарсия. И вновь Сандоваль и его союзник по МЛН Леонел Сиснега перешли в решительное наступление. В скором времени Ханибал Гевара был отстранен от власти в результате мятежа младших офицеров, организованного и руководимого Сиснегой. „Известно, что участвовавшие в перевороте армейские офицеры были яркими сторонниками МЛН, что вытекало из их неистового антикоммунизма. С их помощью МЛН надеялась захватить ключевые посты во вновь сформированном переходном правительстве и рассчитывала победить на новых выборах, которые первоначально планировалось провести через шестьдесят дней после переворота“, — заявил беседовавший с автором книги человек, пожелавший остаться неизвестным.

Но справедливость в какой-то мере восторжествовала. Надежды МЛН были разрушены, когда младшие офицеры организовали еще один переворот, поставив во главе страны

отставного генерала Риоса Монтта, которого Сандоваль „вытеснил“ с президентского поста в 1974 году.

Риос Монтт фактически был сильным человеком, однако, характеризуя его, гватемальцы чаще всего используют слова „эмоционально неуравновешен“. Член евангелической церкви с центром в Калифорнии, Риос Монтт ранее был начальником курса в Межамериканском колледже обороны в Вашингтоне, обучался в форте Брагг и в зоне Панамского канала. После прихода к власти он объявил в Гватемале осадное положение, приостановил действие конституции, ввел строгую цензуру. Он также быстро изолировал своих партнеров по военной хунте объявив, что „бог выбрал его руководить страной“.

Как бы ни характеризовало католическое население Гватемалы Риоса Монтта, он был таким человеком, которого как своего готовы были обнять и протестантские и евангелические „новые правые“ Соединенных Штатов. Как бы по мановению волшебной палочки обращения об оказании помощи для финансирования проектов Гватемалы стали регулярными сюжетами американских религиозных радио- и телепередач. Евангелист Пат Робертсон дошел до того, что предлагал направить в Гватемалу „вертолеты милосердия“.

„Хотя евангелисты не сумели собрать ожидавшийся Монттом один миллиард долларов, они сыграли важную роль. Обхаживаемые как гватемальским правительством, которое поощряло многочисленные визиты американских евангелистов в Гватемалу, так и Белым домом, организовавшим весной 1982 года встречу главного советника Монтта Франциско Бианчи с Джерри Фалуэллом, Патом Робертсоном и Джеймсом Уоттом, ряд американских церквей в своих публикациях, бюллетенях, проповедях и молитвах выступали в поддержку новой гватемальской модели правления“.

Дэбора Хантингтон
„Мотивы выгод“, 1984 год

Сразу же по приходе к власти Монтт заявил, что он положит конец действиям „эскадронов смерти“, и добился этого. Внезапное прекращение в Гватемала сити повседневных убийств и похищений людей явилось убедительным доказательством того, что „эскадроны смерти“ действуют под руководством армии. Однако их бесчинства полностью не прекратились, свидетелем чего явился один из авторов*.

* В один из вечеров конца 1982 года автор беседовал в Гватемала сити с группой таксистов, когда с близлежащих улиц раздалась автоматные очереди. Игнорируя увещевания таксистов, низко пригнувших свои головы, автор видел, как из боковой улицы выехал патрульный

Хотя насилие в городах в основном прекратилось, гражданская война с партизанами в сельских районах продолжалась. Риос Монтт приступил к осуществлению контрразведывательной программы. Ее претворение в жизнь привело к массовым убийствам индейцев, заподозренных в поддержке партизан. Контрразведывательные акции дополнялись действиями в общегражданском плане. Программа „Бобы или пули“ (бобы для тех, кто подчинился, пули — для непокорных) была направлена на „умиротворение“ гражданского населения.

Риос Монтт не вписывался в образ защитника прав человека каким его пытались представить американские консервативные и евангелические круги. Одновременно с осуществлением программы „Бобы или пули“ он учредил секретные армейские трибуналы для наказания „подрывных элементов“, причем наказание обосновывалось отказом партизан от предложенной им амнистии.

„Почему мы должны убивать людей без предоставления им юридической защиты? Амнистия дает нам юридические основы для наказания непокорных. Все, кто отказывается сдаться, будут уничтожены“.

Из интервью Монтта с Андерсоном,
27 ноября 1982 года

В 1982 году один из авторов задал Монтту вопрос о четырех подозревавшихся повстанцах, только что расстрелянных солдатами.

„Когда на обочинах дорог появляются изрешеченные пулями тела, — не очень связно заявил президент, — говорят, что тут действовал закон джунглей. Но команды по приведению приговоров в исполнение законны, и их действия юридически правомерны. То, что я сделал в отношении этих четверых, я мог бы применить и в отношении четырех сотен других“.

Евангелист Риос Монтт использовал в своих целях и „унификационную церковь“ преподобного Муна. В 1982 году КАУЗА учредила свой офис в Гватемале и на следующий год в Гватемала сити была проведена Всемирная конференция

джип и проехал мимо. Два человека из джипа смотрели на автора, который следил за тем, как джип удаляется. На следующий день поездка автора в аэропорт была прервана белым „мерседесом“. Из машины вышел человек. Он вытащил из-за пояса револьвер и направился к такси. Подойдя к заднему стеклу машины, этот бандит пристально посмотрел на автора и наконец убрал револьвер.

„Наверное, вор“, — объяснил таксист, следуя дальше в аэропорт. В его голосе не было уверенности.

„Это был человек из МЛН, — объяснил позднее автору один офицер из разведки. — Они любят убивать в транспорте. Очевидно, они приняли вас за кого-то другого“. — *Прим. авт.*

представителей средств массовой информации. В ее работе участвовало около двухсот человек из сорока пяти стран. Из Гватемалы участники конференции поехали в Гондурас, Коста-Рику и Сальвадор. В каждой стране писатели и журналисты встречались с представителями военных и деловых кругов, перед ними выступили Бо Хи Пак и тогдашний президент Гватемалы Риос Монтт.

Пока Монтт вел с партизанами войну в сельской местности и во время воскресных вечерних телевизионных передач пытался обратить своих сограждан в „божьих слуг“, гватемальские ультраправые снова планировали свое возвращение к власти.

В октябре и ноябре 1982 года один из авторов книги случайно оказался в Гватемале в компании бывшего агента ЦРУ по контракту и лидера наемников Митчела Ливингстона Уэрбелла. Как оказалось, Уэрбелл прибыл в Гватемалу, чтобы помочь Леонелу Сиснеге организовать новый заговор, на этот раз против Риоса Монтта.

Уэрбелл, небольшого роста человек с большими кустистыми усами, был прозван своими сослуживцами „карликом“. Другие называли его „магом смерти“. В зависимости от обстоятельств, он мог по-разному представить одни и те же события, усиливая или уменьшая свою тайную роль в них. Он непрерывно курил сигареты и поглощал огромные порции виски. Уэрбелл умер от рака через год после своих последних гватемальских приключений (которые не получили огласку благодаря вмешательству, по его словам, государственно-го департамента), и многие секреты ушли вместе с ним.

Уэрбелл руководил подготовкой террористов в лагере „Сионикс“ в Паудер-Спрингс, штат Джорджия. Работавший во время второй мировой войны вместе с Ричардом Хелмсом, Рэйем Кляйном и Джоном Синглаубом* в подразделениях американской разведки, старый „шпион“ занимался также прибыльной торговлей оружием. Ранее он купил лицензию на производство автомата „инграм“*** и разработал для него специальный глушитель.

* В 1982 году генерал Синглауб приезжал в Паудер-Спрингс и выступал перед слушателями курсов. В то время в „Сиониксе“ обучалось много сторонников Линдона Ляруша, неоднократного кандидата в президенты США, который считает, что большинство политических лидеров США, международных финансистов из числа евреев, королева Англии, Генри Киссинджер и другие работают на британскую разведку, способствуя осуществлению ее секретного плана по завоеванию мира. — *Прим. авт.*

** Из такого автомата в 1981 году в гостинице „Шератон“ в Сан-Сальвадоре были убиты два советника американских профсоюзов и Родольфо Виера, выступавший за проведение земельной реформы. В убийстве обвинялся Ханс Крист, который в 1980 году являлся служащим Уэрбелла в „Сиониксе“. — *Прим. авт.*

В течение месяца, который один из авторов провел в Гватемале, Уэрбелл не выходил из своего номера в гостинице „Кортихо Реформа“, одной из лучших в Гватемале сити. К нему беспрерывно, обычно ночью, шли посетители из числа гватемальских военных, бизнесменов, сотрудников группы американских военных советников при посольстве США. „Просто посещают старые друзья“, — ухмылялся Уэрбелл в ответ на вопрос автора относительно этого нескончаемого потока.

В конце концов Риос Монтт был свергнут со своего поста. Однако его сменил не Сиснега из МЛН, а генерал Оскар Умберто Викторес, тучный, постоянно обливающийся потом человек. Несмотря на энергичные лоббистские усилия со стороны „новых правых“ и администрации Рейгана, которые постоянно пытались доказать, что положение с правами человека в Гватемале улучшилось, конгресс не посчитал возможным отменить свое решение, и при Умберто Викторесе в помощи Гватемале было отказано.

Тем временем убийства в стране продолжались. „Графико“ сообщила, — писал репортер Лорен Дженкинс о жертвах одного декабрьского дня 1984 года, — о телах трех человек, включая пятнадцатилетнего мальчика, изрубленных мачете. У всех троих руки связаны за спиной“. В газете далее говорилось, „что тело шестидесятилетнего Цезара Аугусто Мартинеса, активного политического деятеля, уже начало разлагаться. Соседи увидели кружащихся хищных птиц сарычей и сообщили об этом властям. По словам судебных экспертов, установить причину смерти Мартинеса не удалось, так как его тело было обезображено собаками“.

В „Пренса либре“ давался подробный отчет о совершенных в сельской местности семи убийствах. Как правило, на телах были видны следы удушения, ножевых ран и пулевых ранений.

Но если конгресс США не смог согласиться с „результатами“ антикоммунистической борьбы, то у Гватемалы все же нашлись союзники, не обращавшие на это внимания. К середине 80-х годов посольство тайбэйского режима в Гватемале уступало по размерам только американскому. Когда в 1984 году правительство Гватемалы купило у США на два миллиона долларов запасных частей к вертолетам, их монтажом занимались тайваньские, а не местные специалисты.

Представители тайбэйского режима осуществляли в Гватемале различные сельскохозяйственные проекты, включая создание „образцовых деревень“, в которых они обучали переселенных туда индейцев возделыванию соевых бобов. Обучение методам ведения политической борьбы также достигло определенных успехов: по всей Гватемале тайваньские советники обучали этому офицеров и солдат. Один сотрудник

государственного департамента США заявил: „Где бы ты ни был в Гватемале, везде увидишь тайваньские наставления по ведению политической войны. Они повсюду“.

При Умберто Викторесе Гватемала помимо своих старых друзей заимела и других союзников в Соединенных Штатах. В числе американских групп „новых правых“, оказывавших помощь правительству Гватемалы, были Международный фонд по оказанию помощи беженцам (Джона Синглауба) и Совет национальной обороны (Энди Мессинга). Консультантом по военным вопросам Совета национальной обороны был генерал Гарри С. Адерхолт, который „случайно“ работал также и в фонде Синглауба. Мессинг являлся членом американского отделения ВАКЛ, а Адерхолт в 1984 году принимал участие в работе конференции лиги, которую организовывал Синглауб.

Еще одной организацией, вовлеченной в дела Гватемалы, был Мальтийский орден, действовавший через свое американское отделение. Через гватемальскую армию бóльшая часть помощи ордена направлялась „образцовым деревням“, являвшимся основой программы „умиротворения сельских районов“. Представителем ордена в Гватемале был не кто иной, как Роберто Алехос, тот самый человек, который в 1980 году осуществлял активную кампанию гватемальских „новых правых“ по представлению обстановки в стране в выгодном для них свете.

„Унификационная церковь“ также приложила руку к гватемальским делам. В мае 1984 года штатные сотрудники четырех американских сенаторов-республиканцев прибыли в Центральную Америку. Они встречались с чиновниками правительства и сотрудниками посольств США в Гондурасе и Гватемале и выполняли функции наблюдателей во время выборов в Сальвадоре. Их расходы были оплачены Фондом за свободное лидерство, входившим в состав „унификационной церкви“ в США.

Активно участвуя в делах Всемирной антикоммунистической лиги, Марио Сандовалю Аларкону удалось сохранять позиции в своей стране, оставаясь лидером ультраправых. В 1985 году он все еще оставался главой гватемальского отделения ВАКЛ.

Несмотря на попытки друзей Сандовалю из числа „новых правых“ представить его в качестве „образцового консерватора“, его истинное лицо не могло не проявиться. „Если мне придется уничтожить половину Гватемалы, с тем чтобы другая половина могла жить в мире, я сделаю это“, — заявил он репортеру во время своей неудачной президентской кампании 1985 года.

Хотя МЛН находится в оппозиции, а некоторые военные офицеры испытывают к ней определенное недоверие, споры

в МЛН идут скорее по поводу отношения к властям, а не по вопросам идеологии. МЛН остается главным союзником военных в их действиях по подавлению левых сил. Сторонники МЛН продолжают составлять основу действующей на всей территории страны сети „джефес политикос“. Эти информаторы остаются „ушами“ армии. „Они всемогущи“, — заявил функционер партии христианских демократов Мартинес Монтт о „джефес“, которые, по его мнению, несут ответственность за смерть и исчезновение сотен лидеров и его сторонников по партии. „Они оговаривают людей, и армия арестовывает их. Та же система, что и в фашистском государстве“.

Сандоваль также утверждает, что располагает частной армией в три тысячи человек и в течение двадцати четырех часов может поставить под ружье отряды полувоенных формирований в сто тысяч. Его власть продолжает оставаться неконтролируемой, как и действия полувоенных отрядов. И тем не менее он умудряется делать и из западных дипломатов своих апологетов. „Сандовалью приходится прятать свои рога, — заявил одному из авторов книги американский дипломат в апреле 1985 года во время президентской избирательной кампании в Гватемале. — Если он действительно контролирует „эскадроны смерти“ или, используя силы безопасности, уничтожает людей, ему нужно представить свои действия в качестве законных. Ведь в конце концов он выставил свою кандидатуру на пост президента“.

За несколько месяцев до этого „крестный отец“ грубо обругал одного из авторов (в Гватемале это равносильно смертному приговору) и судья выдал „ордер на задержание Сандовалья“. Обсуждая этот инцидент, указанный выше дипломат проявил явное колебание: „Я бы не стал задирать его, по крайней мере во время пребывания в этой стране. Я не имею в виду, что он прикажет что-то сделать, но его люди... Вы догадываетесь, что я имею в виду, они способны на все“.

Этот дипломат, один из участников проводившейся администрацией Рейгана кампании по „очищению“ запятнанного облика Гватемалы, имел готовый ответ на любой вопрос репортера. В качестве доказательства снижения активности „эскадронов смерти“ он приводил данные посольства (оспариваемые группами по правам человека) о количестве обнаруженных жертв: 483 в месяц в 1981 году, 90 — в 1984-м. На вопрос о тридцати пяти тысячах „исчезнувших“ в Гватемале лиц дипломат ответил: „Некоторые из тех, кто пропал без вести, были, очевидно, взяты службой безопасности. Мы также знаем, что некоторые „исчезают добровольно“ — уходят в подполье“.

Как и в 1978 году, когда Сандоваль потерпел поражение на президентских выборах в стране, он стал прибегать к использованию насильственных методов для изыскания денеж-

ных средств, необходимых для функционирования МЛН. Большая часть организованной преступности, включая наркобизнес, ограбления, похищение людей с целью получения выкупа приписывается крайне правым партиям. Волна извращенных групповых изнасилований и ограблений, прокатившаяся осенью 1984 года по ночным клубам Гватемала сити, видимо, является работой карателей из числа членов МЛН.

Частично именно эта практика явилась причиной падения в глазах общественности авторитета Сандовалья и его протеже Леонела Сиснеги. Сиснега в это время возглавлял собственную партию — Объединенную антикоммунистическую партию, известную также под названием „Спайк“. Знающие люди утверждают, что эти два человека продолжали вместе планировать проведение полувоенных операций. Сальвадорец, хорошо знавший Сандовалья, утверждает, что оба бывших лидера МЛН продолжают регулярно встречаться с другими ультраправыми. Встречи эти происходят в магазине модных вещей в Гватемала сити. „Именно тут они встречаются. Они контролируют „эскадроны смерти“ и обмениваются информацией“.

Когда американского дипломата спросили об этом, он объяснил, что расследование действий „эскадронов смерти“ не является главной задачей посольства. „Мы стараемся составить общую картину положения в области прав человека“.

А эта картина оставалась мрачной. В марте 1985 года Умберто Викторес заявил, что группа совместной поддержки, в которую входят жены, дети и родственники пропавших без вести людей, является „группой давления, организованной и направляемой подрывными элементами, которые создают проблемы для Гватемалы“, и предупредил, что, если „они будут продолжать нарушать порядок, мы будем вынуждены принять юридические меры“.

Через несколько дней тело руководителя группы совместной поддержки было обнаружено на обочине дороги с разбитой головой и вырванным языком. Еще через четыре дня другой лидер этой группы была обнаружена мертвой на обочине дороги вместе с мертвыми двухлетним сыном и братом. 8 апреля 1985 года государственный департамент выразил свои „соболезнования“ по поводу убийств и заявил, что „в Гватемале существует необходимость в дальнейшем улучшении положения с правами человека“.

Гватемальское правительство заявило, что эти улучшения „на подходе“. „Насилие, — заметил в 1985 году Рамон Зелата Карильо, пресс-секретарь правительства Умберто Виктореса, — вызвано высокой температурой воздуха в марте. Летняя жара является его причиной. Скоро дожди утихомирят страсти“.

Глава 15

„ЭСКАДРОНЫ СМЕРТИ“

Кто сказал, что крестьянам Сальвадора нужна земля? Все, что им нужно, — это немного шоколада.

*Орландо де Сола,
сальвадорский землевладелец,
март 1984 года*

Это случилось на рассвете в апреле месяце в провинции Сан-Висенте. Было уже тепло. Через несколько часов роса с листьев и травы испарится, и долину окутает густая влажная дымка.

С убранного поля около деревни Теколука поднялся армейский вертолет, скутывая собравшихся крестьян клубами красной пыли. В вертолете находились два раненых и один мертвый солдат.

Когда вертолет улетел, внимание переключилось на происходившие события. Из армейского грузовика в канаву были сброшены тела шести человек. Под наблюдением нескольких солдат из национальной гвардии крестьяне Теколуки стаскивали тела под манговое дерево, где старый крестьянин копал большую яму. Из расположенных неподалеку хижин вышли женщины с детьми на руках, наблюдая за происходящим.

Шестеро мертвых были одеты в крестьянскую одежду. Ни на одном из них не было военной формы или сапог. Присутствовавшего одного из авторов этой книги уверяли, что у них было оружие, которое с мертвых якобы уже сняли.

Один из них был совсем юным. Ему могло быть десять, а может быть, и пятнадцать лет; рана под его левым глазом настолько обезобразила лицо, что определить точный возраст было невозможно.

Все были убиты выстрелами в голову с близкого расстояния, хотя у некоторых имелись пулевые раны и на других частях тела.

Когда крестьяне сбрасывали тела в яму под манговым деревом, гвардейцы пинали их сапогами и тыкали палками. Особенно издевались они над телом мальчика. Его бросили последним. Он упал на голову, при ударе о землю голова странно подвернулась. Гвардейцы засмеялись. И вдруг за спиной автора книги прозвучал выстрел. Из ветвей мангового

дерева в клубке растрепанных перьев в яму упал попугайчик. Застреливший птицу гвардеец засмеялся снова, на этот раз над тем, как автор отпрянул от выстрела.

Маленький мальчик подошел к краю ямы и прыгнул в нее. Ползая среди тел, он нашел птицу и, выбравшись из ямы, положил ее у ствола мангового дерева. Он продолжал рассматривать ее, когда крестьяне начали забрасывать яму землей. В Сальвадоре пришло еще одно утро.

Почти никто не занимался расследованием причин убийства пятнадцати тысяч человек, которое произошло в Сальвадоре после 1979 года. И только в 1984 году три национальных гвардейца и их офицер были осуждены за убийство четырех американских монахинь. Это был первый политический процесс над преступниками-убийцами за последние пять лет.

Однако не было необходимости проводить процесс, чтобы выявить ответственных за это убийство. Все наблюдатели были единодушны в том, что большая часть (а некоторые считают, свыше девяносто процентов) жертв была уничтожена убийцами из „эскадронов смерти“. Эти люди, многие из которых хорошо известны, находятся на свободе, их преступления не наказаны. Наиболее известные из их лидеров регулярно ездят в Соединенные Штаты, где встречаются со своими союзниками из числа „новых правых“, а также вообще с консервативными конгрессменами и сенаторами.

Иногда в эти преступные группы „эскадронов смерти“ входят солдаты или полицейские. В других случаях это гражданские лица или наемные убийцы, нанятые для выполнения специфических убийств. Они оплачиваются богатыми бизнесменами, которые, исходя из своих политических или экономических интересов, создают и финансируют сеть полувоенных подразделений, согласуя действия со своими друзьями из числа военных.

Представитель американского посольства в Сальвадоре считает, что „эскадроны смерти“ возникли в стране „из-за недоверия к коррумпированной юридической системе“. „Когда страна, подобная Сальвадору, оказывается в критическом положении, вызванном насилием со стороны партизан, и если ее конституционные власти не могут справиться с ними, приходится что-то предпринимать“.

У Рауля Гарсия Прието, одного из руководителей ультраправой сальвадорской партии АРЕНА, другое объяснение. „Возможно мы, латиноамериканцы, просто более нетерпеливы и делаем все быстрее. В США трудности улаживаются в более спокойной и длительной манере“.

В конторе своей кондитерской фабрики Уго Баррера, бывший кандидат в президенты от партии АРЕНА, поведал одному из авторов книги свою теорию. „Насилие, — заявил он, — это наш национальный фольклор“.

Отбросив в сторону „фольклор“, следует сказать, что история Сальвадора помогает объяснить, почему эта маленькая республика в Центральной Америке, с населением в пять миллионов человек, большинство которого составляют неграмотные крестьяне, была ввергнута в состояние жестокой гражданской войны. Многие считают, что именно коррумпированная правительственная система привела к возникновению в 70-х годах партизанского движения. При этой системе начиная с 30-х годов один за другим сменялись управлявшие страной с помощью железного кулака военные режимы, опиравшиеся на национальную гвардию, полицию и многочисленных фантастически богатых землевладельцев. Все они осуществляли полный контроль над основными источниками доходов страны.

В течение многих лет генерал Хозе Альберто Медрано (имевший кличку Блондин), командующий национальной гвардией, претворял в жизнь в Сальвадоре эту систему. Медрано пришел к власти в 60-х годах с помощью американского правительства, которое было обеспокоено ростом влияния коммунистов после прихода к власти на Кубе Фиделя Кастро. Под эгидой образованного президентом Кеннеди Союза ради прогресса, который пропагандировал „региональную координацию оборонных мер по борьбе с подрывными элементами“, Медрано создал и руководил ОРДЕНОМ и АРСЕНАЛОМ. Эти государственные организации были учреждены по указанию США и подчинялись ЦРУ, как и подобные им органы в Гватемале и Никарагуа. В 70-х годах, когда в регионе усилилась политическая борьба, эти организации стали основными инструментами безжалостной кампании по осуществлению террора. В Сальвадоре из ОРДЕНА и АРСЕНАЛА выросли позднее руководимые правительством „эскадроны смерти“.

В марте 1985 года во время интервью с одним из авторов книги на веранде своего дома в г. Сан-Сальвадоре Медрано вспоминал о „жарких днях“ Союза ради прогресса, когда он был на вершине своей власти.

„Чтобы противостоять действиям коммунистов главы центральноамериканских государств встретились в Сан-Хосе с президентом Кеннеди и договорились о совместных действиях. После этого многие меры, например в экономике, координировались в региональном масштабе. Мы также занимались укреплением своей обороны. Именно тогда и был учрежден КОНДЕКА (Комитет национальной обороны, координирующий действия армий стран Центральной Америки, 1964 год).

ОРДЕН, — продолжал Медрано, — это сокращение названия Демократическая националистическая организация, являющаяся сельской полувоенной армией, которая объединяет около восьмидесяти тысяч информаторов-антикоммуни-

тов и их помощников. ОРДЕН — это созданная нами для „просвещения“ крестьян идеологическая школа. Мы учредили ОРДЕН, призвав в него бывших полицейских, национальных гвардейцев и военных офицеров. Мы организовали курсы, на которых рассматривались вопросы, касающиеся представительной демократической системы и преимуществ свободного мира. Когда началась борьба с коммунистами, ОРДЕН обычно использовался для оказания помощи военным”.

„Проблема с ОРДЕНОМ состояла в том, — заявил Франциско Хосе Герреро, бывший глава Партии национального примирения (ПКН) и кандидат на пост президента страны, бывший председатель Верховного суда Сальвадора, — что это полувоенная группа. Она зарождалась как группа поддержки ПКН. Ее члены выступали как активисты ПКН. Генерал Медрано придал им законный статус, а армия использовала их для борьбы с коммунистами в сельских районах. Возникли проблемы, так как ПКН — это политическая партия, а ОРДЕН — полувоенная организация. ОРДЕН — придаток ПКН”.

Если все сказанное удивительно похоже на „тайваньскую модель” — политическая партия создает полувоенную организацию и „одалживает” ее армии, — то это совсем не случайно. Сальвадорские офицеры неоднократно упоминали о роли тайваньского полковника Чу, находившегося в Сан-Сальвадоре в 60-х годах. По словам этих офицеров, Чу был главным советником и консультантом Медрано.

Информацию о „подрывных элементах” члены ОРДЕНА передавали сальвадорскому Агентству национальной безопасности (АРСЕНАЛ). Обе организации имели штаб-квартиры в президентском дворце, где Медрано одновременно выполнял три функции: руководителя аппарата президента, командующего национальной гвардии и агента ЦРУ.

„Чтобы обороняться, нужно смотреть на врага открытыми глазами. Поэтому родился АРСЕНАЛ. Подобная организация была создана в каждой стране Центральной Америки, и по примеру ЦРУ мы организовали обмен информацией о коммунистах. В результате возникла концепция „идеологического просвещения” крестьян центрально-американских стран. К этому нас вынудили коммунисты. Когда угрозы со стороны партизан приобрели конкретные очертания, у армии возникли проблемы. Закон не позволяет ей прибегать к террору. Мы должны были использовать контрсаботаж и контртеррор. Поэтому, когда мы захватывали коммунистов, мы обращались с ними в соответствии с этими законами”.

Из интервью автора книги с Медрано

Старый генерал признавал, что созданные им организации „действовали плохо“, но подготовили основу для „эскадронов смерти“. Он обвинял в этом людей, пришедших после него к руководству этими организациями.

Медрано реально понимал причины конфликта. Хотя в результате заговора против президента в 1970 году Медрано был смещен с должности начальника национальной гвардии, в 1972 году он выдвинул свою кандидатуру на пост главы государства, используя ОРДЕН в качестве политической базы. Даже в 80-х годах считалось, что он, являясь патриархом политических организаций правых, оказывает огромное влияние на положение в стране, поддерживая таких своих протезе, как Роберто Д'Обюссон, Адольфо Келлер и Рауль Молина. Эти люди, входившие в состав латиноамериканского отделения Всемирной антикоммунистической лиги, пришли к руководству ОРДЕНА, АРСЕНАЛА и национальной гвардии. Однако во время интервью Медрано отмежевался от своих учеников.

„Когда я ушел со своего поста, военные поставили на мое место правонарушителей, — с отвращением заявил он. — Они продали ОРДЕН. Они дали свободу этим людям, чтобы те могли совершать преступления.

Именно эти „злоупотреблявшие властью“ люди сформировали „эскадроны смерти“, — заявил Медрано. Ошибаются, когда говорят, что „эскадроны смерти“ вышли из ОРДЕНА. В их создании замешаны богатые бизнесмены, земельная олигархия. Они не хотели отдавать свою власть и землю. Они поражены преступностью. Чтобы делать то, что делают они, надо быть сумасшедшими: насильничать над мертвыми, засовывая отрубленные головы в живот.

Я защищал массы. Я никогда не защищал олигархию“.

Это было последнее интервью старого генерала. На следующий день, когда генерал подвозил свою горничную, к его голубой автомашине подошли четыре человека, якобы партизаны, и всадили в генерала четыре пули. Медрано даже не успел воспользоваться своим револьвером, который он всегда имел при себе, или, как он говорил, находившимися в багажном ящике его автомашины ручными гранатами.

Один из авторов почти сразу же прибыл на место происшествия. На старом генерале были те же голубые брюки и голубая рубашка с длинными рукавами, в которые он был одет во время трехчасового интервью за день до этого. Сейчас его одежда была в крови и осколках ветрового стекла. Пуля проделала небольшую аккуратную дырку над левым глазом

Медрано. Крестный отец сальвадорской „Белой руки“ был, несомненно, мертв.

Одним из „преступников“, вставшим во главе ОРДЕНА после официального ухода Медрано с поста главы этой организации в 1976 году, был Адольфо Келлер. „Келлер — это как раз один из этих „преступников“. Он входит в состав „олигархии“, сформировавшей „эскадроны смерти“.

Келлер был депутатом Национальной ассамблеи от Партии национального примирения, которая с 1961 года использовалась военными правителями страны для придания своему режиму демократических черт. Он входил в число основателей Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации. В 70-х годах на конференциях Всемирной антикоммунистической лиги Сальвадор представляли в основном друзья Келлера, являвшиеся руководителями ПКН, ОРДЕНА и АРСЕНАЛА.

Одним из тех, кто хорошо знал менее известную сторону деятельности Келлера, является бывший начальник сальвадорской военной разведки и последний глава АРСЕНАЛА полковник Роберто Аулалио Сантиванес (сейчас он живет в изгнании). „Вы должны понять структуру „эскадронов смерти“, — заявил он, потягивая яблочный сок в одном из Вашингтонских ресторанов. — Во главе — „мозги“ — армейские офицеры и бизнесмены. Внизу — исполнители, те, кто фактически убивают. А между ними „перрос“ („псы“). Именно так их называют. „Псы“ принимают приказы и следят за их исполнением. Если жертву сначала нужно допросить и подвергнуть пыткам, это делают именно „псы“. А Келлер, — продолжал Сантиванес, вонзая нож в список членов сальвадорского отделения ВАКЛ, — это худший из „псов“.

Выходец из богатой сальвадорской семьи, Келлер — это не рядовой член олигархии и даже не обычный „пес“ „эскадронов смерти“. Он находил наслаждение в садизме и убийствах. Известно, что в периоды запоя он врывается в военные комендатуры и просил разрешить „допросить“ любого находившегося там арестованного.

Его бывшие друзья только сейчас открыто говорят о Келлере, потому что он мертв. Он был убит в 1981 году в своем сальвадорском доме. Говорят, что это сделали партизаны. „Келлер был кипящим от гнева антикоммунистом, — вспоминает председатель Верховного суда Герреро. — Левые убили его потому, что он был одним из руководителей ОРДЕНА, получал о них информацию и передавал ее в АРСЕНАЛ. Службы безопасности, получая ее от АРСЕНАЛА, действовали соответствующим образом“.

Однако убийство Келлера могло бы быть осуществлено большим количеством людей, так как к 1981 году он нажил себе много врагов.

Другой протееже Медрано — Роберто Д'Обюссон — сделал блестящую карьеру. Когда Келлер стоял во главе ОРДЕНА, Д'Обюссон только начал подниматься по служебной лестнице в национальной гвардии. При Сантиванесе он стал заместителем начальника АРСЕНАЛА. Эта должность как нельзя лучше подходила будущему главе „эскадронов смерти“, поскольку в архиве этой организации была сконцентрирована информация, полученная от агентов ОРДЕНА.

В 70-е годы Д'Обюссон, молодой красивый представитель сальвадорской олигархии, постоянно с сигаретой в зубах, проходил обучение в самых респектабельных школах по изучению „нетрадиционных методов ведения войны“: сначала в Уругвае, затем в Вашингтоне, в закрытой сейчас Международной полицейской академии, руководимой отделом общественной безопасности госдепартамента, и, наконец, в академии политической войны на Тайване.

В 1985 году в интервью французскому репортеру Д'Обюссон заявил, что курсы, которые он прошел в 1977 году в Пейтоу, были „наилучшими, на которых я когда-либо обучался“.

„Усвоенные на курсах уроки я применил, когда приступил к организации полувоенных группировок. Политическая война отличается от обычной войны своими масштабами. Она ведется повсеместно и повседневно. Обычная война — это война в пространстве: она имеет свой фронт, свой театр военных действий. В обычной войне, как правило, участвуют молодые люди. В политической войне участвуют все“.

Из интервью Д'Обюссона репортеру
Эдит Корон, март 1985 года

По определению Д'Обюссона, „политическая война — это психологическая война с врагом. Я начал против коммунистов психологическую войну. Я разоблачал их программы, их коварство, их проникновение в правительственные органы. Политическая война дополняет вооруженную борьбу“.

Сразу после возвращения с Тайваня и завершения подготовки в Вашингтоне Д'Обюссон начал работать сначала в разведывательном отделе национальной гвардии, а затем заместителем начальника АРСЕНАЛА. Он написал доклад о якобы имевших место связях современных реформистов с партизанами, который был разослан в различные разведывательные службы. Есть ли на самом деле такие связи или нет, для Д'Обюссона большого значения не имело. „Вы можете быть коммунистом, — заявил он в 1983 году репортеру Лаури Беклунду, — даже если не считаете, что являетесь таковым“.

Доклад Д'Обюссона явился основой для развязывания в Сальвадоре войны против центристских партий. В 1978 году

было широко распространено мнение, что он был создателем „Союза белых воинов“ (УГБ).

„В маленьком желтом конверте осенью 1979 года на дом мне был доставлен смертельный приговор: „За предательство демократии и конституции вы приговариваетесь к смерти. В любой момент вы можете получить это заслуженное наказание“. Послание было подписано „Юнион терреро бланко“ — „Союз белых воинов“.

Адвокат и бывший судья, спокойный худощавый человек лет под шестьдесят, с лысеющими спереди волосами, внимательными коричневыми глазами, спокойно излагал эту историю, не выражая никаких эмоций. Он беседовал с одним из авторов книги в Сан-Сальвадоре.

Когда адвокат получил этот конверт, он активно работал в одной из сальвадорских левых партий, которая затем перешла на нелегальное положение. Верные своим словам, убийцы действительно пришли к нему в один из дней декабря 1979 года. Не найдя адвоката, они разрядили свое оружие в тех, кого нашли: в его восьмилетнего сына, дочь и ее грудного ребенка. Восьмилетний мальчик был в полном смысле слова прошит пулями. „Когда это случилось, власти обещали провести расследование, но не сделали ничего“, — заявил адвокат.

С тех пор каждый год в этот декабрьский день звонит телефон в загородном доме Сан-Сальвадора. В течение последних шести лет один и тот же голос молодого человека говорит адвокату одну и ту же фразу: „Извините за убийство мальчика“ и не беспокоит до следующего года. Но ежегодное напоминание о происшедшей трагедии заставило семью обратиться к психологу. Врач разъяснил, что поскольку убийца каждый год в один и тот же день, в день, когда он убил мальчика, звонит им, то это не сострадание, а садизм. Он хочет, чтобы вы страдали.

„Союз белых воинов“ входил в состав „эскадронов смерти“, появившихся в Сальвадоре в середине 70-х годов. Его предшественником была организация, именовавшаяся Армия национального освобождения — война на истребление (ФАЛАНГА). Можно упомянуть много названий организаций — „Белая рука“, „эскадроны смерти“, „Сальвадорская антикоммунистическая бригада“, „Секретная антикоммунистическая армия“. Несколько членов „эскадронов смерти“, которые согласились вести разговор о своей „работе“, объяснили, что так много названий выбиралось для того, чтобы сеять страх и создавать у населения впечатление, что действует большое число организаций. На самом же деле это обычно одна и та же небольшая группа людей, выполняющих приказы узкого круга представителей олигархии. Именно они решают, кто должен умереть.

Что касается названий, то их выбирают специально или же они „кочуют“ из страны в страну. Например, название „Белая рука“ пошло, очевидно, от гватемальских „эскадронов смерти“. Они выбраны, конечно, не из эстетических соображений. Сальвадорские „эскадроны смерти“ являются копией гватемальской „Белой руки“, заявил Роберто Сантиванес. Будучи с 1977 по 1979 год шефом АРСЕНАЛА, он, несомненно, знает, как действуют „эскадроны смерти“, знает и о той роли, которую сыграл его бывший заместитель Роберто Д'Обюссон в их создании.

„Было несколько попыток организовать „эскадроны смерти“ и в Сальвадоре. До 1979 года удалось не допустить этого. Гватемальцы хотели, чтобы „эскадроны смерти“, называвшиеся там „Белая рука“, действовали и в Сальвадоре. Когда я был членом правительства, „эскадроны смерти“ были запрещены в Сальвадоре“ — так утверждал Сантиванес.

Но в 70-х годах „эскадроны смерти“ уже действовали в Сальвадоре. Если число их жертв в то время составляло около двухсот человек в год, то после 1979 года они убивали в месяц в четыре раза больше.

В октябре 1979 года президент Сальвадора генерал Карлос Умберто Ромеро был смещен со своего поста группой младших офицеров. Пришедшая к власти военно-гражданская хунта распустила ОРДЕН и АРСЕНАЛ, обвинив эти организации в том, что они создали и руководили действиями „эскадронов смерти“. Шеф АРСЕНАЛА Сантиванес бежал в Гватемалу. Его заместитель майор Д'Обюссон остался в стране. 26 декабря 1983 года Кристофер Дики писал в журнале „Нью рипаблик“:

„Когда 15 октября 1979 года был отстранен от власти президент страны, которому преданно служил Д'Обюссон, честолюбивый майор знал, как воспользоваться ситуацией. В то же утро он посоветовал полковнику Гутьеросу, консерватору и одному из организаторов переворота, захватить архивы АРСЕНАЛА до того, как они попадут в руки партизан, так как многие из членов АРСЕНАЛА были его близкими знакомыми и входили в состав правительства для практической реализации плюрализма (недолго просуществовавшего). Гутьерос приказал Д'Обюссону переправить архивы в генеральный штаб вооруженных сил. Но Гутьерос, очевидно, не подозревал, что Д'Обюссон большую часть наиболее важных документов оставит у себя. Через несколько дней Д'Обюссон попросил уволить его в отставку, так как он якобы не согласен

с левыми взглядами нового правительства. Через несколько недель Д'Обюссон появился на экранах национального телевидения (время было оплачено сальвадорскими богачами) и огласил подробную информацию о „подрывных элементах“, якобы находившихся в правительственных кругах. Вскоре после этого выступления несколько „разоблаченных“ им лиц были убиты „эскадронами смерти“.

Если до переворота предпринимались попытки сдерживать „эскадроны смерти“ якобы, как говорил об этом полковник Сантиванес, из-за возможного отрицательного влияния их действий на общественные отношения, то после переворота руководители сальвадорских военных всячески поощряли их разбой. Д'Обюссон был главным действующим лицом в этой кампании террора, направленной на подрыв позиций нового умеренного правительства.

Одной из первых жертв стал Марио Замора, генеральный прокурор военно-гражданской хунты. В конце февраля 1980 года, через несколько дней после того, как Д'Обюссон „разоблачил“ его по телевидению, в дом Заморы ворвалось несколько вооруженных людей в гражданской одежде. Бандиты затащили Замору в ванную комнату и убили его, сделав по меньшей мере десять выстрелов в лицо.

На следующий месяц Д'Обюссон вновь появился на экране телевидения. Он заявил, что у архиепископа Оскара Арнульфо Ромеро „есть еще время, чтобы изменить свое поведение“. Через несколько дней, во время богослужения, которое Ромеро проводил в соборе, он был убит выстрелом в сердце.

Спустя восемь месяцев посол США в Сальвадоре Роберт Уайт направил в Вашингтон телеграмму, в которой подробно сообщил о роли Д'Обюссона в этом убийстве. Уайт докладывал, что он имеет информацию из абсолютно надежного источника, одного из офицеров сальвадорской армии, разработавшего убийство.

„Будучи непосредственным участником событий, этот офицер рассказал, что Роберто Д'Обюссон на конспиративной квартире собрал группу примерно из двенадцати человек. Председательствуя на этом совещании, он объявил о решении ликвидировать архиепископа. Он также наблюдал за жребием — кому выпадет „честь“ выполнить это поручение. Этот информатор-офицер был очень разочарован тем, что в жребии ему не повезло. Офицеру, которому выпала эта „честь“, он передал патроны от своего револьвера, для того чтобы хоть заочно участвовать в убийстве архиепископа“.

Из показаний Уайта в конгрессе США,
2 февраля 1984 года

„Выигравшим” офицером оказался лейтенант Франциско Амейя Роса, который нанял снайпера Уолтеро Антонио Альвареса для осуществления убийства. Позднее, по словам Уайта, Д’Обюссон выражал опасения по поводу надежности Альвареса и прикончил его выстрелами из пистолета, когда убийца находился на футбольном матче.

Телевизионные „разоблачения” сделали Д’Обюссона любимцем сальвадорских ультраправых. Среди его приверженцев было много офицеров полиции и армии. Наиболее позорные случаи действий „эскадронов смерти” — это убийство тех лиц, которых „разоблачил” Д’Обюссон. В начале 1980 года жертвами Д’Обюссона стали в Сальвадоре сотни людей.

Важные сведения Д’Обюссон получал от старой сети агентов ОРДЕНА. Хотя за несколько месяцев до описываемых событий эта организация была официально распущена, продолжалась регулярная выплата денег профессиональным лидерам организации, чтобы они выполняли свои функции в сельской местности. Организация стала называться Национально-демократическим фронтом (ФДН) — идея Медрано, — однако люди продолжали называть ее ОРДЕН.

„В четверг 28 февраля 1980 года в Чинкеру прибыли два грузовика с полицией и национальными гвардейцами в гражданской одежде. С ними были члены ОРДЕНА, которые привели гвардейцев к домам тех, кто, по их мнению, поддерживал народные („подрывные”) организации. Были арестованы два жителя деревни — мужчина и женщина.

Полицейские привезли арестованных в Сучитото, в участок национальной гвардии, где Аида и Феликс были замучены до смерти. Они были подвергнуты жестоким пыткам: на теле Аиды не было ни одной пулевой раны, но ее нос и зубы были полностью разбиты, а губа вообще отсутствовала. В голове была дыра. Я не знаю, как они это сумели сделать, поскольку размеров она была больше кулака. Они содрали ногти с ее пальцев, которые были расплющены. Все ее тело было облито какой-то кислотой”.

Данкерли

Длинная война, 1982 год

В начале 80-х годов еще не было известно, что своим неожиданным взлетом Д’Обюссон обязан поддержке из-за границы. Помощь со стороны Марио Сандовалья Аларкона, правых военных хунт Южной Америки, американских „новых правых” сделала из Д’Обюссона антикоммунистического героя.

Бывший создатель ОРДЕНА и союзник Д'Обюссона Медрано объяснил одному из авторов книги принцип работы этой международной системы:

„Ультраправые партии Сальвадора, Гватемалы, Аргентины идентичны друг другу. У них одна и та же идеология, одни и те же символы, даже музыка одна. Деньги, на которые существуют эти партии, поступают из многих международных источников. Они идут в основном на поддержку избирательных кампаний. Когда нужно кого-то устранить, они нанимают убийцу со стороны. Это регулируется центральным органом. У каждой партии имеются свои собственные ударные силы. Обычно это люди, занимающие высокие партийные посты. Но они не кто иные, как убийцы. Так сейчас действует эта система“.

Поэтому когда для сальвадорских правых самой главной задачей стало создание своей политической партии, за помощью они обратились к Сандовалью Аларкону.

В декабре 1983 года два журналиста-исследователя Лаури Беклунд из „Лос-Анджелес таймс“ и Крейг Пайес из „Альбуркерке джорнэл“, основываясь на своем опыте внедрения в ультраправые организации Центральной Америки, опубликовали великолепную серию статей, в которых разоблачили тесные связи Д'Обюссона с шефом гватемальской МЛН. По их данным, такая связь была установлена в 1979 году на совещании в штаб-квартире МЛН в Гватемала сити. Председательствовал Марио Сандоваль Аларкон.

„Сандоваль рассказал собравшимся, что группа молодых сальвадорских бизнесменов озабочена тем, что в их стране происходит сдвиг влево. Он рассказал также об истории МЛН и о тех жертвах, которые каждый из них готов нести во имя создания в Сальвадоре партии, подобной МЛН“.

Сторонники Д'Обюссона были готовы на такие жертвы. В результате появилась партия Широкий национальный фронт (ФАН), а затем Националистический республиканский союз (АРЕНА).

„К тому времени, — сказал полковник Сантиванес на пресс-конференции 21 марта 1985 года, — многие сальвадорские офицеры встали на сторону Д'Обюссона. Их уговорили вступить в его политическую партию, они стали разделять идеологию Д'Обюссона и были готовы к действиям. Все силы были брошены на создание ФАН, которая помогала бы вооруженным силам. Именно в этом главное. Позднее эта организация превратилась в „эскадроны смерти“.

По мере укрепления сальвадорскими правыми своей партии ФАН, действия „эскадронов смерти“ приносили все большее число жертв. Одной из причин этой все возрастающей „смелости“ „эскадронов смерти“ была широкая помощь, которая предоставлялась им гватемальскими союзниками, обеспечивавшими „эскадроны смерти“ деньгами, оружием, временным убежищем.

„Из захваченных документов следует, — продолжал Сантиванес, — что эти группы действовали как в Гватемале, так и в Сальвадоре. Их убежищем была Гватемала, куда они возвращались после каждой операции на территории Сальвадора, с тем чтобы избежать конфликтов с вооруженными силами и судебными властями этой страны. В Гватемале они работали в тесном контакте с Марио Сандовалем Аларконом и Леонелом Сиснегой Отеро, руководителями „Белой руки“.

В это время Сантиванес находился в эмиграции в Гватемале и имел возможность беседовать с некоторыми членами этих „ударных команд“ в перерывах между их походами на территорию Сальвадора.

„Я встречался с этими людьми. Они открыто говорили о своих операциях. Однажды они планировали совершить покушение на очень важного человека. 24 марта 1980 года они убили монсьеора Ромеро. Это произошло после совещания влиятельных людей, которые снабжают ФАН деньгами, а также дают инструкции относительно выполняемых операций“.

Из книги Сантиванеса
„Внутри „эскадронов смерти“

Сантиванес понимал, что международные связи сальвадорских ультраправых выходят далеко за пределы сальвадорской МЛН.

„Из документов Д’Обюссона видно, кто „дал старт“ сальвадорским „эскадронам смерти“. Это — никарагуанские национальные гвардейцы сомосовских времен“.

Все эти данные подтверждают показания Эктора Франчеса, офицера военной разведки Аргентины, эмигрировавшего из страны в 1982 году. В то время он и группа аргентинцев находились в Центральной Америке, оказывая помощь антикоммунистическим группам в Гондурасе, Коста-Рике, Сальвадоре и Гватемале, а также создавая отряды из никарагуанских сомосовцев. В Гватемале они поддерживали тесный контакт с Марио Сандовалем Аларконом, Леонелом Сиснегой и

Робертом Д'Обюссоном. Направленные в Сальвадор аргентинцы помогали ультраправым совершенствовать технику террора. Они подготовили наставление, в котором рекомендовалось „ликвидировать всех“, кто может иметь „претензии“, другими словами, если „убиваешь партизана, ликвидируй и всю его семью, чтобы не оставалось никого, кто мог бы мстить“. Позднее в интервью с Беклундом Д'Обюссон выразил благодарность в адрес аргентинцев:

„Они находились короткое время, но оказались весьма полезными. Старались передать свой опыт, научить людей использовать те или иные методы, обмениваться информацией и анализировать ее“.

„Лос-Анджелес таймс“,
19 декабря 1983 года

Сандоваль не оставлял без своего внимания и южный регион, оказывал помощь сальвадорцам. В начале 1980 года он направил своих родственников Дэвида Эрнесто (Нето) Панаму и Карлоса Миденса Пиварала (он был членом гватемальского отделения Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации) для встречи с военными лидерами Парагвая, Чили и Аргентины. Там они были проинструктированы о том, какими методами вести „нетрадиционную войну“ в странах Центральной Америки. „Сандоваль, — по словам Пайеса, — дал им рекомендательные письма к руководителям аргентинской армии, командующему вооруженными силами Парагвая и главе уругвайской военной разведки (у которого учился Д'Обюссон), а также к высшим чиновникам Чили. Панама рассказал, что на каждой встрече они делали подробные записи о методах ведения психологической войны и организации борьбы с партизанами. „Впоследствии, — заявил он, — я написал для Д'Обюссона доклад примерно на двадцати пяти страницах, который передал нужным людям в сальвадорской армии“.

Сегодня работающие в этом регионе дипломаты США заявляют о том, что американцы не были осведомлены о наличии тесной связи между „эскадронами смерти“ центрально-американских стран. Причиной этого якобы является то, что как раз в разгул террора „эскадронов смерти“ из этих стран по указанию Картера был выведен весь персонал ЦРУ. Однако американский дипломат, находившийся в 1985 году в Сальвадоре, не исключал возможности таких согласованных действий. „Я не могу отвергнуть идею о том, что имеет место региональное или международное сотрудничество, — заявил он. — Есть богатые бизнесмены, имеющие в этих странах филиалы своих предприятий. Они много путешествуют, у них практикуются семейные браки. Тут и завязываются контакты“.

Через десять дней после убийства архиепископа Ромеро Д'Обюссон выехал в Вашингтон, где был принят представителями „новых правых“, а также консервативными конгрессменами и сенаторами. В зале палаты представителей конгресса США он заявил о создании Широкого национального фронта (ФАН). Он также воспользовался предоставленной ему возможностью для критики администрации Картера:

„С тем чтобы более четко определить существо проводимой государственным департаментом США политики, следует задать вопрос: кто является коммунистом? Тот, кто сознательно или неосознанно помогает СССР. Мы можем утверждать, что политика государственного департамента откровенно способствует коммунистическим целям“.

Когда „обласканный американцами“ майор возвратился в Сальвадор, он „был на подъеме“. В мае Д'Обюссон направил в армейские гарнизоны видеозапись своего выступления, в котором нападал на умеренных членов военно-гражданской хунты как на коммунистов. Главным объектом его нападок был глава военно-гражданской хунты полковник Арнульфо Махано.

На следующей неделе Махано нанес ответный удар, арестовав Д'Обюссона вместе с десятком его сообщников за подготовку заговора против правительства. Захваченные документы настолько убедительно разоблачали Д'Обюссона, что, казалось, пришел конец „майору Бобу“.

В руки Махано попал дневник Рафаэля Альваро Саравия, близкого друга Д'Обюссона. В дополнение к указанию расходов на приобретение взрывчатки и оружия, на поездки в Гватемалу в нем перечислялись псевдонимы заговорщиков, номера телефонов, денежные пожертвования и должностное положение главных лиц.

Дневник носил настолько разоблачительный характер, что посол США Роберт Уайт заявил: „Свидетельства почти на сто процентов убеждают нас в том, что Д'Обюссон несет ответственность за убийство архиепископа Ромеро, совершенное месяцем раньше“. „В этих документах, — заявил посол в апреле 1981 года в комитете по иностранным делам сената США, — перечисляются сотни имен людей, в том числе и в армии, участвовавших в активной заговорщической деятельности против правительства, а также имена проживающих в США и в Гватемале сити лиц, щедро финансировавших „эскадроны смерти“.

Попытка нейтрализовать Д'Обюссона дала обратные результаты: военный судья освободил из тюрьмы бывшего майора, заявив, что выдвинутые против него обвинения „доверия не заслуживают“.

Это было похоронным звоном для военно-гражданской хунты. В тот же день полковник Махано был смещен со сво-

его поста, к концу года ультраправые офицеры полностью отстранили его от власти. В 1980 году, когда было убито около десяти тысяч человек, большая часть умеренных членов военно-гражданской хунты ушла в отставку и покинула страну, объяснив этот шаг своей неспособностью положить конец зверствам со стороны армии и „эскадронов смерти“. Основная часть бывших членов военно-гражданской хунты находится сейчас в изгнании или присоединилась к действующим в подполье партизанам.

Поскольку к концу 1980 года влияние сторонников реформ упало, „операции по борьбе с подрывными элементами стали более успешными, — заявил Д'Обюссон Крейгу Пайесу в 1983 году, — так как военные могли проводить их теперь открыто“. Пайес и Беклунд, получив доклад одной сальвадорской правой организации и опубликовав выдержки из него, подтвердили „эту точку зрения“.

17 июня 1980 года, через девять месяцев после переворота, сотрудник разведки под псевдонимом Альфа составил меморандум, в котором выразил удовлетворение по поводу нового направления военных действий. В нем говорилось:

„Военные операции вооруженных сил сейчас стали более эффективными. Они воздействуют на болевые точки врага, разрушая важные части их организационной структуры. И наконец, сальвадорская армия выходит за рамки ведения войны традиционными методами“.

Американский дипломат в Сальвадоре попытался объяснить зверства этого периода необходимостью сломить сопротивление партизан. „Теория „грязной войны“ несомненно имела здесь своих приверженцев в период с 1979 по 1981 год, — заявил он. — Для ликвидации сторонников партизан власти стремились убить как можно больше людей. Убийства в 1980 и 1981 годах совершались для того, чтобы разгромить Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти“.

Этот же американский дипломат не согласился с мнением других наблюдателей о том, что „эскадроны смерти“ нередко действовали наугад. Он считал, что их действия были нацеленными и поэтому приносили большие результаты.

Выиграв конфронтацию с Махано, в июле 1980 года Д'Обюссон приехал в Вашингтон. Тем временем „нетрадиционная война“ набирала силу. Д'Обюссона в поездке в США сопровождал Орlando де Сола, один из активных членов сальвадорских „четырнадцати семейств“, щедро финансировавших Д'Обюссона. Администрация Картера отказала им во въездной визе. Это заставило Д'Обюссона и де Сола въезжать в Соединенные Штаты нелегально. Однако такие вещи не особенно беспокоили его сторонников из числа „новых правых“. Оба гватемальца встретились с руководителями Фонда наследия и Совета по вопросам межамериканской безопасности, были

почетными гостями на конференции в Вашингтоне, организованной Советом по безопасности США и Американским легионом. На конференции присутствовал конгрессмен Ларри Макдональд.

Через два месяца Д'Обюссон выехал в Буэнос-Айрес на конференцию латиноамериканского отделения Всемирной антикоммунистической лиги. Председательствовал на конференции бывший генерал аргентинской армии Суарес Мейсон*. Присутствовал и боливийский полковник Луис Гарсия Меса*, офицер из числа неофашистов, который при поддержке аргентинских военных и на полученные в результате наркобизнеса деньги несколько месяцев до этого совершил кровавый переворот и захватил власть в стране. Почетными ораторами на конференции были пожизненный президент Парагвая генерал Альфредо Стресснер, президент Аргентины генерал Рафаэль Видела* и Марио Сандоваль Аларкон из Гватемалы.

В заключение трехдневной работы конференция приняла несколько резолюций, включая призыв „к выдворению из Латинской Америки иезуитов за их марксистскую, неокOLONиалистскую идеологию и за организацию под предлогом евангелизации партизанского движения в сельских районах“. Она осудила Дж. Картера за „содействие продвижению марксизма в страны Латинской Америки, за политику в так называемой области прав человека и использование ее в качестве политического оружия против тех правительств, которые эффективно борются с подрывными действиями коммунистов во всех их формах“. Конференция также осудила комиссию по правам человека США и ООН, а также Международную амнистию за их якобы „марксистские взгляды“.

В поездке на сентябрьскую конференцию ВАКЛ в Буэнос-Айрес Д'Обюссона сопровождал Луис Анхель Лагос, член Национальной ассамблеи Партии национального примирения и бывший функционер ОРДЕНА.

„Мы постоянно находимся в состоянии войны, — громогласно заявил Лагос, — которую ведем под девизом: „Единственным хорошим коммунистом, который останется в нашей стране, будет мертвый коммунист“.

Он высоко оценил опыт Аргентины, Боливии, Чили и Уругвая в использовании „нетрадиционных методов ведения войны“ в отношении „подрывных элементов“.

* Суарес Мейсон бежал из Аргентины, где против него были выдвинуты обвинения в соучастии в „грязной войне“. Полковник Гарсия Меса разыскивается Агентством по борьбе с распространением наркотиков США за участие в торговле кокаином. Генерал Видела отбывает в тюрьме в Буэнос-Айресе пожизненное заключение за санкционирование незаконных задержаний, пыток и массовых убийств. — *Прим. авт.*

В своей речи Д'Обюссон поддержал резолюции конференции, приведя в качестве примера проблемы, которые встали перед Сальвадором.

Участие Д'Обюссона в работе конференции в Буэнос-Айресе имело большое значение для его дальнейшей карьеры: там он встретился и близко познакомился с некоторыми латиноамериканскими правыми, которые в течение многих лет оказывали помощь своим сальвадорским единомышленникам.

Франциско Хосе Геррера, председатель Верховного суда Сальвадора, обаятельный человек, который в течение десятилетий был в гуще беспокойной политики своей страны. Он — один из лидеров Партии национального примирения и был членом ряда правительств страны. На свой очередной пост был назначен в 1984 году президентом Хосе Наполеоном Дуарте. Это было сделано в качестве ответного шага за голоса ПКН, которые были отданы Дуарте во втором туре голосования и которые помогли ему завоевать большинство в Национальной ассамблее. Геррера обожает политические сплетни, способствующие в конечном счете укреплению его политической власти. Он проявляет большой интерес к работе Всемирной антикоммунистической лиги.

По пути в его просторный кабинет в современном здании Верховного суда в Сан-Сальвадоре пришлось проходить мимо витрины с тайваньскими пропагандистскими материалами и брошюрами, воспроизводящими речи, произнесенные на конференциях лиги. На вопрос о том, имеет ли какое-либо значение такое количество литературы ВАКЛ, Геррера с улыбкой ответил: „Нет. Я не присутствовал ни на одной конференции ВАКЛ. Я просто не люблю всякое „анти““.

Но верховный судья знаком со многими членами лиги. В 70-х годах, будучи членом сальвадорского правительства, он был представлен Рафаэлю Родригесу, лидеру и главному эмиссару мексиканских „текос“. „Родригес, — заявил Геррера, — пригласил меня посетить Гвадалахару“.

Человеком, который познакомил Геррера с Родригесом, был их общий друг Луис Анхель Лагос, еще один функционер партии ПКН, занимавший в то время пост пресс-секретаря президента. Геррера заявил, что Лагос имеет „очень тесные контакты“ с „текос“, а через них с руководством Всемирной антикоммунистической лиги. „Сложилось впечатление, что „текос“ хотели получить помощь для проведения антикоммунистической публичной кампании, — заявил Геррера. — Родригес показался мне очень приятным человеком, однако я отклонил его приглашение“.

„Они (члены ВАКЛ) приезжали сюда, чтобы помочь сальвадорским антикоммунистам в организационных вопросах: взять их с собой на Тайвань

и тому подобное... После поездки в Тайбэй они обеспечили сальвадорцев деньгами (я не знаю размеров суммы долларов) для публикации материала против коммунистов. И те вернулись домой (в Сальвадор) с готовыми программами проведения антикоммунистических кампаний”.

Из интервью Геррера,
март 1985 года, Сан-Сальвадор

У полковника Сантиванеса другое мнение о „текос”. Когда он был начальником военной разведки, „текос” обращались к нему с предложением услуг.

„Они предлагали нам все: оружие, информацию, людей для совершения убийств, но хотели получить взамен деньги. Они даже предлагали ликвидировать некоторых. Хвалились тем, что якобы составили список лиц, подлежащих убийству в США, но пока никого не прикончили, поскольку все еще не разработаны средства обеспечения операций”.

Из интервью Сантиванеса
одному из авторов книги,
март 1985 года, Вашингтон

Сантиванес утверждал, что услугами „текос” он никогда не пользовался.

В 1980 году на конференции в Буэнос-Айресе Д’Обюссон установил тесные контакты с представителями американских „новых правых”. Наблюдателями на этой конференции были Марго Карлисл, помощник сенатора Джеймса Макклур (республиканец от штата Айдахо), и Джон Карбо, хороший знакомый Роджера Пирсона и помощник (в 1980 году) сенатора Джесси Хелмса (республиканец от штата Северная Каролина). Эти два американца сыграли исключительно важную роль в „переоснащении” лидера сальвадорских „эскадронов смерти”.

Когда в ноябре 1980 года Рейган был избран на пост президента США, сальвадорские правые торжественно вышли ночью на улицы.

После этого началась кровавая бойня. „Наиболее страшные события произошли, — вспоминает американский дипломат в Сан-Сальвадоре, — в период между избранием Рейгана и его вступлением в должность”. В эти два месяца масштабы террора резко возросли, и его жертвами впервые стали американцы. В ноябре в Сан-Сальвадоре были похищены пять известных левых политических деятелей. На следующий день их расчлененные тела были обнаружены на окраине города. В декабре три американские монахини и находящаяся вместе с ними женщина были зверски изнасилованы и убиты солдата-

ми национальной гвардии. В том же месяце через день после прибытия в Сан-Сальвадор исчез американский журналист Джон Солливан. Его тело было обнаружено только в 1983 году. Специалист судебной медицины определил, что он был убит в результате взрыва динамитной шашки, привязанной к животу.

В январе 1981 года в кафе сан-сальвадорской гостиницы „Шератон“ были убиты глава сальвадорского Агентства по проведению аграрной реформы и два советника из Американского института развития свободного труда. Вина за убийство возлагалась на ближайших сторонников и друзей Д'Обюссона, присутствовавших в помещении, где было совершено преступление.

Большую часть вины за жестокости того периода американские дипломаты возлагают на приехавших „повеселиться“ в Сальвадор американских „новых правых“, которые подчеркивали свои связи с приходящей к власти администрацией Рейгана.

„Приехавшие сюда Джесси Хелмс и другие заявляли, что права человека не входят в повестку дня Рейгана, что коммунизм необходимо вырвать с корнем. Многие из них утверждали, что говорят от имени новой администрации (постов в ее составе они, однако, не получили).“

Осуществлялись интенсивные контакты между Д'Обюссоном и помощниками Хелмса Джоном Карбо, Дебора Демосом, Крисом Мэнионом, которые сыграли большую роль в разработке различных призывов и лозунгов партии АРСЕНАЛ и в приобщении ее к „республиканским идеалам“.

Беседовавший с автором книги американский дипломат особенно возмущался тем, что Хелмс позволил Д'Обюссону втянуть его в свои дела. Некоторые американские консерваторы, возможно, не были осведомлены о темных сторонах деятельности Д'Обюссона, но не Хелмс. Как один из руководителей сенатского комитета по иностранным делам конгресса США, сенатор от Северной Каролины имел доступ к сообщениям американского посольства, в которых подробно освещалась причастность Д'Обюссона ко многим убийствам.

Администрация Рейгана также не могла сказать, что она не была информирована. „С первых дней пребывания у власти, — свидетельствовал бывший посол США Роберт Уайт в сенатском подкомитете по делам Западного полушария, — рейгановский Белый дом знал — и в этом нет никаких сомнений, — что Роберто Д'Обюссон планировал и приказал осуществить убийство архиепископа Оскара Арнульфо Ромеро: вся информация направлялась посольством в Вашингтон.“

Администрация Рейгана посчитала возможным не исполь-

зывать сообщения посольства и другие материалы и не принимать мер в отношении тех сальвадорских эмигрантов, которые финансировали „эскадроны смерти“. Белый дом взял на себя большую ответственность, когда решил скрыть данные об убийстве архиепископа Ромеро и не использовать собранные посольством свидетельства, чтобы положить конец амбициям Роберто Д'Обюссона, и за это он должен отвечать“.

Бывший посол особенно откровенен в своих выводах:

„Администрация президента Картера недвусмысленно считала бывшего майора Роберто Д'Обюссона террористом, убийцей, руководителем „эскадронов смерти“. Как посол, я не допускал его в американское посольство и успешно препятствовал въезду в нашу страну.

Вскоре после прихода к власти президента Рейгана его администрация пересмотрела эту политику и начала процесс реабилитации бывшего майора. Администрация Рейгана выдала Д'Обюссону визу на въезд в Соединенные Штаты, сделала из него почетного гостя нашего посольства, организовала дело так, чтобы он регулярно встречался с высокопоставленными чиновниками администрации, посещающими Сальвадор сенаторами и конгрессменами. Законодатели, конечно, не знали, какими неопровержимыми доказательствами против Д'Обюссона мы располагаем“*.

Американские консерваторы, поддерживавшие тесные связи с разведывательными службами страны, дали простое объяснение фактам игнорирования имевшихся против Д'Обюссона материалов: вначале администрация Рейгана хотела спасти репутацию Д'Обюссона и использовать его в качестве противовеса либеральной Христианско-демократической партии. В глазах нового американского президента христианские демократы запятнали себя участием в работе недолго просуществовавшей военно-гражданской хунты 1979 года, которая якобы хорошо относилась к левым. В защиту своей позиции администрация могла сослаться на содержание так называемой „Белой книги“ — „Вмешательство комму-

* Тут посол Уайт представляет конгрессу своеобразную отдушину. Использование Д'Обюссоном „эскадронов смерти“ к весне 1981 года широко обсуждалось в средствах массовой информации всех политических направлений. Единственными встречавшимися с Д'Обюссоном законодателями, не знавшими об имевшихся против него материалах, могли быть лишь те, которые не читали газет с февраля 1980 года. — *Прим. авт.*

нистов в дела Сальвадора" от февраля 1981 года — противоречивый документ, в основу которого легли главным образом предоставленные Д'Обюссоном сфабрикованные документы**.

Д'Обюссон своеобразным путем высказал благодарность своим новым американским покровителям. 10 марта 1981 года он созвал пресс-конференцию, на которой объявил, что в ходе консультаций с членами новой американской администрации он получил одобрение на организацию переворота для приведения к власти военного правительства. Соединенные Штаты отрицали это, и на следующий день посольство США в Сан-Сальвадоре забросали банками с краской.

„Этот инцидент (нападение на посольство) имеет все признаки причастности к нему Д'Обюссона, — заявил Федерик Чапин, временный поверенный в делах США. — Но нас нельзя запугать“.

В 1981 году Д'Обюссон действовал на политической арене Сальвадора с нескрываемой жадной мести, похваляясь своими высокими связями с только что приведенной к присяге администрацией Рейгана. Распустив свою полусекретную партию ФАН, он объявил о создании Националистического республиканского союза (АРЕНА). То, что именно в Гватемале он сделал заявление о создании этой партии, не является случайным.

По общему мнению, движущей силой в деле образования АРЕНЫ был Марио Сандоваль Аларкон. Он убедил сальвадорцев создать действительно боевую политическую партию с более широкой, чем у ФАН, базой и перейти от затворничества к проведению полувоенных операций или акций с участием „эскадронов смерти“. Мико заявил, что для этих целей он через своих родственников и с помощью связей в Майами получил несколько миллионов долларов. Свою лепту в это дело внесли и богатые сальвадорские эмигранты.

* Основным автором „Белой книги“ являлся генерал-лейтенант в отставке Даниэль О. Грэм, который в 1979 году вошел в состав Всемирной антикоммунистической лиги. В 1980 году Грэм встретился в Майами с Д'Обюссоном и рядом богатых сальвадорских эмигрантов, будущих сторонников партии АРЕНА. Репортер Крейг Пайес пишет:

„Ряд присутствовавших на этой встрече сальвадорцев вспоминали, как во время разговора Грэм спросил Д'Обюссона, не может ли он получить доказательства, что действиями сальвадорских партизан руководят внешние силы. Приходящая к власти администрация Рейгана считала, что такие доказательства нужны для воздействия на американское общественное мнение, чтобы увеличить военную и экономическую помощь Сальвадору.

Д'Обюссон добыл такие доказательства — документы, как потом было доказано, являлись поддельными. Однако это не помешало новой американской администрации использовать „Белую книгу“ в качестве предлога для расширения своего вмешательства в дела Сальвадора“. — *Прим. авт.*

Новая политическая партия Д'Обюссона фактически явилась копией сальвадорской МЛН. Лозунг АРЕНЫ — „бог, Отечество, свобода“ — был заимствован у МЛН, как и цвета флага партии — красный, белый и голубой. „В этом нет ничего нового, — заявил Сандоваль репортеру Пайесу, — правые партии в Центральной Америке в организационном плане построены одинаково“.

После создания АРЕНЫ Карлос Миденс Пиварал, родственник Сандовалья и член Всемирной антикоммунистической лиги, заявил Пайесу: „АРЕНА — это мой ребенок!“*

„Как и другие члены МЛН, он (Миденс) заявляет, что АРЕНА точно повторяет МЛН с точки зрения организации, идеологии и символов. По словам Миденсо, который консультировал сальвадорцев относительно методов подпольной работы, 1980 год был годом, когда сальвадорские правые изучали вопрос о том, как привлечь армию к совместной работе. В 1981 году они уже имели конкретные результаты“.

Хотя главным „двигателем“ в деле создания АРЕНЫ был Сандоваль, Беклунд и Пайес считают, что к этому делу приложила руку и международная организация, членом которой был лидер МЛН. „Всемирная антикоммунистическая лига, очевидно, инспирировала создание во многих странах мира воинственных, антикоммунистических партий“.

Если гватемальцы подали Д'Обюссону идею создания АРЕНЫ, то американские консерваторы сделали ее жизнеспособной. „Маккензи-Макчейн“ — вашингтонская рекламная фирма — взяла на себя задачу распространения в Соединенных Штатах сообщения о создании новой антикоммунистической партии. Джуди Бейшор, сотрудница этой фирмы, „представила“ Орlando де Сола Вашингтону. Марго Карлиси, помощник сенатора Макклурa по законодательным вопросам, участвовавшая в работе Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации 1980 года, организовала посещение Рикардо Вальдивьесом, одним из основателей АРЕНЫ, американских организаций „новых правых“. В январе 1982 года консультант по проведению избирательной кампании „новых правил“ Пол Уэйрич пригласил Вальдивьеса присутствовать на его семинаре по проблемам организации эффективных политических кампаний, а сенатор Хелмс попросил его выступить на заседании сенатского комитета по иностранным делам. А тем временем два помощника Хелмса Джон Карбо

* По словам Пайеса, Миденс носит нацистский медальон, который якобы был вручен ему в Аргентине бывшим личным секретарем Геббельса, министра пропаганды в правительстве Гитлера. — *Прим. авт.*

и Крис Мэнион разъезжали между Вашингтоном и Сан-Сальвадором, консультируя Д'Обюссона по вопросам о том, как сделать АРЕНУ „респектабельной демократической партией“.

В то время как американские консерваторы делали все для реабилитации бывшего „майора“, число жертв в Сальвадоре достигло в 1981 году пятнадцати тысяч. Большинство убийств было совершено „эскадронами смерти“, которые контролировали Д'Обюссон и его приспешники из службы безопасности. Тем не менее к марту 1982 года создание „нового образа“ Д'Обюссоном было закончено. Выставив свою кандидатуру на финансируемых США выборах, „майор Боб“ победил. В Законодательной ассамблее так много мест принадлежало союзникам Д'Обюссона, что они могли контролировать правительство. АРЕНА взяла под свою опеку Институт аграрных преобразований, который занимался вопросами передачи земли крупных землевладельцев крестьянам. Одно время во главе института стоял Хосе Рудольфо Виера, но сторонники Д'Обюссона убили его в отеле „Шератон“ вместе с двумя американскими советниками по вопросам трудового законодательства. После выборов выполнение программы по приведению земельной реформы было приостановлено.

Уяснив, что после выборов правые в Сальвадоре прибирают к своим рукам власть, Соединенные Штаты добились избрания на пост временного президента страны консервативного банкира и крупного землевладельца Альваро Маганья (чтобы не допустить на эту должность Д'Обюссона). „Прошло много времени, пока США поняли, что у них есть враги в числе правых, — заявил американский дипломат в Сан-Сальвадоре. — Хорошо, что это поняли до того, как дело приняло слишком серьезный оборот. А такие вещи уже начали случаться“.

Реакция администрации Рейгана на успех АРЕНЫ в 1982 году заключалась в основном в выполнении роли стороннего наблюдателя. Между тем по мере роста общественного возмущения по поводу совершаемых представителями этой партии зверств Д'Обюссон, который являлся председателем Национальной ассамблеи, и поддерживавшие его военные офицеры постепенно подпадали под определенный общественный контроль. Большая же часть американских „новых правых“ стеной встала на защиту своего центральноамериканского союзника-антикоммуниста. В январе 1983 года Д'Обюссон получил письмо, подписанное Полом Уэйричем, представителями Республиканского исследовательского комитета, „Консервативного кокакса“, „Морального большинства“ и других организаций, в котором одобрялись его действия.

В декабре 1983 года после резкого роста активности „эскадронов смерти“ Сальвадор посетил вице-президент США Джордж Буш. „Если убийства со стороны „эскадронов смер-

ти" будут продолжаться, — заявил Буш президенту Магана, — вы потеряете поддержку американского народа, а это будет очень плохо".

Хотя увещевания Буша сильно запоздали, уменьшение числа убийств было единственным средством, используя которое администрация Рейгана могла бы доказать, что в Сальвадоре улучшается положение с правами человека. А это было необходимо для того, чтобы конгресс санкционировал предоставление Сальвадору помощи и направление туда военных советников.

Буш передал президенту Сальвадора список военных и гражданских лиц, которые, по мнению США, участвуют в насилиях. В течение нескольких последующих недель некоторые из этих офицеров были направлены за границу на дипломатические посты, другие повышены в должности или переведены в другие места, с тем чтобы можно было как-то нейтрализовать их активность. „Когда насилие со стороны „эскадронов смерти" возросло в октябре 1983 года, — сказал президент Маганья одному из авторов книги в мае 1984 года, — у нас возникли подозрения в отношении некоторых лиц. Мы предупредили их, и акты насилия прекратились".

Случайно сделанное Маганьей признание изобличает тесное и порочное переплетение различных звеньев сальвадорской системы. Маганья смог, по его словам, положить конец насилию со стороны „эскадронов смерти". Однако у него не хватило власти, чтобы распустить их организации или наказать виновных.

У Рафаэля — так этот человек пожелал назвать себя — такая профессия, которая давала ему возможность „узнать очень много для своего же собственного блага". Он работал водителем такси в г. Сонсонате, который находится на востоке Сальвадора. Ему неоднократно приходилось выполнять приказы других, невольно становясь соучастником некоторых актов насилия. Дважды его такси использовали повстанцы: один раз, когда они убили мэра деревни Армения, и другой раз во время нападения на телефонную станцию в Металио около г. Сонсонате. Однако Рафаэль говорит в основном о своих „клиентах" из числа военных.

„Они никогда не платят. Просто подходят и говорят: „Поехали". Я еду, никогда не задаю вопросов. Они показывают мне на дом и говорят: „Жди". Я слышу: „Бянг, бянг, бянг", знаю, что кого-то убивают, но никогда не смотрю в ту сторону. Я ничего не вижу. Иногда они возвращаются с человеком. Говорят мне: „Поехали" и убивают его по дороге. Вот поэтому мои домашние говорят мне, чтобы я бросил водить такси".

Когда один из авторов спросил Рафаэля, называют ли себя эти убийцы из числа военных „эскадрона смерти",

он рассмеялся. „Они все из секции II (разведка). Такая секция есть и в национальной гвардии, и в армии. Она есть везде“.

Когда шофера спросили о начальнике какого-то загадочного военного учреждения в Металио сержанте Ривасе, он заволновался.

„Мне кажется, он очень строгий“. — „А что скажешь о его зоне, происходят ли там стычки?“ — „Нет, там очень спокойно“. — „Как Ривасу удается создавать там спокойную обстановку?“ — „Если скажут, что кто-то партизан, секция II заберет и расстреляет его“. — „По приказу Риваса?“ — „Мне кажется, что он очень строгий“.

Если президенту Маганье не удалось установить полного контроля над „эскадронами смерти“, то не лучше обстояли дела и у его преемника Хосе Наполеона Дуарте, либерального христианского демократа, который сменил Маганью в июне 1984 года. Несмотря на сделанную по требованию американцев перестановку среди некоторых основных армейских командиров, которые, как полагают, имели прямое отношение к созданию „эскадронов смерти“, Дуарте не позволили принять решительных мер против тех, кого он называет „нацистскими фашистами“.

Причина этого проста: с помощью гватемальской МЛН, Всемирной антикоммунистической лиги и американских „новых правых“ неофашисты вошли в состав АРЕНы. Поскольку АРЕНА стала главной оппозиционной партией, то любая принятая Дуарте против нее мера рассматривалась бы в качестве произвола против „законного“ политического движения.

Эту дилемму Дуарте раскрыл в интервью, которое он дал журналу „Плейбой“ в 1984 году:

„Плейбой“: Когда Вы говорите о неофашистах, имеете ли в виду политические силы Роберто Д’Обюссона?

Дуарте: Несомненно. Без каких-либо колебаний я скажу, что он был ключевой фигурой в кампании дестабилизации. Имеются доказательства этого.

„Плейбой“: Вы называете неофашистом конкретно Д’Обюссона?

Дуарте: Я абсолютно уверен в этом.

„Плейбой“: Если Д’Обюссон и его сторонники из АРЕНы являются неофашистами и если, как Вы утверждаете, они связаны с „эскадронами смерти“, то эти группы, несомненно, можно поставить вне закона хотя бы потому, что они вооружены.

Дуарте: Не совсем так. АРЕНА как политическая партия — это одно дело; вооруженные группировки — совсем другое“.

У администрации Рейгана, возможно, имелись и другие причины сожалеть о той поддержке, которую она ранее оказывала Д'Обюссону. В июне 1984 года после избрания Дуарте президентом бывший майор появился в компании сенатора Хелмса и заявил, что ЦРУ „купило выборы“ и что посол США Томас Пикеринг выступал в качестве „агента по скупке голосов“. Через несколько дней, когда американские власти обвинили Д'Обюссона в планировании убийства Пикеринга, Хелмса привлекли для умиротворения несдержанного бывшего майора. В декабре 1984 года Д'Обюссону выдали туристскую визу для посещения Вашингтона, где он выступил в Джорджтаунском университете перед членами организации „Молодые американцы за свободу“.

В определенный период сальвадорские вооруженные силы осуществили некоторые изменения в своей тактике. Многие считают, что такое изменение произошло благодаря усилиям подполковника Доминго Монтероса. Во время интервью с одним из авторов книги в октябре 1984 года Монтероса высказывал похвалу в адрес тайбэйского правительства.

Бронзовый знак на его столе в штабе третьего пехотного батальона в г. Сент-Мигеле свидетельствует о том, что Монтероса успешно окончил „тридцать первые курсы политической войны“ в академии в Пейтоу.

Тайбэйский режим пользуется беспрецедентным влиянием в Сальвадоре. Его посол является дуайеном дипломатического корпуса и возглавляет его на каждом важном государственном мероприятии.

Начиная с 1970 года Тайбэй предлагал ряду избранных военных офицеров и некоторым политическим деятелям совершить полностью оплаченные поездки для изучения в академии тактики ведения политической и психологической войн. Через эти курсы прошло большинство высших офицеров сальвадорской армии. Подполковник Монтероса учился в академии с сентября по ноябрь 1978 года.

„Что нам действительно нравилось на Тайване, — заявил Монтероса, — так это организация правительства и его контроль над народом. Если бы можно было организовать в каждой области деятельности подразделение „политической войны“, мы могли бы более объективно решать проблемы страны и покончить с экспансией коммунистов“.

Монтероса высказывал сожаление по поводу того, что, хотя он и его товарищи по офицерскому корпусу вернулись с Тайваня „полные энтузиазма“ в связи с полученными знаниями, их предложения не всегда находили отклик у старших офицеров.

Когда Монтеросе задали вопрос, не учили ли в Пейтоу его и его товарищей методам использования психологического

террора против гражданского населения, он быстро и спокойно ответил „да“*.

„В Гватемале — добавил он, — тайваньцы проделали подобную же работу, и там широко используют их опыт. В Пейтоу нас учили, как представлять себя гражданскому населению и завоевать его на свою сторону. Нас учили ведению войны с участием населения“.

Несколько дней спустя один из авторов поехал с подполковником в холмистый район в департаменте Морасан около гондурасской границы, который переходил из рук одной страны к другой, и увидел, как Монтероса на практике применял усвоенный им на Тайване метод.

Вертолет приземлился на один из холмов в районе джунглей, очищенных за день до этого передовым взводом Монтеросы от партизан. Было собрано около двухсот крестьян, чтобы окончательно прочесать район.

„Подрывные элементы просочились в ряды этих людей, — заявил Монтероса автору, когда вертолет приземлился, — потому что каждый раз, когда мы приходим в этот район, обнаруживаем только крестьян“.

В течение нескольких часов, сидя за столом с микрофоном в руках, Монтероса „развивал сознание этих людей“. Рядом с ним сидела женщина — „работник в области социальных вопросов“, одна из тридцати подготовленных специалистов в области ведения психологической войны, в основном женщин, разбросанных по региональным гарнизонам Сальвадора.

„Мы ваши настоящие братья, — говорил Монтероса крестьянам. — Мы не прислуживаем богатым. Разве вы видите среди нас богатых? Мы отдаем свою кровь земле, но сделать ее плодородной должны вы“.

Однако крестьяне проявляли больше интереса к футбольным мячам, находящимся в еще нераспакованных картонных коробках и к ящикам с детской одеждой, которые солдаты складывали около стола.

„Мы все индейцы, — кричала в микрофон женщина-психолог, — настоящие сальвадорцы. Разве мы позволим иностранцам (кубинцам и русским) захватить нашу землю?“

Когда она закончила свои призывы к национальному самосознанию, продолжал говорить Монтероса.

„Некоторые из вас подходили ко мне и говорили, что вас беспокоят партизаны. Я знаю, что они есть и среди вас. Если у вас есть какие-то проблемы или хотите что-то нам рассказать, подходите сюда. Это пойдет на благо вашим деревням“.

* Полученную подготовку Монтероса вскоре использовал на практике. В декабре 1981 года войска под его командованием истребили около тысячи гражданских лиц в районе деревни Мосоте. — *Прим. авт.*

Крестьяне беспокойно зашевелились.

„Разве я говорю вам неправду? Разве неверно то, что среди вас есть партизаны? Но я ведь не послал сюда солдат. Я не посылал сюда самолеты, чтобы бомбить вас, не так ли?“

Один за другим люди выходили вперед. Солдаты распределяли между ними одежду, бросали им футбольные мячи.

„Это по-тайваньски?“ — спросил автор Монтеросу, когда он записывал показания крестьян.

„Конечно“.

В день, когда автор покидал район боевых операций и возвращался в Сальвадор, сорокачетырехлетний подполковник продолжал свою „войну“ с участием масс. Когда вертолет Монтеросы вместе со старшими офицерами и некоторыми гражданскими лицами поднялся над окружающей местностью, взрыв бомбы разнес его в куски. В Сальвадоре наступило еще одно утро.

Глава 16

„КОНТРАС“

Поддерживали ли некоторые члены Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации связь с „эскадронами смерти“? Я думаю что это имело место. В Центральной Америке развернулась настоящая война. Горячая, а не „холодная“.

М. Дуарте, глава гондурасского отделения Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации. Тегусигальпа, март 1985 года

Генерал оглядел конференц-зал гостиницы в городе Сан-Хосе (Коста-Рика) и, будто отвечая на все обвинительные вопросы сразу, с жалобными нотками в голосе повторял: „Я выношу свое мнение на суд истории“.

„Отдавали ли вы приказ об уничтожении своих политических противников, когда находились у власти?“ — задал вопрос один из репортеров, находившихся в душной комнате. „Я не могу отвечать за каждого исчезнувшего в стране человека“, — отвечал генерал.

Светлокожий и несколько грузный генерал Альварес говорил потом решительно. Его лоб и часть головы с редкими волосами покрылись капельками пота. Он созвал пресс-конференцию, на которой пытался объяснить причины своего смещения с поста. Еще три дня назад он был главнокомандующим гондурасской армией, сегодня стал эмигрантом, под дулом пистолета отстраненным от власти своими коллегами-офицерами, которые затолкали его в самолет.

Находясь не в военной форме, а в сером гражданском костюме, когда-то всесильный и внушавший страх глава гондурасских военных казался сейчас меньше ростом и совсем не страшным. Человек, которого уже начали называть „новым Сомосой“, пытался философствовать, объясняя причины своего падения. Он обратил внимание собравшихся на ведущуюся в регионе антикоммунистическую борьбу.

„Моя страна находится сейчас в сложном положении, как и вся Центральная Америка. Нам нужно единство, спокойствие, нам нужна стабильность, чтобы отразить нападки смертельного врага. И все мы знаем, что это за враг“.

История взлета и падения генерала Густава Альвареса Мартинеса — это история современного Гондураса. До него страна жила в относительно спокойной обстановке. Ее обходило насилие, потрясавшее другие страны Центральной Америки. Альварес Мартинес вовлек Гондурас в конфликт, и страна присоединилась к списку государств, использующих в борьбе с инакомыслящими методы „грязной войны“. Он оставил страну в состоянии паралича, на пороге вступления в войну с Никарагуа. „Белая рука“ выступала в Гондурасе в лице одного человека — Альвареса Мартинеса, что в определенной степени уникально для Латинской Америки. Его быстрое восхождение к вершинам власти, которому способствовали многие члены Всемирной антикоммунистической лиги, дает ключ к объяснению критического состояния, в которое была ввергнута страна.

То, что Гондурас оказался в центре борьбы, развернувшейся в этом регионе, почти целиком лежало на совести одного Альвареса Мартинеса. Гондурасские „эскадроны смерти“, ответственные за гибель более чем трехсот человек, являются его детищем. Положение Гондураса как „прифронтового“ государства и основного плацдарма, с которого администрация Рейгана вела кампанию за свержение левого правительства в Никарагуа, явилось прямым результатом того, что Альварес выполнял у ЦРУ роль „мальчика на побегушках“.

Расположенный между Гватемалой, Сальвадором и Никарагуа, Гондурас является горной страной, бедной на природные ресурсы, населенной в основном фермерами, ведущими натуральное хозяйство. В течение десятилетий американские многонациональные корпорации „Стандард фрут“ и „Юнайтед фрут“ использовали эту страну как гигантскую плантацию. Эти компании создали большую часть имеющейся в Гондурасе экономической инфраструктуры: они построили порты, железные и шоссейные дороги и даже некоторые города.

Именно эти две компании довели Гондурас до состояния крайней нищеты, сделали его самой бедной страной этого региона. И только Боливия и Гаити, эти два, как говорили про них лишенные „рук и ног“ государства, оказались в худшем состоянии, чем Гондурас. Две американские „фруктовые компании“ управляли страной, громили ее профсоюзное движение, в ходе мошеннических выборов приводили к власти военные правительства, заставляли молчать любого, кто мог бы посягнуть на их монополию.

Как это ни странно звучит, но традиционная бедность Гондураса имела для него даже положительную сторону. Поскольку из-за бедности в Гондурасе не было условий для существования олигархии нескольких богатых семейств, он

избежал кризисов и гражданских беспорядков, которые в течение почти всего столетия сотрясали его соседей. Сальвадор „взорвался“ в 30-х годах, Гватемала — в 50-х и 60-х, Никарагуа — в 70-х, а Гондурас оставался относительно спокойным.

Все изменилось в конце 70-х годов, когда представители сандинистского движения, пытавшиеся свергнуть династию Сомосы в соседнем Никарагуа, стали использовать Гондурас в качестве своей опорной базы. Успехи никарагуанской революции 1979 года в первый раз поколебали статус-кво этой консервативной в политическом и военном отношении страны. Эта победа придала силы и вдохновение другим борющимся партизанам. В последующие годы она оказала влияние на политическое положение во всех центральноамериканских государствах.

В торжественные и бурные, следовавшие за падением режима Анастасио Сомосы дни из подполья вышли наиболее законспирированные сторонники сандинистского движения. На политической арене как в Никарагуа, так и в других странах включая Гондурас, появились тщательно скрывавшиеся ранее силы. Люди, которые в сомосовские времена тайно работали на революцию, стали открыто выступать как убежденные революционеры. Этот опрометчивый „выход из убежищ“ оказался фатальной ошибкой, поскольку ультраправые элементы повсюду стали мобилизовывать свои силы для искоренения „коммунистической угрозы“.

Не генерал Альварес Мартинес изобрел гондурасские „эскадроны смерти“, однако именно он отмобилизовал их, включил в состав вооруженных сил и позволил вести „грязную войну“.

В конце 1979 и начале 1980 года три ранее неизвестные группы — Национальный фронт в защиту демократии, Гондурасское антикоммунистическое движение и Антикоммунистическая боевая армия — высказывали открытые угрозы в адрес левых лидеров. Хотя многие считали, что в состав этих организаций входят гражданские головорезы, подкупленные немногими имеющимися гондурасскими богачами, фактически эти лица действовали по приказу правительственных сил общественной безопасности (ФУСЕП).

Эфрон — это агент ФУСЕП. Хорошо одетый, около 30 лет, он создает впечатление легкой самоуверенности. Похож на чрезвычайно энергичного бизнесмена средней руки. Только необычно сконцентрированный взгляд его коричневых глаз выдает страх. Он скомпрометирован, его „руки в крови“, и он знает, что будет использован снова. В течение предшествующего года он не получал приказов о „возвращении в строй“, но боится, что может получить в любое время. Во время нескольких бесед, проведенных одним из авторов книги

с Эфроном в 1985 году, он описал свою роль в войне, о которой вооруженные силы никогда не смогут говорить открыто. Это свидетельства человека, принимавшего участие в деятельности гондурасских „эскадронов смерти“ с момента их создания.

В 1979 году он был вовлечен в проводившуюся ФУСЕП антикоммунистическую кампанию молодым офицером Александро Эрнандесом, с которым познакомился за несколько лет до того, во время прохождения обязательной воинской службы. Его первым заданием было наблюдение за своим знакомым, который, по мнению Эрнандеса, являлся „левым коллаборационистом“. После довольно невинного начала Эфрон понял, что окончательно запутался, выполняя в течение последующих пяти лет роль активного оперативного помощника Эрнандеса, ставшего к тому времени капитаном. И только после падения Альвареса Мартинеса, наставника и защитника Эрнандеса, у Эфрона появилась возможность отпроситься во „временный отпуск“.

Вторым долгосрочным заданием Эфрона было внедрение в Национальный автономный университет Гондураса, который располагается на высоких зеленых холмах, с прекрасным видом на Тегусигальпу.

Военные круги Гондураса уже давно беспокоило то, что левые силы взяли под свой контроль этот университет. Во время никарагуанской революции важную поддержку сандинисты получали от Центральноамериканской федерации автономных университетов, ставшей традиционным убежищем для левых лидеров, военных реформистов и даже партизан. Сандинисты, сальвадорские и гондурасские левые использовали университеты в качестве легального прикрытия для своих политических организаций. Их деятельность в Гондурасе носила настолько открытый характер, что никарагуанский диктатор Анастасио Сомоса назвал гондурасский университет „прибежищем марксистов“, а его ректорат — „главным кровителем подрывной и марксистской деятельности в регионе“.

„Проблема, с которой правительство столкнулось в своих отношениях с университетом, — объяснял Эфрон, — заключалась в его автономии. Но мы знали, что коммунисты прячут в университете оружие, обучают своих людей, как делать мины и бомбы. Они даже укрывали в нем партизан. Но, поскольку мы были лишены доступа туда, возникла необходимость в осуществлении конспиративного проникновения“.

После победы сандинистской революции в 1979 году откровенные высказывания представителей левых университетских организаций и деятельность, осуществлявшаяся на территории Национального автономного университета Гондураса, привлекли к себе внимание „охотящихся на коммунистов“ военных кругов страны. Деятельность левых была незамаски-

рованной. В передовых статьях университетского ежемесячника „Пресенсия университетария“ осуждались действия Сомосы, воздавалось должное Кубе, сандинистским революционерам, правительству Анголы. Ректор университета Хуан Альмендарес Бонилья объявил о формировании на территории университета студенческих бригад и о направлении их в Никарагуа для „помощи в восстановлении экономики страны“. Он заявил о солидарности его университета с сандинистской революцией.

Именно после этого правительство Гондураса приняло „необходимые меры“. „Нескольких армейских офицеров мы направили туда как студентов, — вспоминает Эфрон. — Ряд начальников разведгрупп был направлен в места действий партизан“.

Работа по организации слежки за левыми и вербовке правых проводилась Эфроном и офицерами из ФУСЕП.

„В университете нас было пятеро. Университет — это пороховая бочка, поэтому возникла необходимость в организации полувоенных отрядов. Из людей, которые, по нашему мнению, могли на нас работать, мы создали ударную группу. Составили список лиц, в котором указали все сведения, полученные нами об этих людях: состав их семей, особенности характеров, политические наклонности. Мы искали импульсивных, фанатичных людей.“

Затем все собранные сведения были переданы Алехандро Эрнандесу. Он изучил списки и данные об отобранных им лицах передал в секретную полицию, которая снабдила их оружием“.

Эфрон и четверо его коллег по шпионажу квалифицированно отобрали людей для „ударных сил“: они завербовали несколько правых студентов — членов Объединенного демократического университетского центра (ФУУД). Активисты ФУУД должны были осуществлять операции по указанию военных.

„Мы знали, что, если снабдим их оружием, они поднимутся против марксистов, — заявил Эфрон. — Они рождены антикоммунистами, узколобыми фанатиками, которые при необходимости сделают все, что от них потребуют. Примерно сорока или пятидесяти из них мы выдали оружие, боеприпасы, однако наиболее полезны они были в сборе информации“.

Оплачиваемые из фондов службы безопасности активисты ФУУД сформировали полувоенное подразделение — Антикоммунистическую боевую армию (ЭЛА). В конце 1979 года на территории университетского городка появилось много анонимно распространяемых листовок, подписанных ЭЛА.

По ночам закрытые капюшонами люди врываются в административные помещения университета. Университетским вахтерам угрожали, иногда их избивали. В прекрасном университетском городке начал распространяться страх.

„Несколько иностранных профессоров, — вспоминает бывший ректор университета Альмендарес Бонилья, — включая работавшего у нас эмигранта из Аргентины, начали получать от ЭЛА письма с угрозами. В них говорилось, что их убьют, если они не выедут из страны. Аргентинец, профессор экономики, уехал опасаясь за свою жизнь“.

Из беседы автора с Бонильей,
Тегусигальпа, апрель 1985 года

Эфрон признал, что действия этих студенческих отрядов, в формировании которых он принимал непосредственное участие, выходили за рамки „создания неудобств для марксистов“.

„По своей инициативе они формировали группы со своими собственными лозунгами. Позднее военные использовали эти группы для расправы над людьми, от которых хотели избавиться, не раскрывая при этом своей роли как организаторов преступлений“.

К началу 1980 года гражданские лица, работавшие в тандеме с ФУСЕП, создали прочную базу для образования классических „эскадронов смерти“. Именно Альварес Мартинес использовал их в деле, поскольку в тот год он был повышен в должности до начальника ФУСЕП.

Повышение полковника Альвареса совпало с появлением настоящей волны смертельных угроз в адрес ректора Альмендареса Бонильи и лидеров левых студенческих организаций. Именно в 1980 году полувоенные „эскадроны“ превратились в „эскадроны смерти“.

В августе 1980 года ректор Бонилья нанес визит руководителю военной разведки полковнику Леонидасу Торресу Ариасу. Согласно сообщению консервативной гондурасской газеты „Трибуна“, Торрес Ариас информировал делегацию университета о существовании „списка обреченных на смерть лиц“ и о наличии по крайней мере трех полувоенных групп. По словам полковника, „методы, используемые этими группами при осуществлении своей деятельности внутри и вне страны, не позволяют поставить их под контроль“.

„Высокое военное официальное лицо (Торрес Ариас) рекомендовало сократить в университете некоторые виды деятельности ввиду той опасности, которую они представляют. Было указано, что особый риск создают публикации официальной

университетской газеты „Пресенсия университета“, деятельность в пользу солидарности с сальвадорскими партизанами, а также работа некоторых студентов университета и преподавателей в сельских районах страны“.

Газета „Трибуна“,
12 августа 1980 года,
Тегусигальпа

Через несколько дней весь штат университетской газеты подал заявления на увольнение, выдвигая в качестве причины смертельные угрозы в свой адрес. Альмендарес Бонилья остался на своем посту, несмотря на все возрастающее число угроз в его адрес и адрес его семьи, на запугивания произвести взрыв в его офисе, обстрелять его дом ночью. „В течение некоторого времени мне пришлось жить в разных домах, — заявил он, — и каждый день я менял свой маршрут на работу“.

Ряд близких к ректору профессоров были похищены людьми в капюшонах, подвергнуты допросам и жестоко избиты. „Впоследствии один из них рассказал, — заявил Альмендарес, — что ему задавали обо мне много вопросов. Этот профессор уехал из страны, как и было ему сказано. Он был активным членом левой политической партии ФРУ, к которой принадлежал и Бонилья. Генеральному секретарю ФРУ Эдуардо Ланса он также рассказал, что допрашивавшие его члены „эскадрона“ заявили, что Ланса будет следующим. Но Ланса не принял мер предосторожности, вскоре был похищен и исчез навсегда“.

Психологический террор, предпринятый против автономного университета, сработал. Большинство прогрессивно настроенных студентов и профессоров покинули страну или были убиты. В 1982 году в ходе сомнительных выборов Бонилья уступил пост ректора человеку с правыми взглядами. И вот уже студенты из ФРУ размахивают полученными от ФУСЕП автоматами в университетском городке, запугивая „левых“ студентов. По уикэндам неподалеку от университета они практикуются в стрельбе по целям. „Сегодня у них власть“, — заявил Эфрон о своих агентах из числа студентов.

Лобо, который первым рассказал одному из авторов книги о международных связях „эскадронов смерти“, был одним из оперативных помощников Эфрона в проводимых им акциях против автономных университетов. Являясь одним из лидеров Антикоммунистической боевой армии (Гондурас), Лобо был также членом ФУУД. Поскольку ФУУД представлена в молодежном крыле Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации (КАЛ), в 1980 году Лобо пригласили участвовать в работе конференции КАЛ в Буэнос-Айресе.

Хотя на этой конференции присутствовали такие боссы „эскадронов смерти“, как Марио Сандоваль Аларкон и Роберто Д'Обюссон, хозяевами конференции были известные мастера по осуществлению стратегии „грязной войны“: военная хунта Аргентины и ее официальный „эскадрон смерти“ — Аргентинский антикоммунистический союз.

В скором времени аргентинцы стали обучать гондурасскую службу безопасности, а значит, и ЭЛА использованию „нетрадиционных методов ведения войны“.

В 1980 году аргентинские советники уже активно действовали в Гондурасе, обучая полицейские подразделения „методам допроса подозреваемых лиц“. Аргентинская хунта направляла в Гондурас своих консультантов для создания такого аппарата внутренней безопасности, который был бы аналогичен ее собственному. Выгоды от этого получил прежде всего ее старый друг полковник Густаво Альварес Мартинес.

Несколько лет Альварес обучался в военном колледже Аргентины. Одним из его наставников являлся Хорхе Рафаэль Видела, генерал, который, будучи в 70-х годах диктатором Аргентины, вел самую кровавую войну по подавлению партизанского движения. В 1980 году, когда Альварес был назначен шефом ФУСЕП, его бывшие одноклассники по колледжу стали высокопоставленными полковниками в вооруженных силах. „Полувоенные эскадроны действовали в составе ФУСЕП еще до того, как во главе службы безопасности встал Альварес, — заявил в 1985 году одному из авторов книги Виктор Меса, известный гондурасский политический аналитик. — Но именно Альварес при помощи аргентинских советников придал им нужные профессиональные качества“.

После буэнос-айресской конференции КАЛ аргентинские операции в Гондурасе приняли многосторонний характер. Теперь у них появилась и вторая задача: организовать с территории Гондураса борьбу против сандинистского режима в Никарагуа.

Когда в 1979 году режим Сомосы был свергнут, остатки его недобитой национальной гвардии бежали в Гондурас. Там с покрытых соснами приграничных горных участков они повели вооруженную борьбу против сандинистов. Присутствие на территории Гондураса этих групп создало для Альвареса исключительно благоприятные возможности. Он не только использовал их для расправы над своими собственными „возмутителями спокойствия“, но и воспользовался их присутствием в Гондурасе для укрепления своей власти. Он знал, что администрация Рейгана намеревается играть более активную роль в организации борьбы против сандинистского режима, и понимал: если Альварес сумеет быть защитником „контрас“, этим он будет гарантировать свою собственную жизнь в глазах американцев.

Первой задачей было превращение „контрас“ в надежную боевую силу. В конце 1980 — начале 1981 года аргентинские советники обучали никарагуанских эмигрантов на конспиративных квартирах и в секретных пограничных лагерях методам ведения повстанческой войны. Командиры некоторых подразделений „контрас“, а также офицеры гондурасской секретной полиции были направлены в Аргентину для прохождения обучения по специальным военным и разведывательным вопросам.

Помощь аргентинских специалистов по „нетрадиционным методам ведения войны“ привела в Гондурасе к драматическим результатам. В 1981 году полувоенные „эскадроны“ Альвареса похищали, пытали, убивали партизан и их сторонников. Много людей исчезло бесследно. Начало ощущаться присутствие „контрас“, совершавших вторжения на территорию Никарагуа.

Усилению репрессий в Гондурасе способствовало изменение организационной структуры полувоенных „эскадронов“. В 1981 году с помощью Аргентины Альварес создал в рамках службы безопасности элитную группу — Специальное оперативное командование (КОЕ). Во главе нового подразделения встал капитан Алехандро Эрнандес.

Официально являясь элитной группой по борьбе с партизанами, КОЕ фактически стала командным центром Альвареса по ведению „грязной войны“. По прямому указанию офицеров КОЕ „эскадроны смерти“ стали проводить свои операции в значительно более широких масштабах.

Эфрон был включен в состав новой организации и назначен в отдел анализа, который являлся инструментом департамента специальных расследований КОЕ по сбору разведывательной информации. Именно из этого департамента Эрнандес давал полувоенным „эскадронам“ приказы по убийству того или иного человека.

„На территории страны у нас были конспиративные квартиры, — заявил Эфрон. — Их использование координировалось из центра, расположенного в подвальном помещении штаб-квартиры службы безопасности. Имелся специальный номер телефона, по которому необходимо было позвонить и получить от секретаря оперативный приказ командования. Вся эта система — аргентинская. Они ее усовершенствовали: конспиративные квартиры, электрошок и т. д.“

Эфрон защищал достоинства аргентинского метода: „Когда для суда нет достаточных доказательств, следует действовать именно таким образом. Мы создали систему конспиративных квартир, с тем чтобы избежать арестов в рамках зако-

на, так как суд через двадцать четыре часа освободил бы задержанных. А это время недостаточно для допроса подозрительного лица”.

Когда в этих условиях по какому-то подозрению арестовывали гражданина Гондураса, его судьба, как и судьба подобного ему человека в Аргентине, представлялась довольно мрачной. „Жизнь большинства задержанных обычно заканчивалась через несколько недель. Когда мы кого-то арестовывали, то привозили их на конспиративные квартиры. Они бесследно исчезали. Поскольку мы входили в состав секретного подразделения, у нас иногда возникали проблемы с другими отрядами службы безопасности. Например, случайно сотрудники ФУСЕП в 1982 году обнаружили одно из наших секретных кладбищ. Самая большая наша проблема состояла в том, как избавиться от трупов, поэтому нам пришлось изыскивать другие методы”.

Эфрон заявляет, что он никогда не присутствовал при совершении убийств.

„Моя работа состояла только в сборе информации. Поэтому я не могу сказать, сколько людей было убито. Это зависело от того, на какую конспиративную квартиру их увозили. На каждой квартире велась определенная работа. Через мою конспиративную квартиру прошло примерно десять человек.

Я видел, как людей допрашивали, но я не знаю, когда и куда они исчезали. Мне никогда не приходилось нажимать на курок, хотя однажды я почти сделал это. Роль палачей исполняли люди из „отряда”, однако никто не знал, кто они”.

Иногда случалось, что во время своих довольно продолжительных интервью Эфрон раскрывал больше, чем ему полагалось. Касаясь методов избавления от трупов, он рассказал об изобретенном им способе. „Мы забирали людей, убивали их, погружали тела в вертолеты и сбрасывали в Рио-Сумпуль (река, разделяющая Гондурас и Сальвадор, район интенсивных военных действий между сальвадорской армией и партизанами), с тем чтобы все выглядело так, как будто их убили сальвадорцы. Перед сбрасыванием мы забирали их документы и клали в их карманы сальвадорские монеты”^{*}.

И тем не менее Эфрон защищает свои действия. „Такие акции были необходимы. Эти люди разорвали бы Гондурас на куски. Большинство из них были настоящими коммуниста-

^{*} Этот метод избавления от трупов копирует аргентинский. Проведенное правительством Аргентины расследование показало, что во время „грязной войны” сотни „исчезнувших” аргентинцев были сброшены с самолетов над Южной Атлантикой. — *Прим. авт.*

ми. Во всяком случае, мы никогда не арестовывали людей, если на них не было показаний. Если мы кого-то захватывали, мы были уверены в правильности своих действий”.

В 1981 году программа террора стала проводиться еще интенсивнее. Исчезали студенты, профессора, профсоюзные лидеры. Они оказывались похороненными на секретных кладбищах. Впервые в Гондурасе было обнаружено несколько секретных захоронений, которые так привычны в Сальвадоре. Набирало силу возмущение общественности по поводу убийств, и организации, боровшиеся за права человека, впервые назвали Гондурас в числе стран, допускавших в этой области большие нарушения.

„Так называемые „пропавшие“, — насмешливо улыбаясь, заявил Альварес в ответ на обвинения, — возможно, как раз те люди, которые очутились на Кубе или в Никарагуа, где они проходят подготовку, чтобы возвратиться и разрушить наше отечество”.

У полковника были причины вести себя так самодовольно, поскольку теперь в лице Соединенных Штатов он имел надежного союзника. Никарагуанские „контрас“, обученные и реорганизованные с помощью аргентинцев, рассматривались администрацией Рейгана в качестве действенного инструмента для оказания давления на сандинистское правительство. Первым человеком, с помощью которого американцы взяли на себя функции, выполнявшиеся ранее аргентинцами, стал Джон Карбо, помощник сенатора Джесси Хелмса. Джон Карбо в 1980 году участвовал в работе Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации, состоявшейся в Буэнос-Айресе.

Американский дипломат в Гондурасе подтвердил, что Карбо „постоянно приезжал сюда в период с 1980 по 1982 год. В это время он также неоднократно ездил в Буэнос-Айрес. Я слышал, что он давал указания Альваресу и „майору Бобу“ (Роберто Д’Обюссону из Сальвадора). Деньги ему предоставляли правые группы из Соединенных Штатов”.

В конце 1981 года президент Рейган подписал секретную директиву, по которой из фондов ЦРУ для оказания помощи „контрас“ выделялось 19,5 миллиона долларов. В ноябре 1981 года после серии встреч между руководящими сотрудниками ЦРУ и аргентинскими советниками в Гондурасе Соединенные Штаты взяли на себя финансирование „горилл“, называемых теперь „борцами за свободу”.

„С середины 1981 года, то есть с самого начала американского участия в „грязной войне“, была создана так называемая „трехсторонняя структура“. Соединенные Штаты предоставляли деньги, Аргентина осуществляла подготовку и передавала

опыт решения административных вопросов (вначале именно под этим прикрытием США принимали участие в военных действиях в Центральной Америке), а Гондурас предоставлял территорию, с которой осуществлялись операции.

Был создан штаб для координации мероприятий. Никарагуанских „контрас“ представляли Энрико Бермудес и Эмилио Эчаверрия, два бывших офицера национальной гвардии Никарагуа. От Аргентины в состав штаба входили два полковника — Освальдо Рибейро и Саньяго Виллегос (он же Хосе Оллас). Соединенные Штаты представляли резидент ЦРУ и один из его заместителей”.

Газета „Вашингтон пост“,
16 декабря 1984 года

В конце 1981 года военные правители Гондураса, уступая давлению, первоначально оказанному еще администрацией Картера, провели всеобщие выборы. Президентом страны было избрано гражданское лицо, Роберто Суасо Кордова, который приступил к исполнению своих обязанностей как раз в момент образования „коалиции“: ЦРУ — „контрас“ — Аргентина.

К тому времени в Гондурасе под влиянием успехов патриотов в Никарагуа стало расширяться партизанское движение. Гондурасские партизаны, сплотившиеся в Национальный фронт имени Лоренсо Селайя, или „Синчонерос“, осуществили серию взрывов, похищали людей, угоняли самолеты. Это все поколебало благодушное настроение нового демократического правительства. Для того чтобы противостоять этой угрозе, новый президент обратился за помощью к полковнику Густаво Альваресу Мартинесу, который проявил свои способности, будучи главой ФУСЕП.

Суасо повысил Альвареса до генерала и назначил его командующим вооруженными силами — в нарушение обычного порядка повышения в должности. Этим шагом Суасо Кордова и Альварес Мартинес нажили себе много врагов в среде гондурасских военных. В 1982 году Альварес получил еще одно повышение: от командующего до главнокомандующего вооруженными силами. Этот пост обычно занимал сам президент.

Обладая теперь почти авторитарной властью, Альварес Мартинес обрушился на своих противников в вооруженных силах. Главным из них был полковник Леонидас Торрес Ариас, бывший начальник военной разведки, сменивший Альвареса на посту главы ФУСЕП. Ариаса отправили в изгнание, на дипломатический пост в Аргентину. Альварес убрал из военной разведки (Джи-2) и секретной полиции ФУСЕП всех людей Торреса Ариаса.

Эти действия можно было объяснить, очевидно, двумя факторами: страхом Альвареса перед нелояльными ему людьми в аппарате, над которыми он хотел иметь полную власть, и его желанием сокрушить созданную, как он думал, Торресом Ариасом преступную сеть, состоявшую из группы офицеров, занимавшихся незаконной торговлей оружием и наркобизнесом. „Присутствие Торреса Ариаса можно было видеть во всех делах, — заявил один западный дипломат в Гондурасе. — Он был замешан в торговле наркотиками. Он громил левых, которые снабжали оружием сандинистов и сальвадорских партизан. Он был очень ловок — настоящее воплощение дьявола”.

Но Альварес Мартинес столкнулся с человеком, способным на ответный удар. Во время пребывания на посту главы ФУСЕП Торресу Ариасу стали известны многие сведения о своем заклятом враге, и в частности о создании Альваресом Мартинесом полувоенных „эскадронов” для „борьбы с коммунизмом”. К удивлению всех, полковник вскоре нарушил свое молчание, рассказав миру об известных ему фактах. В августе 1982 года Торрес Ариас появился в Мехико, обвиняя своего бывшего босса в создании гондурасских „эскадронов смерти”, а также в том, что он поставил Гондурас на грань войны с Никарагуа.

„Генерал Альварес Мартинес имел и имеет в своем непосредственном подчинении группу специальных расследований, руководителем которой является капитан Алехандро Эрнандес. Он по приказу генерала убрал очень многих людей.

Когда Альварес Мартинес стал главой ФУСЕП, начали исчезать люди и появляться тайные кладбища”.

В ответ на эти разоблачения министр юстиции Гондураса объявил Торреса Ариаса „предателем родины”.

„Его не убили, поскольку он проданся пресе, — заявил Эфрон о Торресе Ариасе. — Он не выступил с разоблачениями в Аргентине, поскольку не чувствовал себя в безопасности. У Альвареса там много друзей. Если бы Ариас не уехал в Мехико, он был бы уже мертв”.

Разоблачения Торреса Ариаса почти не сказались на карьере Альвареса, поскольку он пользовался поддержкой администрации Рейгана, расширявшей свою тайную помощь никарагуанским „контрас”. В конце 1982 года ЦРУ сменило руководство „контрас”, во главе которых до этого стояли бывшие офицеры сомосовской национальной гвардии. Эта перетасовка привела к появлению в руководстве „контрас” известных никарагуанских эмигрантов, включая бывших сторонников

сандинистского режима. В их число входил и Адольфо Калеро, активный противник режима Сомосы, которого диктатор неоднократно бросал в тюрьму за организацию оппозиции его режиму со стороны бизнесменов. Однако изменения в „новых“ Никарагуанских демократических силах (ФДН) носили в основном косметический характер: бывшие офицеры национальной гвардии были просто переданы в состав военного командования.

Тот факт, что Альварес Мартинес, являвшийся главным сторонником проведения американцами своих операций с территории Гондураса, использует „контрас“ и аргентинцев в своих собственных целях, игнорировался ЦРУ.

„Эти аргентинские советники действуют анонимно, — сообщала в конце 1982 года организация „Америкэн уотч“, борющаяся за права человека, — а правительства Гондураса и Аргентины отрицают их присутствие в Гондурасе. Несколько свидетелей и активистов движения за права человека подтверждают их непосредственное участие в репрессивных действиях. Нельзя не заметить поразительного сходства событий в Гондурасе с обстановкой в Аргентине 1976—1980 годов, когда бесследно исчезло 15—20 тысяч человек. И там, и здесь широко используются хорошо вооруженные сыщики, которые не раскрывают своей личности, но, несомненно, выполняют официальные функции. Они, не скрываясь, проводят свои операции среди белого дня, в течение длительного времени находятся в местах работы и жительства подозреваемых ими лиц, преследуют свои жертвы в общественных местах, и полиция никогда не вмешивается в их действия. Там и здесь используются машины без номерных знаков, имеются секретные центры для проведения допросов“.

Из публикации „Гражданские права в Гондурасе: признаки использования аргентинских методов“

Подозрения, высказанные „Америкэн уотч“ в 1982 году, были подтверждены офицерами гондурасской армии, лидерами „контрас“ и новым, демократическим правительством, пришедшим к власти в Аргентине в 1983 году. И только после 1983 года аргентинские советники были отозваны из Центральной Америки.

Для Альвареса большее значение имели даже не сами аргентинцы, а те, кого они обучали: никарагуанские „контрас“. В конце 1984 года один из руководителей гондурасской армии заявил корреспонденту „Рейтер“ Анне Марии О'Коннор,

что высшие офицеры „контрас“ оказывают помощь „эскадронам смерти“ Альвареса Мартинеса.

По словам О'Коннор, гондурасские военные заявили, что по меньшей мере восемнадцать граждан Никарагуа, Сальвадора и Гондураса были уничтожены „контрас“. Жертвы подозревались в сотрудничестве с сальвадорскими партизанами, которые через Гондурас переправляли оружие. Руководил этими расправами один из офицеров „контрас“, начальник контрразведки ФДН, бывший майор национальной гвардии Рикардо Лау (Эль Чино)*.

Эфрон подтвердил, что „контрас“ убивали людей по обе стороны никарагуанско-гондурасской границы. Они избавлялись от людей, которые помогали переправлять оружие от сандинистов сальвадорским повстанцам.

Лобо — студент, помогавший „эскадронам смерти“, и Хорхе — сотрудник секретной полиции, который организовал интервью с Лобо, подтвердили свои связи с „контрас“. Лобо объяснил, что с помощью проникновения членов группы в левые профсоюзы, студенческие организации, партизанские отряды, а также в ходе пыток жертв перед их казнью они получали ценную разведывательную информацию, „очень полезную для властей“. Эти сведения, в том числе карты с обозначением нескольких пограничных „мертвых зон“, которые левые использовали для переправки оружия из Никарагуа, через гондурасские власти передавались руководителям „контрас“. В результате этих действий, по словам Лобо, было захвачено несколько важных лиц.

Даже если наводнившие Гондурас американские советники и не одобряли такое разделение функций, они никогда не говорили об этом открыто. Наоборот, поскольку такие операции осуществлялись под руководством их главного союзника генерала Альвареса, в интересах США было никогда не упоминать о таких „неприятностях“.

Альварес широко использовал поддержку со стороны администрации Рейгана. Он, как и американцы, совершенно не считался с недавно избранным и неавторитетным конгрессом своей страны. Когда министр иностранных дел Гондураса

* 21 мая 1984 года на своей пресс-конференции в Вашингтоне Роберто Сантиванес, бывший председатель сальвадорского АРСЕНАЛА, обвинил Лау в убийстве архиепископа Ромеро. По словам Сантиванеса, решение убить Ромеро было принято в Майами сальвадорскими беженцами, передано Роберто Д'Обюссону и выполнено двумя бывшими сотрудниками национальной гвардии. Лау был одним из инструкторов „эскадронов смерти“. За убийство Ромеро ему было выплачено 120 тысяч долларов. Это сообщение о смерти Ромеро не совпадает с версией бывшего посла США Роберта Уайта. Лау был первым начальником разведки ФДН, когда она была создана в 1981 году. В сентябре 1982 года он был официально уволен с этой должности в ходе проведенных по приказу ЦРУ перестановок. — *Прим. авт.*

пытался начать переговоры с Никарагуа, обещая прекратить помощь „контрас“ в обмен на уменьшение концентрации сандинистских войск на границе с Гондурасом, Альварес и американский посол Джон Негронте сорвали эту инициативу. Хотя по конституции Гондураса размещение иностранных войск на территории страны можно осуществлять только с согласия конгресса, Альварес Мартинес в 1983 году единолично подписал такое соглашение с США.

„Это была первая трещина в альянсе гондурасских военных и гражданского правительства. Альварес Мартинес оказался сильнее. Конгресс дал свое разрешение только 21 июня, спустя неделю после прибытия сотни „зеленых беретов“ в район Пуэрто Кастилья, где они присоединились к двадцати американским советникам, создавшим там базу для подготовки гондурасских военных. В августе 1983 года США начали почти пятимесячные совместные военные маневры, в которых принимали участие почти пять тысяч американских сухопутных и военно-воздушных сил, — очередной виток в милитаризации страны“.

Журнал „Нью рипаблик“,
август 1983 года

Если у кого-то есть сомнения относительно значения, которое придавало американское правительство своему новому союзнику, они рассеются после ознакомления с размерами военной помощи, предоставленной Гондурасу. Она увеличилась с 4 миллионов долларов в 1980 году до 77 — в 1984 году.

Когда находящиеся в Тегусигальпе западные дипломаты говорят об иностранном влиянии в Гондурасе, они одновременно упоминают Тайвань и „унификационную церковь“. Это и понятно, поскольку они осуществляют в стране две параллельные программы.

Тайвань и церковь Муна заискивают перед руководителями вооруженных сил Гондураса, политическими партиями, деловыми кругами и прессой. Тот и другой предлагают совершить оплаченные „ознакомительные поездки на Восток, организовать „повышающие самосознание“ семинары о пороках коммунизма и преимуществах капитализма“. Для обоих, а также для аргентинцев и ЦРУ главным гондурасским благодетелем был генерал Альварес Мартинес.

Бывший полковник Бо Хи Пак, главный помощник неподобного Муна и президент ударной силы „унификационной церкви“ — организации КАУЗА, проявил интерес к Гондурасу сразу после того, как Альварес стал начальником штаба армии. Учредив свой офис в Тегусигальпе, Пак провел по стране большое число семинаров, побуждая население к „теологиче-

скому вооружению против коммунизма". Он поклялся использовать свое положение для защиты Гондураса от нападок международной прессы.

14 января 1983 года бывший сотрудник южнокорейского ЦРУ Бо Хи Пак присутствовал при официальном объявлении о создании Ассоциации за прогресс в Гондурасе (АПРОХ), в которую вошли ультраправые, богатые гондурасские лидеры. Почти сразу же после этого независимые, борющиеся за права человека группы обвинили АПРОХ в том, что она финансирует деятельность полувоенных „эскадронов“ (все это напоминало события в Сальвадоре и Гватемале, где богатые землевладельцы и собственники кофейных плантаций финансировали „эскадроны смерти“). Указанные обвинения заслуживают доверия хотя бы потому, что президентом АПРОХ был генерал Альварес Мартинес.

Присутствие Пака при официальном создании АПРОХ было не просто жестом моральной поддержки, поскольку считалось, что новая организация явится политическим трамплином для Альвареса Мартинеса. В традициях „унификационной церкви“ присутствие Пака означало деньги: он передал Альваресу чек на пятьдесят тысяч долларов.

Активные действия Пака вызвали в Гондурасе озабоченность. В церковном послании епископальная конференция осудила вмешательство КАУЗА во внутренние дела страны и предупредила о „серьезной опасности, которой подвергается психологическая, религиозная и гражданская устойчивость общества и каждого его члена, если оно будет поддаваться влиянию „унификационной церкви““. Альварес был вынужден вернуть чек Паку.

Очевидно, Пак видел возможность установления через АПРОХ тесных взаимоотношений с человеком (с использованием и денежных подачек), с которым он связывал будущее Гондураса. Было件нятно, что, если Альварес станет президентом страны, влияние КАУЗА в Гондурасе возрастет.

Но Пак сделал ставку не на того человека. В ноябре 1984 года правительство Гондураса запретило АПРОХ, после того как несколько ее влиятельных членов вместе с военными Альвареса были обвинены в заговоре против президента Суасо Кордовы. Причем заговор финансировался на деньги, получаемые от торговли наркотиками.

Несмотря на этот скандал, Пак продолжал свою деятельность в Гондурасе. Он совершал поездки по стране, беседовал с лидерами бизнеса, студенческих групп, профсоюзов, проповедуя „антикоммунизм через демократизацию“. Для избранных представителей прессы, политических, академических и деловых кругов организовывались бесплатные поездки в Соединенные Штаты и в азиатские страны.

В 1983 году под эгидой КАУЗА в Гондурасе было проведено несколько четырехдневных семинаров, на которых рассматривались „пороки“ коммунизма. На семинарах выступали Линн Баучи из Совета за межамериканскую безопасность, Джей Паркер, президент Линкольнского института и член совета директоров американского отделения Всемирной антикоммунистической лиги.

По приглашению „унификационной церкви“ поездку в Южную Корею совершил Мойсес Дуарте, консервативный радиокорреспондент Гондураса и бывший глава гондурасского отделения ВАКЛ.

„Я поехал туда, поскольку разделял их антикоммунистические убеждения, — заявил он. — Однако мне не нравятся пути, используя которые они добывают деньги“.

Из интервью Дуарте с автором,
Тегусигальпа, март 1985 года

КАУЗА занималась и никарагуанскими эмигрантами. В 1983 году на конспиративной квартире в Тегусигальпе лидер „контрас“ Фернандо Чаморро (Эль Негро) рассказал одному из авторов, что впервые представители КАУЗА установили с ним контакт в 1982 году, обещая предоставить свою помощь „для объединения различных фракций контрас“.

Чаморро также заявил, что он согласился совершить бесплатную поездку в Соединенные Штаты, где в Сан-Франциско встретился с некоторыми лидерами „унификационной церкви“, присутствовал на организованной мунистами встрече с главарями других эмигрантских никарагуанских групп. „Эта поездка явилась продолжением моих контактов с ними. Была предложена и другая помощь. В то время эту помощь я был вынужден принять. Я не знал, обуславливалось ли как-либо ее предоставление. Я не хочу, чтобы они давали нам деньги, а затем превратили нас в мунистов“.

Другие группы „контрас“ также приняли помощь от КАУЗА. В частности, речь идет о Стэдмане Фаготе, бывшем руководителе повстанцев „Мисура“ из числа индейцев племени мискито и черных креолов с Атлантического побережья. Помощники Фагота признали получение от КАУЗА материальной и финансовой помощи, особенно после прекращения с мая 1984 года поддержки со стороны ЦРУ. Осенью 1984 года, когда функционеры „Мисура“ отчаянно пытались достать деньги для оплаты телефонных и квартирных счетов своей конспиративной квартиры в Тегусигальпе, КАУЗА предоставила им наличными почти одиннадцать тысяч долларов. Несколько тонн продуктов питания, медикаментов и одежды, оплаченных КАУЗА, были переброшены в лагерь „Мисура“, расположенные в диком, заболоченном районе на границе

Гондураса с Никарагуа. В июне — июле 1984 года один из авторов провел несколько недель с мятежниками „Мисура“. Многие из них носили майки с эмблемой КАУЗА.

В августе 1984 года КАУЗА организовала несколько семинаров в самом Вашингтоне и в его окрестностях. Главной темой обсуждений была Никарагуа. Результатом явилось создание американо-никарагуанской ассоциации. Ее целью явилось проведение в США общественной кампании по сбору денег в пользу „контрас“.

Действовала КАУЗА очень энергично. В декабре 1984 года Альфонсо Робело, бывший сторонник сандинистов и известный никарагуанский политический деятель в эмиграции, во время встречи с одним из авторов на своей коста-риканской квартире рассказал, что в ходе кампании по сбору средств для „контрас“ ассоциация организовала несколько его выступлений в США.

Есть данные о том, что сторонники „унификационной церкви“ занялись не только финансированием антисандинистских сил.

В феврале 1985 года „контрас“ из базового лагеря ФДН с гордостью говорили об одном американце, члене мунйстского студенческого движения, который вместе со своими товарищами борется с сандинистами внутри Никарагуа. Фрэнк Анна, представитель ФДН, признал присутствие в рядах „контрас“ таких лиц, но отрицал их активное участие в боях.

Активная деятельность „унификационной церкви“ в Гондурасе, осуществляемая в основном через КАУЗА, вызывает растущее беспокойство в стране.

„Мы боимся, что действия КАУЗА могут привести к созданию в Гондурасе репрессивных правых организаций, — заявил в 1985 году один из священников репортеру Луси Комисару. — Когда в 1980 году начались осложнения, многие бизнесмены выступали за создание организации ультраправых на манер гватемальской „Белой руки“. Однако победили противники этого. Мы боимся, что под предлогом борьбы с коммунизмом они все-таки создадут такую организацию“.

Из книги Комисару
„Гондурас“

Обходительный посол Тайваня в Гондурасе Пен Ю объяснил, какое значение для его страны имеют связи с Латинской Америкой. При этом он ссылался на то, что Организация Объединенных Наций отказала Тайваню в признании, а США сократили свои связи в пользу материкового Китая. Из двух десятков стран, заметил он, все еще поддерживающих с Тайванем дипломатические отношения, большую часть составля-

ют страны Латинской Америки. Одной из них является Гондурас. „Мы просто пытаемся оплатить ту помощь, которую они оказывают нам, — заявил в марте 1984 года одному из авторов Пен Ю. — Мы действительно мало что можем сделать в ответ“.

Посол был слишком скромнен. Тайвань оказывает влияние на обстановку в Гондурасе через свои миссии экономической помощи, которые обучают фермеров современным методам ведения сельского хозяйства и проводят международные кампании по методам ведения политической войны. Как и в других странах, ряду влиятельных гондурасских деятелей предлагалось поехать на двухмесячные курсы в академию политической войны в Пейтоу.

„Эти курсы напоминают семинары, — заявил посол. — На них мы передаем свой опыт борьбы с коммунистическими подрывными элементами. Мы объясняем тактику, к которой прибегает материковый Китай. Мы хотим, чтобы люди знали, что такое подрывные действия коммунистов, с тем чтобы они могли лучше решать свои собственные проблемы. Мы предоставляем только техническую помощь. Нам нет необходимости передавать оружие. Ваше правительство (США) сделает это гораздо лучше“.

Одним из хорошо известных получателей тайваньских щедрых даров стал Амилкар Сантамария, пресс-офицер президента Гондураса. Сантамария, круглолицый блондин, присутствовал на Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации, до того как в 1984 году было распущено ее гондурасское отделение. Весной 1984 года он учился на курсах академии в Пейтоу. Подобно большинству выпускников этих курсов, Сантамария высоко отзывается о качестве подготовки, однако сдержанно говорит о преподававшихся там дисциплинах. „Во время пребывания на Тайване я понял одну вещь, — заявил Сантамария в октябре 1984 года одному из авторов, — а именно: в Гондурасе мы должны увеличить публикацию в прессе протайваньских статей“.

Сантамария также заявил тогда, что он планирует уйти с правительственного поста, чтобы содействовать достижению вышеуказанной цели, возвратиться на свою прежнюю работу в качестве редактора консервативной гондурасской газеты „Пренса“. И хотя он все еще занимал пост пресс-офицера кабинета, в местных газетах стали регулярно появляться анонимные статьи, восхваляющие Тайвань и критикующие материковый Китай за осуществляемые в стране преобразования.

Сантамария, часто выступавший на общественных мероприятиях в Гондурасе и в других странах Латинской Америки, всегда говорил: „прифронтовые“ государства Централь-

ной Америки сталкиваются с общей для всех угрозой, поэтому для борьбы с коммунизмом им следует объединить свои усилия. „Тайваньский опыт, как опыт государства, борющегося с коммунистическим Китаем, для нас бесценен, — замечал он. — По историческим и идеологическим соображениям мы поддерживаем с Тайванем хорошие отношения. Одна из причин признания Гондурасом тайваньского режима заключается в том, что он, как и мы, всегда выступал против коммунизма“.

С определенной осторожностью Сантамария вторил послу Пен Ю по вопросу о тайваньских военных советниках в Гондурасе. „Тайваньское посольство в этом вопросе всегда относилось к нам с большим уважением. Оно никогда не пыталось давать рецепты по разрешению наших проблем. Оно всегда заявляло, что готово помочь, если мы их об этом попросим“.

Очевидно, с просьбами к Тайваню обращались неоднократно. Агент гондурасской контрразведки Эфрон заявил, что в конце 70-х годов тайваньский военный советник обучал методам ведения психологической войны офицеров штаба гондурасских вооруженных сил. Часть этой подготовки, по его словам, касалась методов проведения допросов и обращения с „подрывными элементами“. Один из индейцев племени мискито, насильственно призванный в отряд „контрас“, заявил зимой 1985 года, что в лагере, куда его послали на подготовку, в качестве инструкторов выступали три тайваньских военных советника. Сотрудник государственного департамента также подтвердил, что тайваньские советники преподают на курсах по подготовке в Гондурасе. „Не в прифронтовых районах, не в зоне боевых действий, но на территории страны“.

Сантамария воздержался от подтверждения этой информации и намекнул, что о некоторых вещах, которым обучают тайваньцы местный персонал, лучше помолчать. „Вы знаете, что мы, гондурасцы, более свободные по своей природе люди. Подобные Тайваню страны всегда придерживались в высшей степени авторитарных позиций. По этой причине только некоторые из программ, которые рассматриваются на курсах на Тайване, можно применить здесь“.

Поддержка американцев не только возвысила Альвареса, но и привела к его падению. В марте 1984 года молодые офицеры с пистолетами в руках ворвались в кабинет начальника штаба вооруженных сил и объявили о конце его правления. „Нового Сомосу“ бесцеремонно затолкали в самолет и отправили в Коста-Рику.

Военный переворот явился для администрации Рейгана значительным политическим ударом. Полное подчинение Альвареса американским правящим кругам не только ущемляло национальную гордость, но и показывало военным Гондураса,

что политика США все больше приближает их к войне с Никарагуа, ничего не давая взамен. Газета „Вашингтон пост“ писала:

„После устранения Альвареса новые руководители не хотели поддерживать контакт ни с одним из сотрудников резидентуры ЦРУ в столице страны. Они держались исключительно независимо. Они видели, что резидент ЦРУ и его сотрудники являлись личными друзьями Альвареса, защищали его, и поэтому не хотели ни с кем общаться.

Были в скором времени закрыты или переведены в отдаленные районы базы для подготовки антисандинистских сил. Их лишили тыловой поддержки. До свержения Альвареса Соединенные Штаты сэкономили деньги и обходили установленные конгрессом лимиты на число американских военных советников в Сальвадоре посредством подготовки сальвадорских отрядов в Гондурасе. Преемники Альвареса положили этому конец“.

За этим последовали и другие неприятные события. В мае 1984 года, несмотря на интенсивную лоббистскую деятельность администрации, конгресс США запретил ЦРУ финансировать „контрас“*. (Возникшие трудности были разрешены за счет услуг различных организаций, в том числе и Всемирной антикоммунистической лиги.)

Но еще до прекращения американской помощи многие лоббистские группы и фонды „новых правых“ начали проводить кампанию по ознакомлению американской общественности с „делом“, за которое сражаются „борцы за свободу“. Они организовывали поездки и семинары, на которых руководители „контрас“, профсоюзные лидеры, политики и журналисты из числа никарагуанских эмигрантов рассказывали американским слушателям о „борцах за свободу“.

„Мы просим предоставить нам некоторую помощь, чтобы иметь шансы бороться за нашу свободу, — вещал Адольфо Калеро. — Мы как раз из числа тех, которые страдают, и именно наша страна приносит жертвы. Мы не просим других разделять наши трудности. Мы просим лишь предоставить достаточно средств, чтобы можно было бороться против оружия, которое сандинисты получают от коммунистов“.

„Вашингтон пост“,
7 апреля 1985 года

* В 1985 году конгресс частично восстановил финансирование „контрас“, разрешив использовать на гуманитарные цели 27 миллионов долларов. — *Прим. авт.*

В отсутствие официальной американской помощи американские консервативные организации стали центрами по сбору частных средств, необходимых для продолжения войны „контрас“ против Никарагуа. Наиболее важной фигурой в этом альянсе реакционных сил был генерал-майор в отставке Джон К. Синглауб, председатель Всемирной антикоммунистической лиги.

За месяц до прекращения помощи Синглауб возглавлял в Пентагоне группу из восьми отставных высокопоставленных офицеров, которая должна была изучить конфликт в Центральной Америке и дать рекомендации администрации Рейгана.

Эта группа подготовила восьмистраничный секретный доклад, в котором администрации США рекомендовалось отойти в Сальвадоре от тактики ведения обычной войны и воспользоваться полученным в Азии опытом контрпартизанских военных действий с особым упором на психологическую войну, работу с гражданским населением и операции в составе малых групп.

Хотя некоторые из указанных выше рекомендаций (например, направление в Сальвадор экспертов по психологической войне) не могли быть официально реализованы из-за известного майского решения конгресса, Синглауб и другие члены группы имели возможность осуществить их на неофициальной основе на принципах „свободного предпринимательства“. Судя по заявлениям участвовавших в этом деле лиц, было принято решение о том, что частные группы „новых правых“ будут заниматься осуществлением тех операций, продолжать которые администрации было запрещено.

Являясь председателем Всемирной антикоммунистической лиги, Синглауб предоставил эту организацию в распоряжение тех частных американских групп, которые „были готовы бороться с коммунизмом в любом уголке мира“. Основным объектом на этот раз была избрана Никарагуа.

По словам Синглауба, ему удалось собрать миллион долларов на оказание помощи „контрас“. Он неоднократно посещал базовые лагеря ФДН на гондурасской границе. Он даже открыл частное учебное заведение, где обучались сальвадорские полицейские и гондурасские „контрас“ (правительству США такие действия конгрессом были запрещены). Директор этого заведения — Института региональных и международных исследований — Александр Макколл являлся редактором журнала „Солджер оф форчун“. Он также входил в состав консультативного совета Международного фонда помощи беженцам, работой которого руководили попечители журнала „Солджер оф форчун“ и Совета США за всемирную свободу во главе с Синглаубом.

„Обо всем, что мы делали, — заявил Макколл одному из авторов, — мы информировали руково-

дящих политических чиновников в Вашингтоне. Таким образом, они знают о нашей деятельности и одобряют ее. На самом деле они даже благодарны нам за эту частную инициативу”.

„Синглауб заявил, — сообщила газета „Вашингтон пост“ в декабре 1984 года, — что он совместно с другими лидерами на миллионы долларов направил обмундирования, продуктов питания, медикаментов и другой помощи „контрас“ и их семьям, а также беженцам в Гондурасе, Сальвадоре и Гватемале. Он также сказал, что координировать эти действия помогал Пентагон”.

Другой организатор сбора средств в помощь „контрас“, Луис (Вуди) Дженкинс, консервативный конгрессмен от штата Луизиана, рассказал одному из авторов:

„Усилия со стороны частных организаций позволили ЦРУ использовать свои ограниченные средства на предоставление „контрас“ оружия и боеприпасов, а не продовольствия и одежды”.

Однако Синглауб не хотел отдавать вопросы финансирования военной помощи в руки ЦРУ. В мае 1985 года в интервью газете „Вашингтон пост“ он заявил, что за пределами Соединенных Штатов он собрал почти два миллиона долларов, которые потратит на закупку вооружений для „контрас“.

„По словам Синглауба и Адольфо Калеро, они пытаются получить военную и финансовую помощь от южноамериканских отделений ВАКЛ. При этом они отметили, что бразильское и аргентинское отделения самые большие и наиболее активные”.

Берт Херлбат, богатый тexasский нефтепромышленник, входящий в состав консультативного совета Совета США за всемирную свободу, касаясь источников финансирования, заявил, что Тайвань и Южная Корея ежемесячно посылают „контрас“ пятьдесят тысяч долларов.

„Собранные нами в США деньги на закупку оружия не используются, — заявил Херлбат газете „Вашингтон пост“. — Для этого мы получаем средства из других источников. Все члены ВАКЛ стараются помочь „контрас“ оружием”.

Газета „Вашингтон пост“,
3 мая 1985 года

Другие группы „новых правых“ тоже присоединились к кампании по сбору средств. В марте 1985 года организация Республиканский колледж, входящая в состав национального комитета республиканцев, разослала листовку „Спасите „контрас“!“, на которой был изображен вооруженный пред-

ставитель „контрас“ и сделана надпись: „На каждого борца за свободу Никарагуа сейчас приходится только 53 цента в день“. С середины 1984 года американское отделение КАУЗА направило беженцам в Гондурас различных видов помощи примерно на один миллион долларов. В мае 1985 года принадлежащая Муну газета „Вашингтон таймс“ объявила, что Бо Хи Пак вносит сто тысяч долларов в учрежденный газетой частный фонд, который поставил своей целью собрать для „контрас“ четырнадцать миллионов долларов.

За кампанией по сбору средств в пользу „контрас“ стоял еще один влиятельный человек. Это Энди Мессинг, исполнительный директор Совета национальной обороны и член наблюдательного совета американского отделения Всемирной антикоммунистической лиги. „Мессинг, который считает себя „экспертом по „нетрадиционным методам ведения войны“, признал в интервью, что война была его любимым занятием в прошлом“. Он подчеркивал, что его усилия направлены на организацию поставок в Центральную Америку в основном невоенных товаров. „Одна таблетка стоит тысяч пуль“, — заявил Мессинг. „Поставки вооружений — это нехорошо, это не в традициях иудаизма или христианства“.

После отстранения Альвареса Мартинеса обстановка в Гондурасе стала более спокойной. Неистовавшие ранее „эскадроны смерти“ снизили активность, Эфрон оказался в „отставке“, организация ЭЛА хотя еще вооружена, но практически бездействует. Основная цель „эскадронов смерти“ — устранение „господства марксистов“ в университете — была достигнута. Правые взяли обстановку в университетском городке под свой контроль.

Командование гондурасских вооруженных сил заявило, что после снятия Альвареса Мартинеса со своего поста в марте 1984 года оно распустило группу специальных операций (КОЕ). Алехандро Эрнандеса пытались направить за границу на работу в состав военного атташата, но правительства двух южноамериканских стран не согласились с таким назначением. В конце концов он вернулся в Гондурас и стал заместителем начальника академии сил общественной безопасности.

Хотя американские дипломаты в Тегусигальпе и признали, что они „недавно слышали“ об ответственности КОЕ за ряд политических убийств и похищений, однако они по-прежнему защищали КОЕ как „законный инструмент контрпартизанского типа“, который якобы задушил вспышку „левого терроризма“ в Гондурасе.

Администрация Рейгана продолжала использовать Гондурас в качестве основного плацдарма своей кампании против сандинистского правительства Никарагуа. Возросли масштабы и сложность совместных американо-гондурасских военных учений. В учениях „Биг Пайн III“, проведенных в апреле

1985 года в трех милях от никарагуанской границы, участвовало более 4,5 тысячи американских сухопутных и военно-воздушных сил и в первый раз — танки. В том же месяце 6,5 тысячи американских солдат в ходе маневров „Универсал Трек-85“ отрабатывали методы десантирования войск.

Ультраправые Соединенных Штатов и Центральной Америки до сих пор решительно выступают против умеренности в действиях. Когда в марте 1985 года государственный департамент и ЦРУ сумели объединить умеренных никарагуанских эмигрантов под знаменем никарагуанских демократических сил, сенатор Джесси Хелмс осудил эти действия как „образец легкомысленного социализма“.

„Совершенно ясно, что государственный департамент состряпал такой новый план, который равносителен предательству не только по отношению к борцам за свободу, но также и к желанию президента Рейгана установить свободу в Никарагуа“.

Газета „Вашингтон пост“,
30 марта 1985 года

Без Альвареса Мартинеса Соединенные Штаты столкнулись в Гондурасе с новой, неприятной для себя ситуацией. Более умеренное военное командование не желало быть втянутым в ситуацию, которая могла бы привести их страну к состоянию войны с Никарагуа. Его беспокоила обстановка, которая могла бы создаться, если бы американцы решили больше не связывать себя с этой ситуацией. „Мы спрашиваем себя, — заявлял один гондурасский офицер, — кто будет разоружать и контролировать „контрас“, если американское правительство прекратит их финансирование и все они отступят в Гондурас?“

Глава 17

ТЕМНАЯ ИСТОРИЯ

Для меня прекращение иностранных вложений в экономику Коста-Рики обусловлено присутствием сандинистов в Никарагуа. До тех пор, пока они находятся у власти, будет страдать экономика Коста-Рики.

*Оскар Саборио,
Коста-Рика, 1985 год*

В Коста-Рике, мирной и процветающей „Швейцарии Центральной Америки“, единственном государстве Западного полушария, где нет постоянной армии, существуют силы, которые жаждут, чтобы страна забыла о своем традиционном нейтралитете, пошла по пути правовых конфликтов. Глава костариканского отделения Всемирной антикоммунистической лиги является видным представителем этих сил.

Поворот Коста-Рики в сторону военных вполне объясним. Исторически сложившийся либеральный политический путь страны и ее репутация убежища для политэмигрантов всех мастей вызвали серьезные проблемы. Страна, где легально существует коммунистическая партия, где имеют свои представительства как правые, так и левые группы из Гватемалы, Сальвадора и Никарагуа, дает плодородную почву для интриг и насилия.

Тем не менее далеко не все обозреватели рассматривают политику „открытых дверей“ как чисто гуманитарную программу. Как заявил один из бывших представителей сальвадорского правительства, „Коста-Рика всегда играла на две стороны. У кого деньги — с тем и костариканцы. Я всегда думал, что наступит день, когда они окажутся слишком жадными. Кажется, этот день пришел“.

Кризисные явления начались еще в конце 70-х годов. Сандинистские партизаны находили убежище на территории Коста-Рики, что содействовало падению режима Сомосы. „Во время последних военных событий Коста-Рика щедро помогала Никарагуа, разрешив использовать свою северную провинцию Гуанакасте как плацдарм для операций на юге Никарагуа. Костариканцы также содействовали снабжению сандинистов оружием“.

Но затем территория Коста-Рики оказалась закрытой для сандинистов. С костариканской территории стали действо-

вать враги сандинистов, „контрас“, пользуясь благосклонным отношением властей страны. В Коста-Рике разместилось около двадцати тысяч никарагуанских беженцев, в основном противников сандинистов, и их число продолжало расти.

Ситуация изменилась, когда новый режим Никарагуа резко свернул влево. В 1981 году волна левого терроризма потрясла обычно спокойную Коста-Рику. Хотя многие взрывы, убийства, похищения людей приписывались крошечной группировке коммунистов, позднее разгромленной властями, некоторые акты насилия приписывались посольству Никарагуа в столице страны Сан-Хосе. В частности, взрыв представительства гондурасской авиакомпании в 1983 году повлек за собой выдворение трех никарагуанских дипломатов и резкое обострение отношений между Никарагуа и Коста-Рикой. Затем эти отношения превратились в бесконечный поток дипломатических протестов, в основном из-за пограничных конфликтов в свободной „от огня зоне“, созданной „контрас“ вдоль границы.

Тем не менее президент Луис Альберто Монхе Альварес неоднократно отклонял предложения США об оказании помощи в деле повышения боеспособности коста-риканской армии и в организации программ подготовки с привлечением американских военных специалистов.

Однако давление со стороны американцев в конце концов принесло свои плоды. Никарагуанские „контрас“ создали базы внутри страны, а семь тысяч служащих сельской и гражданской гвардии прошли курсы подготовки и получили от США вооружение и боевое снаряжение. В 1984 году впервые за многие десятилетия Коста-Рика бесплатно в качестве помощи получила от США легкое оружие и полевую артиллерию. В мае 1985 года в Коста-Рику прибыли специалисты американских специальных сил для обучения двух батальонов гражданской гвардии тактике борьбы с партизанами.

Эскалация военных приготовлений в Коста-Рике стала очевидной в 1982 году, когда буквально накануне визита президента Рейгана в Сан-Хосе министр общественной безопасности Коста-Рики объявил о создании полувоенных сил из числа резервистов — Организации на случай возникновения чрезвычайного положения (ОПЕН).

ОПЕН была официально распущена в 1985 году ввиду „недостаточной активности“. За три года своего существования ОПЕН организовала первоначальное обучение тысяч крестьян по вопросам тактики борьбы с партизанами. Даже после роспуска ОПЕН эти сельские резервисты продолжали оставаться потенциальной военной силой. Они могли быть включены в состав полувоенных подразделений. Подобно „Хефес политикос“ в Гватемале и ОРДЕНА в Сальвадоре, ОПЕН в Коста-Рике подчинялась политической партии.

„Это темная история, — рассказывал одному из авторов книги в апреле 1985 года Дери Дайер, редактор газеты „Тико таймс“. — Предполагалось, что ОПЕН является антитеррористической организацией, подчиняющейся министерству общественной безопасности. Затем мы обнаружили, что министерство проверяет данные на всех будущих членов ОПЕН, чтобы никто из левых не попал в ее состав. Оказалось, что ОПЕН — это антикоммунистическая полувоенная группа и по крайней мере некоторые из 10 тысяч ее членов входят в состав фашистской организации Свободное движение Коста-Рики“.

Неудивительно, что глава Свободного движения Коста-Рики Бернал Урбина Пинто одновременно является и руководителем коста-риканского отделения Всемирной антикоммунистической лиги. И такие примеры можно найти повсюду.

Хотя Урбине Пинто удалось удержать военную активность Свободного движения Коста-Рики на довольно низком уровне, общеизвестно, что для молодежного крыла этой организации организовали полувоенную подготовку. Выпускники упомянутых курсов называются „Боинас азулес“ („Голубые береты“).

В 1984 году была распущена Латиноамериканская антикоммунистическая конфедерация, представлявшая собой отделение Всемирной антикоммунистической лиги. Ее заменила Федерация латиноамериканских демократических групп (ФЕДАЛ), вице-президент которой Урбина Пинто играет важную роль в лиге. Можно немало рассказать об его участии в антикоммунистической борьбе в регионе.

Левое правительство соседней Никарагуа особенно беспокоило Урбину Пинто. В 1981 году он встречался с аргентинскими военными и высланными из Никарагуа сомосовскими гвардейцами, замышляя свержение сандинистского правительства.

Эктор Франчес был одним из советников аргентинской военной хунты, посланным в 1980 году в Центральную Америку, чтобы помочь развитию антикоммунистического движения. В 1981 году он был, по-видимому, похищен на улице в Сан-Хосе и дал сведения о тайных операциях Аргентины. Нарушив традиционное молчание, он пролил свет как на операции в Центральной Америке, так и на участие в них нескольких важных членов ВАКЛ.

По словам Франчеса, после завершения специальной военно-разведывательной подготовки в Буэнос-Айресе его направили в Коста-Рику. „Я должен был оценить возможности и создать политические условия для формирования контрреволюционных сил“. Франчес назвал Урбину Пинто в числе лиц, с которыми он встречался в „Коста-Рике, помогая организации „контрас““.

В начале 1982 года различные никарагуанские антисандинистские группировки в Майами, Коста-Рике и Гондурасе начали работать вместе под руководством аргентинцев. По каналам ЦРУ они получили первые поставки вооружений, снаряжения и продовольствия, а также финансовую поддержку, после того как президент Рейган подписал директивный документ, санкционировавший 19,5 миллиона долларов на оказание помощи „контрас“. Советники ЦРУ начали появляться в Центральной Америке, и вскоре аргентинцы стали получать зарплату не из Буэнос-Айреса, а из Лэнгли.

В задачу Франчеса входило создание условий для включения таких подразделений в только что созданную организацию Никарагуанские демократические силы (ФДН), штаб-квартиры которой находились в Майами и в Гондурасе. ФДН получила свое название в декабре 1982 года, после перетряски с ведома ЦРУ командной структуры коалиции, состоявшей из различных фракций.

Франчес создал в Коста-Рике местный комитет ФДН, в состав которого вошли бывшие национальные гвардейцы из Никарагуа и высланные из страны политические деятели времен Сомосы. В процессе подготовки к формированию вооруженных антисандинистских групп Франчес создал свою агентурную сеть для сбора разведывательной информации как в Коста-Рике, так и в Никарагуа. „С ее помощью я провел несколько совещаний, имевших целью наладить сбор информации и создать условия для проведения военных операций“.

Франчес поддерживал рабочие отношения со службами безопасности Коста-Рики, которые закрывали глаза на появившиеся военные лагеря на северной границе с Никарагуа. У него были постоянные контакты с ультраправыми группировками, подобными Свободному движению Коста-Рики во главе с Урбиной Пинто. От них ФДН получала оружие и взрывчатку для проведения таких операций, как пулеметный обстрел посольства Никарагуа или взрыв никарагуанских дипломатических машин в Сан-Хосе. Франчес рассказывал: „Шеф Свободного движения Коста-Рики Бернал Урбина Пинто, тесно связанный с ЦРУ и аналогичными организациями в Сальвадоре, Испании и Гватемале, передал нам запасные ключи от посольства Никарагуа в Сан-Хосе, чтобы мы смогли провести в нем свою операцию“.

Примерно в это же время в дело вступили американские „новые правые“. Франчес говорил о встрече с Натом Хэмриком, разъездным помощником сенатора Джесси Хелмса. В конце 1981 года и в начале 1982 года, по словам Франчеса, Хэмрик по поручению Хелмса часто встречался в Сан-Хосе с Урбиной Пинто и другими представителями коста-риканских правых.

О своей встрече с Хэмриком Франчес рассказывал:

„Мы пришли к выводу, что в целях создания условий для действий никарагуанской контрреволюции необходимо оказать экономическое давление на президента Монхе Альвареса. В этом случае мы были бы уверены в том, что он гарантирует нам поддержку со стороны Коста-Рики. Это давление не снято до сих пор, что находит свое отражение в постоянном присутствии в Коста-Рике Эдена Пасторы (антисандинистского лидера) и представителей многих других контрреволюционных групп“.

Франчес покинул Коста-Рику в 1982 году, но результаты его работы были видны и дальше. Его „информационная сеть“ была тайно поставлена на службу коста-риканским органам внутренней безопасности, различным группам „контрас“ и некоторым консервативным частным организациям. Все они развернули действия в тандеме против „общей угрозы“ в лице никарагуанского сандинистского режима.

Одним из идеологических единомышленников и ближайших друзей Урбины Пинто является Оскар Саборио — известный бизнесмен из Сан-Хосе, владелец сети крупнейших супермаркетов страны. Бывший конгрессмен и мэр Сан-Хосе Саборио в декабре 1984 года встретился с одним из авторов в тихом затемненном ресторане столицы страны.

Пятидесятилетний Саборио называет себя одним из первых коста-риканских бизнесменов, осознавших, какую угрозу представляет сандинистский режим, и одним из первых, принявшим меры против этого режима. Его первым шагом было создание Фонда сохранения свободы, который проводил в США кампанию по рекламированию „контрас“ и сбору для них финансовых средств. Позже Саборио сотрудничал с Эденом Пасторой. Одно время Пастора был членом сандинистского руководства, однако в 1981 году начал с ним, независимо от ФДН, вооруженную борьбу с территории Коста-Рики. Саборио так говорил о Пасторе: „Я много помогал ему“.

Саборио неоднократно бывал в США, где пытался оказывать давление на госдепартамент и ЦРУ, требуя оказания Пасторе поддержки в борьбе с сандинистами. Объясняя мотивы своей деятельности в пользу „контрас“, бывший бизнесмен заявил: „Я всегда думал, что существует лишь военное решение никарагуанского вопроса“.

Пастора оказывал большое влияние на соперничающие группы „контрас“, находившиеся в Коста-Рике, Гондурасе и Майами. Он считал, что только объединенными военными усилиями можно решить никарагуанскую проблему.

Когда к Саборио обратился за помощью бывший шеф „контрас“ Хосе Франциско Карденал по прозвищу Чикано,

потерявший этот пост в 1982 году в результате реорганизации ФДН, осуществленной по указанию ЦРУ, Саборио принялся за работу всерьез. В дополнение к использованию своих экономических и политических возможностей он оживил работу информаторов, работавших в сельских районах. Эту сеть Саборио создавал в течение десятилетий, начиная с гражданской войны 1948 года, которая поставила Коста-Рику на прозападные рельсы с системой свободного предпринимательства.

Он также организовал Патриотический союз, оказывавший давление на правительство. По словам Пасторе: „Это была неистовая антикоммунистическая группировка. Я работал очень активно, являясь координатором между Патриотическим союзом и министром общественной безопасности“.

В то время министром безопасности был либерал с неустойчивыми взглядами Эдмундо Солано Кальдерон. В своем интервью Саборио заявил: „Солано Кальдерон сблизился с сандинистами. Я и группа Урбины Пинто способствовали его смещению в 1984 году“.

Преемником Солано Кальдерона оказался Бенджамин Писа Карранса. Интересно, что он являлся одним из основателей пинтовской организации Свободное движение Коста-Рики, из которой возникло коста-риканское отделение Всемирной антикоммунистической лиги. Писа Карранса считает необходимым отрицать какие-либо связи со Свободным движением Коста-Рики, возможно потому, что большинство консерваторов Коста-Рики рассматривают эту группу как ультраправую, реакционную. Однако политические обозреватели отмечали, что в этот период заметно возросло влияние правых на правительство страны.

Отделение Всемирной антикоммунистической лиги, во главе которого стоял Урбина Пинто, в результате вышло на политическую арену. Часто появлявшиеся обширные газетные статьи, в которых осуждались сандинисты, свидетельствовали об активном участии отделения в текущих событиях. В декабре 1985 года члены организации Свободное движение Коста-Рики забросали камнями в Сан-Хосе участников центральноамериканского марша мира.

После того как администрация Рейгана дала зеленый свет действиям антисандинистских группировок, другие отделения ВАКЛ присоединились к начатой в Коста-Рике кампании против коммунистов. Сюда относились и тайваньцы, которые, по некоторым данным, организовали обучение сил безопасности Коста-Рики тактике ведения борьбы с партизанами, а также проживавшие в Майами кубинцы, в числе которых было немало бывших террористов.

Находившиеся в Коста-Рике кубинцы, эти активно выступавшие эмигранты, по традиции обучали антикоммунистические группы Центральной Америки методам проведения полу-

военных операций. Кубинские эмигранты были также представлены во Всемирной антикоммунистической лиге. Андре Насарио Сархен, президент кубинской эмигрантской группы „Альфа-66“, обвиняемой во взрывах и убийствах по всей территории США, с давних пор вошел в состав лиги.

Филипе Видаль, стройный, с пышными усами кубинец, выполняет функции телохранителя у Джона Халла, американского землевладельца, проживающего на севере Коста-Рики. Дома поверх рубашки он всегда носит автоматический пистолет. Видаль занимался координацией деятельности „контрас“ в своем районе. Он тесно сотрудничает с американцем, который осуществляет местную контрразведывательную программу. Несколько лет назад Видаль вместе с другими пятнадцатью кубинскими эмигрантами на стороне Пасторы участвовал в боевых действиях с сандинистами. Хотя суровая жизнь в джунглях вынудила большинство кубинцев вскоре уехать, Видаль и наиболее преданные ему члены группировки остались.

Видаль объяснил свое участие в борьбе против сандинистов ненавистью к коммунизму: в 1964 году его отец был расстрелян сторонниками Кастро. „Мы рассматриваем Никарагуа как стратегический плацдарм для нападения на Кубу, — говорил Видаль одному из авторов в январе 1985 года, находясь в прибежище „контрас“ в Сан-Хосе. — В конце концов мы надеемся дать импульс борьбе внутренних сил на Кубе. Здесь открываются такие возможности, каких нет даже в США. Например, в Майами я потратил бы три или четыре года, чтобы заполучить 57-миллиметровое противотанковое ружье, здесь же я могу достать его хоть завтра“.

Видаль говорил, что действия никарагуанских „контрас“ были маяком для кубинских „борцов за свободу“, после того как усилия по свержению Кастро не стали находить поддержку ЦРУ и были отвергнуты как бесперспективные. Далее он утверждал, что „в течение 70-х годов формой нашей борьбы против Кастро был терроризм в Мексике, Франции, Барбадосе и США. Президент Картер породил волну антикубинского терроризма, поскольку начал переговоры с Кастро. Как только к власти в США пришел Рейган, правительственная политика совпала с политикой кубинской эмиграции. Когда в 1982 году Рейган приезжал в Майами, он заявил нам о своем намерении поддерживать антикастровские силы, находящиеся за пределами США. И поэтому мы здесь“.

Идея Видаль состояла в том, чтобы создать в Коста-Рике постоянную полувоенную инфраструктуру для „международной антикоммунистической бригады“. По его словам, работа в этом направлении началась в 1981 году, когда в Майами они начали обучать для борьбы с Никарагуа сотни людей. „Теперь мы пытаемся создать для кубинских эмигрантов воз-

возможность бороться с коммунизмом. Они могут предоставлять никарагуанским борцам за свободу пищу и обувь, они могут приехать сюда и лично участвовать в борьбе”.

Видаль подчиняется человеку по имени Брюс Джоунс. Это один из американцев, руководящий работой агентуры сельской гвардии по сбору разведывательной информации в северных районах Коста-Рики. В этой программе были учтены интересы ряда ведущих групп, в том числе коста-риканского правительства, деловых кругов (Саборио и Урбины Пинто) и „контрас”.

Джоунсу поручили обеспечение безопасности малонаселенного района, где крупные землевладельцы опасаются влияния сандинистской революции. По его словам, неофициальные вооруженные группы, сформированные им и фермерами-землевладельцами, стали своеобразными „эскадронами смерти”. Он лично несколько раз в месяц собирал у сельских гвардейцев, обосновавшихся недалеко от никарагуанской границы, от руки написанные разведывательные отчеты. В декабре 1984 года он показал одному из авторов последний отчет, полученный от своего подчиненного из „прифронтового” города.

Отчет в несколько рукописных страниц представлял собой полуграмотный перечень деятельности двадцати человек, которых подозревали в связи с сандинистами или в симпатиях к ним. „Данный человек — явный коммунист; полагают, что он часто ездит в Никарагуа” — таково типичное заключение в этих отчетах.

Джоунс являлся секретным сотрудником коста-риканских служб безопасности. По его словам, после передачи им списка подозрительных лиц своим шефам из правительственных служб их фамилии занесли в картотеку. Копия списка передавалась американскому посольству в Сан-Хосе. Как объяснил Джоунс, тем, чье имя числилось „в посольских” списках, отказывалось во въездной визе в США, если они когда-либо обращались за ней. Джоунс откровенно говорил о целях своих действий. „Мы составляем списки коммунистов на севере Коста-Рики на случай, если когда-либо будем здесь проводить операцию „Феникс” (по примеру северовьетнамской).

Джоунс, Видаль, Саборио, Урбина Пинто, ряд других лиц, занимавших влиятельные посты в правительственных кругах Коста-Рики, создали все вместе мощную информационную и контрразведывательную сеть в одной из когда-то наиболее стабильных стран Центральной Америки. Кроме того, они сформировали инфраструктуру для действий „контрас” с территории Коста-Рики, расширяли им поддержку, создав группы по снабжению „контрас” финансовыми средствами и обеспечивавшие для них тайные взлетные площадки для доставки грузов. Все эти действия были предприняты якобы

во имя спасения коста-риканской „системы демократии“. В действительности же они дестабилизировали положение и вызывали насилие в государстве, которое они, по их словам, собирались защищать.

И вновь создалось такое положение, что те, кто считал, что настоящей и будущей стабильности их страны угрожает коммунизм, пригласили иностранных советников и создали целую сеть подрывных и военных организаций под эгидой политической партии. И вновь эта партия оказалась представлена во Всемирной антикоммунистической лиге. Представители Коста-Рики в ВАКЛ, несомненно, сделали все, чтобы ответить на призыв лиги стать международным антикоммунистическим авангардом „в борьбе за уничтожение любыми средствами марксистско-ленинской угрозы“.

Президент Коста-Рики Монхе Альварес писал:

„Я с удовольствием ответил на просьбу направить приветствие в адрес семнадцатой конференции Всемирной антикоммунистической лиги, собравшейся в Сан-Диего. Это — послание правительства и народа Коста-Рики. Мы маленькая страна, которая всего за 5 лет прошла целую эпоху демократических преобразований. Мы гордимся своей системой, действующей в условиях свободы. Хотя географически мы расположены в зоне насилия и войны, наша страна сохраняет и всегда будет сохранять мир и свои демократические институты. Идеологически и политически мы не нейтральны. В борьбе между свободой и деспотизмом мы на стороне свободы. В конфронтации между идеалами свободы и элементами, защищающими деспотизм, мы не будем нейтральны. Мы не можем быть и не будем просто наблюдателями. Мы заявляем о своей активной роли в деле защиты идеалов свободы“.

Послание президента Коста-Рики 17-й конференции Всемирной антикоммунистической лиги было зачитано Берналом Урбиной Пинто.

Глава 18

В НОВОЙ РОЛИ

Главная цель этой конференции — мобилизовать свободный мир на содействие движениям сопротивления в странах коммунистического мира. В этом году мы решили познакомить участников конференции с положением дел в этих районах, разработать план оказания помощи этим движениям.

*Уолтер Чоливский,
Сан-Диего, 1984 год*

Отель расположен в конце эспланады, в пяти минутах ходьбы от центра Сан-Диего. В вечернее время заходящее солнце искрами сверкает в спокойной воде, в ласковом прибое вулканической лагуны качаются мачты тысяч лодок. Несомненно, для проведения 17-й ежегодной конференции Всемирной антикоммунистической лиги было выбрано прекрасное место.

Под руководством генерал-майора в отставке Джона Синглауба эта конференция должна была стать наиболее успешным и важным событием в истории ВАКЛ. Конференция была призвана возродить лигу, сделать ее более влиятельной, уважаемой и более опасной, чем до сих пор.

Несомненно, Сан-Диего был гораздо лучшим местом для проведения конференции в 1984 году по сравнению с Люксембургом в 1983 году. Ту, 16-ю конференцию можно охарактеризовать одним словом — провал. К 1983 году лига приобрела в Европе незавидную репутацию, и официальные лица Европейского континента не торопились приветствовать собрание организации, в которую с самого момента ее создания входили фашисты, террористы и нацистские пособники.

К премьер-министру Люксембурга обращались с просьбой открыть конференцию, он отказался. Министров иностранных дел и обороны просили выступить на конференции, они тоже отказались. Муниципальный совет и бюро по туризму, всегда активно стремящиеся сделать город местом проведения различных конференций и конгрессов, игнорировали конференцию ВАКЛ. Жандармерия отказалась обеспечивать ей безопасность. Люксембургский совет участников Сопротивления, эта организация ветеранов партизанской войны против нацизма, заявила правительству резкий протест. Генерал Вернон Уолтерс и известный американский дипломат Клэр Бут Льюс не выступили на конференции.

„Снова выяснилось, — заявил в Сан-Диего бельгийский генерал в отставке Роберт Клоз, — что высказанные на последней конференции Всемирной антикоммунистической лиги заявления и мнения были подвергнуты критике как фашистские. Мы должны бороться с такой дезинформацией и подрывными действиями со стороны средств массовой информации. Мы должны сплоченно выступать против этого исключительно опасного вида интеллектуального терроризма“.

В Сан-Диего Клозу не пришлось беспокоиться по поводу „подрывных действий“. Там в отличие от Люксембурга не было отказов со стороны известных лиц. Под руководством Совета США за всемирную свободу, председателем которого являлся Джон Синглауб, конференция завершила „очищение“ и „переворужение“ лиги. На нее якобы уже нельзя было больше нападать как на защитника „сионистско-коммунистического заговора“. Теперь на нее надо было смотреть как на организацию, посвятившую себя борьбе за свободу во всем мире.

В работе этой конференции не участвовал Айвор Бенсон, неистовый южноафриканский расист и антисемит, выступавший в качестве гостя на конференции Североамериканской региональной антикоммунистической лиги в 1983 году. Вместо него Африка была представлена местными лидерами почти из двадцати африканских стран. Отсутствовали также и мексиканские „текос“, с которыми мирно сосуществовал Совет США за всемирную свободу, пока в начале 1984 года они не были разоблачены одним из авторов этой книги.

Вместо них во Всемирную антикоммунистическую лигу вошли некоторые влиятельные консервативные лидеры из ряда стран мира.

По данным издаваемого ВАКЛ журнала „Эйшн аутлук“, одну треть присутствовавших на конференции составляли члены парламентов, конгрессмены или сенаторы из стран-членов лиги. В качестве наблюдателей в работе конференции участвовали многие представители „новых правых“, включая бывших конгрессменов Джона Лебаутильера от штата Нью-Йорк и Роберта Дорнана от штата Калифорния.

Более того, в адрес конференции в Сан-Диего поступили приветствия от правительств ряда стран мира. Диктатор Парагвая генерал Стресснер направил телеграмму, в которой выразил лиге благодарность „за защиту человечества от марксистской тирании“. Далее он с большой похвалой отозвался о собственном вкладе в это дело.

„С гордостью я могу сказать, что с момента прихода к власти мое правительство занимает твердую и последовательную антикоммунистическую позицию, которая вытекает из атмосферы

демократии, в которой живет парагвайский народ. Нам удалось сокрушить попытки террористических банд, поддержанных международным коммунизмом, подорвать устои нашего общества”.

Однако было не так просто рекламировать „новую” и „улучшенную” лигу, поскольку в ней почти ничего не изменилось. Во главе „белорусской” делегации остался Джон Косяк, нацистский пособник. Движение за освобождение Хорватии — это международное сообщество усташей, основанное Анте Павеличем в Аргентине в 1956 году, — все еще официально выполняло функции отделения лиги. В таком же положении остался и „болгарский национальный фронт”, образованный в 1947 году болгарскими легионерами, выступавшими за уничтожение в стране евреев. Присутствовал на конференции и Марио Сандоваль Аларкон, „крестный отец” центральноамериканских „эскадронов смерти”. Хотя Ярослав Стецько, так называемый премьер Украины, санкционировавший уничтожение в 1941 году семи тысяч граждан Львова, по болезни не смог присутствовать, украинских пособников нацистов представляла его жена Слава.

Одним из наиболее интересных аспектов начатой в Сан-Диего кампании по „очищению” лиги была критика со стороны мексиканской делегации. Изгнанные из лиги „текос” подвергались постоянным нападкам за их антисемитские, фашистские тенденции. Один из наблюдателей на конференции отмечал, что почти все делегации высказали осуждение в адрес своих бывших коллег. „Во время семинаров и в частных разговорах можно было видеть согласованные нападки на „текос”, где подчеркивалась мысль о том, что ВАКЛ не место для таких людей”. Удивительно то, что большая часть критики шла со стороны латиноамериканских отделений лиги, которые были образованы усилиями „текос” в 70-х годах. Эта критика высказывалась как раз теми лицами, которые встали на сторону „текос” в 1973—1974 годах, когда те подверглись критике со стороны англичан. Под давлением средств массовой информации лига отсекала только одну голову гидры „текос”, другие остались нетронутыми. „Они говорят, что избавились от „текос”, — продолжал этот же наблюдатель, — но они освободились только от мексиканских „текос”. Все остальные южноамериканские „текос”, следующие по пути своих мексиканских старших братьев, остались в составе ВАКЛ”.

Еще одна организация, действия которой вызывали возмущения со стороны некоторых „истинных” консерваторов, — „унификационная церковь” — не была исключена из состава ВАКЛ. Многие присутствовавшие на конференции американские обозреватели были связаны с преподобным Мунном, являясь членами одной или более из его многочисленных организаций. В их числе были Рей Кляйн, директор Совета США по

проблемам глобальной стратегии, и Роджер Фонтейн, бывший функционер Совета национальной безопасности, а затем репортер газеты Мун „Вашингтон таймс“. В 1975 году преподобный Мун назвал ВАКЛ фашистской организацией, однако и в 1984 году он все еще оставался в ее рядах.

Конечно, генерал Синглауб убрал из состава Всемирной антикоммунистической лиги некоторые наиболее одиозные элементы, которые, как громоотвод, своими экстремистскими действиями привлекали к себе внимание и являлись объектами критики со стороны многих организаций. Но это „очищение“ было произведено не из каких-то моральных причин или из-за отрицательного общественного мнения. У бывшего генерал-майора имелся свой план создания новой лиги, и конференция в Сан-Диего должна была дать ее модель. Он не хотел, чтобы общественное мнение было настроено против лиги, поскольку это помешало бы ему осуществить свои планы.

„Целью данной конференции является разработка программы действий для каждого региона мира, с тем чтобы успешно продолжать непрерывающуюся борьбу ВАКЛ с подрывными действиями, дезинформацией и манипулированием общественным мнением средствами массовой информации, которые тем самым содействуют усилиям коммунистов по завоеванию мирового господства“.

Из пресс-релиза конференции,
31 августа 1984 года

Лига не должна быть местом для делегаций, которые лишь оплакивают прошлое. Наоборот, она должна стать ориентированной на активные действия организацией, стоящей в авангарде бескомпромиссной борьбы с коммунизмом. Ораторами на ее конференциях больше не будут престарелые люди, вещающие о пороках „китайских коммунистов“ или „русских империалистов“. Им на смену придут „борцы за свободу“ из Афганистана, Мозамбика и Никарагуа, которые активно ведут борьбу с коммунизмом при помощи винтовок и пушек. Деньги не будут больше тратиться на проведение пышных банкетов, празднование каких-то эфемерных побед и издание дорогих журналов; отныне средства пойдут на создание „представительств борющихся групп“, закупку вертолетов, катеров и другого вооружения и снаряжения для международных антикоммунистических „освободительных сил“. Короче говоря, лига должна стать инструментом для повсеместного использования „нетрадиционных методов ведения войны“.

Бывший генерал-майор и специалист по этим методам в течение длительного времени разрабатывал свою новую стратегию:

„Мы должны выработать такую стратегию действий свободного мира, в которой учитывался бы весь спектр конфликта: от ядерного до обычного и от обычного до нетрадиционного“.

15 июня 1984 года Синглауб писал в бюллетене Совета США за всемирную свободу: „Эта стратегия должна максимально использовать многие слабости коммунистов, с тем чтобы повсюду крушить их тиранию и господство“.

Чтобы претворять свои планы в жизнь, Синглауб не ждал конференции в Сан-Диего. В 1983 году он вместе с другими отставными офицерами, включая генерала Барри Адерхолта, бывшего командира специальных сил и своего заместителя в период военных действий во Вьетнаме, образовал Международный фонд помощи беженцам, в который вошли бывшие солдаты специальных сил и воздушно-десантных войск.

„Что касается Международного фонда помощи беженцам, являющегося отделением Совета США за всемирную свободу, — гордо заявил в 1984 году на конференции ВАКЛ в Сан-Диего ее генеральный секретарь Уолтер Чопивский, который занимается предоставлением медицинской, финансовой и другой помощи перемещенным лицам и „жертвам коммунистического террора“, — то в этом году фонд доставил в Сальвадор и распределил медицинского и другого оборудования на шесть миллионов долларов. Генерал Синглауб является членом совета директоров фонда и в настоящее время занимается приобретением вертолетов для эвакуации пострадавших людей, изысканием средств, сбором медикаментов и оборудования, которые будут направлены в Сальвадор в помощь жертвам коммунистического террора в этой стране“.

Как известно, Международный фонд помощи беженцам направляет в Центральную Америку не только „медикаменты и оборудование“. С момента своего создания он начал обеспечивать вооружением „контрас“, развернувших борьбу с правительством Никарагуа.

Находясь в отставке, Адерхолт стал главой Ассоциации бывших военнослужащих воздушно-десантных войск, а также редактором журнала „Солджер оф форчун“ по „нетрадиционным методам ведения войны“. Этот журнал называли изданием „профессиональных преступников-авантюристов“. В его статьях воспевались „победы“ в Южной Родезии и Вьетнаме, он апеллирует как к действующим наемникам, так и к их защитникам. Он не делает никакого секрета из того, что его „репортеры“ нередко с оружием в руках участвуют в боевых операциях. „Мы не скрываем, что поддерживаем только одну сторону в любом конфликте и помогаем ей проводить боевые операции, — заявил сотрудник журнала „Солджер оф

форчун" одному из авторов книги в Сальвадоре. — Мы не привлекаем внимания к тому факту, что занимаемся убийством людей".

Как вступающий в должность председателя Всемирной антикоммунистической лиги, Синглауб видел, что ее действия можно направить по предлагавшемуся им и Адерхольтом пути. 4 сентября в своем вступительном слове в Сан-Диего он изложил свои планы преобразования лиги:

„Когда вы замедляете или останавливаете наступление врага, приходит самое подходящее время для введения резервов и организации контр-наступления.

Я убежден, что наша борьба с коммунизмом — это не любительский спорт. Отсюда следует, что мы выбираем такой образ действий, который требует оказания помощи тем, кто активно сопротивляется поддерживаемому Советами вторжению в Африку, Азию и Америку.

Географические отделения ВАКЛ должны оказывать поддержку не только борцам, ведущим борьбу за свободу в своем регионе. Они должны разработать планы своих действий, предусматривающие оказание помощи движениям сопротивления в других регионах мира".

Призыв Синглауба нашел отклик у делегатов конференции. Когда репортер спросил у Славы Стецько (жены Ярослава Стецько), что, по ее мнению, должно сделать правительство США в плане содействия антикоммунистической борьбе, она быстро ответила: „Организовать центры психологической и политической войны".

„Пришло время действий, — заявил Монаф Факира с острова Маврикий. — Прямо или косвенно коммунизм завоевывает мир и разрушает при помощи террора нашу систему демократического правления, наш образ жизни, нашу религию и культуру, нашу свободу в целом. Я подчеркиваю, при помощи террора он стремится распространить свое правление на весь мир, сражаться и выиграть необъявленную третью мировую войну. Этого можно не допустить, если борющиеся за свободу силы объединятся и получат необходимую помощь".

„Как новый председатель Всемирной антикоммунистической лиги, — заявил Синглауб делегатам конференции, — я заверяю, что приложу все силы для претворения в жизнь этих идеалов. Эффективность нашей работы, работы ВАКЛ в 1985 году будет фактически видна из того, насколько мы сумеем осуществить планы, которые будут разработаны здесь в течение нескольких последующих дней".

И бывший генерал-майор не бросал напрасно слов. Были созданы комитеты для определения потребностей „антиком-

мунистических движений" в Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Лаосе, Кампучии, Вьетнаме, Никарагуа и Афганистане. Был сформулирован политический курс, которому необходимо было следовать при оказании помощи. На конференции присутствовали представители „антикоммунистических движений" из пяти стран, в том числе Адольфо Калеро, один из лидеров „контрас", развернувших борьбу против сандинистского правительства. „Особенность нашего поколения, — информировал Калеро ВАКЛ, — состоит в том, что у нас будет воля к борьбе, если будет оружие. Эти люди („контрас") хорошо обучены, они готовы продолжать борьбу. Мы знаем, что в Никарагуа мы решаем судьбу Центральной Америки".

„Мы заставили сандинистов почти полностью отказаться от прямого физического присутствия в Сальвадоре. Я верю, что каждый выстрел, сделанный в Никарагуа нами, борцами сопротивления, борцами за свободу, означает, что одним выстрелом меньше будет в Сальвадоре. Только благодаря нам сандинисты не выходят за пределы Никарагуа. Если нас оставят одних, если нам не будет оказана должная поддержка, мы, конечно, будем продолжать борьбу, но последствия будут ужасны, поскольку нас разгромят".

Заявляя о своих потребностях, представители „движений сопротивления" не проявили скромности или умеренности. Например, делегация от „Мозамбикского движения" в дополнение к средствам на открытие информационного бюро, заявила о необходимости получить 500 ракет класса „земля — воздух", 30 тысяч автоматов АК-47, 500 базук, 100 джипов, оборудованных пулеметами, 5 катеров, снаряжение для войск специального назначения и инструкторов (на 30 групп) для выполнения „особых заданий". Полпотовцы запросили средства для „ежемесячных покупок 10 тысяч мешков с рисом с целью обеспечения питанием борющихся подразделений". Им также было нужно 15 тысяч автоматов и боеприпасы к ним, полевые радиостанции, плазма, антибиотики, противотанковые ружья, пластиковая взрывчатка для подрыва мостов, которые „Ханой из-за отсутствия средств не сможет восстановить".

Наиболее двусмысленный запрос поступил от никарагуанских „контрас", борющихся под знаменами ФДН. Стремящиеся „использовать Совет США за всемирную свободу в качестве „расчетной палаты" и распространителя информации о текущем положении и потребностях ФДН", „контрас" тем не менее не высказали прямых просьб о поставках оружия и военного снаряжения. Несомненно, это было сделано из политических соображений: в сентябре 1984 года возросла оппозиция предоставлению администрацией Рейгана тайной помощи

„контрас“, и в мае конгресс проголосовал за полное прекращение такой помощи. Однако эта проявившаяся в Сан-Диего осторожность вовсе не означала, что „контрас“ не нуждаются в такой помощи или что лига не будет ее предоставлять.

Проведенные в рамках конференции в Сан-Диего семинары сыграли большую роль в возникновении „новой“ лиги. Руководимые в основном отставными американскими офицерами армии или разведки, эти семинары разработали для лиги новые функции. Это уже была не группа стареющих украинских фашистов, злорадствующих, сидя за столом, по поводу „вызванного Советами голода на Украине в 20-х годах“. Это было собрание экспертов по „нетрадиционным методам ведения войны“ и руководителей „движений сопротивления“, использующих эти методы на практике.

Вездесущий Рэй Кляйн вел семинар по Никарагуа. В такой же роли выступал и Роджер Фонтейн, в 70-х годах бывший коллегой Кляйна по Центру стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета, недолгое время работавший в Белом доме (в Совете национальной безопасности), когда, судя по его словам, „он повседневно разделял ответственность за американскую политику в Латинской Америке“.

Семинар по Афганистану было поручено вести Алексу Алексеффу, директору Службы международной безопасности „Рэнд корпорэйшн“, и бригадному генералу Теодору К. Метаксису. В течение своей длительной военной карьеры Метаксис приобрел хороший опыт использования „нетрадиционных методов ведения войны“: в конце 1940 года он окончил школу стратегической разведки, в 1941 году — школу химической войны.

Во главе семинара по Мозамбику был Уильям Маццоко, бывший чиновник Агентства США по международному развитию, который в 1965 году руководил осуществлением во Вьетнаме программ по вопросам „безопасности“. В начале 60-х годов он был инструктором по контрпартизанским операциям в Институте иностранной службы, в течение восьми лет преподавал в полицейской академии США, в которой проходили подготовку сотрудники секретных служб Уругвая, Сальвадора, Панамы и других стран.

Джим Моррис, бывший майор сил специального назначения во Вьетнаме и редактор журнала наемников „Игл“, участвовал в работе семинара по Индокитаю.

Проведение семинаров явилось полным отходом от традиций лиги, однако его участники, кажется, были удовлетворены „новой“ ролью ВАКЛ. „Генерал Синглауб, — заявил Роман Цвариш, член АБН, — намерен предоставить действенную помощь людям, которые ведут в Никарагуа борьбу. Они нуждаются в медикаментах. Им необходимо продовольствие. Так

случилось, что они стали повстанцами. Откуда-то они должны получить эту помощь”.

Семинары свидетельствовали о все возрастающей роли Всемирной антикоммунистической лиги в событиях в Центральной Америке. Благодаря достигнутому в Сан-Диего единоголосию должно было улучшиться финансирование, осуществляться более широкое использование в этом регионе „нетрадиционных методов ведения войны”.

Шумный, дребезжащий, давно списанный самолет „дуглас” по кривой линии медленно пролетал над джунглями Гондураса. Он опустился ниже верхушек деревьев и, подпрыгивая, сел на вырубленную в джунглях узкую полосу. Когда самолет подрулил к стоянке, вышедшие из-за деревьев повстанцы подогнали несколько грузовиков к люку самолета, дожидаясь открытия дверей.

В кузова грузовиков были быстро перенесены с самолета ящики с грузом. Когда самолет запустил моторы, готовясь к взлету, повстанцы вместе с грузом исчезли в чаще леса. Самолет, доставивший различные грузы, закупленные Всемирной антикоммунистической лигой, набирал высоту, возвращаясь в Тегусигальпу. Самолеты регулярно доставляли оружие, боеприпасы, продовольствие, медикаменты „контрас”, которые вели борьбу с сандинистским правительством Никарагуа.

Сорок четыре года прошло с тех пор, когда украинцы использовали „нетрадиционные методы ведения войны”, по приказу нацистов уничтожая русских и евреев во имя антибольшевизма. Прошло двадцать шесть лет со времени открытия Гоминьданом на Тайване академии политической войны, в которой представителей правых организаций всего мира обучают использованию „нетрадиционных методов ведения войны” для отражения угроз со стороны „международного коммунизма”; девятнадцать лет прошло с тех пор, как „эскадроны смерти” Марио Сандовалья Аларкона начали использовать „нетрадиционные методы” в борьбе с „подрывными элементами”. Девять лет назад итальянские террористы из „Ордине нуэво”, используя эти методы, убили судью Витторио Оккорсио, объявив его „врагом народа”.

То, что в этот день „дуглас”, громыхая, направлялся к месту своего приземления в Гондурасе, как раз вписывалось в методы действий Всемирной антикоммунистической лиги. Используя опыт, приобретенный на Украине, Тайване, в Гватемале и в Италии, она лишь открыла новую страницу в своей непрекращающейся борьбе.

Глава 19

ХАМЕЛЕОН

Нетрудно предсказать реакцию Всемирной антикоммунистической лиги на публикацию этой книги. Будут сердитые опровержения со стороны ее членов, раздадутся голоса о том, что в ее составе нет нацистов, будут нападки на авторов и издателя, которых обвинят в том, что они являются коммунистами или относятся к „пятой колонне“. Эта кампания фактически уже началась.

Срочно созовут заседание исполнительного совета лиги, исключат из состава ВАКЛ некоторые разоблаченные нами организации. Вполне возможно, что румынская Железная гвардия и хорватские усташи будут заменены такими эмигрантскими группами, в прошлом которых не прослеживается участие в военных преступлениях. Стецьковское поколение украинских националистов будет заменено молодыми эмигрантами, не участвовавшими в уничтожении евреев в 1941 году. Вместо нынешнего японского отделения появится другое, составленное из бизнесменов и консервативных политиков, не связанных с „унификационной церковью“ или японской мафией. Из состава ВАКЛ уйдут многие ее африканские и западноевропейские отделения, которые впервые узнают неприятные подробности из жизни своих собратьев по лиге.

Может быть изменено даже название лиги. По примеру того, как Латиноамериканская антикоммунистическая конфедерация стала Федерацией латиноамериканских демократических групп. На следующей конференции или заседании исполнительного бюро, возможно, будет упразднено название „Всемирная антикоммунистическая лига“ и она будет переименована в Международную лигу свободы, Международную демократическую федерацию или во что-либо другое, не менее внушительно звучащее.

С абсолютной уверенностью можно сделать один прогноз: лига не умрет.

Всемирная антикоммунистическая лига — это такой хамелеон, который очень легко меняет свои лозунги и даже свою политику.

Когда в ее составе не было чернокожих африканцев, на заседаниях шел разговор о контролируемой белыми Южной Африке как о бастионе свободы демократии и процветания. После появления африканцев речь пошла о борьбе черной Африки „с советско-кубинскими агрессорами“.

В отсутствие арабов лига говорила о „коммунистическом вторжении“ на Ближний Восток. Когда арабы вошли в состав ВАКЛ, она стала кричать о „сионистском империализме“ Израиля. Во имя „великих“ антикоммунистических целей лига может ловко „объяснять“ свои собственные противоречия.

И, как хамелеон, Всемирная антикоммунистическая лига может без труда отрастить свой собственный обрубленный хвост.

Когда после трехлетнего пребывания в составе ВАКЛ был разоблачен как неонацист Роджер Пирсон, тайваньцы вдруг пришли в ужас и потребовали его исключения.

Когда в 1984 году мексиканские „текос“ были официально разоблачены как антисемиты и фашисты, они были изгнаны из ВАКЛ, хотя в течение предшествующих десяти лет лига была прекрасно осведомлена о своих мексиканских собратях.

Когда один из „хвостов“ лиги разоблачался прессой, правительствами или ее членами, ВАКЛ просто отсекала его и отращивала новый.

Лига не умрет и по другим причинам. Она слишком важный внешнеполитический инструмент Южной Кореи и Тайваня. Она слишком важное связующее звено для латиноамериканских „эскадронов смерти“ в плане организации встреч и обмена информацией. Она слишком удобный аппарат для „церкви единения“, для расширения ею своего влияния и перевода финансовых средств. Она очень ценна для нацистских преступников, поскольку позволяет поддерживать контакты друг с другом. И наконец, лига занимает важное место в программе американских „новых правых“ по субсидированию „борцов за свободу“ в Центральной Америке.

Она не умрет и потому, что это противоречит настоящим желаниям ее членов.

Сузанна Лабин, консервативный ученый из Франции, была членом лиги до скандала с Пирсоном. Она якобы высказывала свое возмущение по поводу наплыва в лигу в 70-х годах неонацистов и бывших нацистских офицеров и по поводу терпимого отношения к этому руководителей ВАКЛ. И тем не менее она и сегодня остается руководителем французского отделения лиги.

В 1971 году Дэвид Роув ушел из Американского совета за всемирную свободу в знак протеста против мании величия председателя лиги — тайваньца и его связей с преступным миром. Однако в середине 80-х годов Роув входил в состав американского отделения ВАКЛ, а во главе лиги продолжал оставаться все тот же одержимый манией величия тайванец, биография которого вызвала такую бурную реакцию с его стороны четырнадцать лет назад.

В 1975 году преподобный Сан Мун заклеил Всемирную антикоммунистическую лигу как фашистскую, а в середине 80-х годов церковь Муна руководила деятельностью японского отделения ВАКЛ и многие члены американского отделения лиги работали в организациях „унификационной церкви“ („церкви единения“).

В 1975 году Стефан Поссоли ушел из лиги из-за действия мексиканских „текос“. И тем не менее в 80-х годах он снова вступил в ВАКЛ, когда „текос“ еще не были исключены.

До тех пор пока Всемирная антикоммунистическая лига будет содействовать достижению целей большого числа правых организаций разных регионов мира, пока ее члены будут возмущаться по поводу наплыва в лигу „преступных элементов“, но спокойно работать вместе с ними, до тех пор лига не прекратит своей деятельности.

ВАКЛ — это не „бумажный тигр“. Это щедро финансируемая организация, федерация мужчин и женщин из пяти континентов, отказавшихся от идеалов демократии или никогда не веривших в них, борющихся с противниками своими собственными средствами.

Это объединение практиков и проповедников „нетрадиционных методов ведения войны“, восхваляющих политику Пиночета и чанкайшистов и использующих их тактику в Никарагуа, Мозамбике и Анголе.

Это объединение людей, направляющих деньги, вооружение и снаряжение „дружественным повстанцам“ в Африке, Азии и Центральной Америке.

И наконец, это объединение, имеющее свои источники дохода, свою внешнюю политику, свою армию и даже свою религию.

Некоторые могут подумать, что мы сгустили краски. Скажут, что старые нацисты спокойно и незаметно доживают свой век, что они больше не уничтожают евреев. Что „унификационная церковь“ имеет право обращать в свою веру людей в Латинской Америке, что имеется достаточно много священнослужителей, ставших мультимиллионерами. Что „текос“ имеют право критиковать папу или тех священников, которых они считают слишком либеральными. Что латиноамериканские правые имеют право защищать свои плантации и традиции от тех, кого они считают марксистами.

В принципе так говорить можно, но это означало бы слишком упрощенное понимание целей лиги.

Старые нацисты все еще требуют радикального решения „еврейской проблемы“. И они действуют в этом направлении: их последователи прибегли к убийству евреев в парижских синагогах, убийству безвинных пассажиров гражданских рейсов в Чехословакии, полицейских в Нью-Йорке.

„Унификационная церковь“ вступила в союз с японским преступным миром и использует большие суммы денег, полученных из неизвестных источников, для расширения своего влияния в Соединенных Штатах и Южной Америке.

„Текос“ держат под своим контролем один из крупных университетов Мексики, разжигают враждебное отношение к евреям в стране, где синагоги подвергаются актам вандализма, а еврейские могилы разрисовываются свастиками.

Латиноамериканские правые обмениваются информацией в отношении крестьян, либеральных священников и лидеров профсоюзов, их тела, изуродованные и расчлененные, обнаруживают в канавах и мусорных ямах.

Возникла, по существу, новая Всемирная антикоммунистическая лига. Под руководством отставного американского генерал-майора она сориентирована на действия, больше не занимается „сдерживанием коммунизма“, а стремится „отбросить его назад“.

Лидеры Всемирной антикоммунистической лиги, в том числе Синглауб, заявляют, что „Соединенные Штаты не могут наивно относиться к потребностям введущейся ныне борьбы“.

Сверхдержава не может не проявлять интереса к мировым событиям. Временами она должна поддерживать дружественные правительства, оказывать помощь „борцам за свободу“, идеи которых она разделяет, и содействовать борьбе с „мятежниками“, которых она отвергает. Сюда входит также и использование „нетрадиционных методов ведения войны“. Если не делать того, что делает твой враг, поражение неизбежно. Бесхитростным в войне быть нельзя.

Однако вопрос не в этом. Можно согласиться с тем, что иногда бывает необходимо вмешательство правительства одной страны в дела другой или использование „нетрадиционных методов ведения войны“. Но это никак не означает, что подобными же прерогативами наделена какая-то частная организация, никем не избранная и никому не подотчетная. Но неправительственная организация, на роль которой претендует Всемирная антикоммунистическая лига, не имеет права проводить свою собственную внешнюю политику, тем более вести войну. Однако именно этим она и занимается. За счет богатства некоторых своих членов и сторонников она финансирует повстанческие движения в разных частях мира, пропагандируя и используя „нетрадиционные методы

ведения войны", оставляет кровавый след в Центральной Америке.

Чтобы увидеть самые негативные моменты в деятельности Всемирной антикоммунистической лиги, надо посмотреть на то, что она прячет и что отвергает. Во имя антикоммунизма лига объединяет лиц, стоящих за „эскадронами смерти“, апартеидом, пытками, за нападением на евреев в Европе. Одновременно она отвергает демократические правительства.

Латиноамериканские отделения лиги рассматривают создание представительных демократических правительств в качестве первого шага левых к захвату власти. Отделения ВАКЛ в Южной Корее и на Тайване никогда не считали демократию альтернативой жесткому диктаторскому правлению. Члены американского отделения лиги с презрением отвергли решение конгресса (и этим, возможно, нарушали закон о нейтралитете США), организовав предоставление помощи никарагуанским „контрас“, когда конгрессом были заблокированы выделенные на это правительством средства.

Многие на Западе считают себя антикоммунистами. И поэтому далеко не все будут выступать против организации, которая объявила себя антикоммунистической. Как нацисты использовали антикоминтерновскую политику, так и Всемирная антикоммунистическая лига использует в своей деятельности антикоммунистические настроения. Лига порочит истинных борцов за свободу и всех тех, кто пытается добиться демократических преобразований в своих странах. И наконец, действия Всемирной антикоммунистической лиги — это неприкрытый цинизм по отношению к тем, кого она якобы представляет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И в 1986 году Всемирная антикоммунистическая лига твердо шла по пути выполнения своей основной задачи: стоять в авангарде глобальной антикоммунистической борьбы. Под руководством генерал-майора Джона Синглауба лига превратилась в основной инструмент неправительственной поддержки правым движениям во всем мире: от никарагуанских „контрас“ до афганских моджахедов.

Осенью 1986 года особенно четко проявилась роль лиги в деле претворения в жизнь разработанной администрацией Рейгана стратегии по оказанию помощи „антикоммунистическим повстанцам“. Синглауб признал, что, после того как в 1984 году конгресс запретил оказание помощи „контрас“ через ЦРУ, он получил от Белого дома не только молчаливое согласие, но и поддержку своим усилиям в плане изысканий средств из частных источников. Один из руководящих деятелей администрации подтвердил, что заместитель начальника отдела Совета национальной безопасности по военно-политическим вопросам подполковник Оливер Норт предпринял энергичные усилия для получения из частных источников денег, необходимых для вооружения, материально-технического, продовольственного снабжения и обучения „контрас“. В то же время, по заявлению Синглауба, через Норта он поддерживал связь с администрацией Рейгана.

В 1985 году в февральском номере журнала „Лайф“ один из авторов этой книги разоблачил незаконную деятельность Бруса Джоунса, офицера ЦРУ по связи с „контрас“ на севере Коста-Рики. После указанной публикации Джоунс, в частном порядке изучавший возможность создания коста-риканских „эскадронов смерти“, был вынужден возвратиться в США. Потом он стал работать у Синглауба и помогал ему учредить тусонское отделение* Совета США за всемирную свободу.

* Тусон — город на юге США, штат Аризона. — *Прим. авт.*

Еще одним доказательством благосклонного отношения администрации Рейгана к Синглаубу было предоставление в 1982 году Совету США за всемирную свободу (во главе с Синглаубом) статуса организации, не облагаемой налогом. Хотя, по словам чиновника лос-анджелесской службы внутренних доходов, он не знает прецедента, чтобы подобная организация получила такой статус, штаб-квартира службы в Вашингтоне утвердила эти решения. Для получения столь щедрого подарка Альберт Коэн, тогдашний казначей Совета США за всемирную свободу, согласился с тем, что „его организация никогда не будет даже рассматривать вопрос о предоставлении материалов или денег любой революционной или контрреволюционной организации или какому-либо освободительному движению“. Но это обещание позднее было бесстыдно нарушено.

Все это свидетельствовало о тесном переплетении интересов администрации Рейгана и Всемирной антикоммунистической лиги. Администрация мечтала об „отбрасывании коммунизма назад“. А именно этой цели Синглауб и ВАКЛ пытаются добиться в течение многих лет. С момента своего вступления в члены ВАКЛ Синглауб настойчиво призывал конгресс отменить запрет на оказание помощи антимарксистским, антиангольским движениям. В 1985 году Белому дому удалось добиться снятия этого запрета и продолжить оказание Савамби военной помощи. Конгресс разрешил возобновить помощь „контрас“. ЦРУ было позволено помогать кампучийским антиправительственным группировкам. Для реализации этих шагов Синглауб развил энергичную лоббистскую деятельность. В 1984 году в составе Совета США за всемирную свободу Синглауб учредил комитеты по оказанию помощи антиправительственным группам в восьми странах. А в 1985 году администрация Рейгана рассматривала возможность учреждения бюро по оказанию помощи и координации действий „борцов за свободу“ именно в этих государствах.

Располагая поддержкой со стороны администрации США, Синглауб стал более открыто говорить о задачах ВАКЛ. Как сообщалось в сентябрьско-октябрьском номере журнала „Коммэн коз“ за 1985 год, „Синглауб с гордостью говорил о своей работе с повстанцами“. Он заявил, что в 1984 году ему удалось собрать „десятки миллионов долларов, которые пошли на закупку вооружений и боеприпасов, и еще миллионы долларов — на невоенные поставки“.

Поскольку принятый в США закон о нейтралитете запрещает частным американским организациям поставлять оружие иностранным группам, Синглауб открыл секретный счет в одном из иностранных банков, на который доброжелатели могли переводить свои деньги, используемые на покупку оружия. По словам Синглауба и его помощников в конгрессе,

многие вкладчики — это его друзья из Всемирной антикоммунистической лиги, в основном из правительственных кругов Тайваня, Южной Кореи и Саудовской Аравии.

Неприкрытая воинственность Синглауба, поддержка его усилий со стороны администрации США вызвали серьезную тревогу у конгрессменов обеих партий: частная помощь шла в обход законодательных ограничений.

Конгрессмен Джон Лич (республиканец от штата Айова) назвал частные группы „международными разбойниками“, участвующими в „субсидируемом терроризме“. Он сказал: „Мы выпустили на волю силы, никому не подотчетные“.

Создалось такое впечатление, что администрация Рейгана глуха к этим аргументам, не было никаких признаков, что „эта частная война“ в скором времени прекратится. И действительно, проведенная в Далласе в сентябре 1985 года конференция Всемирной антикоммунистической лиги показала все возрастающий интерес состоятельных американских консерваторов к планам лиги. Группа богатых техасских бизнесменов тесно общалась с руководителями антикоммунистических группировок, включая таких лидеров „контрас“, как Энрике Бермудес и Роберто Калеро, ангольца Холдена Роберто, афганца Икрама Грана. Среди техасцев были, в частности, Элен Гарвуд, известная в основном тем, что дала Синглаубу 65 тысяч долларов на покупку вертолета для „контрас“, миллиардер Нельсон Банкер Хант, некогда пытавшийся прибрать к рукам мировой рынок по продаже серебра, организовавший обед для „международных борцов за свободу“, заплатив по 500 долларов за каждого человека. Обеспечивали охрану этих ультраправых „знаменитостей“ Том Поззи, глава алабамской организации по вербовке наемников „Сивильен милитэри эсистенс“, и группа его солдат.

Другие гости конференции были известны по другим, в основном зловещим, делам. Среди них находились, к примеру, Марио Сандоваль Аларкон, глава гватемальской „партии организованного насилия“, „новичок“ лиги Ив Жиньяк, лидер французской ОАС, который провел пять лет в тюрьме за попытку убийства Шарля де Голля.

Но среди них были и другие лица, не столь известные и вряд ли жаждавшие известности. На конференции присутствовали: Чирила Чиунту, член Железной гвардии, разыскиваемый Румынией за совершенные военные преступления, Джон Косяк — нацистский пособник по грязным делам, совершенным в Белоруссии; Ярослав Стецько, с ведома которого было уничтожено 7 тысяч евреев в городе Львове, был представлен своей женой Славой.

Члены лиги на местах действовали в традициях ВАКЛ. Связанная с лигой группа эмигрантов из Восточной Европы подняла в США сильную шумиху по поводу действий отдела

специальных расследований министерства юстиции, занимающегося розыском и наказанием нацистских военных преступников, обвиняя отдел в том, что он в основном полагается на информацию, полученную от КГБ. Эти эмигрантские группы вместе с некоторыми организациями „новых правых“ добились ликвидации отдела или сокращения его штатов. Их действия нашли поддержку у Синглауба, который в беседе с одним из авторов книги высказал озабоченность по поводу методов работы этого отдела.

В течение некоторого времени эта кампания пользовалась поддержкой Белого дома. Пэт Бьюкенен, директор службы связи Белого дома, направил все свои усилия на ликвидацию отдела, пока протест общественности не заставил его отказаться от своих намерений.

В Южной Корее и на Тайване не прекращались репрессии, служившие моделью для действий других отделений лиги. Ким Дэ Юнгу, одному из главных противников правящего в Южной Корее диктаторского режима, разрешили вернуться из США на родину. Однако по прибытии его взяли под домашний арест. Правящий режим Тайваня не проявляет готовности разделить власть с группами, составляющими большинство населения, и продолжает предоставлять возможность офицерам из правых латиноамериканских стран проходить подготовку по тактике ведения политической войны. Хотя ФБР связывало убийство в Калифорнии журналиста Дэвида Лью с высокопоставленными офицерами тайваньской разведки, однако скандал замяли и он не вызвал каких-либо серьезных осложнений в отношениях Тайваня с администрацией Рейгана.

К 1986 году лига потеряла некоторых из своих преданных друзей в лице латиноамериканских правительств, поскольку демократические выборы в Уругвае, Аргентине, Гватемале и Боливии положили конец правлению военных. Некоторые из наиболее верных союзников лиги не только потеряли свои посты, но и столкнулись с тяжелыми временами. Например, аргентинский диктатор генерал Хорхе Рафаэль Видела, который с таким торжеством исполнял функции председателя Латиноамериканской антикоммунистической конференции, состоявшейся в 1980 году в Буэнос-Айресе, сейчас отбывает пожизненное тюремное заключение за массовые убийства. Беспрецедентный суд, организованный гражданским правительством Альфонсина, явился драматическим осуждением военного антикоммунистического правления 70-х годов, развязанного им террора и „грязной войны“, которая позднее была перенесена в Сальвадор и Гондурас.

Однако убийства в Центральной Америке продолжались. Формально нейтральная Коста-Рика занимала все более воинственную позицию по отношению к сандинистской Никарагуа, и этот политический сдвиг находил твердую поддержку у

администрации Рейгана и Всемирной антикоммунистической лиги. Гондурас продолжал оставаться основным плацдармом для „контрас“, операции которых значительно расширились благодаря в основном помощи со стороны ВАКЛ. КАУЗА — этот антикоммунистический политический инструмент „унификационной церкви“ преподобного Муна — все еще не закрыл свой офис в гондурасской столице. Духовный отец получил возможность играть более активную роль в делах КАУЗА и других организаций церкви, после того как в августе 1985 года он был освобожден из американской тюрьмы, где отбывал годичный срок за уклонение от уплаты налогов.

Осенью 1985 года в Гватемале возросло число преступлений, совершенных находившимися под покровительством правительства „эскадронами смерти“. Объяснить это можно двумя причинами: расширением театра действий партизанских сил и приближением всеобщих выборов. Вездесущий Марио Сандоваль Аларкон снова выдвинул свою кандидатуру на пост президента, как и его давнишний протезе Леонел Синегга Отеро. Однако в декабре 1985 года победу на выборах одержал кандидат либеральных христианских демократов Винисио Сересо Аревало.

Летом 1985 года правительство Сальвадора приступило к осуществлению амбициозной программы „психологической войны“, надеясь подорвать моральный дух партизан и отпугнуть от них гражданское население. Руководившие кампанией старшие армейские офицеры открыто высказывали похвалу в адрес Тайваня за переданный им опыт.

„Мы заимствовали у Тайваня несколько моделей, — заявил в июле 1985 года одному из авторов книги подполковник Хосе Рикардо Фуэнтес, — и обнаружили, что тайваньские концепции политической войны подходят нам наилучшим образом“.

В мае 1985 года в Сан-Сальвадоре собралась конференция представителей правых организаций. Присутствовавшие на ней многие члены Всемирной антикоммунистической лиги сосредоточили свое внимание на изучении возможностей привлечения гражданского населения региона к борьбе с коммунизмом. В „Декларации Сан-Сальвадора“ говорилось:

„Целью является усиление гражданского и военного союза стран Центральной Америки. Задача состоит в том, чтобы сформировать боеспособные силы, могущие вести борьбу за ликвидацию в регионе всех форм коммунистической угрозы“.

В числе подписавших эту декларацию были глава костариканского отделения ВАКЛ Бернал Урбина Пинто, несколько бывших членов Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации, ряд антикастровских кубинских эми-

грантов, представителей повстанческих групп из Анголы и Никарагуа. От имени Совета США за всемирную свободу и Джона Синглауба декларацию скрепил своей подписью член американского отделения ВАКЛ Энтони Баускарен.

Вероятно, наиболее красноречивым оратором на конференции был представитель Гватемалы Леонел Сиснега Отеро.

„Мы собирались много раз в различных местах. Данное совещание вносит в ситуацию коренные изменения: оно заложило общие основы для организации борьбы с коммунизмом. Да здравствует всемирный антикоммунизм!“

В октябре 1985 года Роберто Д'Обюссон объявил о своей отставке с поста председателя партии Националистический республиканский союз (АРЕНА). Хотя, по словам знающих его лиц, „майор Боб“ фактически остается „сильным человеком“, формально на его место поставили бизнесмена, не запятнавшего свою репутацию характерными для Д'Обюссона постыдными поступками. Бывший шеф разведки объявил о своем намерении уехать в провинцию и возглавить там новый политический институт, где будут обучать партийные кадры „всему, что я узнал на Тайване“. Одновременно Д'Обюссон вновь обратился за поддержкой к Всемирной антикоммунистической лиге.

„Я хотел бы посмотреть, можем ли мы восстановить активность Латиноамериканской антикоммунистической конфедерации. Это очень необходимо, — заявил Роберто Д'Обюссон в октябре 1985 года, — и я хочу попытаться организовать ее сальвадорское отделение. Сейчас у меня для этого есть время. Я также хочу выяснить, не сможем ли мы совершить поездку в штаб-квартиру Всемирной антикоммунистической лиги на Тайване“.

Несмотря на настойчивые попытки создать новый образ лиги, несмотря на наличие у лиги новых друзей — филантропов из Техаса и влиятельных союзников из Вашингтона, она, кажется, не может порвать связи с теми, кто кровью запятнал ее репутацию. И случай с Д'Обюссоном весьма характерен.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	11
Глава I. Убийство на улице Атока	18
Глава II. Они сотрудничали с нацистами	25
Глава III. Тени прошлого	42
Глава IV. Диктаторы за работой	58
Глава V. Японские гангстеры с ампутированными мизинцами	71
Глава VI. Мексиканские „текос“	82
Глава VII. В болоте фанатизма	92
Глава VIII. Лидер американского отделения лиги	102
Глава IX. С глобальным размахом	113
Глава X. За кулисами „церкви единения“	124
Глава XI. „Нетрадиционный метод ведения войны“	133
Глава XII. Любими средствами	140
Глава XIII. Ультраправые	152
Глава XIV. Гватемальский „крестный отец“	164
Глава XV. „Эскадроны смерти“	188
Глава XVI. „Контрас“	217
Глава XVII. Темная история	243
Глава XVIII. В новой роли	252
Глава XIX. Хамелеон	261
Заключение	266

**Скотт Андерсон,
Йон Ли Андерсон**

ТАЙНЫ „ЧЕРНОЙ ЛИГИ“

Перевод В. Звонова

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*

Редактор *Е. А. Сакович*

Младший редактор *Г. С. Пружинин*

Художник *Б. Г. Попов*

Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*

Технический редактор *Е. Ю. Куликова*

ИБ № 7471

Сдано в набор 20.09.89. Подписано в печать 14.12.89. Формат 84 X 108^{1/32}. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура „Универс“.

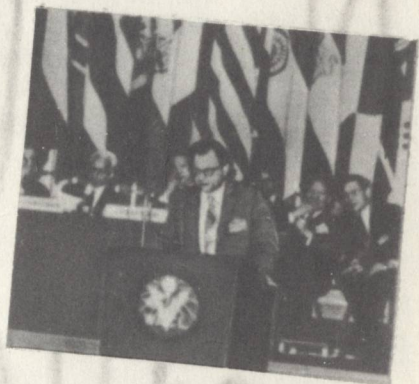
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,70. Усл. кр.-отт. 15,75. Уч.-изд. л. 17,15. Тираж 100 000 экз. Заказ № 223. Цена 80 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Текст набран в издательстве на наборно-печатающих автоматах.

Ордена Ленина типография „Красный пролетарий“.

103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

80 коп.

